

Э. Дж. Ваггонер

ЯЗЫЧЕСТВО В «ХРИСТИАНСТВЕ»

«Обращайтесь к закону и откровению. Если они не говорят, как это слово, то нет в них света» (Ис. 8:20)

От издателей

Настоящая книга посвящена исследованию некоторых распространённых богословских взглядов, сформировавшихся на основании трудов Отцов Церкви, в сравнении с библейским текстом. Труды Отцов Церкви не могут рассматриваться как безошибочный источник истины. Они, как и все люди, подвержены влиянию исторического контекста, философских идей своего времени и личных интерпретаций.

Мы считаем важным подчеркнуть, что Священное Писание остаётся единственным непогрешимым авторитетом в вопросах веры и жизни. Цель этой книги — показать необходимость возвращения к первоисточнику, к Божьему Слову, как к абсолютному стандарту истины.

Пусть это издание послужит читателю к укреплению веры, к более глубокому исследованию Библии и к осознанию важности разделения человеческих традиций от Божьего откровения.

Перевод книги с английского языка, богословская экспертиза, а также введение дополнительных редакторских вставок (*ред.*) и исторических данных в ссылках, выполнены группой «Вестники».

В данной книге при цитировании текстов Священного Писания использовался синодальный перевод Священного Писания на русский язык.

Оглавление

ГЛАВА I. Языческий мир	10
ГЛАВА II. Языческая философия	27
ГЛАВА III. Апостольская церковь.....	42
ГЛАВА IV. Отцы церкви	52
Они использовали ложь в своих спорах.....	60
Причуды Отцов.....	65
«Апостольские Мужи».....	67
ГЛАВА V. «Послание Варнавы».....	69
ГЛАВА VI. Ерма и Климент.....	77
Послание Климента.....	84
ГЛАВА VII. Послания Игнатия.....	88
ГЛАВА VIII. «Учение апостолов»	103
ГЛАВА IX. Иринея	114
ГЛАВА X. Иустин Мученик.....	133
ГЛАВА XI. Климент Александрийский	150
ГЛАВА XII. Тертуллиан	167
ГЛАВА XIII. Ориген	196
ГЛАВА XIV. Великое отступничество.....	219
Языческие и Католические мистерии (таинства)	226
Извращение таинства Крещения.....	231
Крестное знамение и его начертание.....	239
Учение о чистилище и молитвы за умерших.....	245
Безнравственность в Церкви	249
Почитание мощей и мучеников	258
Воскресенье и Рождество	263
Поклонение солнцу и воскресенье.....	274
Рост папского представительства	298
ГЛАВА XV. Дополнение	314
Истинный и неизменный субботний день.....	314
Апостолы и первый день недели.....	318
Крещение в ранней церкви	323
Биографические заметки.....	327

Предисловие

Эта книга – результат некоторых выдержек, которые я переписал в карманный блокнот несколько лет назад, подумав, что часто бывает удобно иметь под рукой точные слова нескольких надежных историков, касающиеся Отцов и их деятельности, когда сами истории могут быть недоступны. Вскоре мне пришло в голову, что нечто подобное будет полезно и для других, тем более что к Отцам обращаются все чаще и чаще, а большинство, и даже священнослужители, не всегда могут иметь доступ к их трудам. Поэтому выдержки из них были сделаны в более широком масштабе и сведены воедино, в результате чего и появилась эта книга, представляющая собой краткое изложение истории возникновения антихристианской структуры под названием папство, построенной на фундаменте так называемых Отцов, главным краеугольным камнем которого стал языческий философ Платон.

Если необходимо какое-то извинение за снятие покрыва святости, некогда наброшенного на раннюю церковь в целом, я приведу его словами преподобного Ральфа Эмерсона, доктора философии, в течение некоторого времени профессора церковной истории в Андоверской духовной семинарии: «Тот факт, что в церкви распространялась смертельная лож некоторыми людьми и в нее верили многие, сам по себе является важнейшей исторической истиной; и замалчивание этой истины вместо того, чтобы быть достоинством, является ошибкой, которая должна скорее окрасить щеки и поджигать совесть скромного и честного историка. Это не что иное, как молчаливое повторение преступления благочестивых мошенников, которое так глубоко запятнало не только языческую мораль, но и ранний, хотя и не первобытный, характер церкви».

В той же статье, посвященной «Ранней истории монашества»¹, говоря о политике сокрытия подобных вещей, он отмечает: «Эта недалёковидная и мирская политика, столь распространенная

¹ Bibliotheca Sacra, май, 1844 г.

в последние годы среди неосторожных протестантских церквей, на самом деле является политикой самого романизма. Романисты утверждают, что полное и бесстрашное раскрытие преступлений и ошибок хороших людей в Библии будет опасно для добродетели народа и унизит саму религию в народной оценке. Поэтому они скрывают эту хорошую книгу. И поэтому протестанты опасаются, что невдохновенные разоблачения более поздних преступлений и безрассудств в церкви могут иметь подобный эффект. Такие люди, как замечательный Милнер, один век назад не знали, к какому кризису они готовят церковь, замалчивая или приукрашая наиболее отвратительные черты ее ранней истории. Сам сатана не мог бы побудить таких людей оказать ему столь великую услугу иным способом. Он не только отец лжи, но и величайший подавитель осознания этой лжи, когда эта ложь обнаруживается; и для этого он приходит к добрым людям в облике ангела света и как величайший друг церкви, который кажется таким милосердным по отношению к человеку и верным по отношению к Богу и делает их своими помощниками, преданными в его деле. И тогда, если мы предположим, что он обладает властью, то, что может сделать враг Церкви лучшего для своего дела, чем просто предложить ее защитникам смотреть на ее раннее состояние, как на почти безупречное, и бесстрашно следовать по ее гибельным стопам?».

Эта книга предназначена прежде всего для тех, у кого нет ни времени, ни средств для глубокого изучения истории церкви, а также для странствующих служителей и библейских работников, которые, даже будучи хорошо начитанными, не могут иметь при себе богословскую библиотеку, из которой можно было бы почерпнуть сведения в нужный момент. Также есть надежда, что эта работа послужит стимулом для систематического изучения истории церкви и поможет некоторым в этом. Не исключено, что группировка тем может натолкнуть на новые идеи даже тех, кто прочитал всю историю ранней Церкви. Действительно, книга носит в основном рекомендательный характер; наиболее исчерпывающей является глава «Поклонение солнцу и воскресенье». История

повторяется, и только тот, кто знает ход ошибок в прошлом, может быть начеку против их коварных проявлений в будущем.

Для того чтобы участник любой полемики, пользующийся этой книгой, мог чувствовать себя так же уверенно, как если бы у него были оригинальные работы, была проведена тщательная проверка исторических ссылок. Тем не менее, непогрешимость не свойственна ни автору, ни корректорам, и если кто-то обнаружит ошибку в какой-либо ссылке, я сочту за благо сообщить об этом (*ред.: в данном случае переводчикам и проводившим историко-богословскую экспертизу книги*). В приложении приведены краткие биографические очерки некоторых людей, из трудов которых были сделаны выписки. Вероятно, это дополнение будет полезно для тех, кто будет пользоваться книгой.

Не забуду отметить заслуги моих друзей, старейшин Э. У. Фарнsworthа, У. К. Уайта и А. Т. Джонса, которые прочитали книгу в рукописи и внесли ценные предложения.

И теперь книга отправляется в путь с молитвами автора о том, чтобы она помогла многим увидеть глупость человеческой мудрости и побудила их еще выше, чем прежде, ценить неизменное Слово Божие, единственное, способное сделать их мудрыми ко спасению.

Э. Дж. Ваггонер. Окленд, Калифорния, 5 августа 1888 г.

ГЛАВА I. Языческий мир

Для того чтобы понять, какие опасности подстерегали первых христиан, необходимо знать состояние языческого мира во времена Христа и Его апостолов, ведь именно язычники в основном и принимали христианство. Если мы знаем, каких верований придерживались люди и к каким обычаям они пристрастились до своего обращения, мы можем легко определить, какие заблуждения они, скорее всего, примут, если хоть в какой-то степени отступят от веры; и мы также узнаем, каково будет состояние церкви, если значительное число ее прихожан обратятся в веру только формально.

В первой главе Послания к Римлянам апостол Павел дает краткое, но исчерпывающее, представление о состоянии нравов среди язычников и о том, какими путями они достигли той глубины деградации, о которой здесь говорится. Прежде всего он обращает внимание на то, что когда-то люди знали Бога². Из пятикнижия Моисея мы узнаем то же самое. Мы знаем, что в годы, последовавшие за сотворением мира и потопом, все жители земли имели знание об истинном Боге. Адам и Ной – два отца рода человеческого – служили Господу и, конечно, должны были учить своих детей о Нем и о Его требованиях. Поэтому не может быть оправдания всеобщему отступничеству, которое царило впоследствии.

Даже если бы не было этого устного учения, не было бы оправдания отвратительному идолопоклонству и невежеству по отношению к Богу, характерному почти для всех жителей земли, поскольку сама природа открывает не только существование, но и могущество Бога. Говоря о язычниках, Павел указывает на справедливость Бога, изливающего на них Свой гнев: «Ибо, что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им»³. Следующий стих рассказывает о том, как Бог явил им Себя: «Ибо

² Рим. 1:21

³ Рим. 1:19

невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны»⁴. Более того, тот же апостол говорит нам, что Бог «не переставал свидетельствовать о Себе благодеяниями, подавая нам с неба дожди и времена плодоносные и исполняя пищею и веселием сердца наши»⁵. Псалмопевец также говорит нам, что «Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь»⁶. Природа так ясно говорит о существовании Бога, что того, кто даже мысленно говорит: «Нет Бога», справедливо можно назвать глупцом⁷. О таком человеке можно сказать, что он не знает, что такое истинное «знание».

Тем не менее, факт остается фактом: народы действительно забыли Бога, и в Рим. 1:22-32 дано точное описание их состояния в результате этого. Правдивость этого описания подтверждается самими язычниками. Они обожествляли самых распутных мужчин и женщин и поклонялись пороку, а не добродетели. Их боги были мужчинами и женщинами, а мифология, т.е. история богов, представляет собой не что иное, как летопись разврата. Ваал и Ашторет (*ред.: Астарта*) ханаанеев были Юпитером и Венерой римлян и греков, и у каждого языческого народа были соответствующие им боги. Храмы, воздвигнутые им, были великолепными публичными домами, а их жрицы – проститутками. Разврат не просто разрешался, а предписывался как религиозный акт. У вавилонян говорилось, что «хотя бы раз в жизни каждая женщина была обязана стать проституткой в храме Бэла»⁸. Язычество «превратило похоть в религию, а поклонение своим богам – в школу порока, проникавшего во все слои общества».

Поскольку наша цель – не просто изложить свою точку зрения, а обосновать ее, мы неизменно будем приводить цитаты из

⁴ Рим. 1:20

⁵ Деян. 14:17

⁶ Пс. 18:2

⁷ Пс. 13:1

⁸ Американская энциклопедия, статья «Вавилон»

авторитетных источников, чтобы читатель мог самостоятельно разобраться в ситуации. Пусть читатель сначала прочтет Рим. 1:18-32, а затем сравнит его с последующими цитатами. Профессор Стюарт в своем «Комментарии к Посланию к римлянам» говорит о двадцать седьмом стихе первой главы: «Свидетельства факта, о котором говорит апостол, настолько многочисленны и известны у языческих писателей, что не нуждаются даже в ссылке на них. У самого Вергилия, “преследующего Вергилия”, как его часто называют, есть “Corydon amabat Alexin” [Коридон, любящий Алексиса], и, похоже, он не чувствует необходимости краснеть за это. Такой факт ставит все дело на первый план. То, что в Афинах и Риме “patosraotia” [содомия] была весьма распространенным и привычным делом, не требует доказательств для тех, кто хоть сколько-нибудь знаком с греческой и латинской классикой, и особенно читал поэтов-любовников. Плутарх рассказывает, что Солон практиковал ее; Диоген Лаэртский говорит то же самое о стойке Зеноне. Стоит ли удивляться, что этот ужасный порок был распространен и в более варварских частях Греции и Римской империи?»).

В языческом культе существовали «мистерии»⁹, к которым допускались только посвященные. Они совершались во внутренних храмах, и, несомненно, о них говорит апостол Павел: «Ибо о том, что они делают тайно, стыдно и говорить»¹⁰. Если то, о чем говорится в 1-й главе Послания к римлянам, совершалось открыто, то какова же должна быть глубина того зла, которое совершалось тайно и о котором стыдно даже говорить? Но надо понимать, что сами язычники не испытывали никакого стыда за свои поступки. Они превозносили их, как то, что приближало их к богам. Чем развратнее они были, тем больше походили на богов, которым поклонялись. Самые ужасные мерзости совершались тайно не из чувства стыда, а чтобы показать, что некоторые из них превзошли простых людей в вопросах «религии». По этому поводу профессор

⁹ Таинства

¹⁰ Еф. 5:12

Стюарт, комментируя Рим. 1:24, говорит: «Обвинение состоит в том, что, отступив от истинного Бога и предавшись поклонению идолам, они в то же время были преданными рабами похоти, которая, как кажется, здесь также косвенно указывается в качестве причины или основания их отступничества. Кроме того, всем известно, что почти во всех формах язычества нечистота прямо или косвенно служила исполнению так называемых религиозных обязанностей. Вспомним шокирующий закон вавилонян, согласно которому каждая женщина должна была хотя бы раз быть проституткой перед святилищем своей Венеры. Нет нужды говорить о том, что подобные обряды практиковали и поклоняющиеся Венере в Греции и Риме, а языческие мистерии, о которых, по словам Павла, “стыдно даже говорить”, допускали еще большую свободу потворства этому. Нет необходимости описывать непристойные и кровавые обряды, практикуемые в Индостане, на Южном море и Сандвичевых островах, да и в целом у язычников. Политеизм и идолопоклонство почти всегда были религией непристойности и крови».

Подводя итоги, Павел говорит, что они были «исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы»¹¹. И в довершение всего он добавляет, что они не только делали эти вещи, но и получали удовольствие от тех, кто их делал. Ничто не может превзойти подобную испорченность. Как говорит профессор Стюарт: «Часто бывает, что нечестивые люди, чья совесть просветлела, с упреком говорят о других, которые практикуют такие же пороки, каким предаются и они сами. Мало кто из распутных родителей, например, желает, чтобы их дети сохранили тот же характер, что и они сами. Но когда мы видим, как в некоторых случаях такие родители одобряют и поощряют своих детей совершать порочные поступки, мы справедливо считаем это свидетельством высочайшей степени

¹¹ Рим. 1:29-31

развращенности». «Именно в такой развращенности апостол обвиняет язычников. И справедливо; ведь даже их философы и самые образованные из них заслуживали такого обвинения. Например, и эпикурейцы, и стоики допускали и защищали “patosraotia” [содомию] и кровосмешение, причисляя эти ужасные преступления к “ἀδιὰφορος”¹² – безразличным вещам»¹³.

Таково было состояние нравов не только низших, необразованных слоев населения, но и философов – тех, кто наставлял молодежь в «добродетели». То, что апостол употребляет выражение «без разума»¹⁴ по отношению к нравственности, а не к интеллекту, можно легко увидеть из следующих цитат:

«Из невежества и неопределенности, которые (как мы видели) преобладали среди некоторых величайших учителей древности в отношении тех фундаментальных истин, которые являются величайшими препятствиями для добродетели и религии, очевидно, что у язычников не было совершенной схемы моральных правил благочестия и хороших манер... Они считали месть не только законной, но и похвальной. Гордость и любовь к народному восхищению (подавление которых является первым принципом истинной добродетели) считались лучшими и величайшими стимулами к добродетели и благородным поступкам; самоубийство рассматривалось как сильнейший признак героизма, а совершившие его люди вместо того, чтобы быть заклеяменными позором, получали похвалу и славу как люди благородного склада ума. Но внутренние поступки души, прелюбодеяние глаз и убийство сердца, не получили должного внимания. Напротив, философы одобряли, как на словах, так и своим примером, самые вопиющие поступки. Так, воровство, как известно, разрешалось и в Египте, и в Спарте; Платон доказывал целесообразность и законность в отдельных случаях оставления детей (*ред.: например, в лесу, где они умерли бы от холода, или голода, или бы были съедены зверями, или их*

¹² Адиафора

¹³ Комментарий к Рим. 1:32

¹⁴ Перевод с английского

подобрал бы кто-то бездетный); Аристотель – аборт. В Спарте Ликург разрешил оставлять младенцев и предавать смерти слабых и несовершеннолетних детей; в Афинах, великой резиденции и рассаднике философов, отношение и обращение к женщинам было как к рабыням; было принято постановление, что “младенцев, которые кажутся искалеченными, следует либо убивать, либо оставлять”; “афиняне могли на законных основаниях вторгаться и поработать любой народ, который, по их мнению, годился бы для рабства”. Позорная торговля человеческой кровью была разрешена до предела, а в некоторых случаях владельцы рабов имели полное право их убивать. Обычная брань одобрялась если не предписаниями, то примером лучших моралистов из числа языческих философов, в частности Сократа, Платона, Сенеки и императора Юлиана... Удовлетворение чувственных appetitov и самых неестественных похотей открыто преподавалось и разрешалось. Аристипп утверждал, что для мудрого человека законно красть, прелюбодействовать и святотатствовать, если представится возможность; ибо ни одно из этих действий не является злом по природе, отбросив вульгарное мнение, привнесенное глупыми и неграмотными людьми; и что мудрый человек может публично удовлетворять свои похотливые наклонности.

Истина была малозначима среди многих, даже самых лучших язычников; ведь они учили, что во многих случаях ложь предпочтительнее самой истины! К этому можно добавить, что неограниченное удовлетворение чувственных appetitov и совершенные чудовищные преступления было распространено даже среди самых выдающихся учителей философии и практиковалось даже самим Сократом... “Самые отвязленные пороки, – говорит Квинтилиан¹⁵ о философах своего времени, – скрываются под этим именем; и они не стараются поддерживать характер философов добродетелью и учебой, но скрывают самую порочную жизнь под строгим видом и необычностью одежды”»¹⁶.

¹⁵ Марк Фабий Квинтилиан – римский ритор, поэт, адвокат, писатель

¹⁶ Horne's Introduction, vol. 1, chap. 1. 1

В подтверждение о том, что философы поощряли ложь, доктор Уитби собрал множество изречений самых выдающихся языческих мудрецов, из которых доктор Хорн приводит следующие:

«Ложь лучше, чем обидная правда»¹⁷.

«Добро лучше правды»¹⁸.

«Когда говорить ложь выгодно, пусть ее говорят»¹⁹.

«Тот может солгать, кто знает, как это сделать в подходящее время»²⁰.

«В правде нет ничего приличного, кроме выгоды; да, иногда правда вредит, а ложь выгодна людям»²¹.

Историк Мосхайм говорит о времени, предшествовавшем введению христианства: «Жизнь людей всех сословий, от высших до низших, была поглощена практикой самых отвратительных и вопиющих пороков; даже преступления, ужасная мерзость которых была такова, что было бы оскорбительно называть их, совершались открыто и безнаказанно»²².

Несмотря на неприятный характер этой темы, мы все же продолжим ее, так как нам совершенно необходимо понять, что порок и безнравственность царили повсюду. Говоря о домашней жизни язычников, доктор Филипп Шафф в своей книге «История христианской церкви» (т. 1, с. 91) отмечает: «Моногамия²³ была правилом, как в Греции, так и в Риме, но не исключала незаконных связей. Конкубинат²⁴, в его правильном юридическом смысле, был своего рода вторичным браком с женщиной подневольного или плебейского происхождения, стоящей ниже достоинства матери

¹⁷ Менандр – древнегреческий комедиограф, крупнейший мастер новоаттической комедии

¹⁸ Прокл Диадох – античный философ-неоплатоник, руководитель Платоновской Академии

¹⁹ Дарий, по словам Геродота, lib.iii, с. 62

²⁰ Афинский философ классического периода Древней Греции

²¹ Максимус Тирский – греческий ритор и философ-платоник

²² Historical Commentaries, vol. 1, chap. 1, sec.21, of Introduction

²³ Единобрачие

²⁴ Сожительство

семейства и выше позорного статуса проститутки. Этот брак был санкционирован и регламентирован законом; он преобладал как на Востоке, так и на Западе с эпохи Августа до X века, и был предпочтен обычному браку Веспасианом и двумя Антонинами, лучшими римскими императорами. Прелюбодеяние сурово каралось, иногда даже внезапным уничтожением преступника, но просто как посягательство на права и собственность свободного человека. Жена не имела ни юридической, ни социальной защиты от неверности мужа. Римляне поклонялись своеобразной богине домашнего очага, но ее имя – Вириплака, умиротворяющая мужей, – говорит о ее пристрастности. Кроме того, следует помнить, что связь мужа с рабынями своего дома и с публичными проститутками исключалась из сферы наказания за прелюбодеяние... Однако женщины, по всей видимости, были не менее развращены, чем их мужья, по крайней мере, в императорскую эпоху. Ювенал называет целомудренную жену “*rara avis in terris*” [редкой птицей на земле]. При Августе уже нельзя было найти свободнорожденных дочерей для служения Весте²⁵, и даже самые суровые законы Домициана не смогли помешать шести жрицам девственной богини нарушить свой обет. Считается, что в древние времена Римской республики разводы почти не практиковались. Но обычные гражданские и религиозные обряды брака постепенно перестали использоваться, нескрываемая совместная жизнь между людьми одинакового положения стала считаться достаточным доказательством их брака, и после императора Августа брак опустился до уровня любого партнерства, которое могло быть расторгнуто отречением одного из участников».

Если у вдумчивого читателя эти высказывания невольно вызывают мысли о распущенном состоянии общества в наше время, то в этом нет ничего удивительного. Последние дни, сказал Спаситель, будут подобны дням перед потопом, когда люди «брали [их] себе в жены, какую кто избрал»²⁶; и, если учесть, с какой

²⁵ Богиня, покровительница семейного очага и жертвенного огня в Древнем Риме. Служили ей девственницы

²⁶ Быт. 6:2

легкостью сегодня можно получить развод, какое удовольствие доставляет чтение подробностей скандалов, как утверждает пресса, и с какой готовностью людей, отличающихся развратом, принимают в «хорошем обществе», мы увидим убедительные доказательства того, что конец уже близок.

Мы уже говорили, что чем развратнее были люди, тем больше они походили на богов, которым поклонялись. Несколько цитат, касающихся религии язычества, позволят нам еще глубже понять нравы этого народа. Историк Шафф говорит: «Как могло сложиться правильное представление и отвращение ко греху разврата и прелюбодеяния, если считалось, что сами боги, Юпитер, Марс и Венера, совершали эти преступления? Скромность не позволяет упоминать о еще более гнусном пороке, который даже развращенная природа не приемлет, но который, тем не менее, свободно обсуждался и восхвалялся древними поэтами и философами, не подвергался ни наказанию, ни позору, а также получил божественное одобрение на примере распутного поведения Юпитера с Ганимедом»²⁷.

Другой автор говорит: «Религия язычества дает хорошие всходы на почве падшей человеческой природы, затемняет первоначальное сознание Бога, обожествляет разумное и неразумное существо и представляет собой соответствующее разложение нравственного чувства, заставляющее религию поощрять естественные и противоестественные пороки. Своими браками боги вовлечены в вечные ссоры и ревность. Хотя их называют святыми и справедливыми, они полны зависти и гнева, ненависти и похоти, и провоцируют друг друга на ложь и жестокость, лжесвидетельство и прелюбодеяние»²⁸.

При такой природе богов нельзя ожидать, что религия язычников могла обладать каким-либо высоким моральным уровнем. Историк Гиббон говорит: «Набожность язычников была совместима с самым разнузданным скептицизмом. Вместо

²⁷ История Церкви, т. 1, с. 91

²⁸ McClintock and Strong's Cyclopeda, art. Heathen

неделимой и закономерной системы, занимающей весь объем сознания верующего, мифология греков состояла из тысячи свободных и гибких частей, и служитель богов был волен сам определять степень и меру своей религиозной веры»²⁹.

Тот же автор в двенадцатом параграфе упомянутой выше главы, говоря о попытках императора Юлиана восстановить древнее поклонение богам, характеризует его как «религию, лишенную богословских принципов, нравственных предписаний и церковной дисциплины».

В согласии с приведенной цитатой профессор Ворман говорит: «Политеизм всегда был религией простого церемониала, не связанной ни с каким нравственным законом. Поэтому самый религиозный человек в смысле политеизма мог быть бесстыдным распутником, подражающим богам, которым он приносил жертвы, в их известной разнузданности, и виновным (как Сократ) в преступлениях, против которых восстает даже природа»³⁰.

Историк Мосхайм во введении к своим «Историческим комментариям» дает нам представление о своеобразной религии каждого из различных народов и, подводя итог, говорит: «Ни одна из этих различных религиозных систем, по-видимому, ни в малейшей степени не способствовала изменению моральных принципов, реформации нравов, привитию любви или даже уважения к добродетели в каком-либо виде. Боги и богини, которые служили предметом обожания простых людей, вместо того, чтобы являть собой примеры утонченной и превосходной добродетели, проявляющейся в выдающихся поступках, представляли перед публикой как авторы самых вопиющих и чудовищных преступлений. Жрецы также не проявляли никакого интереса к регулированию общественной морали, не направляли людей своими наставлениями, не призывали их увещаниями и примерами к мудрому и благородному образу жизни, но, напротив, предавались

²⁹ Decline and Fall of the Roman Empire, chap. 23, paragraph 3

³⁰ McClintock and Strong, art. Paganism

самой неоправданной распущенности, утверждая, что вся религия заключалась в обрядах и церемониях, установленных их предками, и что все виды чувственного удовлетворения были свободно разрешены богами тем, кто регулярно служил им таким образом»³¹.

Хотя каждый народ имел своих собственных богов, боги всех других народов пользовались уважением, а поклонение им было терпимым. Об этом говорит Гиббон: «Различные виды культа, господствовавшие в римском мире, рассматривались народом как одинаково истинные, философом – как одинаково ложные, а магистратом – как одинаково полезные»³².

Если на эти высказывания возразить тем, что иудеи и христиане часто подвергались жестоким гонениям, а их религия запрещалась, то на это можно ответить, что поклонники истинного Бога ненавидели языческое поклонение и не допускали его ни в каком виде. Не довольствуясь тайным поклонением Богу, они (особенно христиане) учили народ, что «делаемые руками человеческими не суть боги». Действительно, простое поклонение Иегове было постоянным упреком развратному служению идолопоклонников. Но идолопоклонство было государственной религией, и все, кто выступал против нее, рассматривались как заговорщики против власти. Преследуя христиан, императоры считали, что воюют не против религии, а против предательского фанатизма. Только идолопоклонство считалось религией, а иудеи и христиане преследовались как зачинщики государственной измены.

По этому поводу историк Неандер говорит следующее: «Все древние религии были национальными и государственными, что особенно характерно для римлян, у которых политическая точка зрения преобладала во всем, не исключая и религию. Публичное отступничество граждан от государственной религии и введение чужой или новой, не узаконенной государством религии (*religio illícita*), рассматривалось как государственная измена. В этом свете

³¹ Глава 1, параграф 20

³² Глава 2, параграф 2

рассматривалось обращение римских граждан или подданных в христианство. «Ваша религия незаконна» (*non licet esse vos*), – так обычно упрекали христиан, не касаясь сути их религии»³³.

Кроме того, тот факт, что поклонение Иегове, если бы оно было терпимым, сдерживало бы свободное потворство их страстям, послужил дополнительным стимулом для рвения языческих гонителей.

Следующая цитата имеет весьма важное значение для нашего дальнейшего исследования. Говоря о жертвоприношениях и других обрядах язычников, Мосхайм отмечает: «О молитвах язычников, независимо от того, рассматриваем ли мы их суть или способ выражения, невозможно говорить положительно; они не только лишены всего, что связано с духом истинного благочестия, но иногда были произнесены специально для того, чтобы получить благосклонность Небес к самым отвратительным и вопиющим действиям. На самом деле, бóльшая часть их религиозных обрядов носила абсурдный и нелепый характер, а во многих случаях имела оттенок самого позорного варварства и непристойности. Их праздники и другие торжественные дни были осквернены разнузданным потворством всем видам разврата, и в этих случаях им не возбранялось даже превращать священные обители своих богов в места гнусных, и звериных утех»³⁴.

Если даже религия, которую исповедуют люди, усугубляет их природную испорченность, чего же хорошего можно от них ожидать? Ни один человек не может полностью понять, что такое нечестие; человек, не имевший опыта в таких унижительных формах греха, не способен понять, как можно опуститься так низко; а у человека, опустившегося в эти глубины порока, нравственное чувство настолько притупилось, что грех уже не кажется грехом. Мы могли бы процитировать еще много страниц подобной информации, но мы не хотим изводить ум читателя больше, чем это действительно необходимо, чтобы показать ему состояние мира,

³³ Memorials of Christian Life, chap. 3, paragraph 2

³⁴ Historical Commentaries, Introduction, chap. 1, sec. 11

в который апостолы были посланы, как овцы среди волков. В качестве примера вырождения древних язычников, а также того, как грех может вытравить из сердца всякое истинное представление о добре и зле, можно привести следующее: «Одним из самых грозных препятствий, с которым сталкивались христианские миссионеры при преподавании язычникам учений и заповедей Евангелия, было отсутствие в их языках духовной и этической терминологии. Напрасно религиозные учителя представляли народу доктринальную или этическую системы, прививавшие добродетели и обращавшиеся к способностям, существование которых не признавал его язык, а значит, и сознательное самопознание народа. Греки и римляне, например, имели четкое представление о нравственном идеале, но христианская идея греха была совершенно неизвестна языческому сознанию. Порок они считали просто расслабленной энергией воли, поддающейся соблазнам чувственного удовольствия, а добродетель, буквально мужественность, – это решительность духа, мужество и сила, с которыми он противостоит таким соблазнам. Но идея святости и противоположная ей идея греха были настолько чужды языческому разуму, что их невозможно было выразить ни на одном из классических языков древности»³⁵.

В заключение этой части темы мы приводим некоторые выдержки из великого труда доктора Альфреда Эдершейма «Жизнь и времена Иисуса Мессии». В нем он замечательно изобразил состояние римского мира во времена Христа. Говоря о городе Риме, владычице мира, он пишет: «Из двух миллионов населения почти половину составляли рабы, а остальная часть, причем большая, – вольноотпущенники и их потомки, либо иностранцы. Каждый класс вносил свою лепту в общий упадок. Рабство было даже не таким, каким мы его знаем: это было сосредоточение жестокости и угнетения с одной стороны, и коварства и разврата – с другой. Как никакая другая причина, оно способствовало разрушению римского общества. Вольноотпущенники, которые очень часто приобретали

³⁵ William Matthews, LL.D., in «Words; Their Use and Abuse», pp. 70,71

свою свободу самыми неблаговидными путями и преуспевали в этом, бесстыдно соединяли пороки свободных людей с подлостью рабов. Иностранцы, особенно греки и сирийцы, заполонившие город, принесли с собой моральное разложение, которое отравляло источники жизни. Свободные граждане были праздными, расточительными, погрязшими в разврате, их главными мыслями были театр и арена, и содержались они в основном за государственный счет. Если даже во времена Августа более двухсот тысяч человек содержались за счет государства, то все то, что осталось от старого римского рода, быстро разлагалось, отчасти из-за разврата, но главным образом из-за повышения уровня безбрачия и мерзостей, которых лучше не называть, в том, что осталось от семейной жизни»³⁶.

И снова в той же главе он говорит: «Не проследивая различные фазы античной мысли, можно в целом сказать, что, по крайней мере, в Риме вопрос стоял между стоицизмом и эпикурейством. Один из них льстил гордыне, другой удовлетворял чувственности; один соответствовал первоначальному национальному характеру, другой – его позднему упадку и разложению. Оба в конечном итоге привели к атеизму и отчаянию: один – обратив все высшие стремления к себе, другой – погасив их в наслаждении моментом; один – сделав своим идеалом угасание всех чувств и самообожествление, другой – потакание всем страстям и поклонение материи и идеалам».

Наконец, из той же главы, из которой взято вышеизложенное, мы приводим следующую цитату: «Рим терпимо относился ко всем национальным обрядам и, более того, вобрал их в себя. Но среди населения религия докатилась до жалких суеверий. На Востоке большая ее часть состояла из самых мерзких обрядов, а среди философов все религии считались одинаково ложными или одинаково истинными, но все же результатом невежества или же бессознательными видоизменениями какой-то одной фундаментальной мысли. Единственной религией, на которой настаивало

³⁶ Vol. 1, book 2, chap. 2

государство, было обожествление и поклонение императору. Такая линия поведения достигла почти невероятного развития. Вскоре обожествлялись не только императоры, но и их жены, любовницы, дети, порочные порождения их похоти; более того, любой человек мог достичь этого отличия, если он обладал достаточными средствами. Ко всему этому примешивалось все большее количество суеверий, под которыми некоторые понимали поклонение чужим богам, а большинство – существование страха в религии. Древняя римская религия давно уступила место чужеземным обрядам, и чем загадочнее и непонятнее они выглядели, тем заманчивее были. Именно поэтому иудаизм привлек в Риме новообращенных; главной причиной его популярности для многих стал его контраст со старым вероучением и неизвестные возможности, которые открывали его, казалось бы, невероятные доктрины. Среди наиболее отвратительных проявлений всеобщего религиозного упадка можно назвать молитвы о смерти богатого родственника или даже об удовлетворении противоестественных похотей, а также ужасные богохульства, когда такие молитвы оставались без ответа. Мы можем сравнить дух Ветхого и Нового Заветов с такими словами на могиле ребенка: “Несправедливым богам, лишившим меня жизни” или на могиле двадцатилетней девушки: “Я поднимаю руки против бога, который забрал меня, невинную”.

Не стоит описывать, как далеко зашло поклонение непристойностям, как общественная мораль была развращена подражанием всему мерзкому и даже потворством порочному искусству. Олицетворение богов, оракулы, гадания, сны, астрология, магия, некромантия, теургия³⁷ – все это способствовало общему упадку. Справедливо отмечается, что концепция совести, как мы ее понимаем, была неизвестна язычеству. Не существовало ничего абсолютно правильного. Кто был сильнее, тот и прав. Социальные отношения демонстрировали, если можно так выразиться, еще более глубокое разложение. Святость брака

³⁷ Магическая практика

исчезла. Всеобщая распущенность привела, в конце концов, к почти полному отказу от брака. Аборты, обнажение и убийство новорожденных детей были терпимы и являлись распространенной практикой; противоестественные пороки, которые даже величайшие философы если и не пропагандировали, то практиковали, достигли масштабов, не поддающихся описанию».

Картина не из приятных, но она лишь в общих чертах отражает моральное состояние мира, когда Христос поручил апостолам проповедовать Евангелие. Мы говорим «моральное состояние мира», потому что весь мир в то время был по сути языческим. Исключение составляли лишь сравнительно немногочисленные иудеи, бóльшая часть которых была развращена умозрениями языческих философов. 23-я глава Евангелия от Матфея показывает, что иудеи как класс были ненамного лучше язычников, которых они презирали. Именно из этого состояния деградации Евангелие пыталось поднять людей; из людей, пристрастившихся к подобным практикам, формировались первые христианские церкви. Когда мы думаем об этом, то вместо того, чтобы удивляться ересям, проникавшим в церковь, и беспорядочному поведению, которое иногда допускалось даже в апостольских церквях (см. 1 Кор. 5:1, 2), мы поражаемся тому, каких высот благочестия достигли многие. Тот факт, что даже среди этой развращенной массы нашлись тысячи людей, готовые отдать не только свое имущество, но и себя для продвижения дела истины и святости, является замечательным памятником возрождающей силы христианства.

Но великие перемены не происходят мгновенно. Даже если человек обращен, он нуждается в наставлении, так как он еще младенец в истине, и этот факт показывает, что старые привычки в мышлении и поведении не могут быть сразу же полностью забыты. Мы не хотим сказать, что обращенному человеку разрешается грешить или иметь оправдание для греха, но прощение грехов – это не освящение; прощенный человек не совершенен, но должен «идти к совершенству», и ему по-прежнему нужен ходатай перед Отцом, чтобы его несовершенства были прощены и преодолены. Люди всегда искушаются по своим природным склонностям; если

новообращенный человек поддается искушению, то он совершает свои старые грехи; и тогда, как это часто бывает, человек присоединяется к церкви, не будучи в истинном смысле полностью обращенным, то, естественным является и то, что его старые привычки остаются неизменными.

Пусть каждый, изучающий историю церкви, помнит об этом и также о том, что было сказано о нравственном состоянии людей, среди которых Евангелие одерживало свои победы, и это прольет свет на многие этапы исповедуемого христианства. Это также не позволит человеку придавать слишком большое значение наставлениям и практике даже самых выдающихся представителей христианской церкви, воспитанных в язычестве. Он всегда будет сравнивать каждый поступок или высказывание этих людей с Библией, чтобы понять, в какой степени их раннее воспитание могло повлиять на их курс или течение жизни.

ГЛАВА II. Языческая философия

В предыдущей главе мы кратко рассмотрели нечестие древнего языческого мира; в этой мы исследуем главную причину этой деградации. В этом исследовании нашим путеводителем по-прежнему должна быть Библия. После того как Павел заявил, что все могут познать Бога по делам Его, он излагает причину слепоты язычников: «Но как они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся»³⁸.

«Обезумели (*ред.: оглупели*)». То есть они утратили то знание о Боге, которым обладали; ибо глупец тот, кто говорит: «Нет Бога». Боги язычников были сделаны ими самими и не имели на них никакого влияния, чтобы удержать их от зла, и поэтому, хотя язычники верили в богов и совершали им поклонения, они вели себя так, как будто Бога не существовало. Глупец не обязательно устами отрицает существование Бога; он может отрицать Бога в своем сердце, а поступки – это язык сердца. Таким образом, в глазах Неба язычники, несмотря на всю их философию, были глупцами. Здесь мы можем напомнить читателю, что эти слова апостола не обязательно относятся только к жителям языческих стран. Если жители так называемых христианских стран, узнав о Боге, не прославляют Его как Бога, а, считая себя мудрыми, прославляют только себя, являются, в библейском смысле, язычниками. И если они будут продолжать в том же духе, то ничто не помешает им погрузиться в те же глубины порока, в каких пребывали древние язычники.

Мы уже говорили, что язычники, несмотря на мудрость своих философов, считались глупцами. Мы должны сказать, что их кажущаяся мудрость была прямой причиной их нелепой деградации.

³⁸ Рим. 1:21-23

Павел говорит: «называя себя мудрыми, обезумели». Для того чтобы показать это, необходимо вкратце рассмотреть древнюю языческую философию. При этом мы возьмем за образец не самый бедный мир, а тот, который, по всеобщему признанию, является наиболее возвышенным по своему уровню. Таким образом, мы избежим обвинения в несправедливости.

Платон – самый выдающийся философ древности. Его считают в некотором смысле отцом философии, поскольку он был первым философом, основавшим школу. Он родился около 427 г. до н.э., а умер около 347 г. до н.э. в возрасте восьмидесяти лет. На двадцатом году жизни он познакомился с Сократом, учеником которого и стал. Платон оставался с Сократом до самой смерти последнего, когда счел необходимым покинуть Афины, чтобы не разделить судьбу своего учителя. Некоторое время он находился в гостях у Евклида в Мегаре, учения которого он в какой-то мере перенял. После нескольких лет скитаний по разным странам он вернулся в Афины, где открыл школу философии. Она располагалась в роще героя Академа, поэтому он назвал ее «Академией», а впоследствии его философская система стала известна как «Академическая философия». После его смерти ему поклонялись как богу, и многие афиняне приносили ему жертвы³⁹.

Хотя считается, что Платон развил и систематизировал философию Сократа и других предшественников, хорошо известно, что у него самого не было настоящей «системы». То есть у него не было твердых принципов истины, по которым он проверял и вокруг которых собирал новые идеи. Профессор Г.Ф. Холмс⁴⁰ отмечает: «В Платоне мало догматического» и «много предварительных, скептических и неопределенных исследований». И снова мы читаем в той же статье: «Очень немногие трактаты Платона носят конструктивный или догматический характер. Почти все они просто негативные (*ред.: отрицательные*) или инквизиторские. Последние

³⁹ Encyc. Brit., art. Academy. См. шестое письмо Сенеки, цитируемое в энциклопедии McClintock and Strong's, статья «Платон»

⁴⁰ McClintock and Strong's Encyc., art. Plato

не стремятся сохранить какую-либо зависимость от первого... Его целью было не создание учения, а стимулирование тщательного исследования, чтобы избавить слушателей от застоя мысли и одержимости вульгарными или вероломными заблуждениями. Он был не идеологом, а исследователем; вернее, он учил необходимости и практике исследования, а не совокупности выводов».

Свидетельство, которое мы приводим, взято из источника, предвзято настроенного, если не в любую сторону, в пользу Платона, поэтому наши читатели могут быть уверены, что мы не поступаем с ним несправедливо. Теперь обратим внимание на приведенный выше абзац. Во-первых, трактаты Платона почти все отрицательные. Во-вторых, нет никакой попытки добиться единообразия. В-третьих, как и следовало ожидать, он не стремился утвердить какое-либо учение, а лишь побуждал к поиску. Мы бы не стали осуждать «стимулирование тщательного исследования», но когда «исследователь» не имеет твердых принципов истины в качестве основы своего исследования, и его исследование не приводит к определенным выводам; когда одна мысль не согласуется с предшествующей и сама противоречит последующей, – мы не можем воспринимать это как что-то серьезное. Очевидно, что такое исследование не приносит пользу; более того, мы можем доказать, что оно даже хуже, чем если бы его вообще не было. Если человек настолько «беспристрастен», что считает все одинаково хорошим, и в то же время не уверен, что хоть что-то хорошо, то он, определенно, ненадежен, и его взгляды не следует принимать. Позиция современных «агностиков» точно такая же, как и у Платона. Действительно, его заслуженно можно назвать «первым великим агностиком», а не «философом». Называя себя философом, что значит «любитель мудрости», он не заявлял, что знает что-либо, и не придерживался ни одной идеи с такой твердостью, чтобы быть готовым нести ответственность за ее распространение. Как пишет цитируемый выше автор: «Он никогда не появляется “in propria persona” [в собственном лице]. Нет ничего,

что связывало бы его перед афинскими дикастериями⁴¹ с каким-либо догматом в его сочинениях. Он постоянно избегает определенного учения, часто порицает письменные наставления, постоянно ссылается на “акушерскую процедуру” и сознательно отказывается от всякой ответственности».

Платон на протяжении нескольких сотен лет оказывал огромное влияние на формирование сознания язычников. Как можно было ожидать, что у них появятся какие-то твердые моральные принципы? Если слепой ведет слепого, не упадут ли они оба в яму? Что же мы скажем, когда узнаем, что многие, называющие себя христианами, считали Платона чуть ли не боговдохновенным и что многие отцы первых веков рассматривали платоновскую философию как предшествующую христианству и даже первостепенную для него? Не должны ли мы заключить, что такое «христианство» будет иметь существенные недостатки? Мы увидим, что так оно и было. В качестве доказательства деморализующего влияния трудов Платона и других философов можно привести состояние церкви в XII-XV веках, когда философия заняла место Библии в богословских школах. Именно против этой душераздирающей «философии» Лютер нанес несколько сильнейших ударов, и, если бы не влияние, которое эта философия приобрела в церкви, то и Реформация не понадобилась бы. Именно в связи с огромным влиянием Платона на христианскую церковь, а также на языческий мир, мы посвящаем отдельное место характеристике его философии. Еще раз процитируем: «То, чем, он занимался, было не только глубоким, но и непостижимым для него; не только таинственным, но и неопределенным. Совершенное непонимание этих вещей им самим отражалось в нечеткости его высказываний. К тому же у него была путеводная звезда, которая часто сбивала его с пути и заводила в хитросплетения. Воображение Платона было управляющей силой его интеллекта, и он слишком далеко следовал его лучам».

«Философия Платона по сути своей мистична и, следовательно, беспредметна; и хотя мистицизм может воспламенить, одухо-

⁴¹ Итальянский термин, обозначающий ведомства Римской курии

творить и усовершенствовать уже одухотворенные и утонченные натуры, он опьяняет и отравляет человека, а также оправдывает волевые отклонения и ставить любое причудливое убеждение на один уровень с подтвержденной истиной»⁴².

Далее мы увидим, что мистика Платона имела именно такой эффект. Невозможно, чтобы мистика оказывала какое-либо положительное влияние; но даже если допустить, что она может «одухотворить и усовершенствовать уже одухотворенные и утонченные натуры» (ненужная задача), она ничего не сможет сделать, поскольку в этом мире таких натур не существует. Что еще нужно для того, чтобы показать, что Платон ни в чем не может быть надежным наставником, кроме утверждения, что главной составляющей его интеллекта было воображение? Конечно, это не может служить достаточно прочным основанием, чтобы возвысить человека до Христа. Но каким бы мистиком ни был Платон, в свое время мы увидим, что его достигли и даже превзошли некоторые из его последователей, которые удостоились звания «отцов христианской церкви».

По мнению Платона, все существующее не создавалось и не контролировалось непосредственно Верховным Божеством. Для управления «чувственной вселенной» (т.е. той ее частью, которая поддается восприятию органами чувств) он создал подчиненное божество и поставил его над природным творением. Этот управляющий дух, или демиург, представлял собой смесь идеального и природного. Мир, по его мнению, не создан из ничего, т.е. не сотворен, а образован из вечно существующей материи.

Но роковым недостатком его философии была позиция, которую он занимал в отношении разума и его связи с телом и со всей Вселенной. Он считал, что разум, или душа, находится в таком же отношении к телу, как Бог – к миру. Предсуществование душ было главным пунктом его философии, и именно ему мормоны обязаны теорией, лежащей в основе их полигамии. Как и мормоны, он считал, что не только люди, но и растения, и все неодушевленные

⁴² McClintock and Strong

предметы обладают душами, которые существовали до них. Так, профессор Амхерстского колледжа У. С. Тайлер говорит: «Нет учения, на котором Платон настаивал бы чаще и упорнее, чем на этом – душа не только выше тела, но и предшествует ему во времени, причем не только в том виде, в каком она существует в бытии Бога, но и в любом порядке существования. Сначала существовала душа мира, а затем она была облечена в материальное тело. Души, дающие жизнь солнцу, луне и звездам, существовали раньше тех тел, в которые они облачаются. Предсуществование человеческих душ – один из аргументов, на который он опирается, доказывая их бессмертие»⁴³.

И это был единственный способ, с помощью которого он мог доказать бессмертие души. Если душа по своей природе бессмертна, то учение о предсуществовании душ должно быть истинным. Однако, подобно современным ученым, которые придумывают гипотезу, на основе которой строят красивое сооружение, а затем поступают так, как будто их гипотеза – это факт, Платон не стал утруждать себя предоставлением доказательств предсуществования душ. Так и христиане, перенявшие у Платона доктрину естественного бессмертия души, легко упустили из виду абсурдное и атеистическое учение, на котором она основывается. Однако некоторые из наиболее выдающихся «отцов церкви», в частности Ориген, безоговорочно принимали все капризы Платона относительно предсуществования душ. Доказательства этого будут приведены далее.

В предыдущей цитате было упомянуто, что Платон в своих трактатах часто ссылаясь на «акушерскую процедуру». Следующая выдержка из книги⁴⁴ послужит для объяснения этого термина: «Акушерство разума, которое исповедовал Сократ и которое представлял Платон, требовало предположения, что истина потенциально присутствует в разуме и что ее нужно только извлечь из латентного состояния путем ловкого решения. Она не могла быть

⁴³ Энциклопедия Schaff-Herzog, art. Platonism

⁴⁴ McClintock and Strong, art. Platonic Philosophy

латентной и не могла появиться на свет, если только не лежала там, как куколка с гусеницей, и не происходила из предшествующего состояния бытия. Именно в сверхземном и доземном существовании души обретали [эфирный смысл], но до своей гибели или возвращения на землю они погружались в забвение. Таким образом, приобретение подлинного знания было восстановлением стертых воспоминаний о сверхъестественных реалиях».

Эта теория явилась логическим результатом его теории о предсуществовании душ. Находясь в предсуществующем состоянии и будучи частью Бога, души знали все; при воплощении в тела это знание было скрыто, они были как бы оглушены; тем не менее, знание было, и разум мог сам определить истину или заблуждение. Таким образом, разум человека, по мнению Платона, является критерием для определения добра и зла. «Он – властелин самого себя и, кроме того, всего мира».

Нельзя отрицать, что Платон излагал и некоторые истины. Действительно, трудно было бы столько лет быть учителем и не наткнуться время от времени на истину, особенно если он принимал и не гнушался ничего, что было ново. Но теории, о которой идет речь в последней цитате, более чем достаточно, чтобы перевесить все хорошее, чему он мог бы случайно научить. Нет такого отвратительного зла, которое не нашло бы убежища под его идеей. Эта идея освобождает его обладателя от всякого чувства долга перед Богом или необходимости обращаться к нему за мудростью; каждый человек становится, таким образом, сам себе богом, законодателем и судьей. Следствием этого, естественно, возникает вывод о том, что все, что есть, то и правильно; а поскольку «лукаво сердце [человеческое] более всего и крайне испорчено»⁴⁵, то зло стало считаться добром. На эту теорию и ее результаты прямо указывают слова апостола: «называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам,

⁴⁵ Иер. 17:9

и четвероногим, и пресмыкающимся, – то и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, так что они сквернили сами свои тела»⁴⁶.

Тот, кто прочтет пятую книгу «Государство» Платона, найдет в ней достаточно доказательств его притупленного нравственного чувства, а вернее, его полного отсутствия. В этой книге, которая, как и все произведения Платона, написана в форме бесед с афинскими юношами, он учит, что женщины должны участвовать в войне и во всех других делах наравне с мужчинами, проходить тот же курс обучения, что и мужчины, и в том же виде, а именно – обнаженными. Он сказал: «Что же касается человека, который смеется над мыслью о раздетых женщинах, которые выполняют гимнастические упражнения, как средство для использования того, что наиболее совершенно (*ред.: прекрасно*), то его насмешка – всего лишь незрелый плод, сорванный с дерева мудрости».

Далее он учит, что в образцовой республике женщины, как и все имущество, должны быть общими, и добавляет: «Из того, что уже было сказано, следует, что лучшие представители обоих полов должны соединяться как можно чаще, а худшие – как можно реже, и что потомство от первого союза должно быть воспитано, а от второго – оставлено (*ред.: покинуто, в части уничтожения*)».

Те дети, которых сочтут пригодными для сохранения жизни, должны были воспитываться государством в общих яслях и никогда не знать своих родителей, равно как и родители не должны были знать о своих собственных детях. Таким образом, люди должны были остаться «без естественной привязанности». По достижении определенного возраста государство должно было отменить контроль над их «браками» и разрешить им беспорядочные половые связи, но потомство, если оно появлялось от таких союзов, должно было быть уничтожено. Мы просим прощения у читателя за то, что обращаем его внимание на подобные вещи, но это совершенно необходимо для того, чтобы развеять то наваждение, которое было брошено на Платона. В последнее время все чаще и чаще Платона считают чуть ли не христианином, а то и предтечей христианства.

⁴⁶ Рим. 1:22-24

Мы хотим разубедить в этом как можно больше людей, потому что его влияние сейчас будет столь же губительным, как и раньше, для тех, кто попадет под его чары.

Теперь у нас есть все необходимые данные для того, чтобы понять, как «философия», лучшим образцом которой является платоновская, закономерно приводит к самым абсурдным и даже отвратительным поступкам. Прежде всего, просим обратить внимание тот факт, что «философы» приступали к «поискам истины», не имея никаких представлений о ней, не имея никакого стандарта, по которому можно было бы проверить правдивость того, что они узнают; их собственный разум был мериллом истины. Они претендовали на абсолютную беспристрастность. Согласно Писанию, они «ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое»⁴⁷. Как дети с игрушками, они с жадностью хватались за каждую новую мысль, независимо от того, насколько она противоречила тому, что их занимало раньше. На какое-то время эта новая мысль исключала все остальное, а затем она уступала место другой новой мысли.

Многие так называемые современные «ученые» придерживаются такого же ошибочного курса. В результате многое из того, что еще несколько лет назад «учеными» считалось священной истиной, теперь теми же людьми признается глупостью; и нет никаких доказательств того, что многие «истины», которые сейчас так уверенно «доказываются», через несколько лет не будут рассматриваться как явные ошибки, и заменены другими, столь же ошибочными. Действительно, среди «выдающихся ученых» никогда не было согласия даже по самым важным вопросам, особенно в отношении происхождения и возраста земли, а также способов, с помощью которых на ней появились люди и животные.

Мы искренне верим в истинную науку и философию. «Наука – это знание, должным образом упорядоченное и отнесенное к общим истинам и принципам, на которых оно основано и из которых оно вытекает». Это верное определение истинной науки. Все, что не

⁴⁷ Деян. 17:21

обладает указанными в этом определении характеристиками – все, что связано с предположениями, – не является наукой. Согласно определению науки, существуют определенные устоявшиеся истины и принципы, на которых должно основываться знание, составляющее любую науку, и с которыми оно должно быть согласовано. Эти принципы, следовательно, должны предшествовать любому исследованию. Они должны быть настолько ясны для ума начинающего исследователя и настолько прочны, чтобы он считал их самоочевидными. Все сомнения относительно них должны быть устранены, прежде чем можно будет приступить к работе. Эти принципы являются фундаментом того строения, которое ему предстоит возвести; ни один мудрый механик не станет укладывать бревна и строить дом на фундаменте, в устойчивости которого он сомневается.

Разобравшись с первыми принципами, ученый готов к исследованию явлений. Перед ним возникает новая мысль. Он схватывает ее, но при этом он не должен уходить от фундаментальных принципов. Он не должен отказываться от своих принципов ради новой мысли, а должен подвести ее к этим устоявшимся принципам, чтобы эта новая мысль была проверена ими. Если она согласуется с ними, он принимает ее; если же она противоречит этим принципам, он должен безоговорочно отвергнуть ее, какой бы приятной она ни казалась и как бы сильно ни нравилась его воображению. Он должен основывать ее не на своей фантазии, а на фактах. Так он должен поступать с каждой новой мыслью, отбрасывая те, которые не согласуются с фундаментальной истиной, и принимая те, которые с ней согласуются, пока не получит красивую, симметричную и совершенную структуру.

Лжеученого можно сравнить с безумным исследователем новых стран. Он отправляется в дремучие леса или по безбрежным водам, пока не достигнет страны, в которой еще не бывал человек. Но, к сожалению, он не сориентировался, и поэтому не имеет представления о том, как это новое открытие связано с той страной, из которой он вышел. Пренебрегши этой проблемой, он переходит

к новым исследованиям, но не имеет представления об их (*ред.: логистической*) связи с уже заселенными странами. Какова ценность его открытий? Никакой ценности; и исследователю очень повезет, если он когда-нибудь найдет дорогу обратно к цивилизации.

Итак, первый великий принцип, на котором должна покоиться вся истинная наука, заключается в том, что существует Бог, создавший все сущее. Это самоочевидная истина – истина, которая очевидна даже для необразованного дикаря. Знакомые строки Александра Поупа, «О бедный индеец, чей необученный ум видит Бога в облаках или слышит его в ветре», выражают тот факт, что существование и могущество Бога так ясно открыты в природе, что идолопоклоннику нет оправдания, и поэтому псалмопевец справедливо называет атеиста глупцом, как того, кто не может оценить даже азбуку доказательств. Бог, будучи Творцом всего, обязательно должен быть и Владыкой всего, и Тем, кому все должны повиноваться. Создатель всех миров обязательно должен быть выше всего сотворенного и должен быть эталоном истины и совершенства. Если это признать (а никто этого не отрицает, ибо все, кто признает существование Бога, признают и Его совершенство), то из этого следует, что Его воля – закон, по которому Он управляет своими созданиями, – также должна быть совершенной. Если мы найдем что-нибудь, что, если ему следовать, породит совершенный характер, мы будем знать, что это – совершенная воля Бога; ведь совершенный характер может быть сформирован только послушанием совершенному закону. Такой закон есть в Библии. Даже атеист согласится с тем, что если строго следовать Библии, то это приведет к совершенству характера.

Истинность Библии можно продемонстрировать и другим способом. Таким образом: «все сотворенное» раскрывает фундаментальную истину о том, что Бог есть и что Он всемогущ и мудр. Но Библия – единственная книга, которая совпадает с этим откровением природы и возвещает нам о существовании Бога и Его характере, проявляющегося в Его делах. Следовательно, поскольку Библия, и только она, верна в отношении этой великой фундаментальной истины, она должна рассматриваться как самый

надежный путеводитель и как единственное совершенное откровение воли Того, Кого она так точно описывает.

Таким образом, мы кратко показали, что существование Бога и истинность Библии как откровения Его воли являются неоспоримыми истинами, первая из которых самоочевидна, а вторая – необходимое следствие первой. Эти истины являются фундаментальными и должны лежать в основе всей истинной науки. Поэтому вместо того, чтобы проверять Библию так называемой «наукой», необходимо подвергать любую науку проверкой Библией, чтобы определить, достойна ли она называться наукой. А поскольку Бог является творцом всего сущего, из этого следует, что истинная наука – это просто изучение Бога, стремление познать Его личность и характер. Наука, таким образом, безгранична, поскольку безграничен Бог. Мы не станем утверждать, что Библия – это прежде всего научная книга в общепринятом понимании этого термина и что из нее мы можем узнать факты географии, математики, физиологии, астрономии и т.д. Но мы имеем в виду, что она является надежным фундаментом всей настоящей науки, что все ее положения научно верны, что ею все можно и нужно подвергать проверке и что все, что с ней не согласуется, должно быть безоговорочно отвергнуто как ложное (*ред.: и ненаучное*).

С этой точки зрения легко понять, почему Платон и все другие языческие философы не смогли найти истину, почему у них не было ни одной четко сформулированной и систематизированной теории. В самом начале они отошли от единственного источника мудрости: «познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце»⁴⁸.

Некоторые могут возразить, что Платон и другие философы придерживались некоторых взглядов, которые сами по себе были истинными, даже если они не были систематизированы по отношению к какой-то великой центральной истине. И поэтому можно спросить: как можно то ужасное нечестие, которое

⁴⁸ Рим. 1:21

изображено в первой главе Послания к Римлянам, напрямую отнести к учениям философии? Несколько цитат из Писания проясняют этот вопрос и завершают аргументацию против языческой философии: «И вас, мертвых по преступлениям и грехам вашим, в которых вы некогда жили, по обычаю мира сего, по [воле] князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления, между которыми и мы все жили некогда по нашим плотским похотям, исполняя желания плоти и помыслов, и были по природе чадами гнева, как и прочие»⁴⁹.

«Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, (соблазны), ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное. Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют»⁵⁰. «И сказал Господь в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого – зло от юности его»⁵¹. «Лукаво сердце [человеческое] более всего и крайне испорчено»⁵². «Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любоддеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления – это оскверняет человека»⁵³. «Потому что плотские помышления суть вражда против Бога; ибо закону Божию не покоряются, да и не могут»⁵⁴.

Эти места Писания со всей очевидностью доказывают, что человек по своей природе испорчен и развращен. Зло, о котором говорится в Послании к галатам 5:18-21, – это «дела плоти»; не то, что человек приобрел, а то, что исходит из его сердца, то, что присуще ему по самой его природе. А раз так, то сразу становится ясно, что если человек следует своей природной склонности

⁴⁹ Еф. 2:1-3

⁵⁰ Гал. 5:19-21

⁵¹ Быт. 8:21

⁵² Иер. 17:9

⁵³ Матф. 15:19, 20

⁵⁴ Рим. 8:7

и делает собственный разум критерием добра и зла, то он неизбежно совершает зло. Одно из правил Ф. Бэкона, предохраняющих от некоторых форм ошибок, основано на признании этого факта. Он заявляет: «В общем, пусть каждый изучающий природу возьмет себе за правило, что все, что его ум улавливает и на чем останавливается с особым удовлетворением, должно быть под подозрением».

Как мы уже видели, в философии Платона человеческий разум был властелином самого себя и всего окружающего мира; он считал, что человеческий интеллект без посторонней помощи способен решать, что истина, а что заблуждение. Поэтому его ученики, уповая только на себя – «исповедуя себя мудрыми», – не считали, что могут заблуждаться, а это самое худшее, потому что заблуждение наиболее естественно для человеческого разума. Плотское сердце выбирает то, что больше всего похоже на него самого; а поскольку «лукаво сердце человеческое более всего», то, когда истина и заблуждение оказываются рядом, сердце, не обновленное Божественной благодатью и не подчиненное полностью закону Божьему, будет отворачиваться от истины и прилепляться к заблуждению. Правда, можно совершать некоторые поступки, которые сами по себе являются правильными, но, будучи совершены из эгоистических побуждений, они становятся настоящим злом. Любовь – любовь к Богу и к ближним – это суть всего добра. Все, что не является результатом такой любви, есть только зло. Поэтому нас не должны удивлять никакие заблуждения, которых придерживается или придерживалось человечество. Совершенно безнравственное учение Платона было лишь логическим результатом его «философии».

К этому времени читатель уже без колебаний решит, что языческие философы были очень небезопасными людьми для подражания. Действительно, он не ошибется, если придет к выводу, что любая идея, выдвинутая ими, должна вызывать подозрение; что сам факт, что Платон, Сократ, Аристотель или Эпикур отстаивали тот или иной принцип, должен рассматриваться как убедительное доказательство того, что этот принцип неверен; и что все, что

опирается на единственный авторитет этих философов, должно быть отвергнуто как ложное. Эти выводы справедливы не только в отношении самих языческих философов, но и в отношении тех, кто возлагал на них большие надежды. И когда мы узнаем, а это произойдет очень скоро, что многие, исповедующие христианство, все еще придерживались языческой философии и считали ее предтечей христианства, мы сможем лучше оценить серьезность, с которой апостол сделал это увещание: «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиєю и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу»⁵⁵.

⁵⁵ Кол. 2:8

ГЛАВА III. Апостольская церковь

Во втором абзаце своей знаменитой пятнадцатой главы историк Гиббон использует следующую формулировку: «Богослов может предаваться приятному занятию – описывать религию, как она сошла с небес, облаченная в свою первозданную чистоту. Более печальная обязанность возлагается на историка. Он должен выявить неизбежную смесь заблуждений и разложения, которую она приобрела в результате долгого пребывания на земле, среди слабой и вырождающейся расы существ».

Что касается простой религии Христа, то она неизменна. Апостол Иаков говорит: «Чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцем есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неоскверненным от мира»⁵⁶. Это и есть чистая и непорочная религия. Но, к сожалению, все хорошее подделывается, и «среди слабой и вырождающейся расы существ», даже если они искренни, религия часто может быть неправильно представлена; поэтому как на богослова, так и на историка, ложится задача обнаружить «неизбежную смесь заблуждений и разложения».

Из-за неспособности правильно отличать чистую религию от деятельности многих, кто исповедует ее, возникли два серьезных заблуждения. Во-первых, неверующие пришли к выводу, что христианство мало чем, если вообще чем-то, опережает многие формы язычества или атеизма. Судя о христианстве по его лжепроповедникам, они упускают из виду, что существует такая вещь, как «чистая религия». Во-вторых, верующие подвергаются опасности, думая, что все, что делает «церковь», никак не противоречит чистой религии. Второе заблуждение так же вредно, как и первое, поскольку в любом случае человек будет сильно отставать от истинного стандарта. Чтобы понять, что такое истинная религия, мы должны смотреть только на Библию и на жизнь Христа, как она нам показана. Из всех, кто ступал по земле, только Он один не имел греха; в Нем религия была явлена чистой и непорочной.

⁵⁶ Иак. 1:27

Были люди, «которых мир не стоил», и все же история их жизни не совсем совершенна. Если мы возьмем за образец самого совершенного тленного человека, то обязательно впадем в заблуждение; тем более велика опасность, если мы будем подражать тем, чья жизнь была гораздо ниже уровня чистой и непорочной религии.

Конечно, не следует думать, что христиане будут брать за образец своей жизни путь нерелигиозных людей; но, как известно, где тонко, там и рвется, а поскольку в исповедуемой церкви всегда были нерелигиозные и заблуждающиеся, хотя и добросовестные, люди, то очевидно, что тот, кто следует за «церковью», а не за Христом, непременно будет введен в заблуждение. То, что исповедуемая церковь Христа всегда имела в себе элементы разложения, которые делали ее небезопасным проводником, так же очевидно, как и то, что Христос имеет здесь на земле церковь, состоящую из слабых, ошибающихся смертных.

Если мы вернемся к первым последователям Христа, то обнаружим одного ученика, который был настолько подлым, что продал своего Господа за ничтожную сумму денег. Дьявол всегда нападает на людей, используя их естественные греховные наклонности. Таким образом, Иуда, будучи скупым по своей природе, мало-помалу поддавался искушениям сатаны, пока он не овладел им окончательно; однако все это время Иуда числился среди последователей Христа.

Но слабости были не только у Иуды. Все ученики были людьми и, следовательно, могли ошибаться, даже когда были полны ревности по Учителю. Иаков и Иоанн хотели призвать огонь с неба на самарян, потому что те не хотели принимать Христа. Иисус упрекнул Своих опрометчивых учеников, сказав: «Не знаете, какого вы духа»⁵⁷. Петр, которого Иисус так часто упрекал в поспешности, однажды клятвенно отрекся от Господа; а еще позже его лицемерие дошло до такой степени, что Павел обличил его в этом⁵⁸. Даже благоразумный и честный Варнава увлекся этим обманом, за что

⁵⁷ См. Лк. 9:51-56

⁵⁸ Гал. 2:11-14

получил столь суровый упрек от Павла. И впоследствии эти два сотоварища, трудившиеся под руководством Небес, показали, что они всего лишь люди, впад в такой острый спор, что вынуждены были разойтись⁵⁹.

Пусть никто не думает, что мы отсылаемся об этих людях свысока. Они были назначены на эту работу Богом, и мы почитаем их как преданных людей, рискующих своей жизнью ради Христа, избранными слугами Которого они были. Мы любим их не только за то, какими они были, но и за их работу. Необходимо было, чтобы Христос передал людям проповедь Евангелия, и те, кому Он впервые передал ее, были людьми, схожими по своим страстям с другими. Это были люди, которые, как и те, кому они проповедовали, должны были всегда полагаться на Христа и идти к совершенству. Мы не знаем причин, по которым Писание запечатлело некоторые их неудачи, разве что для того, чтобы мы научились не подражать даже лучшим из людей. Весть, которую они несли, была чистой, но они, как и все люди, нуждались в ее освящающем влиянии; и хотя они старались быть «примером для стада», они направляли умы всех только на Иисуса, автора и совершителя веры.

Если среди самих учеников Христа были недостатки, то вполне можно было ожидать, что те, кто уверовал в Него через слово, также проявят человеческие недостатки, прежде чем будут полностью освящены через истину. И если среди двенадцати был один, исполнявший волю дьявола, то почему мы должны удивляться, что лицемеры постоянно загрязняют церковь своим присутствием? Апостол Петр в своем послании к Церкви сказал: «Были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель. И многие последуют их разврату, и через них путь истины будет в поношении. И из любостыжания будут уловлять вас лъстивыми словами; суд им давно готов, и погибель их не дремлет»⁶⁰.

⁵⁹ Деян. 15:36-41

⁶⁰ 2 Пет. 2:1-3

Павел, обращаясь к пресвитерам церкви в Ефесе, сказал: «Итак внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею. Ибо я знаю, что, по отшествии моем, войдут к вам лютые волки, не щадящие стада; и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою»⁶¹.

Эти два места Писания показывают, что вдохновенные апостолы знали, что в церкви будут не только несовершенные, заблуждающиеся члены, но и лжеучителя, которые, подобно Иуде, отрекутся от искупившего их Господа. Среди пресвитеров церкви должны были появиться беспринципные люди, которые введут стадо в «пагубные ереси». Поэтому мы не должны удивляться, что вскоре после дней апостолов исповедуемая церковь в значительной степени наполнилась мерзостями язычества.

Еще во времена апостолов, во время их непосредственного свидетельства, в церковь проник этот дух разложения. Павел писал фессалоникийцам, что задолго до Второго пришествия Христа произойдет «отпадение», откроется «человек греха», который будет сидеть в храме Божиим, выдавая себя за Бога и противясь всему, что относится к Богу и Его истинному поклонению, и затем он добавил, что «тайна беззакония уже в действии»⁶². Павел знал, что даже в церквях, которые он сам насаждал, были разложившиеся члены, которые в конечном итоге отравят все тело. Если мы изучим историю, то сможем сами обнаружить эти зарождающиеся пороки.

Церковь в Коринфе была образована благодаря личным трудам Павла, но он вынужден был порицать ее членов за дух раздора и разногласий⁶³, доходивший до того, что они вступали в тяжбу друг с другом в языческих судах⁶⁴. У них было так мало духовной разборчивости, что они делали Вечерю Господню поводом для

⁶¹ Деян. 20:28-30

⁶² 2 Фес. 2:3-7

⁶³ 1 Кор. 1:11-13

⁶⁴ 1 Кор. 6:6-8

пиршеств и пьянства⁶⁵; они допускали кровосмешение, которое не одобрялось даже развратными язычниками⁶⁶, и не считали, что за это им должно быть стыдно.

Во втором послании Павла к Тимофею мы находим упоминание об одной из «пагубных ересей», которые были привнесены в церковь. Павел говорит: «А непотребного пустословия удаляйся; ибо они еще более будут преуспевать в нечестии, и слово их, как рак, будет распространяться. Таковы Именей и Филит, которые отступили от истины, говоря, что воскресение уже было, и разрушают в некоторых веру»⁶⁷.

Один-единственный отрывок из послания Павла к церквям Галатии показывает, какой опасности подвергались все новообращенные из язычников. Он сказал: «Но тогда, не зная Бога, вы служили [богам], которые в существе не боги. Ныне же, познав Бога, или, лучше, получив познание от Бога, для чего возвращаетесь опять к немощным и бедным вещественным началам и хотите еще снова поработить себя им? Наблюдаете (*ред.: соблюдаете*) дни, месяцы, времена и годы. Боюсь за вас, не напрасно ли я трудился у вас»⁶⁸. Мы уже отмечали некоторые безнравственные обычаи и бессмысленные обряды в языческом поклонении. Конечно, галаты, как и все язычники, были подвержены им до своего обращения. И как люди, потеряв веру и любовь к Богу, начинают возвращаться к тому, к чему они были пристрастны до обращения, так и галаты были готовы вернуться к «к немощным и бедным вещественным началам», которым они раньше были подчинены. Они зашли так далеко, что «соблюдали дни, и месяцы, и времена [см. Втор. 18:10], и годы», и Павел боялся, что его труд ради них пропал даром.

Еще позже апостол Иоанн писал: «Ибо многие обольстители вошли в мир, не исповедующие Иисуса Христа, пришедшего во плоти: такой [человек] есть обольститель и антихрист»⁶⁹.

⁶⁵ 1 Кор. 11:17-22

⁶⁶ 1 Кор. 5:1, 2

⁶⁷ 2 Тим. 2:16-18

⁶⁸ Гал. 4:8-11

⁶⁹ 2 Ин. 7

И снова он пишет возлюбленному Гаю: «Я писал церкви; но любящий первенствовать у них Диотреф не принимает нас. Посему, если я приду, то напомним о делах, которые он делает, понося нас злыми словами, и не довольствуясь тем, и сам не принимает братьев, и запрещает желающим, и изгоняет из церкви»⁷⁰.

В церкви был человек, прямо противопоставивший себя апостолу Иоанну. Это был не рядовой член церкви, а человек, который настолько любил главенствовать, что мог по своему желанию изгонять людей из церкви. Этот руководитель церкви отказался принять наставления, написанные апостолом, и изгнал из церкви тех, кто хотел их принять. Не довольствуясь этим, он обрушился с яростью на вдохновенного слугу Господа. Очевидно, нет никаких оснований брать даже первоапостальскую церковь за образец.

Достаточно еще одного свидетельства о некоторых членах ранней Церкви. Другой апостол счел необходимым увещевать верующих с усердием подвизаться за веру, однажды преданную святым, и вот почему: «Ибо вкрались некоторые люди, издревле предназначенные к сему осуждению, нечестивые, обращающие благодать Бога нашего в [повод к] распутству и отвергающиеся единого Владыки Бога и Господа нашего Иисуса Христа»⁷¹. Далее он выдвигает против этих людей такое страшное обвинение: «А сии злословят то, чего не знают; что же по природе, как бессловесные животные, знают, тем растлевают себя»⁷². И далее апостол прямо говорит о том, что в церкви практиковалось взяточничество. Он говорит: «Это ропотники, ничем не довольные, поступающие по своим похотям (нечестиво и незаконно); уста их произносят надутые слова; они оказывают лицепрятие для корысти»⁷³.

Мы приводим эти отрывки не для того, чтобы остановиться на недостатках людей в ранней церкви, а просто для того, чтобы

⁷⁰ 3 Ин. 9, 10

⁷¹ Иуд. 4

⁷² Иуд. 10

⁷³ Стих 16

подчеркнуть тот факт, что плохие люди были в церкви с самого начала. В то время в церкви было много и хороших людей, но вопрос в том, как мы должны понять, кто из них был плохим, а кто хорошим? «[Обращайтесь] к закону и откровению. Если они не говорят, как это слово, то нет в них света»⁷⁴. Сравнивая их жизнь с библейским стандартом, мы легко можем определить, какие поступки были добрыми, а какие – злыми.

Истинная Церковь – это Тело Христово, состоящее из тех, кто действительно соединен со Христом, кто черпает в Нем силу и поступает так, как поступал Он. Апостол Павел писал ефесянам о могущественной силе Божией, «которою Он воздействовал во Христе, воскресив Его из мертвых и посадив одесную Себя на небесах, превыше всякого Начальства, и Власти, и Силы, и Господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем, и все покорил под ноги Его, и поставил Его выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем»⁷⁵.

К колоссянам он писал о Христе следующее: «И Он есть глава тела Церкви; Он – начаток, первенец из мертвых, дабы иметь Ему во всем первенство»⁷⁶.

Галатам он писал: «Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись»⁷⁷. А церкви в Коринфе он писал: «Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, – так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом»⁷⁸.

Из этих текстов следует, что хотя буквальное крещение является знаком соединения с Церковью Христовой, внешний знак может существовать и без реальности, поскольку настоящее единение – это

⁷⁴ Ис. 8:20

⁷⁵ Еф. 1:20-23

⁷⁶ Кол. 1:18

⁷⁷ Гал. 3:27

⁷⁸ 1 Кор. 12:12, 13

духовное единение. Тот, кто облачается во Христа и становится сыном Божиим, должен быть рожден не только от воды, но и от Духа⁷⁹. «Если же кто Духа Христова не имеет, тот [и] не Его»⁸⁰, как бы он ни исповедовал себя. Недостаточно и того, что мы однажды получили Дух Божий. Павел увещевает нас не огорчать Духа Божьего⁸¹ и предостерегает нас от того, чтобы поступать вопреки Ему⁸²; и Сам Спаситель говорит: «Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне. Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего»⁸³.

Плоды, которые приносит настоящий член тела Христова, те же самые, что характеризовали жизнь Христа, ибо любимый ученик говорит: «Кто говорит, что пребывает в Нем, тот должен поступать так, как Он поступал»⁸⁴.

Из приведенных нами текстов, очевидно, что исповедуемая церковь не обязательно тождественна церкви, которая является Телом Христовым. Есть много тех, кто исповедует Христа и учит от Его имени, но которых Христос не признает⁸⁵. Евангельская сеть забрасывается в море и собирает «рыб всякого рода»⁸⁶. Но не нам решать, кто действительно является членом Тела Христова, а кто нет; поэтому для удобства мы говорим о совокупности исповедуемых верующих как о «Церкви». Следует понимать, что при использовании этого термина он не обязательно является синонимом слова «христиане».

Но все эти люди, о которых мы только что читали в Библии, были в «церкви»; все порочные практики, которым они предавались,

⁷⁹ Ин. 3:5

⁸⁰ Рим. 8:9

⁸¹ Еф. 4:30

⁸² Евр. 10:29

⁸³ Ин. 15:4, 5

⁸⁴ 1 Ин. 2:6

⁸⁵ Мф. 7:21-23

⁸⁶ Мф. 13:47

совершались в «церкви»; и многие из их ложных доктрин выдавались за доктрины «церкви», с которой они были связаны. Если мы решили следовать за «церковью», то у нас не больше прав отвергать доктрины и деятельность этих людей, чем у нас есть право отвергать любую доктрину или деятельность «церкви». Конечно, среди членов церкви в то время, было большинство тех, кто осуждал этих людей и их пути. Но эти люди также осудили и другой класс, даже изгоняя их из церкви; и из всех них была сформирована «церковь».

Правда, Сам Спаситель сказал⁸⁷, что тот, кто не слушает церковь, должен считаться «язычником и мытарем». Но это нисколько не противоречит сказанному о следовании за Церковью. Действия Церкви Христовой действительно утверждены на Небесах, и никто не должен легкомысленно относиться к ее советам, но это совершенно иное, чем следование человеческому образцу. Христос сказал апостолам: «и не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник – Христос»⁸⁸. Мы должны следовать не «примеру апостолов», а примеру и словам Христа. Тот, кто хочет продолжать христианскую жизнь, должен постоянно «взирать на Иисуса».

Иисус – наш Учитель; члены Его церкви становятся таковыми только для того, чтобы учиться у Него. Мальчик идет в школу учиться писать, и учитель пишет красивым почерком строчку вверху страницы, чтобы он ее скопировал (*ред.: переписал буква в букву*). Когда он делает свою первую строчку, он внимательно изучает строчку учителя и делает это очень хорошо. В следующий раз он смотрит на образец менее внимательно, и следующая строка получается немного хуже, чем предыдущая. С каждой последующей строкой он все меньше смотрит на образец и все больше – на свою собственную копию, и к тому времени, когда он исписывает половину страницы, он следует уже не за прекрасно написанным образцом мастера, а за своими собственными плохо различимыми

⁸⁷ Мф. 18:17

⁸⁸ Мф. 23:10

каракулями (*ред.: копиями*), и каждая строка становится немного хуже предыдущей. Эти строки – подходящий символ жизни тех, кто следует за учениками в школе Христа, вместо того чтобы следовать только жизни самого великого Учителя.

Но поскольку нет человека, жизнь которого мы могли бы взять за образец, то совершенно очевидно, что мы не можем следовать за всей исповедуемой церковью. Это было бы невозможно, так как даже в апостольские времена в некоторых церквях существовали группировки, прямо враждовавшие друг с другом. Поэтому, если утверждать, что, хотя и нельзя следовать примеру какого-либо человека, то мы, наверное, можем следовать вероучению исповедуемой церкви в любую эпоху? Если так, то тогда необходимо решить один важный вопрос: какой части церкви следовать? Ведь вся исповедуемая церковь никогда не была единым целым в вопросах вероучения. Мы должны знать, какая часть церкви была права, ибо не хотим, чтобы нас ввели в заблуждение. Только Библия может решить этот вопрос. Только она может сказать нам, что правильно, а что нет. А поскольку мы должны обращаться к Библии, чтобы определить, какая часть исповедуемой церкви шла по стопам Христа, а какая вводила проклятые ереси, то из этого следует, что Библия, а не «церковь» или какая-либо ее часть, является нашим единственным путеводителем: «Слово Твое – светильник ноге моей и свет стезе моей»⁸⁹. И именно для того, чтобы подчеркнуть эту важную истину, мы и предложили читателю взглянуть на темную сторону церкви во времена апостолов.

⁸⁹ Пс. 118:105

ГЛАВА IV. Отцы церкви

В Послании к галатам апостол Павел сказал: «Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема»⁹⁰. Хотя апостолы не были безгрешными людьми, Евангелие, которое они проповедовали и которое передали нам, было совершенным. Причину этого Павел объясняет так: «Ибо мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы – рабы ваши для Иисуса»⁹¹. Апостолы в своем учении строго придерживались условий Божественного поручения, данного им Христом: «Итак идите, научите все народы, ... уча их соблюдать все, что Я повелел вам»⁹². Делая это, они просто передавали свет, который приходил к ним прямо с Небес, и поэтому их учение не могло быть иным, кроме как совершенным. Если бы они проповедовали от себя, все было бы совсем иначе, потому что они были людьми.

Из предыдущей главы об апостольской церкви, под которой мы понимаем просто церковь во времена апостолов, а не ту часть исповедуемой церкви, которая строго придерживалась «учения апостолов», мы видели, что присутствие самих апостолов не обеспечивало совершенства в церкви. Они обеспечили ее совершенным учением; но тот факт, что люди имеют совершенное учение, не делает их совершенными, если они не следуют ему и только ему. Сейчас есть люди, которые приобрели большую известность как «Отцы Церкви». Этот термин, как ни странно, никогда не применялся к апостолам, к которым он, казалось бы, должен быть более подходящим, чем к любым другим людям, но этот термин стал применяться к некоторым людям, жившим в первые несколько веков христианской эры и оказавшим большое влияние на церковь. На самом деле, у истинной церкви есть только один Отец – Бог, поэтому любая церковь, признающая в качестве

⁹⁰ Гал. 1:8

⁹¹ 2 Кор. 4:5

⁹² Мф. 28:19, 20

своих Отцов кого-либо из людей, должна быть церковью чисто человеческого происхождения, имеющей только человеческие таинства⁹³.

Утверждается, что «Отцы» должны быть компетентными наставниками, поскольку они жили так близко ко временам Христа и апостолов. Это молчаливое признание того, что Евангелие, проповеданное Христом и апостолами, является истинным стандартом. Но оно было записано в Новом Завете, и поэтому вместо того, чтобы полагаться на свидетельства тех, кто жил в их время, мы можем обратиться непосредственно к источнику и почерпнуть из него Евангелие в таком же чистом виде, как если бы мы лично слушали учение вдохновенных людей. Случаи с Димасом, Гимнеем и Филетом, Диотрефом⁹⁴ и другими должны быть достаточными, чтобы научить любого человека, что простое знакомство с апостолами не наполняет людей светом Божественной истины. Эти люди являются доказательством того, что свет может светить во тьме, и тьма его не постигнет. Поэтому мы должны судить о так называемых Отцах не по времени, в котором они жили, а по тому, что они делали и говорили. Сначала, однако, послушаем, что говорят о них авторитетные люди в мире.

Пожалуй, лучше всего начать со слов д-ра Адама Кларка⁹⁵, который в своем комментарии к Притчам 8 глава говорит об Отцах следующим образом: «Но о них мы можем смело сказать, что в самом ортодоксальном вероучении нет ни одной истины, которую нельзя было бы доказать их авторитетом, ни одной ереси, позорящей Римскую Церковь, которая не могла бы быть оспорена ими как ее приверженцами. В вопросах доктрины их авторитет для меня ничто».

⁹³ Священнодействия, в которых, христианам сообщается под видимым образом невидимая благодать Бога.

⁹⁴ Перечень людей находившихся в апостольской церкви, обозначенные Писанием как неверные Богу.

⁹⁵ 1762-1832 гг., является крупнейшим представителем уэслианского богословия и убежденным сторонником библейской святости.

Именно эта особенность Отцов делает их столь ценными для сторонников дела, не имеющего под собой никаких свидетельств Писания. Дайте человеку однажды понять, что свидетельство Отцов имеет ценность, и вы сможете доказать ему все, что захотите. В журнале «National Baptist» появилась статья «Преподобного Леви Филетуса Доббса, доктора философии» – редактор доктор Уэйланд – в ответ молодому служителю, который спросил, как он может доказать что-то своей общине, когда нечем это доказать. Среди прочего автор сказал следующее: «Однако я считаю, что разумное использование Отцов в целом является наилучшим подспорьем для тех, кто находится в положении моего собеседника. Преимущества Отцов двояки: во-первых, они имеют большой вес в массах, а во-вторых, в них можно найти все, что угодно. Я не верю, что можно выдвинуть какое-либо мнение, настолько глупое, настолько явно абсурдное, но при этом не найти отрывки, подтверждающие его, на страницах этих почтенных колеблющихся людей. И для обычного ума один из них так же хорош, как и другой. А если вдруг окажется, что тот пункт, который вы хотите доказать, никогда не обсуждался Отцами, то вы легко докажете, что они встали бы на вашу сторону, если бы только задумались над этим вопросом. А если вдруг не окажется ничего, хотя бы отдаленно или конструктивно относящегося к делу, не отчаивайтесь; найдите хорошую, сильную цитату, припишите к ней имя Отцов и произнесите ее с торжеством; все будет в порядке; девять из десяти людей не задумаются, относится ли та или иная цитата к обсуждаемому вопросу. Да, брат мой, Отцы – твой оплот. Они – лучший дар Неба тому, у кого есть дело, которое невозможно поддержать никаким другим способом»⁹⁶.

Хотя все вышесказанное написано в юмористическом ключе, оно строго соответствует цитате, взятой из-под пера д-ра Кларка, и согласуется с фактами, имеющими место в данном деле. Читатель сможет сам разобраться в этом вопросе по ходу изложения.

⁹⁶ 7 марта 1878 г

Снова приведем цитату историка Мосхайма⁹⁷. Говоря о некоторых работах Климента⁹⁸, Иустина Мученика⁹⁹, Татиана¹⁰⁰, Феофила¹⁰¹ и других, он говорит, что эти работы утеряны, и добавляет: «Но об этой утрате не следует сожалеть, потому что ни один из этих толкователей не может быть назван хорошим. Все они считали, что язык Писания содержит два значения, одно из которых является очевидным и соответствует буквальному смыслу слов, а другое скрыто под словами, как орех под скорлупой; и, пренебрегая первым, как малоценным, они уделяли главное внимание второму; то есть они больше стремились набросить туман на Священное Писание выдумками своего воображения, чем докопаться до его истинного смысла»¹⁰².

В одной из своих последних работ, «История толкования», архидиакон Фаррар¹⁰³ говорит о святых Отцах: «Есть лишь немногие из них, чьи страницы не изобилуют ошибками, – ошибками метода, ошибками фактов, ошибками истории, грамматики и даже доктрины. Это язык простой истины, а не пренебрежительного унижения» (*ред.: речь идет о языке самого высказывания Фаррара об Отцах*)¹⁰⁴.

И снова, на странице 164 той же книги, Фаррар заявляет: «Не имея глубоких знаний, не владея языком, не обладая литературной

⁹⁷ Иоганн Лоренц фон Мосхайм – германский лютеранский теолог и известный историк церкви. Мосхайм был ведущим церковным историком своего времени

⁹⁸ Святой Православной и Католической церкви, апостол от семидесяти, четвёртый епископ Рима, один из мужей апостольских. Широко почитался в Древней Руси

⁹⁹ Иустин Философ – раннехристианский мученик и апологет. Причислен к лику святых в Православной и Католической церквях

¹⁰⁰ Татиан или Тациан Ассириец – христианский писатель-апологет

¹⁰¹ Феофил (греч. Θεόφιλος ὁ Ἀντιοχεύς) – патриарх Антиохийский с 169 по 182 гг

¹⁰² Ecclesiastical History, book 1, cent. 2, part 2, chap. 3, sec. 5

¹⁰³ Фредерик Вильям Фаррар (1831–1903 гг.) – англиканский богослов, писатель, экзегет; проповедник в Кембридже

¹⁰⁴ с. 162, 163

культурой, не имея никаких окончательных принципов ни относительно природы Священного Писания, ни относительно метода его толкования, будучи окруженными язычеством, иудаизмом и ересями всех мастей и полностью зависев от ошибочного перевода, ранние отцы и апологеты практически ничего не добавляют к нашему пониманию Писания... Их представление о Ветхом Завете неверно, поверхностно и полно ошибок; их аргументы из Писания часто необоснованны; их интерпретация – новаторская только в применении – представляет собой хаос элементов, бессознательно заимствованных, с одной стороны, у Филона¹⁰⁵, а с другой – у раввинов и каббалистов. Они претендуют на “изящество” изложения, которое не оправдывается предлагаемыми ими результатами, и считают себя обладателями христианского гнозиса¹⁰⁶, примеры которого в большинстве своем совершенно несостоятельны».

Эти цитаты из-под пера Фаррара должны иметь более чем обычный вес в данном вопросе, поскольку, кроме католической церкви, нет другой церкви, которая бы так сильно зависела от Отцов, как Англиканская или Епископальная церковь (*ред.: и православная церковь*).

В последней цитате Фаррара встречается такое выражение: «Окруженный язычеством, иудаизмом и ересью всех мастей» и т.д. Об этом, похоже, забывает большинство людей, восхваляющих Отцов. Они говорят о них как о живших во времена апостолов, но упускают из виду, что они жили еще ближе к другому времени, а именно ко времени повального язычества. И если бы их характер определялся характером людей, к которым они были ближе всего по времени, то мы считаем, что намного больше вероятность того, что они примут окрас язычества, чем христианства.

«Но», – говорит один из них, – «есть один аргумент в их защиту и против идеи, что они находились под влиянием язычества, а не

¹⁰⁵ Филон Александрийский или Филон Иудей; Он представитель еврейского эллинизма

¹⁰⁶ Высшего проникновенного богопознания

христианства: они исповедовали христианство и боролись с язычеством; они изучали труды апостолов и таким образом переняли их характер».

Это большое заблуждение. На самом деле, так называемые Отцы изучали труды языческих философов гораздо больше, чем труды апостолов. Они выдавали себя за философов, и, хотя они действительно делали вид, что борются с язычеством, оружие, которое они использовали, было чаще взято из языческой философии, чем из Библии. И даже когда они цитировали Библию, их языческие представления искажали ее толкование. Таким образом, в их столкновениях с язычеством мы имеем по большей части не что иное, как противостояние одной формы язычества другой форме того же язычества.

По этому поводу де Квинси¹⁰⁷ в своем сочинении «Языческие оракулы» говорит: «Но здесь и повсеместно, говоря об Отцах как о совокупности людей, мы обвиняем их в антихристианской практике двоякого порядка: то они поддерживают свое великое дело в чуждом ему духе, отвечая не менее безжалостно, чем их противники; то принимают аргументы, строящиеся не на христианском основании; опираются на заблуждения для опровержения заблуждений, на суеверия для ниспровержения суеверий; привлекают оружие из арсенала тьмы, которое, чтобы быть прочным, должно быть небесного закала. Одним словом, святые отцы посягают на те чувства, которые служат для христианства движущей силой, и на те истины, которые служат для христианства путеводным светом. В действительности, примечательная попытка Мильтона¹⁰⁸ охарактеризовать Отцов как единое целое, как бы презрительна она ни была, вряд ли может быть оспорена как чрезмерная.

Никогда еще заблуждения Отцов не проявлялись так ярко, как в их теориях о языческих пророчествах. От имени Бога они решили

¹⁰⁷ Томас де Квинси, или Де Куинси – английский писатель, эссеист

¹⁰⁸ Джон Милтон – английский поэт, политический деятель и мыслитель; автор политических памфлетов и религиозных трактатов

быть мудрее Бога и, демонстрируя силу Писания, выдвигать доктрины, которые Писание нигде не подтверждало».

В дальнейшем будет приведено еще много свидетельств по этой теме. Сейчас мы приведем еще одно высказывание историка Мосхайма. В своем рассказе о христианской церкви во II веке он говорит следующее: «Выдающиеся писатели-полемисты того времени сталкивались либо с иудеями, либо с идолопоклонниками, либо с развратителями христианского учения и основателями новых сект, то есть с еретиками. С иудеями спорили, в частности, Иустин Мученик в своем диалоге с Трифоном¹⁰⁹, а также Тертуллиан¹¹⁰, но ни тот, ни другой не проявили себя лучшим образом, поскольку не были знакомы с языком и историей евреев и не рассмотрели этот вопрос должным образом. На язычников нападали в особенности те, кто писал апологии для христиан, такие как Афинагор¹¹¹, Мелитон¹¹², Кодрат¹¹³, Мильтиад¹¹⁴, Аристид¹¹⁵, Татиан и Иустин Мученик; или кто составлял обращения к язычникам, такие как Иустин, Тертуллиан, Климент и Феофил Антиохийский.

Человек здравомыслящий, уважающий истину, не может высоко оценить их. Большинству Отцов не хватает проникательности, знания, применения, хорошего аргументирования и силы. Они часто приводят очень слабые аргументы, которые скорее смущают разум, чем убеждают его»¹¹⁶.

В той же главе (раздел 10) историк Мосхайм подводит итог в отношении Отцов следующим образом: «Нам представляется, что

¹⁰⁹ Диалог с Трифоном иудеем

¹¹⁰ Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан – один из наиболее выдающихся раннехристианских писателей, theologов и апологетов

¹¹¹ Афинагор Афинский – один из так называемых апологетов, то есть философов, защищавших христианство во II веке

¹¹² Мелитон, из Сард, II в. н.э., греческий христианский апологет

¹¹³ Кодрата Афинского признают первым из греческих апологетов

¹¹⁴ Мильтиад (греч. Μιλτιάδης) (II в. н.э.), церковный писатель, один из раннехристианских апологетов

¹¹⁵ Аристид Афинский – афинский философ, один из первых христианских апологетов, включён в число святых Католической церкви

¹¹⁶ Ecclesiastical History, book 1, cent. 2, part 2, chap. 3, sec. 7

в их сочинениях есть много прекрасного, хорошо продуманного и рассчитанного на возбуждение благочестивых чувств, но также и много излишне строгого, происходящего от стоической¹¹⁷ и академической философии¹¹⁸; много неясного и неопределенного; много решительно ложного и несовместимого с заповедями Христа. Если кто-либо заслуживает звания плохого учителя нравственности, не имеющего ни справедливых представлений о надлежащих границах и ограничениях христианских обязанностей, ни ясных и отчетливых понятий о различных добродетелях и пороках, ни представления о тех общих принципах, к которым следует возвращаться во всех рассуждениях о христианской добродетели, и поэтому очень часто говорит наугад и ошибается при изложении божественных законов; хотя он может говорить много прекрасных вещей и возбуждать в нас сильное чувство; то я охотно признаю, что в строгой истине это звание принадлежит многим из Отцов».

Прочитав вышеизложенное, мы не удивляемся тому, что, соглашаясь с д-ром Кларком и «преподобным Леви Филетусом Доббсом», историк Мосхайм заявляет: «Поэтому нет ничего странного в том, что все секты христиан могут найти в так называемых “Отцах” что-то в пользу своих собственных мнений и систем».

Это действительно так, но хотя «эти почтенные колеблющиеся» иногда натываются на истину, они оказывают наибольшую поддержку и утешение тем сектам, которые придерживаются самых небиблейских принципов, например, католикам и мормонам. Очень редко их свидетельства приводятся в защиту какого-либо учения или обычая, действительно основанного на Писании.

Чтобы показать, что эти так называемые отцы не только ошибаются в вопросах доктрины, но и не заслуживают доверия в том, что касается фактов, приведем цитату из историк Мосхайма, который утверждает:

¹¹⁷ Стоицизм – философская школа, возникшая в Афинах ок. 300 г. до н.э. во времена раннего эллинизма и сохранившая влияние вплоть до конца античного мира. Основатель стоицизма Зенон Китийский

¹¹⁸ Предмет занятий профессионального сообщества

Они использовали ложь в своих спорах

Историк пишет: «Но ни в коем случае нельзя упускать из виду, что дискуссии, затеянные против противников христианства в этот век, далеко отошли от первобытной простоты и правильного метода ведения спора. Христианские ученые, получившие образование в школах риториков и софистов, неосмотрительно переносили искусство этих учителей на дело христианства и поэтому не придавали значения тому, сбивают ли противника с толку низкими уловками или вескими аргументами. Таким образом, тот способ ведения спора, который древние называли экономным и целью которого была скорее победа, чем истина, получил почти всеобщее одобрение. А платоники способствовали распространению этой практики, утверждая, что использовать ложь и заблуждения для поддержки истины, когда ей грозит опасность быть снесенной, не является грехом»¹¹⁹.

В своих «Экклезиастических комментариях» историк Мосхайм также отмечает: «Некоторые из слабых братьев, стремясь всеми силами помочь Богу [в распространении христианской веры], иногда прибегали к таким нечестным приемам, которые ни при каких обстоятельствах не могли быть оправданы и были совершенно недостойны того священного дела, которое они, несомненно, должны были поддерживать. Так, например, понимая, каким огромным авторитетом пользовались у греков и римлян поэтические излияния древних пророкиц, называемых Сивиллами¹²⁰, некий христианин, а может быть, и объединение христиан, в царствование Антонина Пия¹²¹ составил восемь книг Сивиллиных стихов, состоящих из пророчеств о Христе и Его Царстве. Известно, что

¹¹⁹ Ecclesiastical History, book 1, cent. 3, part 2, chap. 3, sec. 10

¹²⁰ Сивиллы, сибиллы – в античной культуре пророкицы и прорицательницы, экстатически предрекавшие будущее, зачастую бедствия

¹²¹ Тит Аврелий Фульв Бойоний Аррий Антонин Пий, правивший под именем Тит Элий Адриан Антонин, более известный в римской историографии как Антонин Пий, – римский император, правивший с 10 июля 138 по 7 марта 161 года

в этом и последующих веках практиковалось множество других махинаций подобного рода, которые по обычаю неправомерно стали называться благочестивыми обманами. Их авторы, по всей вероятности, не имели злого умысла, но это все, что можно сказать в их пользу, так как их поведение в этом отношении было, конечно, крайне непродуманным и недопустимым. Хотя большая часть тех, кто участвовал в этих подделках, несомненно, принадлежала к той или иной еретической секте, и особенно к тому классу, который присвоил себе помпезное название гностиков, я все же не могу взять на себя смелость оправдать даже самых строгих ортодоксов в причастности к этому виду беззакония; ибо из неопровержимых доказательств следует, что этот пагубный принцип, бытовавший в школах не только египтян, платоников и пифагорейцев, но и иудеев, был очень рано признан христианами и вскоре нашел среди них многочисленных сторонников. Этот принцип гласил: те, кто занимается обманом с целью продвижения дела истины, заслуживают скорее похвалы, чем порицания»¹²².

Пусть читатель освежит в памяти то, что было написано о языческой философии и о том, как она склоняла к распущенности нравов, и тогда, узнав, что так называемые христианские отцы постоянно изучали эту языческую философию, такой человек не будет удивляться, что они мало заботились о сохранении истины. То, что некоторые из наиболее известных Отцов не только изучали философию, но и были известны как учителя философии даже после того, как исповедовали христианство, не вызывает сомнений. Историк Мосхайд, показав, как мы уже цитировали ранее, насколько быстро деградировала церковь, далее говорит: «Внешние изменения, произошедшие в устройстве церкви, были бы гораздо менее пагубны для интересов христианства, если бы не сопровождались другими, внутренними изменениями, которые затронули самые жизненные основы религии и в немалой степени повлияли на авторитет тех священных писаний, на которые опирается вся система христианской практики. Наиболее

¹²² Commentaries, cent. 2, sec. 7

значительные и важные из них следует отнести к пристрастию к философии и гуманитарной образованности, которыми христиане в течение предыдущего столетия если и не пренебрегали и не презирали, то, по крайней мере, разумно сдерживали и ни в коем случае не смешивали с религией; но в эпоху, о которой мы сейчас говорим, они внезапно вспыхнули и при чем, с огромной быстротой распространились среди значительной части церкви. Это можно объяснить тем, что многие греческие философы, которых в течение этого века склонили к принятию христианства, не только сохранили свое первоначальное вероисповедание, одежду и образ жизни, но и продолжали рекомендовать изучение философии и посвящать в нее молодежь. В доказательство этого, среди множества других примеров, мы можем привести, в частности, пример Иустина, знаменитого философа и мученика. Однако непосредственным питомником и, так сказать, колыбелью христианской философии следует считать знаменитую семинарию, долгое время процветавшую в Александрии под названием катехизической школы. Ибо руководившие ею в рассматриваемую нами эпоху Пантен¹²³, Афинагор¹²⁴ и Климент Александрийский¹²⁵ не только сами ревностно занимались философией, но и своим влиянием убеждали тех, кого они готовили к должности учителей церкви, следовать их примеру в этом отношении и связывать философские принципы с религиозными»¹²⁶.

Тот же автор говорит об Отцах II века: «Философы и ученые мужи, перешедшие к христианам в этом веке, своими рассуждениями, сочинениями и талантами оказали немалую защиту этой святой религии и были ее украшением. Но если кто-то склонен

¹²³ Христианский богослов, глава Александрийской богословской школы. Святой Католической церкви и Коптской церкви

¹²⁴ Афинагор Афинский – один из так называемых апологетов, то есть философов, защищавших христианство во II веке

¹²⁵ Климент Александрийский – христианский богослов, апологет, проповедник и философ, руководитель Александрийской богословской школы, возглавлявший её до Оригена

¹²⁶ Historical Commentaries, cent. 2, sec. 25

сомневаться в том, что эти люди принесли христианскому делу больше пользы, чем вреда, то я должен признаться, что не в состоянии решить этот вопрос. Ибо благородная простота и величественное достоинство христианской религии были утрачены или, по крайней мере, умалены, когда эти философы осмелились связать с ней свои догмы и поставить веру и благочестие под власть человеческого разума»¹²⁷.

Это, конечно, очень мягкий взгляд на дело. Не подлежит сомнению, что философы, пришедшие в Церковь и принесшие с собой свои философские догмы, были несомненным проклятием для христианства. «Мертвые мухи портят и делают зловонною благовонную масть мироварника»¹²⁸. Так и языческие обычаи, и образ мыслей, которые эти люди привнесли в христианскую церковь, развратили все ее тело. Сама их ученость еще больше вредила истинному христианству, ибо из-за нее на них смотрели как на «вождей христианской мысли», тогда как на самом деле их философия была лишь «пустым обольщением»¹²⁹, а их наука – «лжеименным знанием»¹³⁰.

Этот вывод будет тем очевиднее, если вспомнить, что эти люди были невежественны в отношении к Библии примерно в такой же степени, в какой они были искусны в «философии». Доктор Киллен дает краткую информацию о каждом из первых Отцов, а затем добавляет: «Предшествующее описание Отцов второго и третьего веков может позволить нам составить некоторое представление о ценности этих писателей как церковных авторитетов. Большинство из них достигли зрелости, прежде чем приняли евангельскую веру, так что, за редким исключением, им не хватало преимуществ раннего христианского образования. Некоторые из них до своего обращения уделяли много времени и внимания бесплодным рассуждениям языческих философов, а после принятия в лоно Церкви продолжали заниматься теми же бесполезными

¹²⁷ Mosheim's Ecclesiastical History, book 1, cent. 2, part 1, chap. 1, sec. 12

¹²⁸ Еккл. 10:3

¹²⁹ Кол. 2:8

¹³⁰ 1 Тим. 6:20

занятиями. Киприан¹³¹, один из самых красноречивых отцов, принял крещение всего за два года до избрания епископом Карфагена; во время своей сравнительно короткой епископальной деятельности он находился в суматохе и, следовательно, имел мало свободного времени для чтения и умственного развития. Такой писатель не может вызывать доверия как излагатель веры, однажды переданной святым. Даже в наше время, при всех возможностях, предоставляемых книгопечатанием для быстрого накопления знаний, никто не ожидал бы большого духовного наставления от автора, взявшего на себя обязанность толковать Писание через два года после своего обращения из язычества. Отцы II и III веков не считались надежными проводниками даже у своих современников-христиан... Тертуллиан, который по своей образованности, энергичности и гениальности стоит во главе латинских писателей этого периода, был связан с партией мрачных фанатиков. Ориген, самый плодотворный и эрудированный из греческих отцов, был отлучен от церкви как еретик. Если оценивать этих авторов так, как их оценивала ранняя Римская Церковь, то их труды должны быть признаны малоценными. Тертуллиан, как монтанист¹³², находился под запретом римского епископа. Ипполит¹³³ не пользовался благосклонностью ни Зефирина¹³⁴, ни Каликста¹³⁵, поскольку осуждал обоих как еретиков. К Оригену римская церковь относилась как к человеку, приговоренному к отлучению. Стефан¹³⁶ считал недостойным церковного общения даже Киприана, поскольку карфагенский прелат отстаивал правомерность повторного крещения еретиков».

¹³¹ Киприан (около 210 – 14 сентября 258 г. н.э.) был епископом Карфагена и раннехристианским писателем берберского происхождения

¹³² Религиозное движение (течение) II века, (ересь) в христианстве. Движение названо в честь своего основоположника – Монтана

¹³³ Ипполит Римский – один из самых плодотворных раннехристианских авторов, мученик, второй антипапа

¹³⁴ Епископ римский с 28 июля 199 года по 25 августа 217 или 20 декабря 217 года

¹³⁵ Епископ римский с 20 декабря 217 года по 11 октября 222 года

¹³⁶ Епископ римский с 12 мая 254 года по 2 августа 257 года

Причуды Отцов

«Ничто не может быть более неудовлетворительным или, скорее, детским, чем объяснения Священного Писания, которые иногда дают эти древние толкователи. По мнению Тертуллиана, две малые птицы, упомянутые в Новом Завете, означают душу и тело; а Климент Александрийский серьезно обосновывает необходимость брака обещанием: “Где двое или трое собраны во имя Мое, там и Я посреди них”. Киприан приводит в качестве аргумента в поддержку доктрины Троицы, что иудеи соблюдали “третий, шестой и девятый часы” как “установленные и законные времена для молитвы”. Ориген представляет небесные тела как буквально вовлеченные в акты поклонения. Если верить этим авторитетам, то Гихон, одна из рек Рая, был не чем иным, как Нилом. Очень немногие из Отцов этого периода были знакомы с древнееврейским языком, так что они, как класс, не имели достаточной квалификации для толкования Писания. Даже сам Ориген, должно быть, очень плохо знал язык Ветхого Завета. Вследствие своих литературных недостатков Отцы II и III веков иногда совершают самые нелепые промахи. Так, Иринея¹³⁷ утверждает, что имя Иисус на древнееврейском состоит из двух с половиной букв, и описывает его как обозначение “того Господа, который содержит небо и землю”! Этот же Отец утверждает, что еврейское слово “adonai”, или Господь, обозначает “неизреченный и чудесный”. Климент Александрийский не более успешен в толковании священного языка избранного народа; он утверждает, что Иаков был назван Израилем “потому что видел Господа Бога”, и говорит, что Авраам означает “избранный отец звука!”»¹³⁸

По этому поводу тот же автор делает следующие наиболее справедливые замечания, которые достойно завершают эту подборку высказываний об Отцах: «Создается впечатление, что

¹³⁷ Иринея Лионский – один из первых Отцов Церкви, ведущий богослов II века и апологет, второй епископ Лиона.

¹³⁸ Ancient Church, period 2, sec. 2, chap. 1, paragraphs 31, 32

великий Глава Церкви позволил этим ранним писателям совершать грубейшие ошибки и выдвигать самые глупые теории с той целью, чтобы научить нас, что мы не должны безоговорочно следовать их указаниям. Можно было бы подумать, что авторы, процветавшие на границах апостольских времен, знают больше о разуме Духа, чем другие, появившиеся в последующие эпохи; но истины Писания, как и явления видимого творения, одинаково понятны всем поколениям. Если мы обладаем духовной проницательностью, то деревья и цветы покажут нам мудрость и благость Божию так же ясно, как и нашим первым родителям; а если мы имеем “благословение от Святого”, то можем вникнуть в смысл Писания так же полно, как Иустин Мученик или Ириней (и даже в гораздо большей степени, поскольку их разум был ослеплен и скован ложной философией). Для того, чтобы помочь нам в толковании Нового Завета, мы располагаем критическим инструментом (*ред.: Библией*), которым они не могли воспользоваться. Иегова ревнует о чести Своего Слова, и Он начертал светлыми буквами над трудами древнейших толкователей: “Отступите от человека”. Раскрытие Писания, чтобы показать его красоту, последовательность, чистоту, мудрость и силу, является самым ярким доказательством того, что комментатор владеет “ключом знания”. По этому критерию Томас Скотт или Мэтью Генри имеют большее право на доверие, чем Ориген или Григорий Тауматург¹³⁹. Библия сама является самым надежным толкователем. “Закон Господа совершен, укрепляет душу; откровение Господа верно, умудряет простых”¹⁴⁰.

Первыми по порядку идут так называемые «апостольские Мужья»¹⁴¹.

¹³⁹ Григорий Чудотворец (ок. 213, Неокесария – ок. 270–275) – 1-й епископ Неокесарийский, святитель, богослов.

¹⁴⁰ The Ancient Church, sec. 2, chap. 1, last paragraph

¹⁴¹ Апостольские мужья – авторы ряда раннехристианских текстов второй половины I и II веков. Наименование «апостольские мужья» призвано продемонстрировать их прямую связь с апостолами, которых многие из апостольских мужей знали лично

«Апостольские Мужи»

О них следует сказать несколько слов. Следующая цитата из Британской энциклопедии представит и обрисует эту часть темы лучше, чем все, что мы могли бы написать: «Апостольские мужи – это название, данное некоторым писателям в ранний период христианства, которые, как считалось, были учениками апостолов и общались с ними. К ним обычно относят Климента Римского, Игнатия, Поликарпа, Варнаву и Ерма¹⁴². Иногда под это название попадают Папий из Иераполя¹⁴³ и автор Послания к Диогнету. Критический анализ приписываемых этим людям сочинений и критическое просеивание имеющихся у нас преданий, касающихся их истории, свидетельствуют о том, что это неправомерное положение дел. Предполагалось, что Климент Римский, Варнава и Ерма – это лица, упоминаемые в Новом Завете; но критика убедительно доказывает, что это ошибка в отношении Варнавы и Ерма, а возможно, и Климента. Поликарп, по всей вероятности, и по лучшим свидетельствам, общался с апостолами, но это было в ранней юности, а его письмо относится к периоду, значительно более позднему, чем апостольский период. Послания Игнатия, как и личная история этого мученика, находятся в большой неясности, и критики сильно расходятся во мнениях относительно обоих».

В своем «Вступительном слове» к «Апостольским мужам» епископ Кокс говорит о них следующее: «Разочарование может быть первым чувством ученика, спустившегося с горы, где он обитал в скиниях евангелистов и апостолов; ведь эти ученики, по общему признанию, уступают своим наставникам; они говорят голосами немощных и склонных к ошибкам людей, а не как писатели Нового Завета – огненными языками Святого Духа.

¹⁴² Предполагается, что это апостол от семидесяти. Имя упоминается в Послании апостола Павла к римлянам: «приветствуйте Асинкрита, ... Ерма... и других с ними братьев» (Рим. 16:14)

¹⁴³ Папий Иерапольский или Гиерапольский – раннехристианский святой, писатель, один из апостольских мужей. Евсевий Кесарийский называет Папия епископом Иераполя во Фригии

Сами их ошибки позволяют нам больше ценить превосходство вдохновенных писателей. Они были не мудрее учителей своего времени, которые учили их истории Феникса и другим басням; но ничего подобного нет в Писании. Отцы уступают им как в характере, так и в степени».

Историк Неандер говорит о сочинениях, приписываемых так называемым апостольским Отцам, следующим образом: «Следующими после апостолов церковными писателями являются так называемые апостольские мужи (*Patres Apostolici*), которые происходят из апостольского времени и, должно быть, были учениками апостолов. Поразительное различие между писаниями апостолов и писаниями апостольских мужей, которые, тем не менее, так близки к первым по времени, представляет собой удивительное явление в своем роде. Если в других случаях такой переход обычно происходит постепенно, то в данном случае мы наблюдаем его внезапно. Здесь нет постепенного перехода, а есть внезапный скачок; это то обстоятельство, которое должно привести нас к признанию особой активности Божественного Духа в душах апостолов»¹⁴⁴.

И снова он говорит: «Сочинения так называемых апостольских мужей дошли до нас, увы, большей частью в весьма неопределенном состоянии; отчасти потому, что в ранние времена под именем этих почтенных мужей церкви подделывались сочинения, чтобы распространять определенные мнения или принципы; отчасти потому, что те сочинения, которые они действительно издали, были искажены, и особенно в угоду иудейско-иерархической партии, которая желала бы подавить свободный евангельский дух»¹⁴⁵.

Как видно, историк Неандер полагает, что эти труды, по крайней мере, частично являются подлинными произведениями тех людей, чьи имена они носят; но он признает, что даже если они подлинные, они были подделаны и искажены до такой степени, что к ним нельзя относиться с доверием ни в вопросах доктрины, ни в вопросах фактов. Этот вывод мы можем подтвердить, рассмотрев их подробно.

¹⁴⁴ Rose's Neander, p.407

¹⁴⁵ Там же

ГЛАВА V. «Послание Варнавы»

Знаменитое сочинение «Змеи в Ирландии» состояло всего из двух слов: «Их нет». Точно так же можно отнести и к так называемому «Посланию Варнавы», ибо его не существует. В доказательство этого утверждения мы приводим следующее свидетельство: «До нас дошло Послание, носящее имя Варнавы, но написанное явно не им..... Автор, очевидно, не был знаком с еврейскими Писаниями и совершил ошибку, предположив, что Авраам был знаком с греческим алфавитом за несколько столетий до его появления»¹⁴⁶.

Об этом послании в Британской энциклопедии говорится: «Само Послание убедительно свидетельствует против своей подлинности».

Историк Мосхайм отмечает: «Послание, дошедшее до нас под именем Варнавы и состоящее из двух частей, одна из которых содержит доказательства божественности христианской религии, почерпнутые из книг Ветхого Завета, а другая – сборник нравственных наставлений, несомненно, является сочинением большой древности, но мы остаемся в неясности относительно его автора. Что же касается того, что некоторые предполагают, будто оно было написано Варнавой, который был другом и спутником святого Павла, то тщетность такого предположения легко обнаруживается из самого письма; некоторые мнения и толкования Писания, которые в нем содержатся, имеют в себе так мало истины, достоинства или силы, что делают невозможным, чтобы они когда-либо исходили из-под пера человека, получившего божественное наставление»¹⁴⁷.

Историк Неандер заявляет: «Невозможно признать это послание принадлежащим тому Варнаве, который был достойным спутником святого Павла в их апостольском труде и который получил свое имя благодаря силе своих одушевленных речей в церквах. Мы находим

¹⁴⁶ McClintock and Strong's Encyclopedia, art. Barnabas

¹⁴⁷ Eccl. Com., cent. 1, sec. 53

в этом послании дух, отличный от духа такого апостола. Мы видим в нем иудея александрийского воспитания, принявшего христианство, подготовленного своим александрийским образованием к духовному пониманию христианства, но придававшего слишком большое значение своему александрийскому и иудейскому гнозису, искавшего особую мудрость в мистическом и причудливом толковании Ветхого Завета, более похожего на дух Филона, чем на дух святого Павла или даже Послания к евреям, и предававшегося таким толкованиям глупым образом»¹⁴⁸.

В своей книге «История церкви» Мосхайм снова пишет: «Послание Варнавы, как его называют, было, по моему мнению, произведением какого-то иудейского христианина, жившего в этом веке [первом] или в следующем, который не имел дурных намерений, но и не обладал большой гениальностью и находился под влиянием иудейских басен. Он явно отличался от Варнавы, спутника святого Павла»¹⁴⁹.

Однако о том, кто действительно написал это Послание, известно так мало, что, хотя эти авторы предполагают, что он был иудеем, причём первого века, в «Энциклопедии Шаффа-Герцога»¹⁵⁰ говорится следующее: «Современное мнение таково, что Варнава не был автором. Послание, вероятно, было написано в Александрии в начале второго века и христианином, пришедшим из язычников».

Д-р Шафф в своей «Истории христианской церкви» (в разделе 121) отмечает: «Писания, дошедшие до нас под именами Варнавы и Ерма, имеют неопределенное происхождение, уступают другим произведениям апостольских мужей как по содержанию, так и по простоте изложения, и содержат много элементов, которые мы должны причислить к более позднему поколению.

Подлинное произведение Варнавы, несомненно, заняло бы место в каноне вместе с писаниями Марка и Луки и Посланием

¹⁴⁸ с. 407

¹⁴⁹ Book 1, cent. 1, part 2, chap. 2, sec. 21

¹⁵⁰ Энциклопедия религиозных знаний Шаффа-Герцога – это религиозная энциклопедия. Он основан на более ранней немецкой энциклопедии *Realencyklopädie für Protantische Theologie und Kirche*

к евреям. Кроме того, содержание этого Послания недостойно его. В нем много хороших идей и ценных свидетельств, например, в пользу соблюдения христианской субботы. Но оно впадает в крайности в противостоянии иудаизму и предается всевозможным искусственным, иногда абсурдным, аллегорическим выдумкам».

Конечно, свидетельства в Послании есть, но что с того? Что если Послание – подделка, сделанная неизвестным и безответственным человеком? Что если его автор был невеждой, предававшимся самым нелепым фантазиям? Пока в нем приводятся «ценные свидетельства» в пользу соблюдения «христианской субботы», оно, несомненно, будет считаться достойным почетного места в «христианской литературе». Сторонники воскресной субботы не смогли бы более наглядно продемонстрировать скудость аргументов в ее пользу, чем заявить, что так называемое «Послание Варнавы» содержит «ценные свидетельства» в ее пользу. Насколько ценны эти свидетельства, мы скоро увидим.

В «Энциклопедии религиозных знаний» Китто¹⁵¹ (статья «Варнава») говорится об авторе этого послания: «Он делает неправомерные добавления к различным частям иудейского культа; его взгляды на Ветхозаветную систему сбивчивы и ошибочны; он принимает способ толкования, не поддерживаемый ни одним из вдохновенных писателей, и в высшей степени легкомысленно и абсурдно. Неизбежно напрашивается вывод, что Варнава, “сын пророчества”, “человек, исполненный Святого Духа и веры”, не был автором этого послания».

А в статье «День Господень» о так называемом Послании Варнавы говорится как о «вероятно, подделке второго века».

Епископ Артур Кливленд Кокс¹⁵² в своем вступительном примечании к Посланию, опубликованному издательством

¹⁵¹ Хамфри Дейви Финдли Китто – британский эллинист, специалист по классической древнегреческой литературе. Эмерит-профессор

¹⁵² Американский богослов, писатель и поэт – автор слов христианских гимнов. Доктор богословия, епископ Западного Нью-Йорка в Епископальной церкви США

христианской литературы, отмечает: «Предполагается, что автором этого Послания был александрийский еврей времен Траяна и Адриана. Он был мирянином, но, возможно, носил имя “Варнава”, и поэтому его путают с его святым апостольским именем – сир».

А оригинальное вступительное примечание переводчиков Послания к Эдинбургскому изданию содержит следующее: «Об авторе нижеследующего Послания ничего определенного не известно. Имя автора – Варнава, но едва ли кто из ученых теперь приписывает его прославленному другу и соратнику святого Павла. Читатель, ознакомившись с Посланием, может сам судить об этом. Дух и тон Послания, столь решительно направленные против всякого уважения к иудаизму, многочисленные неточности, содержащиеся в нем в отношении Моисеевых постановлений и обрядов, абсурдные и пустяковые толкования Писания, которые оно предлагает, и многочисленные глупые бахвальства своим превосходным знанием, которым предается его автор, – все это не может соответствовать тому, чтобы его приписывали соратнику святого Павла. Если вспомнить, что до Климента Александрийского никто не приписывал Послание апостолу Варнаве, а Евсевий относит его к числу “поддельных” сочинений, которые, как бы ни были известны и читаемы в церкви, никогда не считались авторитетными, то остается мало сомнений в том, что внешние свидетельства сами по себе слабы и не должны заставлять нас ни на минуту колебаться, отказываясь приписывать это сочинение апостолу Варнаве... С точки зрения стиля, как в отношении мысли, так и в отношении выражения, ему следует отвести очень незначительное место. Мы не знаем ничего определенного ни о местности, где жил автор, ни о том, где находились первые читатели».

Теперь будет уместно привести несколько отрывков из этого знаменитого Послания, чтобы наши читатели могли сами оценить его характер. Сначала приведем «ценные свидетельства» «в пользу соблюдения» воскресного дня. Все, что говорится по этому поводу, содержится в 15-й главе Послания, которую мы цитируем полностью: «Далее, о субботе написано в декалоге, который

(Господь) говорил Моисею на горе Синай лицом к лицу: “И святите субботу Господню с чистыми руками и чистым сердцем”. И в другом месте он говорит: “Если сыновья Мои будут соблюдать субботу, то Я упокою милость Мою на них”. Суббота упоминается в начале творения (так): “И сотворил Бог в шесть дней дела рук Своих, и окончил в день седьмой, и почил в оный, и освятил его”. Вникните, дети мои, в смысл этого выражения: “Он закончил в шесть дней”. Это означает, что Господь завершит все дела за шесть тысяч лет, ибо один день для Него – тысяча лет. И Он Сам свидетельствовал, говоря: “Вот, день будет как тысяча лет”. Поэтому, дети мои, через шесть дней, то есть через шесть тысяч лет, все будет закончено. “И почил Он в день седьмой”. Это значит: когда Сын Его, придя (снова), разрушит время нечестивых и будет судить нечестивых, и изменит солнце, и луну, и звезды, тогда Он действительно будет почивать в седьмой день. Более того, он говорит: “Чистыми руками и чистым сердцем освящай его”. Итак, если кто может теперь освятить день, освященный Богом, если он во всем не чист сердцем, то мы обманываемся. Итак, несомненно, что освящает его тот, кто должным образом отдыхает, когда мы сами, получив обетование, когда нечестие уже не существует, а все новое соделано Господом, будем способны творить праведность. Тогда мы сможем освятить его, предварительно освятившись сами. Далее, он говорит им: “Новолуний ваших и суббот ваших я не могу терпеть”. Вы понимаете, как он говорит: Нынешние ваши субботы для меня неприемлемы, но та, которую Я создал (а именно эта), когда, дав покой всему, Я положу начало восьмому дню, то есть начало другого мира. Поэтому и восьмой день мы празднуем с радостью, день, в который Иисус воскрес из мертвых. И, явив Себя, Он вознесся на небо».

Вот и все. Бесплезно пытаться анализировать этот отрывок, потому что в нем нет никакого смысла. Автор неправильно цитирует Священное Писание и фабрикует его, когда не находит ничего, отвечающего его целям. Он аллегоризирует самые очевидные факты, а слова соединяет так, что их не поймет даже самый тонкий грамматист. Но на все это можно не обращать внимания, пока он не

упомянул о «восьмом дне» и тем самым представил «ценное свидетельство» в пользу соблюдения воскресного дня.

Уже одна эта глава достаточно доказывает истинность утверждения о том, что Послание содержит «абсурдные и ничтожные толкования Писания», но мы приведем еще несколько примеров. В последней части 9-й главы содержится информация, которую автор Послания считал наиболее ценной из всех, которые он мог сообщить. Цитируем: «Итак, дети мои, научитесь о всем богато, что Авраам, первый предписавший обрезание, взирая духом на Иисуса, совершил этот обряд, получив тайны трех букв. Ибо (Писание) говорит: “И обрезал Авраам десять, и восемь, и триста человек из дома своего”. Какое же знание было дано ему при этом? Сначала выучи восемнадцать, а потом триста. Таким образом, десять и восемь были пожертвованы: десять – I, а восемь – H. У вас есть инициалы имени Иисус. И поскольку крест должен был выразить благодать (нашего искупления) буквой T, он говорит также: “Триста”. Таким образом, он обозначает Иисуса двумя буквами, а крест – одной. Это знает Тот, Кто вложил в нас привитый дар Своего учения. Я никого еще не посвятил в более превосходное знание, чем это, но я знаю, что вы этого достойны».

Это действительно удивительная и превосходная информация! Архидиакон Фаррар говорит об этом: «Ни Варнаве, ни тем, кто принял этот необычный образец изложения, даже в голову не приходило, что есть какая-то нелепость (*ред.: абсурдность*) в приписывании халдейскому Князю (*ред.: Аврааму*) применения мистических процессов и числовых значений к буквам алфавита, который начал существовать спустя сотни лет после его смерти»¹⁵³.

Но хотя самовлюбленный псевдо-Варнава считал эту главу самым «превосходным знанием», которым он соизволил поделиться с простыми людьми, следующая за ней глава (глава 10), безусловно, превосходит ее по мудрости. Хотя она довольно длинная, мы приводим ее целиком, чтобы читатель мог убедиться в мастерстве человека, написавшего это Послание.

¹⁵³ History of Interpretation, p. 168

Глава называется «Духовное значение заповедей Моисея о различных видах пищи» и гласит: «Итак, почему Моисей сказал: “Не ешь свиньи, ни орла, ни ястреба, ни ворона, ни рыбы, не имеющей чешуи”? Он принял три доктрины в своем сознании (при этом). Более того, Господь говорит им во Второзаконии: “И установлю постановления Мои в народе сем”. Так нет ли здесь повеления Божия, чтобы они не ели (этих животных)? Есть, но Моисей говорил о духовном. По этой причине он назвал свиней, как бы говоря: “Не соединяйся с людьми, похожими на свиней”. Ибо когда они живут в удовольствиях, то забывают Господа; когда же приходят в нужду, то признают Господа. Так и свинья, наевшись, не узнает своего хозяина, но, проголодавшись, кричит, а получив пищу, снова успокаивается. “Не ешьте, – говорит он, – ни орла, ни ястреба, ни коршуна, ни ворона”. “Не присоединяйся, – говорит он, – к таким людям, которые не умеют добывать себе пищу трудом и потом, но в своем беззаконии захватывают чужое, и хотя носят вид простоты, но бдительно следят за тем, чтобы грабить других”. Так и эти птицы, сидя без дела, ищут, как бы им поживиться чужой плотью, досаждая всем своим злодейством. “И не ешьте, – говорит он, – ни миноги, ни полипа, ни каракатицы”. Он имеет в виду: “Не приобщайся и не уподобляйся таким людям, которые нечестивы до конца и осуждены на смерть”. Подобно тому, как те рыбы, которых мы прокляли, плавают в глубине, не всплывая на поверхность, как остальные, а устраивая себе жилище в иле, который лежит на дне. Кроме того, он говорит: “Не ешьте зайца”. Почему? “Не будь развратителем мальчиков и не уподобляйся им”. Потому что заяц год от года умножает места своего зачатия; ибо сколько лет он живет, столько у него и мест зачатия. Кроме того, “не ешьте гиену”. Это значит: “Не прелюбодействуй и не развратничай, и не уподобляйся им”. Почему? Потому что это животное ежегодно меняет свой пол, в одно время являясь самцом, а в другое – самкой. Кроме того, он справедливо отвергает ласку. Ибо он говорит: “Не будь подобен тем, о которых мы слышим, что они делают зло ртом, по причине их нечистоты; и не соединяйся с теми нечистыми женщинами, которые делают беззаконие ртом. Ибо это животное зачинает ртом”. Моисей изложил три учения о мясе, имевшие духовное значение, но они

приняли их по плотскому желанию, как будто он говорил только о (буквальном) мясе. Давид же, постигнув знание этих трех доктрин, говорит так: “Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых”, как рыбы (о которых идет речь), уходящие во тьме в глубину (морскую); “не стоит на пути грешных”, как те, которые говорят, что боятся Господа, но блуждают, как свиньи; “не сидит в собрании развратителей”, как те птицы, которые подстерегают добычу. Вникните в это духовное знание полностью и прочно. Но Моисей говорит еще дальше: “Всякое животное, копытное и жвачное, ешьте”. Что он имеет в виду? (Жвачное животное обозначает того) кто, получая пищу, узнает питающего его и, насыщаясь им, заметно радуется. Хорошо говорил Моисей, говоря о заповеди. Что же он имел в виду? То, что мы должны присоединиться к боящимся Господа, к тем, кто размышляет в сердце своем над полученной заповедью, кто произносит суды Господни и исполняет их, кто знает, что размышление – дело радостное, и кто размышляет (*ред.: жует как жвачное животное*) над словом Господним. Но что значит “ходящие на ногах”? Праведник тоже ходит в этом мире, но с нетерпением ожидает святого состояния (грядущего). Посмотрите, какие законы издает Моисей. Но как они могли понять или постичь их? Мы же, правильно понимая его заповеди, объясняем их так, как задумал Господь. Для того и обрезал Он уши наши и сердца наши, чтобы мы могли понимать сие».

Таков характер этого Послания, которое и сегодня цитируется как содержащее ценное свидетельство в пользу соблюдения воскресного дня. Разумеется, вдумчивый читатель не может не видеть, что вряд ли можно выдвинуть более серьезное обвинение против воскресного учреждения, чем тот факт, что оно черпает свидетельство в поддержку из такого источника. Правда, сторонники воскресного дня говорят, что они не зависят от этого свидетельства, но мы замечаем, что они никогда не перестают его цитировать. Простое знание того, что так называемое «Послание Варнавы» цитируется в поддержку какого-либо учения или практики, должно быть достаточным доказательством того, что это учение или практика недостойны веры. На этом мы заканчиваем знакомство с псевдо-Варнавой.

ГЛАВА VI. Ерма и Климент

«Пастырь (или пастух) Ерма».

Так называется сборник видений, заповедей и образов, написанный где-то во II веке неизвестным человеком. Из того, что автор называет себя Ермом, некоторые сделали вывод, что он был другом Павла¹⁵⁴, но теперь уже никто не приписывает ему создание этого сборника. В настоящее время принято считать, что он был братом Пия I, который был епископом Рима с 143 по 157 год н.э. Историк Мосхайм пишет «Книга под названием “Пастырь Ерма” (названная так потому, что главным героем драмы является ангел в облике и одежде пастуха) была написана во II веке Ермом, братом римского епископа Пия. Писатель, если он действительно был в здравом уме, счел нужным подделать диалоги с Богом и ангелами, чтобы более эффективно внедрить в сознание своих читателей те истины, которые он считал полезными. Но его небесные духи говорят более тускло, чем наши мусорщики и грузчики»¹⁵⁵.

В «Комментариях для церкви»¹⁵⁶ он снова говорит об этой книге: «В небесных видениях, составляющих суть его первой книги, а также в наставлениях и притчах, вложенных в уста ангела в двух других книгах, наблюдается такая примесь глупости и суеверия к благочестию, такая нелепая связь самой вопиющей бессмыслицы с вещами важными и полезными, что вызывает удивление, что ученые люди вообще додумались отнести Ерма к числу вдохновенных писателей. Для меня очевидно, что он был либо диким, неуравновешенным фанатиком, либо, что более вероятно, человеком, который, чтобы легче привлечь внимание своих собратьев к некоторым максимам и наставлениям, которые он считал справедливыми и полезными, считал себя вправе претендовать на то, что он получил их из бесед с Богом и ангелами».

В примечании 2 к вышеприведенному разделу историк Мосхайм пишет «Несколько моментов, в которые я не могу

¹⁵⁴ Рим. 16:14

¹⁵⁵ Ecclesiastical History, book 1, cent. 1, part 2, chap. 2, sec. 21

¹⁵⁶ cent. 1, sec. 54

вникнуть в данном месте, убеждают меня в том, что Ерма не мог быть настолько одураченным своим разгоряченным воображением, чтобы вообразить, будто он видел и слышал вещи, которых в действительности не существовало, но что на самом деле он сознательно и намеренно пошел на обман и выдумал те божественные беседы и видения, которыми, как он утверждает, наслаждался, с целью добиться более легкого принятия некоторых наставлений и поучений, которые, по его мнению, были бы полезны для римской церкви. В то время, когда он писал, среди многих христиан было принято считать, что защитнику религии простительно прибегать к мошенничеству и обману, если они могут способствовать достижению какого-либо значительного блага.

А завершается примечание следующим образом: «“Пастырь Ерма” – это вымышленное произведение, во многом схожее с так называемыми “Климентинами” и “Признаниями Климента”¹⁵⁷. Однако по своему замыслу оно несколько уступает им, так как вместо смертных персонажей в беседе участвует само Божество, а в повествовании представлены Его служители или ангелы».

В «Пастыре Ерма» нет ни одного упоминания о воскресном дне или его соблюдении, но, как говорит переводчик в своем вступительном примечании, «эта работа очень важна во многих отношениях, но особенно как отражающая тон и стиль книг, которые интересовали и наставляли христиан второго и третьего веков».

Важность его в этом отношении станет более очевидной после того, как мы приведем несколько примеров его стиля. Но сначала мы хотим показать, как к нему относились в церквях того времени. Из предисловия переводчика мы извлекаем следующее: «“Пастырь Ерма” был одной из самых популярных книг, если вообще не самой популярной, в христианской церкви во втором, третьем и четвертом

¹⁵⁷ Также «Псевдо-Климентины» или «Клементины» – памятник апокрифической литературы раннего христианства[1]; христианский греческий роман II или III в. н. э., написанный, вероятно, в Сирии и известный в двух версиях, восходящих к какому-то общему источнику. Когда-то приписывался Клементу Римскому, жившему в I веке

веках. В некоторых отношениях она занимала место, аналогичное “Путешествию пилигрима” Джона Буньяна в наше время, и критики часто сравнивали эти два произведения.

Ранние авторы придерживаются мнения, что она действительно была вдохновлена. Ириной цитирует ее как Писание; Климент Александрийский говорит о ней как о “божественной”; Ориген, хотя некоторые его высказывания и считают сомнительными, неоспоримо считает ее “боговдохновенной”. Евсевий упоминает, что в его время преобладали разные мнения относительно богодухновенности этой книги: одни возражали против ее утверждений, а другие поддерживали ее божественное происхождение, особенно потому, что она служила прекрасным введением в христианскую веру. По этой последней причине, говорит он, она публично читалась в церквях».

После этого вступления мы перейдем к самой книге. Она начинается следующим образом: «Тот, кто меня воспитал, продал меня одной Роде в Риме. Через много лет после этого я узнал ее и стал любить как сестру. Через некоторое время я увидел, как она купается в Тибре; я подал ей руку и вытащил ее из реки. Вид ее красоты заставил меня подумать: “Я был бы счастливым человеком, если бы мог найти себе такую же красивую и хорошую жену, как она”. Это была единственная мысль, которая прошла через меня – только это и ничего больше”»¹⁵⁸.

Поскольку в следующих главах, кроме одной, писатель говорит о своих сыновьях, а затем довольно часто о своей жене, мы не можем считать, что его первое появление перед нами заслуживает доверия. О том, что историк Мосхайм справедливо называет писателя «диким, неуравновешенным фанатиком», можно судить по следующему высказыванию. Оно взято из первой части третьего видения:

«Видение, которое я видел, братья мои, было следующего характера. Я часто постился и молил Господа, чтобы Он показал мне откровение, которое обещал показать мне через ту старуху, и в ту же

¹⁵⁸ Book 1, vision 1, chap. 1

ночь эта старуха явилась мне и сказала: “Поскольку ты так жаждешь узнать все, иди в ту часть страны, где ты остановился, и около пятого часа я явлюсь тебе и покажу все, что ты должен увидеть”. Я спросил ее: “Госпожа, в какую часть страны мне идти?” И она сказала: “В любую, какую пожелаешь”. Тогда я выбрал подходящее место и удалился. Но прежде чем я начал говорить и упоминать место, она сказала мне: “Я приду туда, куда ты пожелаешь”. Тогда я отправился за город, считая часы, и дошел до того места, где обещал встретиться с ней. И вижу я приготовленное сиденье из слоновой кости, на нем лежала льняная подушка, а поверх льняной подушки расстелено покрывало из виссона. Увидев все это, а вокруг никого не было, я начал испытывать страх, и как бы дрожь охватила меня, и волосы встали дыбом, и как бы ужас охватил меня, когда я увидел, что я совсем один. Но, придя в себя и вспомнив о славе Божией, я набрался мужества, преклонил колени и снова, как прежде, исповедал Богу свои грехи. Тогда подошла старица в сопровождении шести юношей, которых я также видел прежде; она встала позади меня и слушала, как я молился и исповедовал Господу свои грехи. Прикоснувшись ко мне, она сказала: “Ерма, перестань непрестанно молиться о грехах твоих; молись о праведности, чтобы тотчас иметь часть ее в доме твоём”. Тогда она взяла меня за руку и привела на место, а юношам сказала: “Идите и стройте”. Когда юноши ушли, и мы остались одни, она сказала мне: “Сядь здесь”. Я говорю ей: “Госпожа, позволь мне сесть после того, как это сделает старший”. “Делай, что я тебе говорю, – сказала она, – садись”. Когда я хотел сесть справа от нее, она не позволила мне, но рукой манила меня сесть слева. Когда я размышлял об этом и досадовал, что она не позволила мне сесть справа, она сказала: “Ты досадуешь, Ерма?” Место справа предназначено для других, которые уже угодили Богу и пострадали за имя Его; а тебе предстоит еще многое совершить, прежде чем ты сможешь сесть с ними”».

Опустив большое количество бессмыслицы, так как книга не содержит ничего другого, мы переходим к седьмой главе видения 3, где находим следующий фрагмент учения о чистилище: «Она закончила свое объяснение башни. Но я без всякого стыда спросил

ее: “Возможно ли покаяние для всех тех камней, которые были отброшены и не вписались в здание башни, и будет ли им место в этой башне?” “Покаяние, – сказала она, – еще возможно, но в этой башне им не найти подходящего места. Но в другой, гораздо худшей, они будут положены, да и то лишь после того, как подвергнутся мучениям и закончат дни своих грехов. И на это место они будут переведены, потому что причастились праведного Слова. И только тогда они будут избавлены от наказания, когда в их сердцах появится мысль о раскаянии в содеянном. Если же она не придет в их сердца, то они не спасутся, по жестокосердию своему”».

Таким образом, языческое представление о чистилище рано проникло в церковь.

В книге 2, в заповеди 3, этот учитель, чьи труды читались в церквях и считались вдохновенными, представляет себя плачущим из-за того, что всю жизнь был виновен в неправде, и ангел дает ему чудесное заверение, что если он будет соблюдать слова истины, которые слышит, то «даже в ту неправду, которую ты раньше говорил, можно поверить, если твои нынешние заявления будут правдивы».

В книге 3, притча 5, глава 2, ему рассказывают историю о человеке, который засадил часть поля виноградом и оставил одного из своих рабов, чтобы тот очистил его и ничего другого не делал, пока хозяина не будет. Раб должен был получить свободу, если сделает все, что ему было приказано. Раб же, сделав то, что поручил ему господин, очистил виноградник от сорняков и, вскопав оставшуюся часть поля, посадил на ней виноградные лозы. Когда хозяин вернулся, он сделал раба своим наследником за то, что тот сделал гораздо больше, чем ему было приказано. В следующей главе эта притча объясняется следующим образом: «Если ты сделаешь какое-нибудь добро сверх того, что заповедано Богом, то приобретешь для себя более обильную славу и будешь более почтен Богом, нежели было бы в противном случае. Итак, если, исполняя заповеди Божии, ты делаешь, кроме того, и эти служения, то будешь иметь радость, если будешь исполнять их по моему повелению».

Епископ Кокс, являющийся особым апологетом Ермы, утверждает, что «вчитывание в этот отрывок идеи о сверхзаслугах является непростительным анахронизмом». То есть он утверждает, что этот отрывок не может учить о сверхзаслугах, поскольку в то время такого учения не существовало! Но мы не можем рассуждать подобным образом. Мы можем определить, в какие доктрины верили люди в то время, только по тому, чему они учили. Утверждение, что люди не придерживались этой доктрины в то время, опровергается этим отрывком, где она ясно изложена, ибо непредубежденный читатель увидит в нем католический догмат о том, что люди могут быть лучше, чем того требует от них Господь. На этом основана антихристианская доктрина об индульгенциях за грех. Нет ничего удивительного в том, что уже во II веке полуязыческий писатель излагал эту доктрину, поскольку она вполне соответствует языческим представлениям.

Влияние следующего ребяческого, глупого и нечестивого отрывка на тех, кто считал писания Ермы вдохновенными, можно лучше представить себе, чем описать. Когда мы перейдем к рассмотрению великого отступничества, то увидим, что чтение подобной ерунды в церкви принесло свои законные плоды: «Сказав эти слова, он хотел удалиться; но я схватил его за кошелек и стал умолять его Господом, чтобы он объяснил то, что показал мне. Он сказал мне: “Я должен немного отдохнуть, а потом все тебе объясню; подожди меня здесь, пока я не вернусь”. Я сказал ему: “Господин, что мне делать здесь одному?” – “Ты не один, – сказал он, – ибо эти девы с тобою”. “Тогда поручи меня им”, – ответил я. Пастырь подозвал их к себе и сказал им: “Поручаю его вам до моего прихода”, – и ушел. И остался я один с девами; они были весьма веселы, и дружелюбны ко мне, особенно четыре знатнейшие из них.

Девы сказали мне: “Пастырь не придет сюда сегодня”. “Что же мне делать?” – спросил я. Они ответили: “Жди его, пока он не придет; и если придет, то поговорит с тобой, а если не придет, то оставайся здесь с нами, пока он не придет”. Я сказал им: “Я буду ждать его до позднего времени, а если он не придет, то уйду в дом и вернусь рано утром”. Они же, отвечая, сказали мне: “Ты вверен

нам; ты не можешь уйти от нас”. “Где же, – спросил я, – я останусь?” – “Ты будешь спать с нами, – ответили они, – как брат, а не как муж; ибо ты наш брат, и впредь мы намерены жить с тобой, ибо мы очень любим тебя!”. Но мне было стыдно оставаться с ними. И вот одна, казавшаяся первой среди них, стала целовать меня (и другие, видя ее поцелуй, тоже стали целовать меня), и водить меня вокруг башни, и играть со мной. И я тоже стал как юноша и начал играть с ними: одни из них образовали хор, другие танцевали, третьи пели, а я, молча, ходил с ними вокруг башни и веселился с ними. Когда же стало поздно, я захотел пойти домой, но они не пустили меня. И я остался с ними на ночь и спал у башни. И вот девы расстелили на земле свои льняные одежды и заставили меня лечь посреди них; и они ничего не делали, кроме как молились; и я, не переставая, молился с ними, и не меньше их. И возрадовались девы, что я так молился. И оставался я там с девами до следующего дня во втором часу. Тогда возвратился пастырь и сказал девам: “Вы не нанесли ему какого-нибудь оскорбления?” “Спроси его”, – сказали они. Я сказал ему: “Господин, я был рад, что остался с ними”»¹⁵⁹.

Мы предлагаем читателю этот материал для того, чтобы он сам мог судить о характере столь восхваляемых ранних трудов и увидеть, чем питались первые церкви. Переводчик говорит об этой книге, что она «очень важна во многих отношениях, но особенно как отражающая тон и стиль книг, которые интересовали и наставляли христиан второго и третьего веков». И именно в церквях, которые интересовались и наставлялись подобным материалом, нам предлагается искать пример христианской веры и практики. Нам говорят, что воскресная суббота достойна уважения, потому что она возникла в ранней истории церкви; но когда мы читаем, что «Пастырь Ерма» был «одной из самых популярных книг, если не самой популярной книгой, в христианской церкви во втором, третьем и четвертом веках», и что «ранние авторы считают, что он был действительно вдохновлен», мы предпочитаем искать образец в другом месте. И мы можем только сожалеть о слепоте человека,

¹⁵⁹ Book 3, similitude 9, chap. 10, 11

который в наш век будет защищать такое произведение, как это делает епископ Кокс, говоря: «Блаженны были простые люди ..., которые с жадностью пили чистую и пытлившую мораль “Пастыря”». Действительно, чистая и пытливая мораль! Насколько же порочным должно было быть их учение, чтобы он назвал его безнравственным?

Говоря так о церквях второго, третьего и четвертого веков, автор не хотел бы, чтобы его поняли, как утверждающего, что тогда не было чистой и непорочной религии. Тогда были такие же чистые христиане, как и раньше, и позже; но они не составляли основной массы церквей. Это были те немногие, среди кого Библия была самой популярной книгой, и кто следовал ее ясному свету, а не тьме номинально обращенных языческих философов или «диких, неуравновешенных фанатиков». Если читатель захочет узнать обычаи настоящих христиан, он найдет их четко изложенными в учениях Христа и апостолов, содержащихся в Библии, которая является единственным руководством для христиан всех времен.

Послание Климента

Клименту Римскому приписывают два послания и несколько других сочинений, но поскольку первое послание – единственное, которое кто-либо считает подлинным, мы должны обратить внимание только на него. Послание начинается следующим образом: «Церкви Божией, пребывающей в Риме, к Церкви Божией, пребывающей в Коринфе». Это единственная подпись, но в оглавлении, приложенном к рукописи, авторство приписывается некоему Клименту. О нем известно лишь то, что он был тем, кого католики считают третьим (по некоторым данным, пятым) римским папой. Поэтому предполагается, что это послание было написано примерно в конце первого века христианской эры. Ниже приводится мнение историка Мосхайма по этому вопросу: «Следующий после апостолов Климент, епископ Рима, получил очень высокую репутацию как один из писателей этого века. Имеющиеся у нас на сегодняшний день сведения о его жизни, деяниях и смерти по

большей части неопределенны. Сохранились два Послания к коринфянам, написанные на греческом языке; принято считать, что первое из них подлинное, а второе подделано под святого каким-то обманщиком. Однако и первое послание, по-видимому, было испорчено каким-то неосторожным человеком, которому было жаль, что в произведении столь великого человека больше нет следов эрудиции и гениальности.

Другие произведения, носящие имя Климента, а именно “Апостольские каноны”, “Апостольские уставы”, “Признания Климента” и “Климентина”, были обманным путем приписаны этому выдающемуся отцу каким-то обманщиком с целью придания им большего авторитета. Это, как теперь выясняется, несомненно. Восемь книг “Апостольских уставов” – это работа некоего строгого и меланхоличного автора, задумавшего реформировать богослужение и дисциплину церкви, которые, по его мнению, утратили свою первоначальную чистоту и святость, и рискнувшего приписать имена апостолов к своим наставлениям и правилам, чтобы придать им актуальность. “Признания Климента”, мало чем отличающиеся от “Климентины”, представляют собой изобретательные и красивые басни»¹⁶⁰.

Историк Неандер говорит: «После Варнавы мы приходим к Клименту, возможно, тому самому, которого упоминает Павел (Флп. 4:3); он был в конце I века епископом Рима. Под его именем мы имеем одно Послание к коринфской церкви и фрагмент другого. Первое послание читалось в первые века вслух на богослужении во многих церквях, даже вместе с писаниями Нового Завета; оно содержит увещание к единству, переплетенное с примерами и общими рассуждениями, и адресовано церкви в Коринфе, которую сотрясали разделения. Это письмо, хотя в целом и подлинное, тем не менее, не свободно от важных добавлений»¹⁶¹.

Цель этой цитаты – показать, насколько высоко ценилось это Послание. На самом деле в Послании нет ничего поразительного, но когда люди отходят от света Слова Божьего, они в состоянии

¹⁶⁰ Ecclesiastical History, book 1, cent. 1, part 2, chap. 2, sec. 18, 19

¹⁶¹ с. 408

воспринимать самые глупые вещи. Мы приводим только одну выдержку из этого Послания, а именно доказательство Климента о воскресении: «Рассмотрим, возлюбленные, как Господь постоянно доказывает нам, что будет будущее воскресение, первым плодом которого Он сделал Господа Иисуса Христа, воскресив Его из мертвых. Вдумаемся, возлюбленные, в воскресение, которое происходит постоянно. День и ночь возвещают нам о воскресении. Ночь погружается в сон, а день встает; день (снова) уходит, а ночь наступает. Посмотрим на плоды (земли), как происходит сеяние зерна. Сеятель выходит и бросает зерно в землю; и семя, рассыпанное таким образом, хотя и сухое и голое, когда оно упало на землю, постепенно растворяется. Затем из этого растворения могущественная сила провидения Господня вновь поднимает его, и из одного семени вырастают многие и приносят плод.

Рассмотрим то удивительное знамение (воскресения), которое происходит в восточных землях, то есть в Аравии и близлежащих странах. Есть такая птица, которая называется феникс. Она единственная в своем роде и живет пятьсот лет. И когда приближается время ее гибели, она строит себе гнездо из ладана, мирры и других благовоний, в которое, по истечении времени, входит и умирает. Но когда плоть разлагается, появляется некий червь, который, питаясь соками мертвой птицы, выпускает перья. Затем, набравшись сил, она занимает то гнездо, в котором лежат кости ее родителя, и, неся их, перелетает из Аравийской земли в Египет, в город Гелиополис. И в открытый день, пролетая на виду у всех, кладет их на алтарь Солнца, а сделав это, спешит вернуться в свое прежнее обиталище. Затем жрецы проверяют записи дат и обнаруживают, что она вернулась точно в тот день, когда закончился пятисотый год.

Неужели же мы считаем великим и удивительным, что Создатель всего сущего воскрешает тех, кто благочестиво и уверенно служил Ему в доброй вере, когда даже птицей Он показывает нам могущество Своей силы, чтобы исполнить Свое обещание?»¹⁶².

¹⁶² Epistle 1, chap. 24, 25, and 26

Каждый изучающий Библию знает, что как Ветхий Завет, так и Новый изобилуют упоминаниями о воскресении. Особенно часто эта тема встречается у апостола Павла. Теперь мы спрашиваем: возможно ли, чтобы человек, знакомый с Библией, прошел мимо ее богатейших свидетельств о воскресении и привел в качестве доказательства лишь нелепую басню? Было ли это Послание написано Климентом или кем-то, кто жил позже и подделал его имя, несомненно одно: как книга христианского учения она не стоит той бумаги, на которой оно написано. Мы совершенно не можем понять, с каким благоговением многие люди относятся к этому материалу. Но мы особенно просим читателя представить себе состояние церквей, которые неделю за неделей принимают его как вдохновенное учение. Неизбежным результатом питания подобными туманными материалами должна была стать умственная деградация и неспособность отличить реальный аргумент от фантазии.

ГЛАВА VII. Послания Игнатия

Прежде чем приводить какие-либо утверждения или цитаты, касающиеся Игнатия¹⁶³ или приписываемых ему посланий, приведем единственный отрывок из посланий, который, как предполагается, учит соблюдению воскресного дня. Это девятая глава Послания к магнезийцам, которая в переводе звучит следующим образом: «Итак, если воспитанные в древнем порядке вещей обрели новую надежду, не соблюдая более субботы, но живя в соблюдении дня Господня, в который и жизнь наша возрождена Им и Его смертью – которую некоторые отрицают, – то через эту тайну мы обрели веру и потому терпим, чтобы быть учениками Иисуса Христа, единственного нашего Учителя, – как же мы сможем жить отдельно от Того, ученики Которого, будучи сами пророками в Духе, ожидали Его как своего Учителя? И потому Тот, Кого они должным образом ожидали, придя, воскресил их из мертвых».

Автор статьи «День Господень» в «Энциклопедии религиозной литературы» Китто, упомянув несколько предполагаемых свидетельств в пользу воскресенья, говорит: «Здесь мы должны обратить внимание на еще один отрывок, более ранний, чем все прочие, на который часто ссылаются как на имеющий отношение к теме дня Господня, хотя он, конечно, не содержит никаких упоминаний о нем. Он содержится в Послании Игнатия к магнезийцам (около 100 г. н.э.). Весь отрывок, по общему признанию, неясен, а текст может быть искажен..... Отрывок выглядит следующим образом: “Xi oun oi en palaiioiz pragmaoin anaotrathentez, eiz chainotmta elpidoz mlphon mecheti rabbatizontez, alla chata **choriechen** zoen zontez (en e chai e zoe emon aneteilen di autou chai too Thanatoo”, и так далее.

Многие комментаторы предполагают (на каком основании – неизвестно), что после слова **choriechen** следует понимать слово

¹⁶³ Игнатий Антиохийский, (20 декабря 107/112, Рим) – муж апостольский, мученик древней Церкви, третий епископ Антиохийский после апостола Петра Евода, ученик Иоанна Богослова; на Антиохийской кафедре предположительно с 68 года

emeran. Исходя из этого предположения, они пытаются согласовать остальную часть предложения с упоминанием о праздновании дня Господня, полагая далее, что en e относится к понятию emera, а все в целом противопоставляется со словом rubbatzintez в первом пункте.

Давайте теперь рассмотрим этот отрывок просто, как он есть. Недостатком предложения является отсутствие имени существительного, к которому можно было бы отнести autau. Этот недочет, так и не устранный, становится еще более очевидным благодаря введению emera. Если же принять, что churieche zoe – это просто “жизнь Господа”, имеющая более личное значение, то это, конечно, ближе к тому, чтобы обеспечить наличие имени существительного для autou. Опять же, en e вполне может относиться к zoe, а churieche zoe, означающее жизнь Господа, как явно включающее Его воскресение (как в Рим. 5:10 и т.д.), представляет собой точно такую же аналогию с духовной жизнью христианина, как и в Рим. 5, Кол. 3:3, 4 и многих других отрывках. Таким образом, в целом смысл можно передать так: “... Если те, которые жили по старому устройению, пришли к новизне надежды, **не соблюдая более суббот, но живя по жизни Господа нашего** (в которой, как бы, наша жизнь воскресла, через Него, и Его смерть, которую некоторые отрицают), ... то как мы сможем жить без Него?”

В таком виде (с учетом притянутого за уши стиля) смысл представляется нам простым, последовательным и грамматически правильным, без излишнего введения понятных слов; и этой точки зрения придерживаются многие, хотя по этому вопросу существуют значительные разногласия. С этой точки зрения отрывок вообще не относится к Господнему дню; но даже при противоположном предположении он не может считаться положительным доказательством раннего использования термина “День Господень” (на который часто ссылаются), поскольку материальное слово emera является чисто предположительным»¹⁶⁴.

¹⁶⁴ Encyclopedia of Biblical Literature, art. Lord's Day

Таким образом, мы имеем свидетельство непредвзятого очевидца, ученого и критика, а также блюстителя первого дня недели, который делает выводы, что в часто цитируемом отрывке из Игнатия нет никакой ссылки на первый день недели, который иногда ошибочно называют «днем Господним». Но так это или нет – вопрос не столь важный, как мы увидим, когда рассмотрим все свидетельства по этому вопросу. Мы привели эту выдержку, чтобы читатель увидел, что, как бы ни относиться к Посланию, оно не дает никакой поддержки или утешения приверженцам воскресного дня, поскольку в нем нет ни малейшего намека на этот день. Но честный человек, знающий правду о сочинениях Игнатия, нисколько не ссылаясь бы на них в пользу о соблюдении воскресного дня, даже если бы в них содержались самые явные и недвусмысленные ссылки на него. Теперь мы перейдем к изучению того, что мы можем узнать об Игнатии и его посланиях.

В «Британской энциклопедии» говорится следующее: «Сведения, которые мы получаем об Игнатии вплоть до Евсевия, крайне скудны».

В «Энциклопедии Макклинтока и Стронга» говорится следующее: «У нас нет достоверных сведений о жизни и служении Игнатия. Главным авторитетом является “Мученичество Игнатия”, но даже те, кто утверждает подлинность этого произведения, признают, что оно во многом переписано и искажено».

Ульхорн в «Энциклопедии Шаффа-Герцога» пишет: «Единственные источники, из которых можно почерпнуть какую-либо информацию об этой знаменитой личности, – это послания, распространявшиеся под его именем. Евсевий не знает о нем ничего, кроме того, что можно извлечь из посланий, за исключением нескольких кратких заметок Иринея и Оригена, которые ему также известны. Но приводимый им список антиохийских епископов сомнителен в отношении хронологии... Сохранившееся предание об Игнатии – история о том, что он был ребенком, о котором говорится в Мф. 18:5, и другие выдумки Симеона Метафраста¹⁶⁵ и Викентия –

¹⁶⁵ Симеон Метафраст – православный святой, византийский писатель, государственный деятель

совершенно бесполезно. Не представляют исторической ценности и различные сочинения “Aeta Martyrii”. У нас есть два, которые совершенно независимы друг от друга... Но все эти “Aeta Martyrii” – подделка: они противоречат посланиям, изобилуют неисторическими высказываниями; они не были известны ни одному древнему писателю, даже Евсевию, и датируются, вероятно, V веком. Таким образом, послания являются единственным источником информации, оставшимся в нашем распоряжении. Утверждается, что они были написаны Игнатием во время его путешествия из Антиохии (где он был приговорен к смерти) в Рим, где ему предстояло в наказание быть растерзанным дикими зверями».

А в «Британской энциклопедии» говорится еще дальше: «Письма Игнатия вызывают у критика большое затруднение».

Итак, из сказанного выше следует, что достоверно известно не так уж много, поскольку все сведения мы получаем из посланий, а сами послания имеют несколько сомнительный авторитет. Но давайте узнаем о них больше. Во вступительном слове к посланиям переводчик говорит следующее: «Всего существует пятнадцать посланий, носящих имя Игнатия: одно к Деве Марии, два к апостолу Иоанну, одно к Марии Кассобеле, одно к тарсянам, одно к антиохийцам, одно к Герою, диакону Антиохийскому, одно к филиппийцам, одно к ефесянам, одно к магнезийцам, одно к траллийцам, одно к римлянам, одно к филладельфийцам, одно к смирнянам и одно к Поликарпу. Первые три существуют только на латинском языке, остальные – и на греческом.

По общему мнению критиков, первые восемь из этих якобы писем Игнатия являются подделкой. Они несут в себе неопровержимые доказательства того, что являются произведением более поздней эпохи, чем та, в которой жил Игнатий. Ни Евсевий, ни Иероним не делают ни малейшего упоминания о них, и теперь они по общему согласию признаны подделками, которые в разные времена и для особых целей были выпущены под именем знаменитого епископа Антиохийского.

Но и после такого упрощения вопрос остается достаточно сложным. Из семи посланий, признанных Евсевием¹⁶⁶, мы располагаем двумя греческими редакциями: более короткой и более длинной. Очевидно, что та или иная из них представляет собой искаженный текст, и ученые в большинстве своем согласились принять более короткую форму как представляющую подлинное письмо Игнатия.

Однако, несмотря на то, что краткая форма посланий Игнатия была общепринята чем длинная, среди ученых все же было распространено мнение, что даже она не может считаться абсолютно свободной от вмешательств и искажений или несомненно быть подлинной. Так, Ларднер в своей работе «Достоверность евангельской истории» (1743 г.) пишет: «Я тщательно сравнил два издания и на основании этого сравнения убедился, что большее является добавленным искажением меньшего, а меньшее не является эпитомой или сокращением большего... Однако вопрос о том, является ли меньшее издание подлинным сочинением Игнатия, епископа Антиохийского, вызывает много споров, в которых принимали участие самые искусные критики. И как бы ни были убедительны те или иные мнения, я должен признаться, что считаю этот вопрос очень трудным»).

Доктор Киллен кратко и ясно излагает историю посланий Игнатия: «История Игнатьевских посланий вполне может напомнить нам историю Сивиллиных книг. Рассказывают, что к Тарквину Римскому¹⁶⁷ явилась женщина в странном одеянии и предложила продать девять рукописей, которые были у нее в руках; но царь, обескураженный ценой, отказался от предложения. Женщина удалилась, уничтожила треть своих литературных сокровищ и, снова представ перед царским лицом, потребовала ту же цену за то, что осталось. Монарх снова отказался пойти на ее

¹⁶⁶ Hist. Ecclesiastes

¹⁶⁷ Луций Тарквиний Гордый (лат. Lucius Tarquinius Superbus) или Тарквиний II – согласно римскому преданию, последний, седьмой царь Древнего Рима

условия, и таинственная посетительница снова удалилась и сожгла половину оставшегося у нее количества. Ее необычное поведение вызвало немалое удивление, и, посоветовавшись с прорицателями, Тарквиний узнал, что документы, которыми она располагает, очень ценны и что он должен, во что бы то ни стало постараться заполучить такой клад. Теперь царь охотно заплатил за три книги, еще не преданные огню, полную цену, которую первоначально требовали за все манускрипты. Игнатьевские послания постигла судьба, подобная судьбе Сивиллиных писаний. В XVI веке пятнадцать посланий были извлечены из-под мантии древности и предложены миру как творения антиохийского пастыря. Исследователи отказались принять их на требуемых условиях, и сразу же восемь из них были признаны подделками. В XVII веке семь оставшихся писем, в несколько измененном виде, вновь вышли из безвестности и претендовали на звание сочинений Игнатия. И снова проницательные критики отказались признать их претензии, но любопытство было возбуждено вторым явлением, и многие выразили искреннее желание увидеть настоящие послания. В поисках их были перерыты Греция, Сирия, Палестина и Египет, и в конце концов три послания были найдены. Это открытие вызывает всеобщее одобрение; признается, что четыре послания, которые так недавно утверждались как подлинные, являются апокрифическими; и смело говорится, что три, которые были найдены сейчас, превосходят все ожидания. Но истина не желает идти на компромисс и сурово отвергает этих претендентов на ее одобрение. Внутренние свидетельства этих трех посланий убедительно доказывают, что они, как и три последние книги Сивиллы, являются лишь последними сдвигами в серьезном самозванстве.

Добросовестный исследователь, сравнивающий Кюретоновскую версию посланий¹⁶⁸ с той, что была в обращении ранее, должен признать, что Игнатий в своем новом одеянии не утратил ни

¹⁶⁸ Кюретонские евангелия, обозначенные siglum syg^{cur} , содержатся в рукописи четырех евангелий Нового Завета на древнесирийском языке

малейшей нелепости и экстравагантности. Отрывки посланий, которые раньше казались столь предосудительными, и здесь предстают во всей своей неприкрытой глупости. Игнатий – все тот же формалист-антиевангелист, все тот же напыщенный хвостун, все тот же мечтательный мистик, все тот же безумный фанатик. Это весомые обвинения, и, тем не менее, они могут быть обоснованы»¹⁶⁹.

Некоторые могут покачать головой над этим последним абзацем и сказать, что они не могут поверить в то, что Игнатий был таким человеком; в их сознании прочно укоренилась мысль, что Игнатий был мудрым епископом и святым человеком, и они не могут от нее отказаться. Да и не нужно. Доктор Киллен обвиняет не самого Игнатия, а того Игнатия, который фигурирует в приписываемых ему посланиях.

Давайте четко уясним себе этот вопрос. Об Игнатии мало что известно, кроме того, что мы узнали из этих посланий, и утверждается, что эти послания – подделка. Откуда же, спрашивается, мы знаем, что такой человек существовал? Во-первых, в одном или двух других документах есть незначительное упоминание о нем. Во-вторых, если бы такого человека не существовало, вряд ли бы стали появляться письма с его именем. Католическая церковь никогда не стеснялась создавать историю или доктрину, когда не находила ее в написанном виде. Этим документам всегда присваивалось имя какого-нибудь человека с хорошей репутацией, и они служили целям церкви так же хорошо, как если бы были подлинными. Теперь, когда мы вспоминаем, что эта же «тайна беззакония» действовала еще во времена Павла, нас не удивляет, что менее чем через столетие уже существовавшие сочинения были искажены, а подставные лица писали послания и подписывали их именами выдающихся людей, чтобы придать им ценность.

Действительно, мы видим, что именно так поступали во времена Павла, и его имя использовалось для распространения ложного учения. Во 2-м Послании к фессалоникийцам 2:1-3 мы читаем его

¹⁶⁹ Ancient Church, period 2, sec. 2, chap. 3, paragraphs 1, 2

собственные слова: «Молим вас, братия, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа и нашем собрании к Нему, не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного, будто уже наступает день Христов. Да не обольстит вас никто никак: [ибо день тот не] [придет], доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели» и т.д.

Здесь мы узнаем, что фессалоникийцы получили письма якобы от Павла, в которых говорилось о скором пришествии Христа. Это противоречило его первому посланию, и он сам, рассказывая о том, что должно произойти до пришествия Господа пишет: «Не помните ли, что я, еще находясь у вас, говорил вам это?»¹⁷⁰ Однако, несмотря на наставления, данные Павлом, эти письма пришли, казалось бы, прямо от Павла, что сильно встревожило фессалоникийцев. Павел предостерегает их от обмана и, завершая послание, дает им понять, как они могут узнать, что послания, исходящее от него, является подлинным. В конце послания он говорит: «Приветствие моею рукою, Павловою, что служит знаком во всяком послании; пишу я так: благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь»¹⁷¹. Отсюда мы узнаем, что хотя Павел обычно (возможно, всегда, за исключением Послания к галатам, см. Гал. 6:11) пользовался услугами помощника, он всегда писал благословение и подписывал свое имя собственной рукой, чтобы никто не мог быть обманут. Любое письмо с подписью, отличной от его, должно было признаваться поддельным.

Поэтому, хотя мы можем верить, что такой человек, как Игнатий, жил и что он принял мученическую смерть за свою веру, мы не должны верить, что он написал самовлюбленную муть, которую ему приписывают. Более того, мы не можем поверить в то, что он это написал, если считаем его святым человеком.

Перейдем к рассмотрению свидетельств. В предисловии к своей книге «Древняя Церковь» д-р Киллен говорит об Игнатьевских

¹⁷⁰ 2 Фес. 2:5

¹⁷¹ 2 Фес. 3:17, 18

посланиях: «Если мы признаем эти документы, то история ранней Церкви впадает в состояние безнадежной путаницы; люди, наученные и почитаемые самими апостолами, должны были насаждать самые опасные заблуждения. Но если их утверждения исчезают, когда к ним прикасается жезл правдивой критики, то исчезают и многие тучи, которые до сих пор омрачали церковную атмосферу, и прогресс разложения можно проследить на научных принципах. Особое внимание всех интересующихся Игнатиевской полемикой заслуживают две главы данной работы, в которых исследуется этот вопрос. Там приводятся доказательства того, что эти письма Игнатия, даже в редакции очень умудренного и трудолюбивого доктора Кьюретона, являются абсолютной подделкой, и что они должны быть вычеркнуты из числа истинного наследия ранней церковной литературы с презрением».

Историк Мосхайм отмечает: «Сохранилось несколько посланий с именем Игнатия; но возник вопрос об их подлинности, и среди очень эрудированных людей развернулась глубокая и обстоятельная дискуссия, в ходе которой они с большим ожесточением оспаривали этот вопрос; одни утверждали, что они поддельные, другие настаивали на том, что они подлинные. Наиболее распространено мнение, что семь посланий, которые, как считается, были написаны им во время путешествия в Рим, а именно: Послания к смирнянам, Поликарпу, ефесянам, магнезийцам, филладельфийцам и траллийцам, в том виде, в каком они представлены в издании, опубликованном в XVII веке по рукописи из Медицейской библиотеки во Флоренции¹⁷², являются несомненно подлинными, хотя немало тех, кто из-за несходства стиля считает подлинность Послания к Поликарпу менее надежной, чем подлинность остальных шести. Что касается остальных посланий, о которых не упоминает ни один из раннехристианских писателей, то они, как правило, признаются как полностью поддельные. Общеизвестное различие в пользу вышеупомянутых посланий основывается на

¹⁷² Biblioteca Medicea Laurenziana – государственная библиотека Италии, знаменитая своими манускриптами

причинах, не лишенных силы и веса, но в то же время они не носят столь убедительного характера, чтобы заставить замолчать все возражения; напротив, забота об истине требует признать, что над вопросом о подлинности не только части, но и всех посланий, приписываемых Игнатию, висит столь значительная степень неясности, что оно в целом представляет собой дело весьма запутанное и сомнительное»¹⁷³.

Историк Неандер говорит о так называемых «Посланиях Игнатия»: «Даже в более коротком и достоверном издании очень много дописанных искажений».

Д-р Шафф¹⁷⁴ говорит: «Доктринальные и церковные взгляды Игнатиевских посланий построены на своеобразном сочетании и несколько материалистическом понимании учения Иоанна о воплощении и Павловского представления о Церкви как теле Иисуса Христа. В “католической церкви” – выражение, введенное им самим, то есть в епископальной ортодоксальной организации своего времени, автор видит как бы продолжение тайны воплощения, на реальности которой он делал большой акцент в борьбе с докетизмом¹⁷⁵; а в каждом епископе – видимого представителя Христа и личный центр церковного единства, что он с величайшей заботой и почти страстным рвением вдалбливает своим читателям. Таким образом, он применяет идеи апостолов непосредственно к внешнему устройству и делает их подчиненными принципу и институту растущей иерархии. В этом заключается главное значение этих посланий, и в этом отношении мы сочли необходимым разграничить их уже в разделе, посвященном устройству церкви.

Примечательно, что идея епископальной иерархии была впервые ясно и смело изложена не современным римским

¹⁷³ Ecclesiastical Commentaries, cent. 1, sec. 52

¹⁷⁴ История христианской церкви, т. 1, с. 119

¹⁷⁵ Докетизм – одно из старейших еретических христианских учений, отрицавшее реальность страданий Иисуса Христа и его воплощение как противоречащие представлениям о бесстрастности и неограниченности Бога и утверждавшее иллюзорность Его существования

епископом Климентом, а епископом восточной церкви, хотя и перенесена им на римскую почву и запечатлена его мученической кровью. Не менее примечательно и то обстоятельство, что эти древнейшие документы иерархии вскоре были настолько добавлены, урезаны и искажены благочестивым мошенничеством, что сегодня почти невозможно с уверенностью обнаружить под преданиями гиперо- и псевдо-Игнатия».

Доктор Киллен завершает свое выступление по этому вопросу следующим образом: «Нелишним доказательством проницательности великого Кальвина является то, что более трехсот лет назад он вынес громогласный приговор этим посланиям Игнатия. В то время многие были поражены смелостью его высказываний, и считалось, что он несколько поспешил с вынесением столь решительного приговора. Но он ясно видел и поэтому говорил бесстрашно. Между здравым богословием и здоровой критикой существует гораздо более тесная связь, чем многие склонны полагать, ибо правильное знание Слова Божьего укрепляет интеллектуальное зрение и помогает обнаружить ошибку, где бы она ни проявлялась... Кальвин понимал, что апостольский человек должен был быть знаком с апостольским учением, и видел, что эти письма, должно быть, принадлежат эпохе, когда чистый свет христианства был сильно затуманен. Поэтому он так решительно осудил их; и время подтвердило его правоту. Его высказывания по этому поводу часто цитировались, но мы считаем, что не можем более уместно завершить наши рассуждения на эту тему, чем еще раз их повторить. “Нет ничего более отвратительного, чем та дрянь, которая распространяется под именем Игнатия”»¹⁷⁶.

После таких сильных заявлений читателю, несомненно, будет любопытно ознакомиться с небольшим количеством этого «мусора». Поэтому мы приводим несколько выдержек из него. В Послании к ефесянам, глава 1, мы находим следующее: «Услышав, что я пришел связанным из Сирии ради общего имени

¹⁷⁶ Ancient Church, period 2, sec. 2, chap. 3, paragraph 12

и надежды, надеясь вашими молитвами получить позволение сразиться со зверями в Риме, чтобы таким образом мученической смертью действительно стать учеником Того, Кто “отдал Себя за нас в жертву и приношение Богу” (вы поспешили увидеть меня)».

Автор, видимо, считает, что только мученическая смерть может сделать его истинным учеником Господа, и проявляет неприличную поспешность в этом, чего, мы уверены, не было бы у святого человека, который действительно ожидал мученической смерти. По этому поводу приведем еще одну цитату: «Ибо я не хочу поступать с вами, как угодник, но как угрождающий Богу, как и вы угрожаете Ему. Ибо и я никогда не буду иметь такой (другой) возможности достигнуть Бога; и вы, если теперь будете молчать, никогда не будете иметь права на честь лучшего дела. Ибо если вы будете молчать обо мне, то я стану Божьим; если же вы проявите любовь к моей плоти, то мне снова придется продолжить свой путь. Итак, молитесь, не старайтесь оказать мне большую милость, чем принести меня в жертву Богу, пока еще готов жертвенник; чтобы, собравшись вместе в любви, вы воспели хвалу Отцу, через Христа Иисуса, что Бог счел меня, епископа Сирийского, достойным быть посланным с Востока на Запад. Хорошо, что я отправился от мира к Богу, чтобы потом воскреснуть для Него»¹⁷⁷.

В следующих абзацах он вновь выражает свое горячее желание быть съеденным: «Я пишу церквям и убеждаю их, что я охотно умру за Бога, если вы мне не помешаете. Умоляю вас не проявлять ко мне несвоевременной доброй воли. Пусть я стану пищей для диких зверей, с помощью которых мне будет дано достичь Бога. Я – пшеница Божия, и пусть меня перемолят зубы диких зверей, чтобы я стал чистым хлебом Христовым. Лучше прельстите диких зверей, чтобы они сделались гробом моим и не оставили ничего от тела моего, чтобы, уснув (в смерти), я не был никому в тягость. Тогда я действительно буду учеником Христовым, когда мир не увидит и тела моего. Умоляйте за меня Христа, чтобы этими орудиями я был принесен в жертву (Богу).

¹⁷⁷ Послание к Римлянам, гл. 2

Да наслажусь приготовленными для меня дикими зверями, и молю их, чтобы они охотно бросились на меня, которых и я увлеку, чтобы они скорее пожрали меня, а не поступали со мною, как с некоторыми, которых они из страха не трогали. Если же они не захотят напасть на меня, то я принужу их к этому. Простите меня (в этом): я знаю, что мне на пользу. Теперь я начинаю быть учеником»¹⁷⁸.

Существует множество отрывков, подобных приведенному выше. Они доказывают, как мы впоследствии убедимся на основании самых неопровержимых свидетельств, что очень рано стала преобладать идея о том, что мученик имеет больше шансов попасть на небеса, чем тот, кто просто живет хорошей жизнью и умирает естественной смертью. Идея заключалась в том, что все грехи, лежащие на человеке, смываются пролитием его собственной крови. Вследствие этого многие фанатичные люди стремились к мученичеству, а бегство во время гонений стало считаться почти смертным грехом. Идея о том, что мученики очищались от греха своей собственной кровью, нашла свое современное воплощение в знаменитом «искуплении кровью» у мормонов. Нет нужды напоми-нать читателю об ограниченности взглядов на искупление Христа, которых должны были придерживаться такие люди.

О том, что «Послания Игнатия» были написаны человеком, который был озабочен тем, чтобы епископы имели возможность властвовать над наследием Божиим, свидетельствуют следующие выдержки:

«Посему подобает, чтобы вы сообща исполняли волю епископа вашего, что вы и делаете.

Итак, будем осторожны, чтобы не поставить себя в противостояние к епископу, дабы быть в подчинении у Бога.

Итак, ясно, что мы должны смотреть на епископа так же, как на самого Господа»¹⁷⁹.

¹⁷⁸ Послание к Римлянам, гл. 4, 5

¹⁷⁹ Послание к Ефесянам, гл. 4, 5, 6

«Хорошо почитать и Бога, и епископа. Кто чтит епископа, тот удостоился чести от Бога; кто делает что-либо без ведома епископа, тот (в действительности) служит дьяволу»¹⁸⁰.

«Но как мужчинам, так и женщинам, вступающим в брак, следует заключать свой союз с одобрения епископа, чтобы брак их был по Богу, а не по собственной похоти.

Внимайте епископу, чтобы и Бог внимал вам. Душа моя за тех, которые покорны епископу, пресвитерам и диаконам, и да будет моя доля вместе с ними в Боге!»¹⁸¹

Следующая «великая тайна», которую раскрывает этот псевдо-Игнатий, показывает, что этот писатель был достойным собеседником Ерма и псевдо-Варнавы:

«Девство Марии было сокрыто от князя мира сего, как и потомство ее, и смерть Господа; три известные тайны, которые Бог совершил в безмолвии. Как же Он был явлен миру? На небе сияла звезда, превосходящая все другие звезды, свет которой был невыразим, а ее новизна поражала людей. И все остальные звезды, солнце и луна составляли хор этой звезде, и свет ее был необычайно велик над всеми ними. И заволновались люди, откуда взялось это новое зрелище, столь непохожее на все остальное (на небе). Таким образом, всякое волшебство было уничтожено, и всякая связь нечестия исчезла; невежество было устранено, и старое царство упразднено, и Сам Бог был явлен в человеческом облике для обновления вечной жизни. И вот это взяло начало, которое было приготовлено Богом. Отныне все пришло в смятение, потому что Он задумал упразднить смерть»¹⁸².

И, наконец, приведем следующие жаргонные выражения, свидетельствующие о безумной самовлюбленности того, кто написал этот «мусор»: «Разве я не могу писать вам о небесных вещах? Но я боюсь делать это, чтобы не причинить вреда вам, которые еще младенцы (во Христе). Простите меня в этом

¹⁸⁰ Послание к Смирнянам, гл. 9

¹⁸¹ Послание к Поликарпу, гл. 5, 6. 5, 6

¹⁸² Послание к Ефесянам, гл. 1:9

отношении, чтобы, не будучи в состоянии принять (такие учения), вы не были задушены ими. Ибо и я, хотя и связан (за Христа), но не в состоянии понять небесные вещи, и места ангелов, и их собрания под соответствующими князьями, вещи видимые и невидимые. Не касаясь таких заумных предметов, я еще только учусь (в других отношениях); ибо многого недостает нам, чтобы мы не были лишенными для Бога»¹⁸³.

Если бы в наше время безумцы считались священными людьми, обладающими божественным вдохновением, то не стоило бы удивляться тому, с каким почтением многие люди относятся к этим сочинениям; в этом есть какая-то загадка. Когда люди, имеющие доступ к трудам великих умов мира, не говоря уже о возвышенных истинах Библии, тратят свое драгоценное время на изучение трудов так называемых Отцов, кажется, что они должны обладать чем-то сродни той умственной и нравственной испорченности, которая приводит школьника читать дешевый роман.

¹⁸³ Послание к Траллийцам, глава 5

ГЛАВА VIII. «Учение апостолов»

Все, что известно об этом документе¹⁸⁴, вкратце можно изложить следующим образом: в 1873 г. Филофей Бриенний¹⁸⁵, в то время главный магистр высшей греческой школы в Константинополе, а позже митрополит Никомидийский, обнаружил в библиотеке «Иерусалимского монастыря Гроба Господня» в Константинополе собрание рукописей. Собрание было переплетено в один том, и все рукописи были написаны одной рукой. На нем стояла знаменательная подпись: «Леон, нотариус и грешник» и греческая дата 6564, что соответствует 1056 г. н.э. К остальным рукописям, составившим коллекцию, относятся следующие: «Синописис Ветхого и Нового Заветов» св. Златоуста; «Послание Варнавы»; «Два послания Климента к коринфянам»; «Послание Марии Кассобольской к Игнатию»; «Двенадцать посланий Игнатия».

Это собрание рукописей было переведено на немецкий язык и опубликовано 3 февраля 1884 г., а также переведено с немецкого на английский и опубликовано в Америке 28 февраля 1884 г. Архидиакон Фаррар опубликовал в журнале «Современный обозреватель» в мае 1884 г. версию с греческого языка.

Вот простые факты, касающиеся обнаружения и публикации «Учения», приведенные во вступительном слове к изданию, выпущенному компанией «Христианская литература». Волнение, которое вызвало его первое появление в религиозном мире, было сильным, не меньшим, чем то, которое произвело бы в католической церкви обнаружение одной из костей апостола. Газета «Нью-Йорк Индепендент» заявила, что это «по общему мнению, самое важное, внешнее по отношению к Новому Завету, писание, которым располагает христианский мир», а некоторые другие журналы, похоже, считали его полностью равным Новому Завету. Одно можно

¹⁸⁴ «Учение апостолов» или «Дидахе»

¹⁸⁵ Филофей Бриенний (7 апреля 1833 г. – 18 ноября 1917 г.) был греческим православным митрополитом из Никомидии, и в 1873 году первооткрыватель рукописи с копиями ранних церковных документов

сказать с уверенностью: в течение нескольких месяцев после выхода «Учения» ему уделялось больше места и внимания, чем Библии.

Конечно, никто не предполагает, что сами апостолы когда-либо видели или слышали о так называемом «Учении апостолов». Профессор Риддл в своем вступительном слове отмечает: «Об апостольском происхождении никто не смеет говорить, поскольку текст документа не дает оснований для такого утверждения, а внутренние свидетельства явно противоречат любому такому предположению». Когда оно было написано, никто не знает, и узнать это невозможно. Одни предполагают, что оно было написано в 80 г. н.э., другие, с гораздо большим основанием, относят его к более позднему времени – от 120 до 190 г. н.э. Что касается характера произведения, то епископ Кокс в своем предисловии говорит следующее: «Лактанций в своих “Институтах” излагает наставления Константину от Дуки порока, которые, по-видимому, были сформулированы в самые ранние века для обучения катехуменов¹⁸⁶. Таким образом, объясняется элементарный характер и “детскость” этого произведения, и я уверен, что “мистагогическое” учение Кирилла получает свет от такого взгляда на дело. Это произведение было “пищей для ягнят”; оно не предназначалось для удовлетворения потребностей людей “зрелого возраста”. Может оказаться, как намекает д-р Риддл, что учение в том виде, в каком мы его имеем в документе “*Vryennios*”, запятнано взглядами какой-то зарождающейся секты, или ереси, или некомпетентностью какой-то неясной поместной церкви, еще не посещаемой учеными учителями и евангелистами. Мне кажется несомненным, что на него повлияли харизматические взгляды, которые переросли в монтанизм¹⁸⁷ и которые иллюстрируются предупреждениями и наставлениями Ерма».

¹⁸⁶ Оглашенные, катехумены в христианстве – люди, проходящие катехизацию, готовящиеся принять таинство крещения и стать членом Церкви

¹⁸⁷ Монтанизм – религиозное движение II века, в христианстве. Движение названо в честь своего основоположника – Монтана

Естественно возникает вопрос: должны ли мы воспринимать этот документ как выражение веры и учения апостолов серьезнее, чем подлинные писания самих апостолов? Единственный возможный ответ: не должны. Если мы хотим познакомиться с учением и верой Джона Уэсли, мы обращаемся к его собственным опубликованным работам, а не к тому, что мог сказать о нем какой-то анонимный автор. Так же и с апостолами. Новый Завет, и только он, содержит их учение, и только от него должно зависеть наше знание о том, чему они учили. Все остальное, что якобы исходит от них, является подделкой.

Нельзя не отметить, что именно тот факт, что «Учение» было обнаружено вместе с «Посланием Варнавы» и двенадцатью «Посланиями Игнатия», и рекомендовало его религиозному миру как нечто очень ценное. Для кого-то это может быть хорошей рекомендацией, но для того, кто узнал простую правду об этих произведениях (*ред.: ранее мы их рассматривали*), это будет почти достаточным основанием для отвержения и остальных сочинений. Нахождение в подобной компании является очевидным доказательством дурного характера.

Нет более основательного исследователя и лучше знакомого с патристической литературой¹⁸⁸, чем профессор Харнак из Берлина. Именно он впервые привлек внимание западного богословского мира к открытию «Вгуенниос», и он тщательно изучил все, что было сказано об этом документе.

В газете «Богословская литература»¹⁸⁹ от 12 июня 1886 г. он опубликовал первую из серии статей о характере и результатах дискуссий по поводу «Учения», и из этой статьи газета «New York Independent» от 26 августа 1886 г. сделала обширную выдержку, большую часть которой мы приводим. В ней без комментариев собраны воедино противоречивые мнения, которых придерживаются по этому поводу. Харнак пишет: «Один исследователь помещает новооткрытое письмо до Павловых посланий или даже до

¹⁸⁸ Совокупность текстов, принадлежащих Отцам Церкви и авторитетным церковным писателям, учителям Церкви

¹⁸⁹ Theologische Literaturzeitung

Апостольского собора (Сабатье); второй – от имени Павла; третий – вскоре после разрушения Иерусалима (Бестинанн); четвертый – в последние десятилетия I века (идея, которая находит очень большую поддержку); пятый – во времена Траяна (тоже излюбленная идея); шестой – во времена Бар-Кохбы; седьмой – во времена Антонинов; восьмой – примерно во времена Коммода; девятый – в третьем веке; десятый – в четвертом веке; есть и такие, кто склоняется к пятому или более позднему веку. Таковы данные о времени составления.

В других вопросах дело обстоит не лучше. Что касается истории его передачи, то одни говорят, что это книга, известная отцам со времен Климента; другие отрицают это; третьи ищут некий средний путь.

Что касается целостности книги, то одни говорят, что она принадлежит одному автору и является оригинальной; другие – что она является компиляцией и переполнена добавленными искажениями; что она состоит из двух или более частей, которые изначально не принадлежали друг другу. Что касается характера книги, то одни утверждают, что она хорошо устроена, другие – что плохо; одни – что местами хорошо, а местами плохо; другие – что мастерство автора достойно восхищения; третьи – что автор не имеет никакого представления о литературном искусстве.

Что касается источников, то одни говорят, что источником послужил только Ветхий Завет, а все остальное является оригинальным, так как старше всех других христианских писаний; другие – что в книге нет ничего оригинального, а все взято из других источников; третьи – что Новый Завет не получает никаких свидетельств от “Дидахе”; четвертые – что в ней использованы почти все книги Нового Завета и что сама книга тем самым представляется лучшим доказательством ее древности; одни утверждают, что использованы Варнава и Ерма; другие – что использован Варнава, а Ерма в свою очередь использовал “Дидахе”; третьи, напротив, – что использован Ерма, а Варнава – более позднее произведение; четвертые – что использованы Филон, Сивиллины и языческие моралисты; пятые – что в изначальной апостольской простоте автор воспроизвел только чистое Евангелие.

Что касается точки зрения автора, то одни утверждают, что она примитивно-апостольская с точки зрения иудео-христиан; другие – постапостольская и иудео-христианская; другие – антипавловская; другие – под сильным влиянием Павла; другие – саддукейская; другие – вульгарная, языческая; другие – опасно эбионистская; другие – маркионистская; другие – монтанистская; другие – феодоттианская; другие – вполне морализаторская; другие – энкратистская; другие – основательно византийская, но под прозрачной маской; другие – что точку зрения нельзя определить, так как автор не говорил о своей “вере”; другие – классически евангельская.

Что касается важности книги, то некоторые говорят, что она является важнейшим открытием века и должна быть включена в канон Нового Завета; что это вся Библия в двух словах; что она решает величайшие проблемы; что она своеобразна и должна использоваться с осторожностью; что она показывает усредненное христианство; что как компиляция она не может быть использована для изображения какого-либо периода; что она показывает бедность содержания; христианство автора может быть только оплакано; что она рационалистична, бесплодна и плоска, но тем не менее интересна; что это жалкое произведение, не имеющее никакого значения для тех или наших времен; книга характерна только для византийского фальсификатора. Места, назначенные для написания книги: Египет, Греция, Сирия, Иерусалим, Рим, Малая Азия, Константинополь....

Затем некоторые считают, что в нем (*ред.: Дидaxe*) изложена апостольская, пресвитерианская, епископальная или вообще никакая система церковного управления. Его считают очень ценным, потому что он благоприятствует протестантам, или католикам, или баптистам, или анабаптистам¹⁹⁰, или хилиастам¹⁹¹,

¹⁹⁰ Анабаптисты, или перекрещенцы, – название участников радикального религиозного движения эпохи Реформации в основном в Германии, Швейцарии, Нидерландах, полученное ими от своих противников. Сами анабаптисты предпочитали называть себя «крещенцами», то есть «крещёнными», подчёркивая крещение как сознательный выбор

¹⁹¹ Хилиазм, или миллениаризм – богословское понятие, представления в рамках христианской эсхатологии о «периоде торжества правды Божьей на земле», в котором Иисус Христос и христиане будут править миром на протяжении тысячи лет

или антихилиастам, или ирвингианам¹⁹², или другим церковным партиям; потому что он все еще апостольский и антикатолический, и в то же время католический; потому что его пророки – апостолы настоящего истонного христианства; другие же утверждают, что это новые пророки, или вообще не пророки, а изобретательные мошенники и паразиты; третьи – что это не мошенники, а гомункулы¹⁹³, созданные фальсификатором».

Как говорил شوмен: «Вы платите деньги, и вы делаете свой выбор». Здесь достаточно мнений, из которых можно выбирать. Мы не видим причин относиться к этому труду более высоко, чем к тому, что приписывают Варнаве, Ерме и Клименту, или к тому «мусору», который приписывают Игнатию. То, что в нем есть какая-то истина, не подлежит сомнению, но нет такой истины, которая не содержалась бы в гораздо лучшей форме в Новом Завете, и поэтому не стоит пытаться отсеивать истину в этом труде от ее ошибок. Она ничего не может добавить к свету, сияющему от Слова Божьего; ее единственное действие – затемнить его.

Но почему «Учение» было принято с таким энтузиазмом? Главным образом потому, что в нем была одна глава, которая при разумном подходе могла быть использована в пользу соблюдения воскресного дня. Отрывок, который был встречен с такой радостью, – это четырнадцатая глава, которая в издании, выпущенном компанией «Христианская литература», переводится следующим образом: «Каждый же день Господень собирайтесь вместе и преломляйте хлеб, и воздавайте благодарение, исповедав прегрешения ваши, дабы жертва ваша была чиста. Никто же, враждующий с ближним своим, да не приходит к вам, пока не примирится, чтобы не осквернилась жертва ваша. Ибо вот что изрек Господь. На всяком месте и во всякое время приносите Мне жертву чистую, ибо Я царь великий, говорит Господь, и имя Мое прекрасно у народов».

¹⁹² Ирвингиане – секта, основанная в тридцатых годах XIX в. в Лондоне пресвитерианским проповедником Эдвардом Ирвингом

¹⁹³ Гомункул, гомункулус – искусственный человек, которого алхимики мечтали создать лабораторным способом

Теперь, если мы хотим принять этот документ как отражающий правильное учение апостолов, он должен быть принят в целом. Как только мы отмечаем какую-либо часть документа как неверную, мы теряем доверие ко всему документу. Если приведенная выше ссылка должна быть принята как доказательство того, что апостолы соблюдали первый день недели и тем самым обозначили для нас нашу обязанность, то она столь же убедительно доказывает, что они причащались каждый первый день недели и что все христиане должны поступать так же. Тот факт, что те, кто наиболее высоко оценивает «Учение», не следуют его предписаниям в этом отношении, свидетельствует о том, что они не придают этому документу никакого реального значения. Они следуют ему ровно настолько, насколько он подтверждает их предвзятые мнения; и им очень удобно иметь даже подделку, на которую можно сослаться в поддержку той практики, которой они намерены следовать.

Однако следует заметить, что в этом отрывке нет определения дня Господня, и те, кто хочет найти в нем обоснование для соблюдения воскресного дня, должны сначала доказать, что день Господень – это подходящее понятие для первого дня недели, чего они сделать не могут. Впрочем, в данном случае им и не нужно пытаться, поскольку перед нами не только английский перевод текста, но и сам греческий текст, и мы знаем, о чем говорим, когда утверждаем, что слово «день», а именно «*hemera*», не встречается ни разу во всей главе; нет ни слова, соответствующего ему, ни чего-либо, указывающего на то, что следует использовать именно его, а не какое-то другое слово. Почему же переводчики вставили слово «день»? Предоставляем им возможность самим ответить на этот вопрос.

Возникнет вопрос: «Если отбросить термин “день Господень”, то какое слово или слова следует добавить, чтобы смысл был полным?» Внимательно прочитайте отрывок еще раз, и все станет ясно. О чем идет речь? О Вечере Господней, и только о ней. Греческое слово «стол» согласуется с прилагательным «*kuriaken*», и если его подставить, то смысла будет больше, чем у слова «день». Ибо если есть основания говорить, что враждующие не должны приближаться к столу Господню, пока не примирятся, то нет

никаких оснований говорить, что они не должны соблюдать определенный день или собираться вместе в этот день.

Но оставим это. Не стоит долго спорить о том, говорит ли так называемое «Учение апостолов» о дне Господнем. Когда этот документ только появился, в одном из известных религиозных журналов было сказано, что он имеет тенденцию «сделать приверженцев первого дня более уверенными в своем мнении, чем раньше». Какова же должна была быть их прежняя уверенность в своем мнении? Если одно случайное выражение в анонимном документе, который, как известно, является подделкой и был найден вместе с другими подделками, которые хуже мусора, делает сторонников воскресного дня более уверенными в своей позиции, то что же происходит с их хваленым новозаветным авторитетом в отношении воскресного дня? Может быть, они считают «Учение» превосходящим Новый Завет, а значит, способным укрепить его позиции? Нет, это заявление было просто признанием того, что каждый, кто умеет читать, может узнать сам, а именно: Новый Завет не дает ни малейшего основания для соблюдения воскресного дня. Жаль, конечно, отнимать у сторонников воскресного дня то прочное основание, которое они имеют в так называемом «Учении апостолов»! Мы не будем дальше спорить с ними об этом отрывке. Они могут получить от него все, что смогут.

О склонностях неизвестного автора этого знаменитого документа можно судить по фрагменту из главы 8. Он заключается в следующем: «А посты ваши да не будут с лицемерами; ибо они постятся во второй и пятый день недели, а вы поститесь в четвертый день и в день приготовления (пятницу)».

Вот ясное повеление, и мы ждем, сколько из тех, кто почти готов поклясться «Учением», его исполнят. Пока что мы не видим никаких признаков того, что кто-то собирается это сделать. Похоже, что никто не проявляет особого интереса к этой части драгоценной реликвии. И это еще раз подтверждает наше утверждение о том, что никто не верит в то, что «Учение» обладает каким-либо авторитетом. Оно просто дает современным афинянам повод для новых разговоров и возможность поразмяться в поисках оправданий

для неисполнения заповедей Господа. Невозможно убедить религиозный мир в том, что по средам и пятницам нужно поститься; если бы это попытались сделать, то сразу же потребовали бы доказательств из Писания. А между тем причин для регулярного поста в эти дни и даже для соблюдения их святости столько же, сколько и для соблюдения воскресенья.

При желании можно было бы показать, что «Учение» признает седьмой день истинной субботой, так как называет пятницу днем приготовления. Но мы надеемся, что никто из тех, кто с благоговением относится к заповеди Иеговы, не станет унижать субботу, которая имеет своим основанием это священное слово, приводя в ее защиту цитаты из такого источника, как рассматриваемый нами документ.

В главе 6 мы находим такой утешительный совет: «Если ты можешь нести все иго Господне, то будешь совершен; а если не можешь, то что можешь, то делай».

Это очень напоминает нам о совете квакера своему сыну. Он сказал: «Джон, ты должен быть честным; но если ты не можешь быть честным, будь честным настолько, насколько можешь».

Доктор Риддл считает, что «простота» «Учения», «почти доходящая до ребячества», является доказательством того, что оно не является подделкой; его идея, очевидно, заключается в том, что человек, подделывающий документ, постарался бы сделать так, чтобы он выглядел достойным принятия. Однако, как бы то ни было, простота этого документа очевидна, и пример ее мы приводим ниже: «Всякого апостола, приходящего к вам, принимайте как Господа. Но он не должен оставаться у вас иначе, как один день, а если нужно, то и другой; если же останется три дня, то он лжепророк»¹⁹⁴.

Седьмая глава «Учения» звучит следующим образом: «А о крещении крестите так: сказав все сие, крестите во имя Отца и Сына и Святого Духа в живой воде. Если же нет у вас воды живой, крестите в другую воду; а если не можете в холодную, то в теплую. Если же нет ни той, ни другой, то трижды возливай воду на голову

¹⁹⁴ Глава 11

во имя Отца и Сына и Святого Духа. А перед крещением пусть постится крестящийся, и крещаемый, и все прочие, кто может; крещаемому же прикажи поститься за один или два дня до того».

Автор этого документа был человеком, которого в наши дни назвали бы очень «либеральным». Другими словами его совет таков: «Крестите в проточной воде, если можете; если не можете, то в какой-нибудь другой; если нет холодной воды, то используйте теплую; а если не можете крестить вообще, то сделайте что-нибудь другое, и это будет так же хорошо». Если бы мы знали, когда это было написано, это могло бы пролить свет на дату, когда окропление или обливание стало заменять крещение через полное погружение в воду. Но у нас есть все основания полагать, что в середине III века крещением считалось только полное погружение в воду, и поэтому мы знаем, что по крайней мере седьмая глава так называемого «Учения апостолов» была написана не менее чем через двести лет после смерти апостолов.

Но слабость или порочность этого документа очевидна уже из первой главы, в которой говорится следующее: «Горе тому, кто берет (*ред.: крадет*); ибо если кто в нужде берет, тот не виноват; а кто не в нужде, тот должен дать отчет, зачем он взял и на что; и, будучи в заключении, будет допрошен о том, что он сделал, и не выйдет оттуда, пока не отдаст последнего гроша».

Здесь это драгоценное «Учение» учит, что человек может украсть, если он нуждается. Человек, нуждающийся в одежде, может украсть ее, а человек, нуждающийся в лошади, может «взять» ее, и оба «не будут виноваты». К счастью для общества, наши законы не были созданы по образцу этого ценного «Учения».

Справедливости ради отметим, что в издании компании «Христианская литература» сказано: «Ибо если кто, имея нужду, получает, то он не виновен» и т.д., причем слово «получает» употреблено вместо «берет». Очевидно, это сделано из сочувствия к репутации автора «Учения», так как и оригинал, и контекст показывают, что речь идет именно о краже. Ведь в следующем абзаце о том, кто «берет», когда у него нет нужды, говорится, что «попав в затруднительное положение (заключение), он должен

понести наказание»; епископ Кокс обращает на это особое внимание, говоря, что, вероятно, имеется в виду тюремное заключение. Это показывает, что имеется в виду кража, а не просто получение вещи в дар.

Однако к наставлению о воровстве уместно добавить следующее: «Не будь протягивателем рук, чтобы брать, и оттягивающим их назад, чтобы отдавать. Если у тебя есть что-либо, то руками твоими ты дашь выкуп за грехи твои»¹⁹⁵.

Здесь мы имеем дело с римско-католическим учением об искуплении грехов путем уплаты денег. Неудивительно, что автор этого документа, придерживаясь подобной доктрины, советует нуждающемуся человеку совершить кражу, поскольку, заплатив священнику часть своего незаконно нажитого, он может освободить себя от греха.

Но что еще нужно сказать? Сказанного достаточно, чтобы убедить всякого, кто открыт для убеждения, что так называемое «Учение Апостолов», как и сочинения, приписываемые Ерме, Варнаве и Игнатию, есть не что иное, как католический документ, одно из тех сочинений, которые выросли из действия «тайны беззакония» и лежат в основании этой мистики «Вавилона великого, матери блудницам и мерзостям земным»¹⁹⁶.

¹⁹⁵ Глава 4

¹⁹⁶ Откр. 17:5

ГЛАВА IX. Иринея

Некоторые авторы относят рождение Иринея к 67 г. н.э., другие – к 140 г. н.э. В качестве доказательства того, что точных сведений на этот счет нет, достаточно указать, что называются также 108 и 120 гг. н.э. и некоторые другие даты. Но точная дата не имеет большого значения, достаточно знать, что он жил где-то во втором веке.

Труды Иринея весьма обширны и пользуются большим признанием, но, как было сказано, «их ценность не пропорциональна их объему». Один из авторов «Британского и зарубежного евангелического обозрения» (январь 1869 г.) говорит: «Можно было бы вместить в несколько страниц все те утверждения о фактах, которые можно считать действительно ценными для нас в настоящее время». Несмотря на все почести, воздаваемые Отцам, то же самое можно сказать обо всех них. Более того, мы можем пойти дальше и сказать, что, хотя в их трудах по необходимости содержатся некоторые факты и принципы истины, если бы ни один из так называемых христианских Отцов никогда не написал бы ни строчки, количество полезных знаний в мире ни на йоту бы не уменьшилось, и христианская церковь была бы гораздо лучше.

Киллен говорит об Иринее следующее: «Иринея обычно называется учеником Поликарпа; но есть сведения, что он также находился под руководством менее умного наставника, Папия из Иераполя. Этот учитель ... считается самым ранним церковным писателем, который придерживался учения о личном царствовании Христа в Иерусалиме в течение тысячелетия. “Эти взгляды, – говорит Евсевий, – он, по-видимому, принял вследствие того, что неправильно понял апостольские повествования... Ведь он был человеком очень слабого ума, что видно из его рассуждений”. Его ученик Иринея обладал гораздо большими способностями, но даже его труды не лишены пакостей, и не исключено, что некоторые из ошибок, встречающихся в них, он почерпнул у своего слабоумного учителя»¹⁹⁷.

¹⁹⁷ Ancient Church, period 2, sec. 2, chap. 1, paragraph 10

Возможно, читателю будет интересно узнать немного больше о слабоумном человеке, чьими наставлениями пользовался Иринея. Д-р Шафф¹⁹⁸ говорит о нем следующее: «Папий, ученик Иоанна (?) и друг Поликарпа, епископа Иерапольского, во Фригии, до середины II века, был благочестивым человеком, хорошо начитанным в Писании, но легковерным и слабоумным. Он придерживался грубо материалистического взгляда на Миллениум. Он с большим усердием собирал устные предания апостолов о речах и делах Иисуса и опубликовал их под названием “Толкования на речения Господа” в пяти книгах. Хотя этот труд (согласно Галланди¹⁹⁹ и Питра²⁰⁰) просуществовал до XIII века, мы располагаем лишь некоторыми его фрагментами у Иринея и Евсевия, которые, наряду с несколькими ценными замечаниями, например, в отношении Евангелий от Матфея и Марка, содержат совершенно чудовищные и баснословные выдумки».

Правдивость последнего замечания убедительно подтверждается следующим пророчеством, которое Папий вкладывает в уста Господа: «Старейшины, видевшие Иоанна, ученика Господня, вспомнили, что слышали от него, как Господь учил о тех временах, и сказали: “Настанут дни, в которые вырастут виноградные лозы, имеющие каждая десять тысяч ветвей, и на каждой ветви – десять тысяч сучьев, и на каждом сучье – десять тысяч побегов, и на каждом побеге – десять тысяч гроздей, и на каждой грозди – десять тысяч виноградин, и каждая виноградина при сжатии даст двадцать пять метрет²⁰¹ вина. И когда кто-либо из святых возьмется за гроздь,

¹⁹⁸ История христианской церкви, т. 1, с. 121

¹⁹⁹ Андреа Галланди (7 декабря 1709, Венеция, Венецианская республика – 12 января 1779, там же) – венецианский итальянский священник, ораторианец, учёный, специалист в области патристики

²⁰⁰ Жан-Батист-Франсуа Питра (1 августа 1812, Шамфоржэй, департамент Сона и Луара, Первая империя – 9 февраля 1889, Рим) – французский куриальный кардинал, бенедиктинец, богослов и историк церкви. Библиотекарь Святой Римской Церкви с 19 января 1869 по 9 февраля 1889

²⁰¹ Метретес – древнегреческая единица измерения жидкости, равная 39,3 литра

другой воскликнет: “Я лучшая гроздь, возьми меня; благослови через меня Господа”. Подобным образом (он говорил), что пшеничное зерно даст десять тысяч колосьев, и в каждом колосе будет десять тысяч зерен, и каждое зерно даст десять фунтов ясной, чистой, тонкой муки”²⁰².

Возможно, было бы несправедливо называть Папия феноменальным лжецом, но мы можем с уверенностью сказать, что он давал неограниченную свободу своему воображению и допускал большие вольности с истиной. Таков был характер человека, который помог Иринею подготовиться к роли отца Церкви. О том, что Иринею был достойным учеником такого мастера, говорит следующее: «В богословии Иринею – первый, кто, если его правильно истолковать, выдвигает губительное мнение о том, что выкуп Христом нашего рода был уплачен сатане, – понятие, которое встречается в трудах богословов почти без сомнений вплоть до времен Ансельма²⁰³. Даже в отношении недавних событий Иринею является самым ненадежным авторитетом»²⁰⁴.

Историк Мосхайм делает следующее заявление относительно количества и состояния дошедших до нас трудов Иринея: «Из его сочинений в поддержку христианской веры, которых было немало, до нашего времени не дошло ни одного, кроме пяти книг против ересей; да и те (за исключением первой) дошли до нас лишь в жалком варварском и неясном латинском переводе»²⁰⁵.

По этому последнему вопросу переводчики Иринея сделали очень показательное заявление во вступительном слове. Те, кто так высоко оценивает ценность его трудов, похоже, совершенно упустили это из виду. Вот что они говорят: «Великий труд Иринея, впервые переведенный на английский язык, к сожалению, больше не

²⁰² Фрагмент 4

²⁰³ Ансельм Кентерберийский, 1033, Аоста, Италия – 21 апреля 1109, Кентербери, Англия – католический богослов, средневековый философ, архиепископ Кентерберийский (с 1093)

²⁰⁴ History of Interpretation (Farrar), p. 176

²⁰⁵ Ecclesiastical Commentaries, cent. 2, sec. 37

сохранился в оригинале. Он дошел до нас только в древней латинской версии, за исключением большей части первой книги, которая сохранилась в греческом оригинале благодаря многочисленным цитатам, сделанным Ипполитом²⁰⁶ и Епифанием²⁰⁷. Текст, как латинский, так и греческий, зачастую очень неопределенный. В настоящее время известно только три сочинения “Против ересей”. Другие, однако, использовались в самых ранних печатных изданиях, выпущенных Эразмом²⁰⁸. И поскольку эти кодексы были более древними, чем все ныне существующие, приходится сожалеть, что они исчезли или уничтожены. Одна из наших трудностей на протяжении всего времени заключалась в том, чтобы определить, какое чтение мы должны принять, особенно в первой книге. Разновидности чтения, фактические или предположительные, отмечались только в тех случаях, когда речь шла о каких-то особенно важных моментах.

После того, как с текстом определились, согласно наилучшему из возможных суждений, остается работа над переводом, которая в данном случае представляет немалую трудность. Иринеи, даже в греческом оригинале, часто является очень непонятным автором. Временами он излагает свои мысли с удивительной ясностью и краткостью, но в целом его стиль очень запутанный и многословный. А латинская версия усугубляет эти трудности оригинала, поскольку сама по себе имеет самый варварский характер. Фактически, чтобы получить хоть какое-то представление о том, что писал автор, часто приходится делать предположительный перевод на греческий язык. Додвелл полагает, что эта

²⁰⁶ Известен как христианский богослов, написавший много сочинений против еретиков

²⁰⁷ Епифаний (438–496), также известен как Епифаний из Павии. Епископ Павии с 466 и до своей смерти в 496-м году. Один из ранних Отцов Церкви

²⁰⁸ Дезидерий Эразм, также Эразм Роттердамский, или просто Эразм – голландский философ, мыслитель, теолог, библиист и писатель, прозванный «князем гуманистов». Один из крупнейших представителей Северного Возрождения

латинская версия была сделана примерно в конце IV века; но поскольку Тертуллиан, по-видимому, пользовался ею, мы скорее должны отнести ее к началу III века. Ее автор неизвестен, но он, несомненно, был малокомпетентен в своем деле. Мы постарались дать как можно более точный и близкий перевод этого произведения, но в нем есть несколько мест, о вероятном значении которых можно только догадываться».

Один из способов узнать неизвестную величину – угадать, чему равна ее половина, а затем умножить ее на два. Этот процесс неизменно даст правильный результат, если не допустить ошибку в определении первой половины. Мы также слышали, что, когда фермеры, живущие в лесу, вдали от цивилизации, хотят определить точный вес свиньи, а весов у них нет, они кладут доску поперек бревна, кладут животное на один конец доски, а на другой конец наваливают камни, пока не уравновесят свинью, а затем угадывают, сколько весят камни. Еще ни разу не было случая, чтобы этот способ не дал точного веса свиньи, если только не была допущена ошибка в определении веса камней.

Очень похожими на эти методы были средства, использованные переводчиками Иринея. Оригиналов его сочинений (за единственным исключением) нигде не существует. Та небольшая часть, которая дошла до нас в греческом оригинале, показывает, что Иринея с трудом мог выразить свои мысли так, чтобы его поняли. Эта неясность значительно усиливается из-за ужасного латинского перевода, в котором сохранились его сочинения. Поэтому всякий раз, когда переводчики доходили до отрывка, из которого они не могли извлечь никакого смысла, они выписывали греческое предложение, которое, по их мнению, могло быть тем, что сказал Иринея, а затем переводили его на английский язык, и вот – перед нами труды Иринея. Когда писания могут быть воспроизведены таким образом, нет никаких оснований для того, чтобы чьи-либо труды были утрачены.

Конечно, этот метод применялся не ко всем трудам Иринея, и нет сомнений, что некоторые вещи мы имеем именно в том виде, в каком он их написал; но вопрос в том, какие из них подлинные,

а какие нет? Игра в догадки переводчиков ставит под сомнение все. Но, на самом деле, это мало что меняет. Если бы все это было лишь предположениями, или если бы все было потеряно, мир был бы лучше. Несомненно, та часть, которую переводчики создали на основе своего воображения, лучше, чем то, что Ириной написал на самом деле.

Учитывая факты, приведенные в последней цитате, вряд ли стоит делать какие-либо выписки из Ириной. Каждый читатель может сам догадаться о том, что он написал, и изложить труды этого отца в том стиле, который соответствует его индивидуальному вкусу. Но для того, чтобы мы могли знать о характере того, что обычно приписывается ему, мы приводим несколько примеров. Следующая цитата из книги «Ириной против ересей»: «Итак, необходимо повиноваться пресвитерам, находящимся в церкви, — тем, которые, как я показал, обладают преемством от апостолов; тем, которые вместе с преемством епископата получили несомненный дар истины, по благоволению Отца. Но (также необходимо) держать под подозрением и тех, кто отступает от истинного преемства и собирается вместе в любом месте, (рассматривая их) либо как еретиков с извращенным умом, либо как раскольников, надутых и самодовольных, либо опять же как лицемеров, действующих так ради корысти и тщеславия»²⁰⁹.

Это, как мы увидим, направлено исключительно на возвышение иерархии католической церкви. Если Ориген и Тертуллиан были очень разносторонни и ввели множество ересей, то Ириной оказал свою главную услугу Римско-католической церкви по линии установления епископального преемства и подготовки сознания людей к принятию единого «вселенского епископа».

О том, как рано начала действовать римская закваска, свидетельствует следующее высказывание, которое учит повинованию Римской церкви: «Поскольку, однако, в таком объеме, как этот, было бы очень утомительно перечислять последовательности всех церквей, мы приводим в замешательство всех тех, кто каким бы

²⁰⁹ Book 4, chap. 26, par. 2

то ни было образом, по злumu ли самообольщению, по тщеславию или по слепоте и порочному мнению, собираются на несанкционированные собрания; (мы делаем это, говорю я), указывая на предание, идущее от апостолов, о великой, древней и общеизвестной церкви, основанной и устроенной в Риме двумя славнейшими апостолами Петром и Павлом; а также (указывая) на веру, проповедуемую людям, которая дошла до нашего времени через преемство епископов. Ибо необходимо, чтобы всякая церковь соглашалась с этой церковью, в силу ее первенствующего авторитета, то есть с верующими повсюду, поскольку апостольское предание непрерывно сохраняется теми (верующими), которые существуют повсюду.

Итак, блаженные апостолы, основав и создав церковь, передали в руки Линуса²¹⁰ должность епископата. Об этом Линусе Павел упоминает в Послании к Тимофею²¹¹. Его сменил Анаклет²¹², а после него, на третьем месте после апостолов, епископство получил Климент²¹³. Об этом человеке, видевшем блаженных апостолов и общавшемся с ними, можно сказать, что проповедь апостолов все еще звучала (в его ушах), а их предания были перед его глазами. Он был не одинок в этом, так как оставалось еще много тех, кто получил наставления от апостолов. Во времена Климента, когда среди братьев в Коринфе произошел небольшой разлад, церковь в Риме направила к коринфянам мощнейшее письмо, увещывая их к миру, обновляя их веру и возвещая предание, которое она недавно приняла от апостолов, провозглашая единого Бога, всемогущего, Творца неба и земли, Создателя человека, который устроил потоп и призвал Авраама, вывел народ из земли Египетской, говорил с Моисеем, изложил закон, послал пророков и приготовил огонь для дьявола и ангелов его. Из этого документа всякий, кто пожелает, может узнать, что Он, Отец Господа нашего Иисуса Христа, был

²¹⁰ Лин – второй Римский епископ.

²¹¹ 2 Тим. 4:21 «Приветствуют тебя Еввул, и Пуд, и Лин, и Клавдия, и все братия»

²¹² Епископ Римский с 76 (78) по 88 (90).

²¹³ Епископ Рима (? – 97/101), мученик

проповедан церквами, а также понять апостольское предание церкви, поскольку это послание более древнее, чем те люди, которые сейчас распространяют ложь и придумывают другого Бога, помимо Творца и Создателя всего существующего. Климента сменил Эварист²¹⁴. За Эваристом последовал Александр²¹⁵; затем, шестым от апостолов, был поставлен Сикст²¹⁶; после него – Телесфор²¹⁷, славно мученически погибший; затем Гигин²¹⁸; после него – Пий²¹⁹; после него – Аникет²²⁰. Сотер²²¹ сменил Аникета, и теперь Елевферий²²², занимая двенадцатое место от апостолов, наследует епископат. В таком порядке и с такой преемственностью дошли до нас церковные предания от апостолов и проповедь истины. И это является самым убедительным доказательством того, что существует одна и та же животворящая вера, которая сохраняется в церкви от апостолов до наших дней и передается в истине»²²³.

Далее мы читаем с той же целью: «Итак, поскольку мы имеем такие доказательства, нет необходимости искать истину, среди других, которую легко получить от церкви; поскольку апостолы, подобно богатому человеку (кладущему свои деньги) в банк, поместили в ее руки наиболее обильно все, относящееся к истине: так что каждый, кто бы не захотел, может черпать из нее воду жизни. Ибо она – вход в жизнь; все остальные – воры и грабители. Поэтому мы обязаны избегать их, но с величайшим усердием выбирать то,

²¹⁴ Согласно официальной хронике Католической церкви («*Annuario Pontificio, citta del Vaticano*»), пятый – епископ римский с 97(99) по 105(107), умер мученической смертью

²¹⁵ Александр I (115 г.), епископ Римский, мученик.

²¹⁶ Епископ Рима (42 – 3 апреля 125)

²¹⁷ Епископ Рима (? – 136)

²¹⁸ Епископ Рима (? – 140), мученик

²¹⁹ Епископ Рима (? – 154/155), мученик

²²⁰ Епископ Рима (? – 165/166), мученик

²²¹ Епископ Рима (? – 174/175), мученик

²²² Епископ Рима (? – 189), мученик

²²³ Там же, book 3, chap. 3, paragraphs 2, 3

что относится к церкви, и держаться предания истины. Ведь как обстоит дело? Если среди нас возникнет спор по какому-либо важному вопросу, то не следует ли нам обратиться к древнейшим церквям, с которыми апостолы поддерживали постоянные сношения, и узнать от них, что является несомненным и ясным в отношении данного вопроса? Ведь как быть, если сами апостолы не оставили нам писаний? Не придется ли (в таком случае) следовать преданиям, которые они передали тем, кому они поручили церкви?»²²⁴

Можно утверждать, что Иринея не писал этого, но что это работа человека, жившего в более позднее время и желавшего получить весомое влияние Иринея в пользу римского господства. Конечно, тот, кто это утверждает, никогда не найдет цитат из Иринея в пользу чего-либо другого, поскольку если это подделка, то и любая другая часть может быть подделкой. Но факт остается фактом: труды Иринея, кем бы они ни были написаны, благоприятствуют римско-католической узурпации. В них превозносится предание, а людей призывают обращаться не к Библии, а к «древнейшим церквям».

В доказательство утверждения Киллена о том, что труды Иринея «не лишены пакостей», приведем следующие «доводы», которые он приводит, чтобы показать, почему существует только четыре Евангелия: «Невозможно, чтобы Евангелий было больше или меньше, чем их есть. Ибо, поскольку в мире, в котором мы живем, есть четыре стороны света и четыре главных ветра, а церковь рассеяна по всему миру, а “столп и основание” церкви – Евангелие и дух жизни, то вполне уместно, чтобы у нее было четыре столпа, со всех сторон дышащих бессмертием и оживляющих людей. Из этого факта следует, что Слово, Творец всего, Восседающий на херувимах и содержащий в себе все, явленный людям, дал нам Евангелие в четырех аспектах, но связанных одним Духом. Как говорит и Давид, прося Его о явлении: “Восседающий на херувимах, яви Себя”. Ибо херувимы тоже были четырехликими, и их лица были

²²⁴ Там же, chap. 4, paragraph 1

образами устройства Сына Божия. Ибо (как говорит Писание): “Первое животное было подобно льву”, символизируя Его действенность, руководство и царскую власть; второе (животное) было подобно тельцу, означая жертвенный и священнический сан; но “третье животное имело лице, как человек” – явное описание Его пришествия как человека; “четвертое животное подобно орлу летящему”, указывая на дар Духа, парящего на своих крыльях над церковью. И потому Евангелия согласуются с этими вещами, среди которых восседает Христос Иисус»²²⁵.

Это достаточно причудливо, но не так плохо, как следующее, которое показывает, что Ириной был подходящим спутником того, кто украл имя Варнавы, чтобы навязать церкви свои пустые фантазии: «Все это закон образно предсказал, определяя человека по (различным) животным: кто из них, говорит (Писание), имеет раздвоенное копыто и жует жвачку, тех он объявляет чистыми; а кто из них не обладает тем или другим (свойством), тех он сам по себе отделяет как нечистых. Кто же такие чистые? Те, кто с верой неуклонно идет к Отцу и Сыну, ибо это обозначается устойчивостью тех, у кого раздвоенное копыто; и они день и ночь размышляют над словами Божьими, чтобы украсить добрыми делами, ибо это и есть смысл жвачных животных. Нечистыми же считаются те, у кого копыта не раздвоены и кто не жует жвачку, то есть те, кто не имеет веры в Бога и не размышляет над Его словами; это мерзость язычников. Что же касается тех животных, которые жуют жвачку, но не имеют раздвоенного копыта и сами нечисты, то в них мы имеем образное описание иудеев, которые, конечно, имеют в устах слова Божии, но не укореняют их в Отце и Сыне, поэтому они – род неустойчивый. Ибо те животные, у которых копыто цельно, легко соскальзывают, а те, у которых оно разделено, более уверенно стоят на ногах: их расщепленные копыта сменяют друг друга по мере продвижения, и одно копыто поддерживает другое. Подобным образом нечисты и те, кто имеет двойное копыто, но не жует жвачку: это явное указание на всех еретиков и тех, кто не размышляет над

²²⁵ Там же, book 3, chap. 11, paragraph 8

словами Божьими и не украшает себя делами праведности; им также Господь говорит: “Что вы зовете Меня: “Господи! Господи!” - и не делаете того, что Я говорю?”. Ибо люди этого сорта действительно говорят, что верят в Отца и Сына, но никогда не размышляют, как должно, о вещах Божьих и не украшаются делами праведности; но, как я уже заметил, они приняли жизнь свиней и псов, предаваясь нечистоте, чревоугодию и безрассудству всякого рода. Поэтому апостол справедливо назвал всех таких “плотскими” и “животными”, то есть теми, кто по своему неверию и роскоши не принимает Духа Божьего, в различных своих проявлениях изгоняет из себя животворящее Слово и безрассудно ходит по своим похотям; пророки также говорили о них как о выючных животных и диких зверях; обычай также рассматривал их в свете скотов и неразумных существ; закон объявил их нечистыми»²²⁶.

Теперь мы готовы услышать, что говорит Иринея о субботе и воскресенье, хотя то, что мы уже прочитали ранее, не заставляет нас с большим благоговением прислушиваться ни к его мнению, ни к его практике. Во «Фрагментах из утраченных писаний Иринея» № 7 мы читаем: «Этот (обычай) не преклонять колена в воскресенье есть символ воскресения, через которое мы благодатью Христовой освобождены от грехов и от смерти, которая умерщвлена под ним. Этот обычай возник в апостольские времена, как утверждает блаженный Иринея, мученик и епископ Лионский, в своем трактате “О Пасхе”, в котором он упоминает и о Пятидесятнице, в которую (праздник) мы не преклоняем колена, потому что она имеет равное значение с днем Господним по причине, уже указанной относительно нее».

Объяснение этого отрывка не требуется. Кто хочет принять его вместе со всем, что написал Иринея, – пожалуйста. Если это не подделка и если он был написан в то время, когда, как предполагается, жил Иринея, то он просто показывает, что некоторое легкое почитание воскресенья существовало уже довольно рано в церкви, наряду с другими началами отступничества от библейской религии.

²²⁶ Там же, book 5, chap. 8, par 4

В примечании к фрагменту № 50 мы находим следующее: «Этот фрагмент представлен следующим образом: “Ибо Ириней, епископ Лионский, который был мучеником и современником ученика апостола Поликарпа²²⁷, епископа Смирнского, и по этой причине пользуется справедливым уважением, написал одному александрийцу, что в отношении праздника воскресения правильно, что мы должны праздновать его в первый день недели”».

То есть кто-то утверждает, что Ириней, получивший большую известность благодаря тому, что жил в то же время, что и Поликарп, писал кому-то другому о том, что праздник воскресения должен отмечаться в первый день недели. Каким образом этот человек узнал, что «праздник воскресения» вообще должен праздноваться, этот неизвестный собеседник не сообщает.

Является ли следующее высказывание благоприятным для субботы четвертой заповеди или противоположным ей, автор не в состоянии определить. Кто сочтет, что это имеет значение, тот может ознакомиться с этим: «И потому Господь обличал тех, которые несправедливо обвиняли Его в том, что Он исцелял в субботние дни. Ибо Он не отменил, но исполнил закон, совершая служение первосвященника, умиловляя Бога за людей, очищая прокаженных, исцеляя больных и Сам претерпевая смерть, чтобы изгнанный человек мог выйти из осуждения и без страха возвратиться в свой удел»²²⁸.

Однако наиболее ясно о необходимости соблюдения всех заповедей говорит следующее: «Итак, у них (иудеев) был закон, курс дисциплины и пророчество о будущем. Ибо Бог сначала, правда, предупредив их посредством естественных заповедей, которые Он с самого начала вложил в человечество, т.е. посредством Декалога (который, если кто не соблюдает, тот не имеет спасения), затем не требовал от них ничего более. Как говорит Моисей во Второзаконии: “Вот все слова, которые говорил Господь всему собранию

²²⁷ Епископ Смирнский, один из апостольских мужей, христианский мученик

²²⁸ Irenaeus against Heresies, book 4, chap. 8, paragraph 2

сынов Израилевых на горе, и больше ничего не прибавил; и написал их на двух скрижалях каменных, и дал их мне”. Для того (Он сделал это), чтобы те, которые хотят следовать за Ним, соблюдали эти заповеди»²²⁹.

А о вечности закона Божия наиболее категорично говорит следующее: «Приготавливая человека к этой жизни, Сам Господь в Своем лице говорил всем одинаково слова Декалога; и потому, подобным образом, они постоянно остаются с нами, получая через Его пришествие во плоти продолжение и увеличение, но не отмену»²³⁰.

Остается надеяться, что ни один сторонник заповедей не будет ссылаться на эти места из Иринейя как на доказательство того, что Христос не отменил Закон Божий, десять заповедей. Действительно, Он не отменил ни одной йоты Закона, но свидетельство Иринейя не делает этот факт более достоверным. Мы знаем это потому, что так сказал Сам Христос. Мы не можем цитировать Отцов как авторитет, даже если они говорят правду, так как это обязывает нас принять всю остальную их ересь. Однако приведенные выдержки полезно процитировать для тех, кто хотел бы получить от Иринейя утешение в отношении обычая соблюдать воскресенье, противоречащего четвертой заповеди Декалога.

Те, кто хочет принять Иринейя за авторитет в каком-либо одном вопросе, должны принять его учение и по всем остальным пунктам, и поэтому, помимо возвеличивания Рима, они должны принять учение о чистилище, ибо Ириней заявляет: «По этой же причине Господь сошел в области под землей, проповедуя и там Свое пришествие и (объявляя) об отпущении грехов, которое получают верующие в Него»²³¹.

Приведенное выше учение о чистилище и испытательном сроке после смерти, конечно же, основано на доктрине бессмертия души, однако следующее утверждение фактически противоречит этой

²²⁹ Там же, book 4, chap 15, paragraph 1

²³⁰ Там же, book 4, chap. 16, paragraph 4

²³¹ Там же, chap. 27, paragraph 2

теории. Во всяком случае, это прямое утверждение того факта, что люди не попадают на небеса после смерти: – «Итак, если Господь соблюл закон мертвых, чтобы стать первенцем из мертвых, и пробыл до третьего дня “в нижних частях земли”, то, воскреснув во плоти, так что даже показал ученикам раны от гвоздей, Он вознесся к Отцу; – (если все это имело место, говорю я), то как не смутиться тем людям, которые утверждают, что “нижние части” относятся к этому нашему миру, но что их внутренний человек, оставив тело здесь, возносится в сверхнебесное место? Ибо как Господь “отошел в тень смертную”, где находились души умерших, но затем воскрес в теле и после воскресения был вознесен (на небо), то очевидно, что и души Его учеников, ради которых Господь претерпел все это, уйдут в невидимое место, отведенное им Богом, и останутся там до воскресения, ожидая этого события; затем, получив свои тела и воскреснув во всей полноте, то есть телесно, как воскрес Господь, они придут в присутствие Божие. “Ибо никто из учеников не выше Учителя, но всякий совершенный будет, как Учитель его”. Итак, как наш Учитель не сразу ушел, улетев (на небо), но ожидал предписанного Отцом времени своего воскресения, которое было показано и через Иону, и, воскреснув через три дня, был взят (на небо), так и мы должны ожидать предписанного Богом и предсказанного пророками времени нашего воскресения и, воскреснув, быть вознесенными, сколько Господь сочтет достойным этой (привилегии)»²³².

Следующий отрывок довольно длинный, но он является хорошим примером стиля Иринейя, и, хотя его можно назвать малозначительным, он показывает, как легко ложные теории вызывают доверие и распространяются в народе. «Они же, чтобы утвердить свое ложное мнение относительно написанного: “возвестить благодатный год Господень”, утверждают, что Он проповедовал только один год, а затем пострадал в двенадцатом месяце. (Говоря так), они по забывчивости, что им и самим невыгодно, разрушают весь Его труд и лишают Его того возраста,

²³² Там же, book 5, chap. 31, paragraph 2

который и важнее, и почетнее любого другого; того преклонного возраста, я имею в виду, в котором и как учитель Он превосходил всех остальных. Ибо как мог Он иметь учеников, если не учил? И как Он мог учить, если не достиг возраста учителя? Ведь когда Он пришел креститься, ему еще не исполнилось тридцати лет, а было около тридцати (так выразился Лука, указавший Его годы: “Иисусу же было тридцать лет”, когда Он пришел креститься); и (по мнению этих людей) Он проповедовал только один год, считая с момента крещения. На тридцатом году жизни Он пострадал, будучи еще молодым человеком, ни в коем случае не достигшим преклонного возраста. Итак, то, что первая стадия ранней жизни охватывает тридцать лет и продолжается до сорокового года, признают все; но с сорокового и пятидесятого года человек начинает угасать к старости, которой Господь наш обладал, когда еще исполнял обязанности учителя, как свидетельствуют Евангелие и все старцы. Те, кто был в Азии с Иоанном, учеником Господним, (утверждают), что Иоанн передал им эти сведения. И он оставался среди них до времен Траяна. Некоторые из них, кроме того, видели не только Иоанна, но и других апостолов, слышали от них то же самое и свидетельствуют о достоверности этого рассказа. Кому же мы должны верить? Таким ли людям, как эти, или Птолемею, который никогда не видел апостолов и даже во сне не достигал ни малейшего следа апостола?

Но, кроме того, те самые иудеи, которые тогда спорили с Господом Иисусом Христом, самым ясным образом указывают на то же самое. Ибо когда Господь сказал им: “Авраам? отец ваш, рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался”, они ответили Ему: “Тебе нет еще пятидесяти лет, – и Ты видел Авраама?” Такие слова вполне уместно применить к тому, кто уже перешагнул сорокалетний рубеж, не достигнув еще пятидесяти лет, но уже недалеко от этого рубежа. Но тому, кому только тридцать лет, несомненно, можно было бы сказать: “Тебе нет еще сорока лет”. Ибо те, кто хотел уличить его в неправде, конечно, не выводили число его лет далеко за пределы того возраста, которого, как они видели, он достиг; но они называли период, близкий к его настоящему

возрасту, независимо от того, действительно ли они установили это по записи в государственном реестре или просто сделали предположение на основании того, что они видели, что ему было больше сорока лет и что он, конечно, не был человеком только тридцати лет от роду. Ибо совершенно неразумно предполагать, что они ошиблись на двадцать лет, когда хотели доказать, что он моложе времен Авраама. Ведь что они видели, то и выражали; и Тот, Кого они видели, был не просто призраком, а реальным существом из плоти и крови. Он не мог быть пятидесяти лет от роду, и в соответствии с этим они сказали ему: “Тебе нет еще пятидесяти лет, – и Ты видел Авраама?”²³³

По поводу утверждения Иринея о том, что апостол Иоанн сказал старейшинам в Азии, что когда Иисус учил, ему было более сорока лет, Харви, опубликовавший издание Иринея, говорит следующее: «Здесь читатель может убедиться в неудовлетворительном характере традиции, когда речь идет о простом факте. Из рассуждений, основанных на евангельской истории, а также из перевеса внешних свидетельств, можно с уверенностью утверждать, что служение нашего Господа длилось немногим более трех лет; однако здесь Иринея утверждает, что оно продолжалось более десяти лет, и ссылается на предание, полученное, как он говорит, от тех, кто беседовал с апостолом»²³⁴.

Епископ Кокс также добавляет примечание к утверждению, что Иисусу было не так уж и мало лет, когда произошел разговор, записанный в восьмой главе Евангелия от Иоанна. Он сказал: «Это утверждение просто поразительно и может показаться пророческой иллюстрацией бесполезности простого предания, не подкрепленного письменным словом. Ни одно предание не может быть более достоверным, чем это».

Жаль, что епископ и другие почитатели Отцов не всегда помнят об этом факте. Если бы они помнили, то не превозносили бы Отцов так, как превозносят, ибо их труды – это в основном предание или

²³³ Там же, book 2, chap. 22, paragraphs 5, 6

²³⁴ Цитируется в сноске епископом Коксом

домыслы. Поскольку признается, что все должно подтверждаться Библией, чтобы иметь хоть какую-то ценность, насколько лучше было бы обращаться за информацией непосредственно к Библии, не барахтаясь в болотах патристической литературы.

В своем предисловии к трудам Ириней епископ Кокс говорит: «Немногое из того, что содержится на следующих страницах, покажется английскому читателю хоть сколько-нибудь понятным. И едва ли станет более понятным для тех, кто долго размышлял над оригиналом». Тот, кто проберется через всю эту массу, убедится в истинности этого утверждения, и ниже приводится один из отрывков, который подтверждает это: «Кроме того, слово Иисус, принадлежащее к собственному языку евреев, содержит, как утверждают ученые, две буквы с половиной и означает того Господа, который содержит небо и землю; ибо Иисус в древнееврейском языке означает “небо”, а “земля” выражается словами “sura usser”. Таким образом, слово, содержащее небо и землю, есть просто Иисус»²³⁵.

Епископ действительно говорит, что из этих слов нельзя получить другое значение. А слова «sura usser» выдают не большее невежество автора, чем его попытка разобраться с ивритом. Такое невежество и педантизм современного писателя сделали бы его посмешищем для всех, кто потрудился бы прочесть его труды. Но Ириней – «отец Церкви», и поэтому на его бессмысленный жаргон следует смотреть с благоговением и трепетом.

Более того, оказывается, что Ириней был почти так же невежественен в греческом языке, как и в древнееврейском, хотя писал на греческом. То есть он был невежественным писакой, претендовавшим на большие знания. В книге 2, главе 35, параграфе 3 своего труда «Против ересей» он говорит «Подобным образом и “Sabaoth”, когда оно пишется с греческой омегой в последнем слоге (Sabaoth), означает “добровольный агент”. Когда же оно пишется с греческим омикроном – как, например, “Sabaoth” – оно выражает “первое небо”. Точно так же и слово “Jaoth”, когда

²³⁵ Irenaeus against Heresies, book 2, chap 24, paragraph 2

последний слог делается долгим и с придыханием, обозначает “предопределенную меру”; но когда оно пишется коротко через греческую букву “Ομικρον”, а именно “Jaoth”, оно означает “того, кто обращает зло в бегство”».

Как говорит Кокс: «Автор здесь совершенно ошибается..... Термин “Sabaoth” никогда не пишется с омикроном ни в LXX²³⁶, ни у греческих отцов, но всегда с омегой (Sabaoth)». Но только подумайте, какой абсурд писать подобное «против ересей».

В заключение приведем еще один пример мастерства Иринея в изложении материала. Это из его замечательного опровержения всех ересей: «Кроме того, словами, которые они употребляли, указывалось на то, что нет другого, кто мог бы наделить старшую и младшую церковь (властью) рождать детей, кроме нашего Отца. Отцом рода человеческого является Слово Божие, на что указывает Моисей, говоря: “Не Он ли Отец твой, *Который* усвоил тебя (по роду), создал тебя, и устроил тебя?” Когда же Он излил на род человеческий животворящее семя, то есть Дух отпущения грехов, посредством которого мы оживотворяемся? Не тогда ли, когда Он ел с людьми и пил вино на земле? Ибо сказано: “Пришел Сын Человеческий, ест и пьет”; и, возлегши, уснул и почил. Как и Сам Он говорит у Давида: “Я уснул и почил”. И поскольку он так поступал, когда жил среди нас, он снова говорит: “И сон мой был приятен мне”. Все это было показано через Лота, чтобы семя Отца всех, то есть Духа Божия, Которым все сотворено, было смешано и соединено с плотью, то есть со своим собственным творением. Через это смешение и единство две синагоги, то есть две церкви, произвели от своего отца живых сыновей живому Богу.

И когда все это происходило, жена его оставалась в (пределах) Содомы, уже не тленная плоть, но соляной столп, пребывающий вовек; и теми естественными процессами, которые свойственны человеческому роду, указывая на то, что и Церковь, которая есть соль земли, оставлена в пределах земли и подвержена человеческим страданиям. И хотя у нее часто отнимаются целые члены, соляной

²³⁶ Септуагинта

столп все же остается, олицетворяя тем самым основание веры, которое делает сильными и посылает вперед детей к их Отцу»²³⁷.

В этом Иринея проявляет себя как извратитель простых положений Библии, достойный занять место в ряду худших из отцов. Как верно, что «мир *своею* мудростью не познал Бога!» Эти люди были настолько пропитаны духом языческой философии, которая заключалась лишь в показной учености, чтобы мистифицировать и вызывать благоговение у простодушных, что они не могли снизойти до простого, здравого учения Библии. Вино, которое пил Лот, должно быть прообразом Христа; дети, рожденные от кровосмесительного совокупления с его дочерьми, – прообразом церкви, исходящей от Бога; а соляной столб, в который была превращена жена Лота, – прообразом церкви, сохраняющей мир, хотя та ничего не сохранила. И это только пример того, что было написано против ересей. Такое детское баловство со священным текстом вполне приспособлено к тому, чтобы породить ересь и неверность, и ничего более. И поэтому Иринею следует вынести тот же приговор, что и другим так называемым Отцам. Возможно, его намерения были благими, но какое бы влияние ни оказали его труды, они оказались губительными для чистого христианства и для благоговения перед «чистым словесным молоком». Неудивительно, что в католической церкви Иринея является почитаемым Отцом.

²³⁷ Book 4, chap. 31, paragraphs 2, 3

ГЛАВА X. Иустин Мученик

О жизни этого человека известно очень мало, за исключением того, что содержится в его собственных сочинениях. Обще-признанно, что он родился в городе Сихем (современный Наблус) в Самарии около 114 года н.э. Однако он был язычником и, очевидно, происходил из семьи, обладавшей определенным достатком и социальным положением, так как имел возможность путешествовать и был широко образован в соответствии с требованиями тогдашней науки. До принятия христианства он был искусным языческим философом. Согласно Евсевию и некоторым другим историкам, он принял мученическую смерть в Риме в 165 г. н.э. в результате заговора, устроенного против него философами этого города. Следующие выдержки, вышедшие из-под пера авторитетных церковных историков, дают хорошее представление о его характере как человека и как лидера, исповедующего христианскую религию. Епископ Кокс в своем вступительном примечании к «Первой апологии» говорит: «Иустин был язычником, но родился в Самарии, недалеко от колодца Иакова. Он должен был быть хорошо образован. Он много путешествовал и, по-видимому, был человеком, обладающим, по крайней мере, знаниями и способностями. Испробовав все другие системы, он, благодаря своим возвышенным вкусам и утонченному восприятию, стал учеником Сократа и Платона».

Остается надеяться, что немногие согласятся с утверждением, следующим сразу за приведенным выше, что «так он поднимался ко Христу». Если действительно верно, что Сократ и Платон были ступенями, по которым Иустин поднимался ко Христу, то он так и не достиг Христа; ведь с таким же успехом можно ожидать, что достигнешь вершины горы, спустившись в шахту, или попадешь на небеса, спустившись в бездонную яму, с каким достигнешь Христа, изучая Сократа и Платона. Большая беда Иустина и других, ошибочно называемых «христианскими Отцами», заключается в том, что их христианство в значительной степени состояло из языческой философии. Именно это и затуманило их разум, не

позволяя понять простую истину Евангелия, и сделало их слепыми вождями слепых. Все, что они узнали о Христе, они узнали не вопреки изучению философии, а благодаря ей.

Епископ Кокс говорит далее: «После обращения он носил свою философскую мантию в знак того, что достиг единственно истинной философии. И поскольку после конфликтов и испытаний веков это единственная философия, которая длится, живет и торжествует сегодня, ее открытие заслуживает почтения от человечества».

Заметка епископа о философской мантии заслуживает более чем беглого внимания. Он говорит: «Она сохранилась на кафедрах христианства – греческих, латинских, англиканских, лютеранских и т.д. – и по сей день в несколько иной форме». Это замечательное признание епископа англиканской церкви того, что сюртук епископального, католического или лютеранского священника является звеном, связывающим его религию с древним язычеством, и признаком того, что он не полностью освободился от рабства суеверий. Конечно, в наше время мало кто задумывается о значении облачений «церкви», но мы можем быть уверены, что Иустин Мученик имел определенную цель, сохраняя философскую мантию после принятия христианства. Это было не просто удобство, но знак того, что он по-прежнему философ, однако с новой идеей. Это означало, что он не видит несовместимости между христианством и языческой философией. Этот вывод поддерживает доктор Киллен, который говорит: «Иустин даже после своего обращения все еще носил плащ философа и продолжал чрезмерно уважать мудрость языческих мудрецов. Его ум никогда не был полностью освобожден от влияния системы ложной метафизики²³⁸, и поэтому его взгляды на различные доктрины Евангелия оставались запутанными, а ссылки на них – двусмысленными, если не противоречивыми»²³⁹.

Ученый историк Неандер свидетельствует об этом следующим образом: «Иустин Мученик замечателен как первый из этих

²³⁸ Раздел философии, занимающийся исследованиями первоначальной природы реальности, мира и бытия как такового

²³⁹ Ancient Church, period 2, sec. 2, chap. 1, paragraph 6

апологетов, чьи труды дошли до нас, и как первый из тех, кто нам более известен, кто стал учителем христианской церкви, в ком мы наблюдаем сближение между христианством и греческой, но особенно платонической, философией»²⁴⁰.

Историк Мосхайм говорит: «С иудеями спорил, в частности, Иустин Мученик в своем диалоге с Трифоном, а также Тертуллиан; но ни тот, ни другой не делали это лучшим образом, потому что они не были знакомы с языком и историей евреев и не рассмотрели этот вопрос должным образом»²⁴¹.

Историк Ф. Шафф приводит следующее свидетельство: «Иустин был человеком очень начитанным, с обширной памятью, пытливым духом и множеством глубоких идей, но не обладал достаточной критической проницательностью. Его способ рассуждения часто гениален и убедителен, но иногда рыхл и бессвязен, причудлив и глуп. Его стиль легкий и живой, но рассеянный и небрежный. Он первым из Отцов Церкви привел классическую науку и платоновскую философию в соприкосновение с христианским богословием»²⁴².

В свете этих фактов становится очевидным, что Иустин Мученик действительно является таким же ненадежным проводником в вопросах религии, как Платон, Сократ или любой другой языческий философ. Нельзя также утверждать, что, хотя сам он и не является надежным учителем богословия, на него можно положиться как на определителя церковных обычаев II века, которым можно следовать, ибо (1) обычаи церкви того времени должны были быть неизбежно извращены притоком язычников, а также учением и примером таких людей, как Иустин; и (2) на Иустина нельзя полагаться относительно фактов. Фаррар отмечает: «Следуя по стопам раввинов, он отрицает самые очевидные исторические факты»²⁴³.

²⁴⁰ Rose's Neander, p. 410

²⁴¹ Mosheim, Ecclesiastical History, book 1, cent. 2, part 2, chap. 3, sec. 7

²⁴² Vol. 1, sec. 122

²⁴³ History of Interpretation, p. 173

В этом случае, очевидно, не стоит сильно полагаться на слова Иустина, что бы он ни говорил. Поэтому мы можем оценить по достоинству следующее: «В день, называемый воскресеньем, все живущие в городах или в деревне собираются в одно место и читают, сколько позволяет время, воспоминания апостолов или писания пророков. Затем, когда чтец прекращает чтение, председатель словесно наставляет и увещевает подражать этим хорошим вещам. Затем мы все вместе встаем и молимся, и, как мы уже говорили, по окончании молитвы приносят хлеб, вино и воду, и председатель подобным образом возносит молитвы и благодарения по мере своих возможностей, и народ соглашается, говоря “Аминь”; и происходит раздача каждому и участие в том, за что была выражена благодарность, а тем, кто отсутствует, дьяконы посылают свою порцию. А те, кто в достатке и имеет желание, дают, сколько считают нужным; а собранное отдают председателю, который помогает сиротам и вдовам, и тем, кто по болезни или по другой причине находится в нужде, и тем, кто в узах, и странникам, живущим среди нас, и, словом, заботится обо всех нуждающихся. Воскресенье же есть день общего собрания, потому что это первый день, в который Бог, изменив тьму и материю, сотворил мир, и в тот же день Иисус Христос, Спаситель наш, воскрес из мертвых. Ибо Он был распят в день, предшествующий дню Сатурна (субботу), а в день, следующий за днем Сатурна, который есть день солнца, явившись своим апостолам и ученикам, Он научил их этим вещам, которые мы представили и вам на рассмотрение»²⁴⁴.

Хотя Иустин столь ненадежен в вопросах фактов, мы можем с готовностью согласиться с тем, что это правдивое изложение обычая поклонения некоторых исповедующих христианство во второй половине II века. К сожалению, Иустин был не единственным языческим философом, который пришел в церковь, принеся с собой языческую философию и обычаи, и очень многие простые люди, естественно, последовали примеру таких людей, так что те немногие, кто «твердо держался учения и практики апостолов»,

²⁴⁴ First Apology, chap. 67

были потеряны из виду, и церковь стала приобретать окраску язычества. Так происходило всегда и везде, когда языческие философы принимали христианство как очередную фазу своей древней философии. Отступление от изначальных таинств, как видно из приведенного выше рассказа, проявилось и в добавлении воды в вино для Вечери Господней. Это извращение таинства проявляется и в следующем: «По окончании молитвы мы приветствуем друг друга поцелуем. Затем главе братьев подносят хлеб и чашу с вином, смешанным с водой; и он, принимая их, воздает хвалу и славу Отцу вселенной во имя Сына и Святого Духа и долго благодарит за то, что мы сочтены достойными принять это из Его рук. И когда он заканчивает молитвы и благодарения, все присутствующие выражают свое согласие, произнося “Аминь”. Слово “Аминь” в переводе с древнееврейского означает “да будет так”. И когда глава произносит слова благодарения, а все присутствующие выражают свое согласие, те, кого мы называем диаконами, дают каждому из присутствующих причаститься хлебом и смешанным с водой вином, над которыми было произнесено благодарение, а отсутствующим относят часть»²⁴⁵.

Однако видно, что Иустин не считал воскресенье ни днем отдыха, ни священным днем. Он всегда привык считать первый день недели праздничным днем и не изменил своих взглядов, когда принял форму христианства. Только языческие жертвоприношения в этот день он заменил (извращенными) формами христианского культа. Но он прекрасно понимал, что между воскресеньем и субботой есть разница, о чем свидетельствует следующее: «Повеление об обрезании, указывавшее на необходимость всегда обрезать детей в восьмой день, было прообразом истинного обрезания, которым мы обрезаны от лукавства и беззакония через Воскресшего из мертвых в первый день после субботы, (а именно через) Господа нашего Иисуса Христа. Ибо первый день после субботы, оставаясь первым из всех дней, называется, однако, восьмым, по числу всех дней цикла, и (тем не менее) остается первым»²⁴⁶.

²⁴⁵ First Apology, chap. 65

²⁴⁶ Dialogue with Trypho, chap. 41

В сказанном выше можно увидеть происхождение нелепости, при которой воскресенье называется первым днем и одновременно восьмым. Это как раз то богословское жонглирование, которое можно было бы ожидать от полугреческого философа.

Утверждение Гиббона о том, что философы считали все философские системы одинаково ложными, подтверждается следующими тремя выдержками из сочинений Иустина, которые показывают, что, будучи человеком, исповедующим христианство, он считал себя вправе не принимать во внимание все требования Библии. В беседе с иудеем Трифоном он говорит «Новый закон требует от вас соблюдения вечной субботы, а вы, поскольку один день бездействуете, считаете себя благочестивыми, не понимая, почему это вам заповедано; и если вы едите опресноки, то говорите, что воля Божия исполнена. Господь Бог наш не удовлетворится таким соблюдением. Если есть среди вас лжесвидетель или вор, пусть перестанет быть таковым; если прелюбодей, пусть покается; этим он соблюдет сладкие и истинные субботы Божии. Если у кого руки нечисты, пусть умоется и будет чист»²⁴⁷.

Это показывает, что, хотя он и признавал разницу между субботой и воскресеньем, как уже было показано, он не верил в соблюдение какой-либо субботы. Об этом же говорит и следующее: «Ибо, скажи мне, неужели Богу угодно, чтобы священники грешили, принося жертвы по субботам? Или чтобы грешили те, которые обрезаются и делают обрезание в субботы, так как Он повелевает, чтобы в восьмой день, хотя бы это была суббота, рожденные всегда были обрезаны? Или разве нельзя было оперировать младенцев за день до или за день после субботы, если Он знал, что это греховное действие в субботу? Или почему Он не научил тех, кого называют праведными и угодными ему, кто жил до Моисея и Авраама, кто не был обрезан в крайней плоти и не соблюдал субботы, соблюдать эти установления?»²⁴⁸

²⁴⁷ First Apology, chap. 12. 12

²⁴⁸ Там же, chap. 27

Кто-то, возможно, обрадуется, узнав, что Иустин утверждает, что праведники, жившие до Моисея и Авраама, не соблюдали субботу; но более осторожные, желающие знать только правду, спросят, откуда у него такие сведения, и поставят под сомнение его право выступать в качестве человека, чьи ничем не подкрепленные слова должны быть приняты. Далее он учит отмене всякого закона: «Ибо закон, провозглашенный на Хориве, уже устарел и принадлежит только вам одним; а этот закон для всех всеобщий. Итак, закон, поставленный против закона, отменяет предшествующий ему, и завет, следующий за ним, подобным образом прекращает предшествующий; и нам дан вечный и окончательный закон – Христос, и завет надежный, после которого не будет ни закона, ни заповеди, ни постановления»²⁴⁹.

Пусть никто не смеет приводить слова Иустина Мученика в качестве авторитета для соблюдения воскресного дня, если он не готов также принять его высказывание о том, что Закон Божий отменен.

Сравните нижеследующее с Иез. 14:14 «и если бы нашлись в ней сии три мужа: Ной, Даниил и Иов, – то они праведностью своею спасли бы только свои души, говорит Господь Бог», и станет очевидной недостоверность Иустина как толкователя Писания: «Кроме того, были упомянуты некоторые предписания и действия, касающиеся тайны Христа, по причине твердости сердец вашего народа. И то, что это так, Бог объясняет в книге Иезекииля, (когда) тот говорит об этом: “Если бы Ной, Иаков и Даниил просили сыновей или дочерей, то просьба их не была бы исполнена”»²⁵⁰.

И это не единичный случай. Конечно, человеку, не умеющему правильно цитировать Писание, нельзя доверять как учителю.

И снова сравните следующее с записью Писания: «Более того, предписание прикрепить к (одежде) первосвященника двенадцать колоколов, которые свисали бы до ног, было символом двенадцати апостолов, которые зависят от силы Христа, вечного Священника;

²⁴⁹ First Apology, chap. 11

²⁵⁰ Там же, chap. 44

и через их голос вся земля наполнилась славой и благодатью Бога и Его Христа»²⁵¹.

Не довольствуясь надуманным комментарием к Писанию, он манипулирует текстом, чтобы подогнуть его под свой комментарий. В Писании нигде не говорится о количестве колокольчиков, которые были на одежде первосвященника.

Как и все «святые» Отцы, Иустин очень стеснялся принимать какую-либо часть Библии как буквальную. Рассказывая о трех ангелах, пришедших к Аврааму, для которых патриарх приготовил пищу, которую они съели, Иустин говорит «Я бы сказал, что Писание, утверждающее, что они ели, имеет тот же смысл, как если бы мы сказали об огне, что он пожрал все вещи; однако нельзя, конечно, понимать, что они ели, разгрызая зубами и челюстями. Так что даже здесь мы ни в чем не должны быть в замешательстве, если хоть немного знакомы с образными выражениями и способны подняться над ними»²⁵².

Именно так, ни здесь, ни где-либо еще, мы не были бы в затруднении при толковании Писания, если бы приняли методы Иустина и других Отцов. Просто учите, что они имеют в виду нечто иное, чем то, что они говорят, и все будет в порядке. И чем дальше вы отходите от ясного изложения текста, тем ближе вы к истине, согласно Отцам. Этот метод очень прост, но он никогда не будет способствовать христианскому росту. Только «чистое словесное молоко»²⁵³ может привести человека в «меру полного возраста Христова»²⁵⁴.

Далее следует еще один пример умозрительного изложения Иустина: «Вы знаете, господа, – сказал я, – что Бог сказал Иерусалиму в книге пророка Исаии: “Я спас тебя во время потопа Ноя”. Под этим сказанным Богом подразумевалось, что тайна спасенных людей проявилась в потоке. Ибо праведный Ной вместе

²⁵¹ First Apology, chap. 42

²⁵² Там же, chap. 57

²⁵³ 1 Пет. 2:2

²⁵⁴ Еф. 4:13

с другими смертными во время потопа, т.е. с собственной женой, тремя сыновьями и их женами, числом восемь, был символом восьми дней, в которые явился Христос, воскресший из мертвых, навеки первый по силе. Ибо Христос, будучи первенцем всякой твари, снова стал вождем другого рода, возрожденного Им самим через воду, и веру, и дерево, содержащее тайну креста, подобно тому как Ной спасся деревом, когда переплывал через воды со своими домочадцами. Поэтому, когда пророк говорит: “Я спас тебя во времена Ноя”, как я уже отмечал, он обращается к людям, которые в равной степени верны Богу и обладают теми же признаками»²⁵⁵.

Не знаю, удивляться или возмущаться такому крутому допущению, которое проявляет этот полуязыческий философ, пытаясь дать иудею наставления из ветхозаветных писаний. Можно быть уверенным, что его причудливые теории не произвели на Трифона никакого впечатления. Но они послужили только тому, чтобы наполнить Иустина удивительным чувством собственной важности и снабдить слабовольных протестантов материалом для доказательства доктрин, которые невозможно обнаружить в Библии.

Внимательный читатель, однако, увидит, что в приведенном выше отрывке Иустин не упоминает о первом дне недели как о дне отдыха. О таком дне он, похоже, не знал. Он просто приводит лучший из известных ему аргументов, доказывающих, что Иисус был Христом. О пророчествах, прямо предсказывающих пришествие Христа, характер Его деятельности, время и цель Его смерти и воскресения, он, похоже, ничего не знал, и вся его изобретательность была потрачена на то, чтобы сделать что-то из ничего. Его аргументы сводятся к следующему: «В ковчеге спаслись восемь человек, поэтому Христос воскрес на восьмой день как Спаситель людей». Очень глубокомысленно, не правда ли? Тот, кто хоть немного знаком с римско-католическими противоречивыми сочинениями, узнает источник, благодаря которым католические богословы научились спорить.

Но Иустин находит в ковчеге две линии доказательств, касающихся Христа. Во-первых, восемь человек означали, что

²⁵⁵ Там же, chap. 138

Христос должен был воскреснуть на восьмой день, а во-вторых, дерево, из которого был сделан ковчег, символизировало дерево креста. В этом также проявляется римско-католическая преданность символу и знаку креста. Язычники не имели представления о религии, изменяющей природу человека. Для них все было формально. Поэтому, номинально приняв христианство, они рассматривали крест как символ новой религии и практически заменяли им амулеты и святыни²⁵⁶, которые они почитали, будучи язычниками. Тем, кто считает Иустина столь выдающимся Отцом, можно порекомендовать следующие четыре отрывка из его сочинений: «Когда народ, – отвечал я, – вел войну с Амалеком, и сын Навин (Нун) по имени Иисус (Иисус Навин) вел бой, Моисей сам молился Богу, простирая обе руки, а Ор с Аароном поддерживали их в течение всего дня, чтобы они не повисли, когда он устанет. Ибо если он отказывался от части этого знака, имитирующего крест, то народ был побеждаем, как записано в писаниях Моисея; если же он оставался в таком положении, то Амалек соответственно проигрывал, а тот, кто побеждал, побеждал крестом. Ибо не потому, что Моисей так молился, народ оказался сильнее, а потому, что, когда носивший имя Иисуса (Иисус Навин) находился на переднем крае битвы, он сам совершил крестное знамение. Ибо кто из вас не знает, что молитва того, кто сопровождает ее плачем и слезами, с распростертым телом или согнутыми коленями, умиляет Бога более всего? Но так не молился ни он, ни кто-либо другой, сидя на камне. И даже камень не символизировал Христа, как я уже показал»²⁵⁷.

То есть войско Израиля одержало победу не потому, что Моисей молился, а потому, что он простер руки в виде креста. Об этом прямо говорится в приведенном выше отрывке, а также в последней части следующего отрывка: «Да будет он прославлен между братьями своими; красота его – как первенец у быка, рога его – как рога единорога; ими он перегонит народы от одного конца земли до

²⁵⁶ см. Деян. 19:24

²⁵⁷ Dialogue with Trypho, chap. 90

другого”. Никто не может сказать или доказать, что рога единорога представляют собой какой-либо иной факт или символ, чем тот, который изображает крест. Ибо одна балка ставится вертикально, из которой высший конец поднимается в рог, когда на нее насаживается другая балка, и концы ее с обеих сторон оказываются рогами, соединенными в один рог. И та часть, которая закреплена в центре, на которой подвешены распяты, также выделяется как рог, и она также выглядит, как рог, соединенный и закрепленный с другими рогами. И выражение: “Ими, как рогами, он будет давить на народы от одного края земли до другого”, говорит о том, что сейчас происходит среди всех народов. Ибо некоторые из всех народов силою этой тайны, получив такой толчок, то есть укол в сердце, обратились от суетных идолов и демонов к служению Богу. Но та же самая фигура явлена для уничтожения и осуждения неверующих; подобно тому, как Амалик был побежден, а Израиль победил, когда народ вышел из Египта, посредством прообраза простертых рук Моисея и имени Иисуса (Иисуса Навина), которым был наречен сын Навин (Нун)»²⁵⁸.

Читатель должен обратить особое внимание на первую часть этой статьи, которая представляет собой изложение благословения, произнесенного Моисеем на Иосифа «крепость его как первородного тельца, и роги его, как роги буйвола; ими изободет он народы все до пределов земли: это тьмы Ефремовы, это тысячи Манассиины»²⁵⁹. Независимо от того, что это за пророчество, Иустин не мог увидеть в нем ничего, кроме некоторого сходства с формой материального креста. О силе креста, обозначающего искупительную жертву Христа, он, по-видимому, почти не имел представления. Материальный крест был для него всем, занимая место чар и образов его старых языческих дней прошлой жизни.

Кажется, что приводить такое количество цитат – пустая трата места, и все же только так читатель сможет правильно оценить Иустина как толкователя. Ниже приведен яркий пример узкого

²⁵⁸ Dialogue with Trypho, chap. 91

²⁵⁹ Втор. 33:17

взгляда Иустина на Писание и слабых аргументов, которыми он и лучшие представители его класса пытались убедить иудеев и язычников: «Прочитывая это, я добавил: “Итак, послушайте, как этот Человек, о котором Писание говорит, что Он придет снова во славе после распятия, символически представлен как и деревом жизни, которое, как было сказано, было посажено в раю, так и теми событиями, которые должны произойти со всеми праведниками. Моисей был послан с жезлом, чтобы совершить искупление народа, и с этим жезлом в руках, стоя во главе народа, он разделил море. Так он увидел, как вода хлынула из скалы. И когда он бросил дерево в воды Меривы, которые были горькими, он сделал их сладкими. Иаков, положив прутья в корыта с водой, заставил овец своего дяди зачать, чтобы получить их потомство. С помощью своего жезла тот же Иаков похвастался, что перешел реку. Он сказал, что видел лестницу, и Писание утверждает, что над ней стоял Бог. Но что это был не Отец, мы доказали из Писания. А Иаков, возливший масло на камень в том же месте, по свидетельству явившегося ему Бога, помазал столп явившемуся ему Богу. А что камень символически провозглашал Христа, мы также доказали многими местами Писания; и что благовоние, будь то масло, или стакте²⁶⁰, или какой-либо другой составной сладкий бальзам, имело отношение к Нему, мы также доказали, так как сказано: “Посему помазал Тебя Боже, Бог Твой елеем радости более соучастников Твоих”. Ибо действительно все цари и помазанники получили от Него свою долю в именах царей и помазанников так же, как Он Сам получил от Отца титулы Царя, и Христа, и Священника, и Ангела, и другие подобные титулы, которые Он носит или носил. Жезл Аарона, который расцвел, объявил его первосвященником; Исаия пророчествовал, что из корня Иессеева выйдет жезл, (а это был Христос). А Давид говорит, что праведник “подобен дереву, посаженному при водах,

²⁶⁰ Это названия, используемые для одного компонента благовоний Храма Соломона, Ketoret, указанного в Книге Исход. Стакти, ониха, халван – три из четырёх компонентов священного курения (фимиама), упоминаемого в Ветхом Завете (Исх. 30:34)

которое должно приносить плод свой в свое время, и лист которого не увядает”. И снова говорится, что праведник расцветает, как пальма. Аврааму Бог явился с дерева, как сказано, у дуба в Мамре. Перейдя Иордан, люди нашли семьдесят ив и двенадцать источников. Давид утверждает, что Бог утешал его жезлом и посохом. Елисей, бросив посох в реку Иордан, извлек железную часть топора, которым сыновья пророков пошли рубить деревья для постройки дома, в котором они хотели читать и изучать закон и заповеди Божии. Так и наш Христос, приняв распятие на древе и очистив нас водой, искупил нас, хотя мы погрязли в явных преступлениях, которые мы совершили, и сделал нас домом молитвы и поклонения. Более того, именно жезл указал Иуде на то, что он является отцом сыновей Фамари по великой тайне”²⁶¹.

Еще одной выдержки на тему креста будет достаточно. В этой «апологии» перед правителями он сделал следующее заключительное обращение: «Но ни в одном случае, ни в одном из тех, кого называли сыновьями Юпитера, они не упоминали о распятии, ибо оно не было понято ими, все сказанное о нем было выражено символически. А это, как предсказывал пророк, есть величайший символ его власти и правления, что доказывается и тем, что мы видим. Ибо рассмотрев все вещи в мире, могли ли они без этой формы управляться или иметь какую-либо общность? Ведь море не переплыть, если на корабле не будет находиться в безопасности трофей, называемый парусом; без него не вспахать землю; землекопы и механики не выполняют свою работу иначе, как орудиями, имеющими такую форму. И форма человека отличается от формы неразумных животных ничем иным, как тем, что он стоит прямо, вытянув руки, и имеет на лице ото лба то, что называется носом, через который происходит дыхание живого существа; и это не показывает никакой другой формы, кроме креста. Так и сказано пророком: “Дыхание перед лицом нашим – Господь Христос”. И силу этой формы показывают ваши собственные символы на так называемых “вексиллах” (знаменах) и трофеях, с которыми

²⁶¹ Там же, chap. 86

совершаются все ваши государственные шествия, когда вы используете их как знаки вашей власти и управления, хотя вы и делаете это произвольно. И этой формой вы освящаете изображения ваших императоров, когда они умирают, и называете их богами в надписях. Итак, поскольку мы убеждали вас и разумом, и очевидной формой, и в меру наших возможностей, мы знаем, что теперь мы неповинны, даже если вы не верите; ибо наша часть сделана и закончена»²⁶².

Конечно, это должно было убедить их в истинности христианской религии, как ее понимал Иустин. На самом деле именно такие аргументы привели языческий мир к принятию христианства. Когда христианская религия сводилась к материальному кресту и крестному знамени, а язычникам говорили, что этот крест представлен везде и во всем, и что все благополучие, которое они имели, будучи язычниками, было обусловлено повсеместным распространением креста, что могло удержать их от принятия христианства? Они были убеждены, что христианство – это универсальная религия, религия природы, и поэтому превратили свои храмы в церкви; образ, которому они поклонялись как Юпитеру, они теперь почитали как Христа; крест стал их домашним богом; весталки²⁶³ превратились в монахинь; философы-путешественники стали монахами-мендикантами²⁶⁴, и так в конце концов язычество превратилось в римский католицизм.

Но Иустин не ограничивался в своих аргументах крестным знаменем. Он знал, как достучаться до сознания язычников. Например, читаем следующее: «Но так как всем, кто когда-либо жил, остается спасение, а нечестивым уготовано вечное наказание, то смотрите, чтобы вы не пренебрегали убеждением и не держались веры, что это истинно. Ибо пусть даже некромантия, и гадания,

²⁶² First Apology, chap. 55

²⁶³ Весталки – жрицы богини очага Весты в Древнем Риме, пользовавшиеся большим уважением и почётом.

²⁶⁴ Нищенствующие ордена – католические монашеские ордена, члены которых дают обет бедности. Большая часть их образована в XIII веке

которые вы практикуете с помощью непорочных детей, и вызывание душ умерших людей, и те, кого в среде волхвов называют отправителями снов и духами-помощниками (Familiars), и все, что делается теми, кто искусен в подобных делах, – все это убедит вас, что и после смерти души находятся в состоянии ощущений; и тех, кого схватывают и бросают духи умерших, которых все называют бесноватыми или сумасшедшими; и то, что вы считаете оракулами, как Амфилоха, Додоны, Пифона, так и других, сколько их существует; и мнения ваших авторов, Эмпедокла и Пифагора, Платона и Сократа, и яму Гомера, и спуск Улисса для осмотра этих вещей, и все, что было сказано в этом роде»²⁶⁵.

Заметьте, что в этом, как и в других случаях, он не исходит из каких-то высоких стандартов, а просто старается показать, что их старая религия практически не отличается от христианства. Эта цитата показывает, что Иустин никогда не отказывался от веры в некромантию, а также свидетельствует о том, что христианская церковь уже в то время была развращена языческой магией, которая сегодня действует в проявлениях современного спиритизма. И хотя Иустин таким образом утверждает, что душа переживает тело и действует сознательно независимо от него, следующее свидетельство говорит о его непоследовательности как учителя. Он не боялся выразить прямо противоположные позиции: «Ибо как в случае с ярмом волов, если одного или другого отвязать от ярма, ни один из них не может пахать в одиночку, так и душа или тело в одиночку не могут ничего совершить, если их отвязать от общения друг с другом»²⁶⁶.

Но если одно верно, то другое нет, и если он говорил правду, когда утверждал, что мертвые находятся в сознании и общаются с живыми, то здесь он не сказал правды. Какой бы точки зрения мы ни придерживались, Иустин обвиняется в том, что преподавал противоречивые взгляды, а значит, был ненадежным человеком. На самом деле в последнем случае он говорил истину; если бы он не

²⁶⁵ Там же, chap. 18

²⁶⁶ Justin on the Resurrection, chap. 8

учил ничему, противоречащему этому, он, возможно, не достиг бы достоинства быть Отцом Римско-католической церкви, но мог бы иметь более высокую честь – быть смиренным учеником, исполнителем слова Божьего.

Теперь же в качестве окончательного доказательства того, что Иустин использовал Библию как шкатулку для любопытства, и не более того, приведем следующее: «Итак, обратите внимание на то, что я говорю. Браки Иакова были прообразом того, что должен был совершить Христос. Ибо Иакову не дозволено было жениться на двух сестрах сразу. И он служит Лавану за (одну из) дочерей; и, обманувшись в получении младшей, опять служит семь лет. Лия – ваш народ и синагога, а Рахиль – наша церковь. И за них, и за слуг обеих Христос служит и теперь. Ибо если Ной отдал двум сыновьям семя третьего в рабы, то теперь, напротив, Христос пришел восстановить среди них и свободных сыновей, и рабов, воздав всем, соблюдающим Его заповеди, одинаковую честь; подобно тому, как дети свободных женщин и дети рабынь, рожденные Иаковом, были все сыновьями и равными по достоинству. И было предсказано, что каждому из них должно быть по званию и по предведению. Иаков служил Лавану за крапчатых и многокрапчатых овец; а Христос служил вплоть до крестного рабства за различные и многообразные расы человечества, приобретая их кровью и тайной креста. Лия имела плохое зрение, ибо очи душ ваших чрезмерно слабы. Рахиль украдала богов Лавана и скрывает их до сих пор. И мы потеряли наших отцовских и материальных богов. Иаков был ненавидим братом своим во все времена. И мы теперь, и Сам Господь наш ненавидимы вами и всеми людьми, хотя мы братья по природе. Иаков назывался Израилем, а Израиль, как было показано, – это Христос, который есть и называется Иисусом»²⁶⁷.

Со всей откровенностью можно утверждать, что если бы Иустин действительно изучал Библию и имел хоть какое-то представление о христианстве, то ему не пришло бы в голову отстаивать его требования с помощью таких неубедительных и детских аргу-

²⁶⁷ Dialogue with Trypho, chap. 134

ментов. Они очень интересны как проявление его изобретательности, но острота – это не глубина и не широта. Человек с живым воображением может увидеть в горящих углях самые разные фигуры, так было и с Иустином. Библия была для него лишь книгой, полной курьезов; поэтому окончательный вердикт должен быть таков: хотя Иустин превосходит большинство других Отцов в знании слов Библии, он редко цитирует ее осмысленно. Он попугайски повторяет то, что запомнил. В понимании смысла Писания он был более невежественен, чем любой ребенок десяти лет от роду, получивший христианское воспитание. Мы не можем порицать его или любого другого человека за его невежество, но мы можем справедливо порицать тех, кто выдает его невежество за мудрость, и кто хочет, чтобы люди смотрели на пустоту как на вещество, на невежество как на мудрость, на тьму как на свет и на заблуждение как на праведность. Иустин должен служить ярким примером того, что никто не может постичь глубины Божьи исключительно человеческим разумом.

ГЛАВА XI. Климент Александрийский

Этот один из Отцов родился примерно в середине II века, но, где именно, в Афинах или Александрии, неизвестно. Наиболее вероятно, что он был греком, но как писатель он связан только с Александрией. Насколько Климент достоин называться одним из Отцов христианской церкви, читатель сможет решить сам, ознакомившись с тем, что пишут о нем лучшие авторы в связи с несколькими выдержками из его собственных сочинений. Энциклопедия Шаффа-Герцога говорит о нем следующее: «Хотя ему так и не удалось определить роль разума в области авторитета или полностью отделить то, что христианство может усвоить из языческой мысли, и что оно должно отвергнуть, он, тем не менее, чрезвычайно нагляден и часто поразителен».

Иными словами, Климент не видел разницы между язычеством и христианством. Теперь «чрезвычайно наводящие» и «поразительные» идеи могут быть очень интересным чтением, но мы хотим от лидера христианской мысли чего-то большего, чем только это. Почти все языческие сочинения, которые сохранились, содержат «чрезвычайно наводящие» и «чрезвычайно поразительные» идеи (некоторые из них даже слишком «наводящие»), но должны ли мы по этой причине называть их авторов христианскими Отцами? Конечно, нет! И, тем не менее, это были лишь притязания Климента на подобное звание, поскольку, как следует из приведенной цитаты, он так и не стал христианином настолько, чтобы честно различать язычество и христианство.

Именно это отсутствие восприятия у так называемых христианских Отцов наполнило церковь языческими идеями и привело к великому отступничеству. Какими бы честными ни были намерения Климента, его языческие представления, безусловно, делали его самым непригодным для того, чтобы быть учителем христианской церкви.

Энциклопедия Макклинтока и Стронга говорит о Клименте следующее: «Из раннехристианских писателей Климент был наиболее сведущ в истории, философии и науке народов своего

времени, и влияние его исследований в его сочинениях явно обнаруживает скорее умозрительного философа, нежели точного теолога, и скорее причудливого толкователя, нежели скрупулезного исследователя Писания на истинных экзегетических принципах».

Обучение и христианство ни в коем случае не тождественны, и обучение не заменяет христианства. Если человек действительно является христианином, основательно утвердившимся в простых принципах христианства, то чем больше у него знаний, тем лучше. Но если человек является противником христианства, его образованность может быть только проклятием. И даже если он дружелюбен по отношению к христианству и исповедует его, но при этом не знает простых, фундаментальных принципов Евангелия, его образованность является проклятием для веры, которую он исповедует, ибо многие будут ослеплены блеском его гения и последуют за ним в заблуждение. Его образованность – это *ignis-fatuus*, который заманивает доверчивого путника к его гибели. Чтобы показать, что так было и с Климентом Александрийским, достаточно привести следующую цитату из «Экклезиастических комментариев» историка Мосхайма:

«Когда эта страсть к философствованию овладела умами египетских учителей и некоторых других и постепенно распространилась ими в различных направлениях по всей церкви, святая и прекрасная простота ранних времен очень быстро исчезла, и за ней последовало самое замечательное и катастрофическое изменение почти всей системы христианской дисциплины. Эти очень важные и вызывающие глубокое сожаление изменения начались в рассматриваемом нами веке [втором], но именно в последующем нам предстоит проследить их основной ход. Одним из первых зол, проистекавших из неумеренной привязанности к философии, было то насилие, которое она породила в толковании Священного Писания. И хотя христиане с самого начала прониклись мыслью о том, что под словами, законами и фактами, записанными в Священном Писании, находится скрытый смысл, это мнение они, по-видимому, заимствовали у иудеев. Однако не успела эта страсть к философствованию овладеть их умами, как они с удивительной

ловкостью поставили Писание на службу себе, поддерживая все те принципы и максимы, которые казались им согласующимися с их пониманием. И в то же время они самым жалким образом извращали и искажали каждую часть этих божественных изречений, которая противоречила их философским догматам или представлениям. Больше всего в этой пагубной практике преуспели те египетские учителя, которые первыми обратили внимание христиан на философию, а именно Пантен²⁶⁸ и Климент»²⁶⁹.

В другом месте²⁷⁰ историк Мосхайм говорит о Клименте как о слепом и заблуждающемся. Таким образом: «Не подлежит сомнению, что Климент должен быть причислен к первым и главным христианским защитникам и учителям философской науки. Более того, его можно даже поставить во главе тех, кто посвятил себя изучению философии с рвением, не знавшим границ, и был настолько слеп и заблуждался, что занялся безнадежной попыткой согласовать принципы философской науки с принципами христианской религии. Климент сам прямо говорит нам в своих «Строматах»²⁷¹, что хотел бы передать христианскую истину не в чистом виде, а «связанной с философскими предписаниями, или, скорее, завуалированной и окутанной ими». Ибо, по его мнению, зачатки или семена небесной мудрости, сообщенные Христом миру, были скрыты в философии греков, подобно тому, как сочная часть ореха скрыта в скорлупе... Ибо он, по-видимому, был твердо убежден, что сущность греческой философии была здоровой, полезной и целебной. Более того, она вполне соответствует духу

²⁶⁸ Пресвитер Пантен – христианский богослов, глава Александрийской богословской школы. Пантен по одним данным был родом из Афин, по другим – сицилиец. До принятия христианства принадлежал к стоикам, время и обстоятельства обращения неизвестны

²⁶⁹ Cent. 2, sec. 33

²⁷⁰ Commentaries, cent. 2, sec. 25, note 2

²⁷¹ «Строматы» – богословское сочинение Климента Александрийского, написанное во II веке. Одно из первых христианских богословских сочинений

христианской мудрости, но при этом окружена и скрыта от непосредственного наблюдения облаком суеверий и пустых вымыслов, подобно тому, как ядро ореха скрыто скорлупой, и поэтому мы должны усердно проникать под эту внешнюю оболочку, чтобы обнаружить истинную связь между человеческой и божественной мудростью. Происхождение греческой философии он, не стесняясь, приписывает самому Божеству».

Конечно, за таким человеком небезопасно следовать, поскольку все идеи, которые он выдвигает, будут языческими, и тот, кто примет их как христианские, обретет языческое христианство или христианское язычество, как бы его ни называли. Вдумчивый читатель может легко представить себе из приведенной цитаты, как папство (которое метко назвали «крещеным язычеством») возникло на основе учения Отцов. Но учение, на фундаменте которого образовалось папство, – это не то учение, на основе которого может возникнуть чистое христианство. Один и тот же фонтан не может изливать одновременно и сладкую, и горькую воду.

Представление Киллена о Клименте как толкователе Писания выражено в следующем абзаце: «Климент, как явствует из его трудов, был хорошо знаком со светской литературой. Но он слишком высоко оценивал важность языческой философии и аллегоризировал²⁷² Писание столь же опасным, сколь и абсурдным образом. Змей, обманувший Еву, по словам Климента, “аллегорически изображает удовольствие, земной порок, который ползет по животу”. Моисей, говоря аллегорически, если верить этому писателю, называл божественную мудрость деревом жизни, посаженным в раю. Под раем мы можем понимать мир, в котором возникли все творения. Даже десять заповедей он толкует аллегорически. Так, под прелюбодеянием он понимает отступление от истинного познания Всевышнего, а под убийством – нарушение истины о Боге и Его вечном существовании. Легко понять, как при такой системе толкования Писание может быть превращено в свидетельство любой экстравагантности»²⁷³.

²⁷² Говорить иносказательно, превращать в аллгорию

²⁷³ Ancient Church, part 2, sec. 2, chap. 1, paragraph 15

И архидиакон Фаррар показывает в следующем параграфе, что, хотя Климент обладал большой образованностью, ему не хватало самой необходимой мудрости – мудрости Библии: «Его отношение к Богодухновенным писаниям соответствует его эпохе. Он оставляет место для легенд даже в истории Нового Завета. Его цитаты вольны и не лишены парафразы, и иногда приписываются не тому автору. Он цитирует стихи, которых не существует. Он ссылается на апокрифические писания, как будто они были вдохновенными. Книгу Премудрости он приписывает Соломону, а книгу Варуха – Иеремии. Он цитирует даже “Откровения” и “Наставления” Петра, а также “Послание Варнавы” и “Учение двенадцати апостолов” как имеющие авторитет в Писании. Он верит в чудесное вдохновение Септуагинты, Сивилл и Гистаспы, а Платона называет “не иначе как евангельским пророком”»²⁷⁴.

Сделав это предварительное замечание, мы можем познакомить наших читателей с самим Климентом, каким он предстает в своих собственных сочинениях.

Первая цитата, которую мы приведем, взята из «Наставника», серии, охватывающей почти все темы. Переводчик, преподобный Уильям Уилсон, относит ее «к наиболее ценным остаткам христианской древности»; и нельзя отрицать, что в ней есть и хорошие вещи. Можно найти некоторые моменты, касающиеся гигиены и приятных манер, которые не были бы неуместны в любой книге, предназначенной в качестве пособия для молодежи, – именно таким вещам, как мы можем предположить, учили детей всех образованных и утонченных язычников древних времен. Но даже в «Наставнике» хорошие вещи перемешаны с таким количеством совершенно лишенных смысла, что в одну минуту читатель подумает, что Климент был мудрым наставником молодежи, а в следующую будет готов сказать, что он был глупцом. В первой главе второй книги он приводит следующую причину, по которой люди должны ограничивать себя в количестве потребляемой пищи: «И говорят, что тела детей, когда они достигают своего роста,

²⁷⁴ History of Interpretation, p. 184

становятся правильными из-за недостатка питания. Ибо тогда дух, пронизывающий тело для его роста, не сдерживается обилием пищи, препятствующей свободе его движения».

Владелец «Dotheboy's Hall» назвал бы это здоровым евангелием, но разумные люди знают, что умеренная, здоровая жизнь – это не голодание.

Следующая цитата из той же главы является хорошим примером того, как Климент смешивает разумное, аллегорическое, причудливое и нелепое: «От всех рабских привычек и излишеств мы должны воздерживаться и прикасаться к тому, что поставлено перед нами, приличным образом; держать руку, кушак и подбородок свободными от пятен; сохранять изящество лица нетронутым и не совершать непристойности в акте глотания; но протягивать руку через промежутки времени в упорядоченной манере. Мы должны остерегаться говорить во время еды, ведь голос становится неприятным и невнятным, когда он ограничен полными челюстями; а язык, придавленный пищей и лишенный естественной энергии, произносит нечеткие слова. Также не следует есть и пить одновременно. Ибо это крайняя степень невоздержанности – смешивать времена, чье использование несогласованно. А “едите ли вы или пьете, все делайте во славу Божию”, стремясь к истинной бережливости, на которую, как мне кажется, намекал и Господь, когда благословлял хлебы и приготовленные рыбы, которыми Он потчевал учеников, представляя прекрасный пример простой пищи. Та рыба, которую, по повелению Господа, поймал Петр, указывает на удобоваримую, Богом данную и умеренную пищу. А у тех, кто поднимается из воды на приманку праведности, он наставляет нас отнять роскошь и скупость, как монету у рыбы, чтобы вытеснить тщеславие, и, отдав статер сборщикам налогов и “воздав кесарю кесарево”, сохранить “Богу Божие”. У статера есть и другие объяснения, небезызвестные нам, но сейчас не самый подходящий случай для их рассмотрения. Пусть достаточно будет того упоминания, которое мы делаем для нашей нынешней цели, поскольку оно не является неподходящим для цветков Слова; и мы часто делали это, привлекая к насущной точке вопроса самый

благотворный фонтан, чтобы поливать тех, кто был посажен Словом».

Из вышесказанного видно, что он обладал удивительным даром воображения, которым свободно пользовался при толковании Писания. Как он намекает, это лишь малая часть тех фантазий, которые у него возникли по поводу простого вопроса о том, как Петр поймал рыбу. Но мы отметим еще большие проявления его гения. Рассуждая о чуде превращения воды в вино, он говорит о Христе: «Он дал жизнь водной стихии смысл закона, наполнив Своей кровью исполнителя его, который от Адама, то есть весь мир; снабдив благочестие напитком из лозы истины, смесью старого закона и нового слова, чтобы исполнить предопределенное время»²⁷⁵.

Это просто набор слов без смысла. Какое назидание здравомыслящие люди могут найти в таком материале – загадка. И то, что мы процитировали, можно было бы умножить во много раз, если бы у нас было место для длинных выдержек.

Книга «Строматы», или «Рассуждения», как видно из ее названия, носит разносторонний характер. Согласно Евсевию, полное название книги звучало: «Различные собрания умозрительных заметок Тита Флавия Климента, относящихся к истинной философии». Во введении переводчик говорит следующее: «Цель этого труда в соответствии с этим названием состоит в том, чтобы в противовес гностицизму предоставить материал для построения истинного гнозиса, христианской философии, на основе веры, и привести к этому высшему знанию тех, кто, благодаря дисциплине Paedagogus [“Наставнику”], был подготовлен к нему... Он описывает философию как предписанную Богом подготовку греков к вере во Христа, каким закон был для евреев, и показывает необходимость и ценность литературы и философской культуры для достижения истинного христианского знания».

И снова переводчик заявляет: «Цитаты Климента из Писания взяты из версии Септуагинты часто неточно, когда он их приводит

²⁷⁵ The Instructor, book 2, chap. 2

по памяти, иногда приводит из текста, отличного от того, которым мы располагаем, часто со словесными адаптациями, и нередко различные тексты смешиваются друг с другом».

И именно на такую смесь, – на умозрительное Писание, «упорядоченное» и «адаптированное» в соответствии с его собственными представлениями и домыслами языческой философии, – ориентируются люди для получения знаний о христианстве. Человека, который черпает свой свет из такого тумана, можно только пожалеть.

Однако епископ Кокс готов поручиться за ортодоксальность Климента. В сноске к последнему цитированному абзацу, после того как он говорит о предположении Фотия, что «одно из сочинений Климента (ныне утраченное) содержало много вещей, недостойных его ортодоксальности и благочестия», он говорит: «Но его огромная репутация в Католической Церкви после его смерти достаточна, чтобы поставить его характер намного выше всех подозрений в том, что он когда-либо отступал от “веры Церкви”».

Ах да, именно так; возможно, от тех, кто нелестно отозвался о его ценности как учителя христианства, следует ожидать извинений. Кто может сомневаться в ортодоксальности человека, который всегда пользовался большим уважением католической церкви? Вот и все одобрение, которое действительно есть у Климента. Пусть протестанты сменят вначале свое имя, прежде чем они осмелятся цитировать Климента Александрийского в качестве авторитета для чего бы то ни было.

Переводчики во вступительном примечании говорят о сочинениях Климента следующее: «Разумеется, здесь много лженауки, легкомысленных и причудливых спекуляций».

Это действительно так, и без лишних слов мы предоставим нашим читателям самим судить об этом. Шестая глава пятой книги называется «Мистическое значение скинии и ее утвари», и ниже приводится часть того, что он дает по этому вопросу: «Опять же, есть завеса входа во Святое святых. Четыре столба – знак священной тетрады, древних заветов. Далее мистическое имя из четырех букв,

которое прикреплялось только к тем, кому был доступен адитум²⁷⁶, называется Джаве, что в переводе означает “тот, кто есть и будет”. Имя Бога у греков тоже состоит из четырех букв.

Теперь Господь, придя Один в разумный мир, Своими страданиями вводит в познание неизреченного, возвышаясь над всяким именем, которое познается слухом. Светильник также был поставлен к югу от жертвенника благовоний, и с его помощью показывались движения семи планет, совершающих свои обороты к югу. Ибо три ветви поднимались по обе стороны светильника, и на них горели огни; так как и солнце, подобно светильнику, поставленному посреди всех планет, с божественной музыкой передает свет тем, кто выше, и тем, кто ниже.

После того как читатель вдоволь поразмыслит над вышесказанным, он может перейти к следующему, взятому из той же главы: «К северу от жертвенника курения был поставлен стол, на котором было “выставление хлебов”, ибо самые питательные ветры – северные. И таким образом обозначены определенные места церквей, сговорившихся так, чтобы образовать одно тело и одно собрание».

«А вещи, записанные в священном ковчеге, означают свойства мира мысли, который скрыт и закрыт для многих».

«А те золотые фигуры, каждая из которых имеет шесть крыльев, означают либо двух медведей, как считают некоторые, либо два полушария. А имя херувима означает “многознание”. Но оба вместе имеют двенадцать крыльев, и через зодиак и время, которое движется по нему, указывают на мир чувств».

И когда читатель тщательно усвоит все наставления, переданные в этой его книге, он сможет насладиться следующим замечательным разъяснением «глубинных вещей» Библии: «Но

²⁷⁶ Адитон (др.-греч. ἄδυτον – «святыня» от a-ditos, «недоступный, священный») или адитум (лат. adytum) – особая священная комната в древнегреческих и римских храмах, расположенная позади основного помещения (наоса у греков, целлы у римлян), где находилась статуя божества

я думаю, что лучше рассматривать ковчег, названный так от еврейского слова “Thebotha”, как означающий нечто другое. Во всех местах оно толкуется как один вместо другого. Что же обозначает ковчег – восьмую область и мир мысли или Бога, всеобъемлющего, не имеющего формы и невидимого, – мы можем пока отложить. Но это означает покой, который пребывает с духами-поклонниками, подразумеваемыми под херувимами.

Ибо Тот, Кто запретил делать начертанные изображения, сам никогда не сделал бы изображения по подобию святых вещей. На небе также нет ни одной составной вещи, ни одного существа, наделенного чувствами, подобного этому. Но лицо – символ разумной души, крылья – возвышенные служители и энергии правых и левых сил, а голос – восхитительная слава в непрестанном созерцании. Достаточно сказать, что мистическое толкование продвинулось так далеко.

Одеяние первосвященника – это символ мира чувств. Семь планет представлены пятью камнями и двумя карбункулами, обозначающими Сатурн и Луну. Первая – южная, влажная, земная и тяжелая; вторая – воздушная, почему некоторые называют ее Артемидой, как бы Aerotomos (рассекающая воздух); а воздух – облачный. И, сотрудничая, как они делали в производстве вещей здесь внизу, те, которые по божественному провидению установлены над планетами, справедливо представлены как расположенные на груди и плечах; и ими была сделана работа творения, первая неделя. А грудь – это место, где находится сердце и душа.

Двенадцать камней, расположенных в четыре ряда на груди, описывают для нас круг зодиака в четыре смены года».

Кому-то может показаться, что этого достаточно. Но теперь мы должны представить самую ценную часть всей книги – ту, которую так многие жаждут получить в удобной форме для всеобщего распространения, чтобы успокоить умы сомневающихся. Это то, что Климент говорит о соблюдении воскресенья. В книге 5, главе 14 «Строматы» он говорит «А о дне Господнем Платон пророчески говорит в десятой книге “Республики” в таких словах: “И когда

каждый из них проведет на лугу семь дней, на восьмой день они должны отправиться в путь и прибыть через четыре дня”. Под лугом следует понимать неподвижную сферу, как место мягкое и благодатное, и место обитания благочестивых; а под семью днями – движение семи планет, и все практическое искусство, которое ускоряется до конца отдыха. Но после блуждающих шаров путешествие ведет на небеса, то есть к восьмому движению и дню. И он говорит, что души уходят в четвертый день, указывая на прохождение через четыре элемента. Но седьмой день признается священным не только у евреев, но и у греков; в соответствии с ним вращается весь мир всех животных и планет».

По этому поводу епископ Кокс в сноске пишет следующее: «Необходимо лишь указать, какое отношение этот отрывок имеет к вопросам соблюдения субботних и церковных праздников».

Несомненно! Но мы не можем не пожелать, чтобы добрый епископ взял на себя труд указать, какое влияние это имеет на эти вопросы, потому что мы не представляем себе, как простые люди собираются выяснить это самостоятельно. Воистину институт воскресенья должен быть доведен до отчаянного положения, если он должен в какой-то мере зависеть от «пророчества», произнесенного языческим философом, особенно когда ни в этом «пророчестве», ни в его толковании спекулятивным Климентом не содержится никакого упоминания о воскресном дне.

И снова в своем изложении десяти заповедей Климент утверждает: «А четвертое слово – это то, которое говорит о том, что мир был сотворен Богом, и что он дал нам седьмой день для отдыха по причине неприятностей, которые бывают в жизни. Ибо Бог не способен на усталость, страдания и нужду. Но нам, носящим плоть, нужен отдых. Поэтому седьмой день провозглашается отдыхом, отвлечением от бед, подготовкой к Первозданному дню, нашему истинному покою, который, по правде говоря, является первым творением света, в котором все вещи рассматриваются и овладевают им. С этого дня нас озаряют первые мудрость и знание. Ибо свет истины – свет истинный, не отбрасывающий тени, – это Дух Божий, неделимо разделенный на всех, кто освящен верой, занимающий

место светильника, чтобы познать реальные существования. Поэтому, следуя за ним всю жизнь, мы становимся бесстрастными; а это и есть покой»²⁷⁷.

На самом деле нет никакой разницы в том, что Климент говорит по любому вопросу, но для пользы тех, кто воображает, что в вышеизложенном он бросает тень своего слабого влияния в пользу соблюдения воскресенья, мы цитируем из следующего абзаца: «Дойдя до этого места, мы должны упомянуть об этих вещах между прочим, поскольку разговор зашел о седьмом и восьмом. Ибо восьмое, возможно, окажется в действительности седьмым, а седьмое, очевидно, шестым, и последнее в действительности будет субботой, а седьмое – днем работы. Ибо сотворение мира было завершено в шесть дней».

Как видно, с помощью этого фокуса Климент, если можно сказать, что его словесное нагромождение имеет хоть какое-то значение, утверждает, что седьмой день на самом деле является истинной субботой. По-видимому, речь идет о том, что тот день, который некоторые называют «восьмым», а именно воскресенье, может быть седьмым днем и рабочим днем, а настоящий седьмой день может быть шестым и истинной субботой, как это и есть на самом деле. Именно это и означают его слова, если они вообще что-то означают, в чем мы сильно сомневаемся. Если же кто-то считает, что этим словам следует придавать иное значение, мы не будем с ним спорить, ибо это один из тех отрывков, столь характерных для Отцов, в которые каждый может вкладывать свой собственный смысл, и все эти смыслы будут одинаково правильными.

В трудах Климента есть еще одно упоминание о «дне Господнем», и оно заключается в следующем: «Он [гностики], исполняя заповедь, согласно Евангелию, соблюдает день Господень, когда оставляет злой нрав и принимает гностический, прославляя в себе воскресение Господа. Далее, также получив постижение научного умозрения, он считает, что видит Господа, устремляя свой

²⁷⁷ Stromata, book 6, chap. 16

взор на вещи невидимые, хотя ему кажется, что он смотрит на то, на что не хотел бы смотреть»²⁷⁸.

Епископ Кокс считает, что оригинал аргумента Климента, похоже, подразумевает, что он говорит здесь о празднике Пасхи, а не о еженедельном дне отдыха. Это не имеет большого значения. Те, кто хочет считать это доказательством в пользу соблюдения воскресного дня, могут это сделать, но они должны также принять следующее языческое толкование Писания: «Поэтому Господь проповедовал Евангелие тем, кто в аду. Поэтому Писание говорит: “Ад говорит погибели: мы не видели вида Его, но слышали голос Его”. Не место, которое, как сказано выше, слышало голос, а те, кто был помещен в ад и предал себя на погибель, как люди, добровольно бросившиеся с корабля в море. Они-то и слышат Божественную силу и голос. Ибо кто в здравом уме может представить души праведников и души грешников в одном и том же осуждении, обвинив Провидение в несправедливости?

Но как? Разве (Писание) не показывает, что Господь проповедовал Евангелие тем, кто погиб во время потопа, или, скорее, был закован в цепи, и тем, кто содержался (под стражей и охраной)? И еще во второй книге “Стромат” было показано, что апостолы, следуя за Господом, проповедовали Евангелие тем, кто находился в аду. Ибо, по моему мнению, было необходимо, чтобы как здесь, так и там лучшие из учеников подражали Учителю, чтобы он привел к покаянию тех, кто принадлежал к евреям, а они – к язычникам, то есть тех, кто жил праведно в соответствии с законом и философией, но закончил жизнь не идеально, а грешно. Ибо Божественному управлению было угодно, чтобы те, кто обладал большими достоинствами в праведности и чья жизнь была выдающейся, покаявшись в своих проступках, хотя и оказались в другом месте, но, по общему признанию, принадлежали к числу народа Всемогущего Бога, были спасены, каждый в соответствии со своими индивидуальными знаниями»²⁷⁹.

²⁷⁸ Stromata, book 7, chap. 12

²⁷⁹ Там же, book 6, chap. 6

Из этого мы видим, что «новое богословие» о жизни после смерти очень старо. Несомненно, многие обрадуются, найдя у Климента такое свидетельство в пользу «большой надежды»; но пусть те, кто склонен принять такое учение, примут и то, к чему оно ведет, а именно к чистилищу, молитвам и мессам за умерших. Ведь если мертвые находятся на испытательном сроке, не нужно приводить никаких аргументов, чтобы показать, что за них следует молиться. Эта доктрина стала средством привлечения огромного количества сокровищ в Римско-католическую церковь, и не стоит удивляться тому, что эта церковь всегда относилась с таким большим уважением к Клименту.

У нас есть еще одно «превосходное знание» из трудов Климента. Оно очень длинное, но это настолько хороший пример «лженауки, легкомысленных и причудливых рассуждений», которых, по справедливому замечанию переводчика, «предостаточно» во всех сочинениях Климента, что мы приводим его. Если бы оно было опущено, читатель не смог бы составить правильного представления о красоте и ясности стиля Климента и его ценности как христианского толкователя. Это глава 11 из шестой книги «Стромат», под названием «Мистические значения в пропорциях чисел, геометрических соотношениях и музыке»:

«Как в астрономии мы имеем пример Авраама, так и в арифметике мы имеем тот же пример Авраама. Ибо, услышав, что Лот взят в плен, и исчислив рабов своих, родившихся в доме его, 318 (связь), он побеждает очень большое число врагов.

Итак, они говорят, что иероглиф, изображающий 300, по форме является типом знака Господа, а йота и эта обозначают имя Спасителя; соответственно, это указывает на спасение домашних Авраама, которые, обратившись к знаку и имени, стали владыками пленников и многих неверующих народов, которые последовали за ними.

Теперь число 300 – это 3 на 100. Десять считается совершенным числом. А 8 – это первый куб, который представляет собой равенство всех измерений – длины, ширины, глубины. “Дни людей будут, – сказано, – 120 лет”. А сумма состоит из чисел от 1 до 15, сложенных вместе. А луна в 15 дней бывает полной.

По другому принципу 120 является треугольным числом и состоит из равенства числа 64 (которое состоит из восьми нечетных чисел, начинающихся с единицы), сложение которых (1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15) последовательно порождает квадраты; и из неравенства числа 56, состоящего из семи четных чисел, начинающихся с 2 (2, 4, 6, 8, 10, 12, 14), которые порождают числа, не являющиеся квадратами.

Опять же, согласно другому способу обозначения, число 120 состоит из четырех чисел одного треугольника – 15, другого – квадрата – 25, третьего – пятиугольника – 35 и четвертого – шестиугольника – 45. Пятерка берется в соответствии с одним и тем же соотношением в каждом способе. Ибо в треугольных числах из единицы 5 получается 15, а в квадратных – 25, и из тех, что следуют друг за другом, – пропорционально. Теперь 25, которое является числом 5 от единицы, считается символом левитского колена, а число 35 зависит также от арифметической, геометрической и гармонической шкалы удвоений – 6, 8, 9, 12; сложение которых составляет 35. Евреи говорят, что в эти дни рождаются дети семи месяцев. А число 45 зависит от шкалы троек – 6, 9, 12, 18, при сложении которых получается 45; и точно так же в эти дни говорят, что образуются девятимесячные дети.

Итак, таков стиль примера в арифметике. И пусть свидетельством геометрии будет скиния, которая была возведена, и ковчег, который был сделан, построенный в самых правильных пропорциях и посредством божественных идей, благодаря дару понимания, который ведет нас от вещей чувственных к интеллектуальным объектам, или, скорее, от них к святым вещам и к святым святым. Ибо квадраты дерева указывают на то, что квадратная форма, образующая прямые углы, пронизывает все и указывает на безопасность. И длина строения была триста локтей, и ширина пятьдесят, и высота тридцать; а вверху ковчег заканчивался локтем, сужаясь до локтя от широкого основания, как пирамида, символ тех, кто очищен и испытан огнем. И эта геометрическая пропорция имеет место для переноса тех святым обителей, различия которых обозначены разницей чисел, приведенных ниже.

И введенные числа: шестикратное, так как триста – это шесть раз по пятьдесят; и десятикратное, так как триста – это десять раз по тридцать; и содержащее одну и две трети (zpidmoiroi), ибо пятьдесят – это одна и две трети от тридцати.

Некоторые говорят, что триста локтей символизируют знамение Господа, пятьдесят – надежду и отпущение грехов, данное в Пятидесятницу, а тридцать или, как некоторые, двенадцать, указывают на проповедь (Евангелия), потому что Господь проповедовал в тридцатый год, а апостолов было двенадцать. А то, что строение заканчивается локтем, символизирует продвижение праведников к единству и “единству веры”.

И стол, который был в храме, был в шесть локтей; и четыре ножки его были около полутора локтей.

Таким образом, они добавляют двенадцать локтей в соответствии с оборотом двенадцати месяцев в годовом круге, в течение которого земля производит и возвращает все вещи, приспособлявая себя к четырем временам года. А стол, по моему мнению, представляет собой образ земли, стоящей на четырех ножках: лето, осень, весна, зима, по которым движется год. Поэтому также говорят, что стол имеет “волнистые цепи”. Это либо потому, что вселенная вращается в цепях времени, либо, возможно, это обозначало землю, окруженную океанскими приливами».

И это тот человек, о котором епископ Кокс говорит, что «после Иустина и Иринея его следует считать основателем христианской литературы». Его труды, как говорят, знакомят нас «с новой стадией развития церкви». Боже, сохрани! Если это «прогресс», то пусть будет регресс. Это действительно свидетельствует о быстром продвижении к топам и трясинам романизма. И только тот, кто отвергнет всю подобную «христианскую литературу» как яд и вернется к простым истинам Евангелия, изложенным Христом и Его апостолами, может надеяться ходить во свете. Но никто из тех, кто цитирует Климента в пользу соблюдения воскресного дня, не может последовательно отказаться от принятия всей ереси и мусора, которые написал Климент.

В следующем объяснении мы находим обоснование того, что Рим скрывает Библию от простых людей: «По многим причинам Писание скрывает смысл. Во-первых, чтобы мы стали любознательными и постоянно были начеку, чтобы обнаружить слова спасения. Затем оно не было пригодно для понимания всеми, чтобы они не получили вреда, приняв в другом смысле то, что провозглашено для спасения Святым Духом»²⁸⁰.

Иными словами, Писание завуалировано, потому что люди были бы склонны понять его неправильно, если бы оно было написано простым языком! И у Климента хватает возвышенного эгоизма полагать, что его безумные бредни – это изложение «завуалированных» Писаний! Хуже того, десятки и сотни так называемых протестантских священников готовы согласиться с его утверждением.

И снова мы говорим: «Пусть никто, кто не желает зачислить себя в римские католики, не смеет с одобрением цитировать труды Климента Александрийского».

²⁸⁰ Там же, chap. 15

ГЛАВА XII. Тертуллиан

Если бы меня спросили, кто из так называемых христианских Отцов, по моему мнению, является лучшим, я бы сказал, что Тертуллиан. Он, кажется, имеет более четкие представления о вещах, и он, безусловно, наиболее понятен. Хотя он столь же неортодоксален, как и любой другой из Отцов, его ересь можно понять, и это больше того, что можно сказать о других. И все же, несмотря на ясность его трудов по сравнению с большинством таковых у других Отцов, Киллен может правдиво сказать о нем: «Сохранившиеся произведения этого писателя многочисленны и, если их перевести на наш язык, составили бы весьма объемистый том. Но, хотя некоторые их части нашли переводчиков, все они еще никогда не появлялись на английском языке; а некоторые произведения самый опытный ученый вряд ли взялся бы перевести одновременно дословно и понятно. Его стиль суров, переходы резкие, а намеки и аллюзии вызывают недоумение. Он, должно быть, был человеком очень желчного темперамента, который с трудом мог отличить богословского оппонента от личного врага; ведь он изливает на тех, кто с ним не согласен, целые потоки сарказма и инвектив²⁸¹. Его сильная страсть, действующая на пылкое воображение, полностью подавляет его рассудок; поэтому он так много преувеличивает, что во многих вопросах фактов мы не можем с уверенностью полагаться на его свидетельство. Его тон диктаторский и догматический. И, хотя мы не можем сомневаться в его благочестии, мы вынуждены признать, что его дух несколько отталкивающий и лишенный гениальности. В то время как ему не хватало проницательности, он был очень импульсивным человеком; и именно поэтому он был таким суеверным, таким фанатичным и таким холеричным»²⁸².

Тертуллиан также демонстрирует наибольшее знание Писания, хотя, как говорит Фаррар, он «практически заставляет Писание

²⁸¹ Форма литературного произведения, одна из форм памфлета, осмеивающего или обличающего реальное лицо или группу

²⁸² Ancient Church, period 2, sec. 2, chap. 1, paragraph 11

говорить именно то, что он сам выбирает». Поэтому, несмотря на все, что можно сказать в его пользу, на него нельзя положиться ни в какой степени как на толкователя Писания. Действительно, это истина, что «лучшие» из Отцов – худшие. Тот, кто читает их беспристрастно, без искажения суждений предрассудками или желанием найти поддержку какой-то любимой теории, в целом придет к выводу, что каждый из них – худший из всех.

Тертуллиан родился в Карфагене около 160 г. н.э. Предполагается, что он был обращен из язычества около 200 года н.э., после чего был рукоположен в пресвитеры церкви в Карфагене. Он был очень плодовитым писателем, и хотя в его трудах есть много хорошего, они являются величайшим оплотом римского католицизма. В «Энциклопедии Шаффа-Герцога» говорится, что его труды составляют «фундамент латинского богословия». Это означает, что они составляют основу римско-католического богословия. Одно это утверждение должно заставить протестантов принять решение не иметь с ним ничего общего. Ведь несомненно, что в трудах, которые лежат в основе римского католицизма, не может быть чистого христианства. Мы предлагаем читателям самим судить об истинности утверждения о том, что труды Тертуллиана во многом способствовали развитию той «тайны беззакония», которая начала действовать еще во времена Павла и привела к появлению «человека греха, сына погибели» – антихристианского папства. Но сначала мы посмотрим, как к нему относятся даже те, кто готов цитировать его в поддержку теорий о домашних животных, которые не могут быть подтверждены Библией.

Архидиакон Фаррар говорит о нем: «Красноречивый, пламенный, бескомпромиссный африканец практически заставляет Писание говорить именно то, что он сам выбирает». «Настаивая на стихе “Бог избрал слабые вещи мира, чтобы посрамить сильные”, он принял парадокс *Credo quia absurdum est* [я верю тому, что абсурдно] и дикий вывод, что чем более противно здравому смыслу утверждение, тем более оно должно считаться достойным Бога»²⁸³.

²⁸³ History of Interpretation, pp. 178, 179, 180

Ниже приводится краткая биография Тертуллиана, изложенная историком Мосхаймом в его «Церковной истории». «На латинском языке едва ли какой-нибудь писатель этого века разъяснял или защищал христианскую религию, кроме Тертуллиана. Сначала он был юрисконсультом, затем пресвитером в Карфагене и, наконец, последователем Монтана. До нас дошли различные его краткие сочинения, цель которых либо объяснить и защитить истину, либо возбудить благочестие. Чего было больше, его достоинств или недостатков, сказать трудно. Он обладал великим гением, но он был диким и непокорным. Его благочестие было активным и пылким, но в то же время мрачным и строгим. Он обладал большой образованностью и знаниями, но ему не хватало благоразумия и рассудительности. Он был скорее пронзительным, чем основательным»²⁸⁴.

Те, кто много читал о Тертуллиане, часто упоминают о его монтанизме²⁸⁵, и поэтому не будет лишним в этом вступлении узнать кое-что об учении Монтана, последователем которого стал Тертуллиан. Ниже приводится цитата из книги Киллена «Древняя церковь»:

«Вскоре после середины второго века церковь начала беспокоить ересь, в некоторых отношениях сильно отличающаяся от гностицизма. В то время дух гонений, проявленный Марком Аврелием, наполнил христиан тревогой по всей империи, и те из них, кто был склонен к унынию, начали питать самые мрачные предчувствия. В одной из деревень на границе Фригии появился человек по имени Монтан, претендовавший на пророческие способности; и хотя он, по-видимому, обладал довольно скромными способностями, его дисциплина пришлась по вкусу многим, а предсказания, которые он произносил, настолько соответствовали преобладающим опасениям, что вскоре он произвел глубокое впечатление. Когда он впервые выступил в образе божественного

²⁸⁴ Book 1, cent. 2, part 2, chap. 2, sec. 5

²⁸⁵ Монтанизм – религиозное движение II века, в христианстве. Движение названо в честь своего основоположника – Монтана

наставника, он являлся новообращенным христианином; и, по-видимому, он странным образом неверно понял природу Евангелия. Говорят, что когда он произносил свои мнимые послания с небес, он доводил себя до состояния неистового возбуждения. Его соотечественники, привыкшие наблюдать за экстазами жрецов Вакха и Кибелы, увидели в его телесных конвульсиях доказательства божественного импульса, и некоторые из них сразу же признали его необычную миссию. С помощью двух богатых помощниц по имени Присцилла и Максимилла, которые также провозглашали себя пророками, Монтану удалось быстро расширить сферу своего влияния. Его слава распространилась по всему миру, и через несколько лет у него появились последователи в Европе и Африке, а также в Азии.

Нельзя сказать, что этот ересиарх²⁸⁶ пытался перевернуть вероучение церкви. Он не был ни глубоким мыслителем, ни логически мыслящим человеком; и он, конечно же, не изучал в должной мере науку теологии. Но он обладал пылким темпераментом и, похоже, принял внушения своего фанатизма за веления вдохновения. Доктрина о личном правлении Христа в течение тысячелетия, по-видимому, занимала видное место в его служении. Он утверждал, что церковная дисциплина не была доведена до конца апостолами, и что он уполномочен разработать более совершенный свод правил. По некоторым данным, он провозгласил себя Параклетом²⁸⁷; но если это так, то он самым прискорбным образом не соответствовал своему вымышленному имени, поскольку его система была гораздо лучше приспособлена для того, чтобы вызывать уныние, чем вселять утешение. Все его предписания были выдержаны в кислом и ограниченном духе простого ритуализма. Он настаивал на длительных постах, осуждал вторые браки, язвил против всех, кто пытался спастись бегством во

²⁸⁶ Ересиарх – в период античности – глава философской школы; в христианское время – основатель или глава еретического учения

²⁸⁷ Параклет, или Параклит – человек, которого призывают на помощь, для утешения

времена гонений, и утверждал, что те, кто однажды был виновен в каком-либо ужасном проступке, никогда больше не должны быть допущены к церковному общению. Провозглашая эту суровую дисциплину, он в то же время выступал с самыми мрачными предсказаниями, возвещая среди прочего о скорой катастрофе Римской империи. Он также сообщил, что фригийская деревня, где он служил, должна стать Новым Иерусалимом обновленного христианства»²⁸⁸.

Когда мы перейдем к изучению трудов Тертуллиана, мы обнаружим, что он был достойным учеником такого мастера (*ред.: как Монтан*), и хотя его апологеты утверждают, что его труды были в основном завершены до того, как он стал монтанистом, разница в духе его ранних и поздних произведений очень мала, если вообще есть. Так что мы вынуждены заключить, что он стал монтанистом просто потому, что был им в действительности с самого начала своей деятельности. Теология Монтана нашла в Тертуллиане благоприятную почву.

Вряд ли найдется человек, почитающий Отцов выше, чем епископ Кокс, однако в своем предисловии к «Пастырю Ерма» он говорит о Тертуллиане как о «Великом основателе “латинского христианства”», чей прах вдохнул заразу в жизнь тех, кто относился к его мощам с любовью, за исключением лишь тех, кто, подобно Киприану, был одарен таким же сильным характером, как и он сам. Гений Тертуллиана вдохновил его безумие силой, и в дисциплину латинских церквей он привнес нечто от строгости монтанизма с естественным реакционным ослаблением морали в реальной жизни. Об этом мы узнаем достаточно, когда перейдем к чтению увлекательных страниц этого великолепного, но увлеченного автора».

Несомненно, такого автора следует поместить в вечный карантин. Если бы это было сделано много веков назад, это в значительной степени спасло бы протестантизм от заражения его римско-католической заразой. Ведь ни один отец не сделал больше,

²⁸⁸ Period 2, sec. 2, chap. 4, paragraphs 8, 9

чем он, для создания Римско-католической церкви. Действительно, как и в случае с Климентом Александрийским, епископ Кокс, похоже, очень старается оправдать Тертуллиана от обвинений в отступничестве от католической веры. В своем предисловии к трудам Тертуллиана он говорит: «Давайте подумаем, что святой Бернард, а за ним и ученики, которых мы так заслуженно чтим, отделились от ортодоксии изначального христианства гораздо сильнее, чем когда-либо Тертуллиан. Раскол, который вывел Запад из общения с изначальными очагами христианства и из никейского католичества, был грозным до невозможности, по сравнению с тем, как Тертуллиан увяз в заблуждении, которому на мгновение покровительствовал сам Римский собор... За Доллингером, с остатком “старокатоликов”, остается право называть монтанистов еретиками или порицать Тертуллиана как отступника от католицизма».

Иными словами, Тертуллиан не отступал от католицизма так далеко, как некоторые другие выдающиеся католики. Пусть читатель помнит, что самая высокая рекомендация, которую может дать защитник Тертуллиана, – это то, что он никогда не отступал далеко от римско-католической веры. Есть еще много протестантов, для которых такая рекомендация будет иметь мало веса, разве что настроит их против него.

С этой цитатой, обвиняющей Тертуллиана в безумии, согласуется высказывание журнала *Western Churchman* (Денвер, штат Колумбия), который в статье под названием «Право совершать таинства»²⁸⁹ назвал Тертуллиана «этим ревностным, блестящим, нелогичным, неуравновешенным отцом». Не самый лучший фундамент для строительства, не так ли?

Мы уже читали, что Тертуллиан был основателем латинского (римско-католического) богословия. Следующие цитаты показывают некоторые из особенностей католицизма, которые были заимствованы у него. Киллен заявляет: «Тертуллиан процветал в тот период, когда церковная узурпация начала приносить свои горькие

²⁸⁹ т. 1, № 23

плоды, и когда религия быстро вырождалась, утрачивая свою изначальную чистоту. Его работы, в которых рассматривается множество тем, интересных для христианского исследователя, проливают огромный свет на состояние церкви в его поколении... Но путь спасения по вере, похоже, был понят им очень нечетко, так что ему нельзя смело доверять как богослову. Очевидно, он не имел ясного представления о том, какое место должны занимать дела в схеме Евангелия, поэтому он иногда говорит, будто помилование можно приобрести покаянием, постом или мученичеством»²⁹⁰.

Вот раздвоенное копыто антихриста. Спасение делами – это доктрина, которая ставит человека на один уровень с Иисусом Христом и тем самым полностью вытесняет Христа. Без этой идеи римский католицизм не мог бы существовать. Это песчаная насыпь, на которой построена церковь. Обратите внимание, что, хотя труды Тертуллиана, как утверждается, проливают свет на состояние церкви в его поколении, это поколение было объявлено поколением, когда религия быстро вырождалась, утрачивая свою изначальную чистоту. Поэтому, хотя его труды могут быть интересны тем, что показывают степень вырождения, которой достигла церковь менее чем за двести лет после дней апостолов, для других целей они ничего не стоят. Более того, мы не всегда можем полагаться на них в плане знания обычаев церкви в его дни, поскольку, как мы уже цитировали доктора Киллена, «он настолько преувеличивает, что во многих вопросах фактов мы не можем с уверенностью полагаться на его свидетельство».

Следующее высказывание историка Неандера о «горячем, неуправляемом воображении» Тертуллиана подтверждает вышесказанное: «Тертуллиан – писатель особой важности, и как первый представитель богословского характера североафриканской церкви, и как представитель монтанистских взглядов. Это был человек пылкого ума, горячего нрава и глубоко серьезного характера, привыкший всей душой и силой отдаваться предмету своей любви и с надменностью отвергать все, что было

²⁹⁰ Period 2, sec. 2, chap. 1, paragraph 13

несовместимо с этим предметом. Он обладал огромным и многогранным багажом знаний, но они были беспорядочно нагромождены в его голове, не имея научного оформления. Глубина его мысли не сочеталась с логической ясностью и рассудительностью. Горячее, неуправляемое воображение, живущее чувственными образами, было его властной силой. Его порывистый и надменный нрав, а также его раннее образование адвоката или ритора, были склонны доводить его, особенно в спорах, до риторических преувеличений»²⁹¹.

Поэтому совершенно очевидно, что к свидетельству Тертуллиана придется отнестись с подозрением.

Следующее высказывание д-ра Шаффа приводит Тертуллиана в качестве отца монашества в вопросе римско-католического различия между грехами к смерти и грехами не к смерти: «Языческий гностический принцип отделения от мира и тела как средство самоискупления, после того как он был теоретически уничтожен, проник в церковь через заднюю дверь практики, прямо перед лицом христианской доктрины о великой судьбе тела и совершенном искуплении через Христа.

Александрийские Отцы впервые создали теоретическую основу для этого аскетизма в различии, предложенном еще пастырем Ерма, между низшей и высшей моралью. Это различие, как и введенное в тот же период Тертуллианом разделение смертных грехов и простительных грехов (*ред.: грехи к смерти и грехи не к смерти*), породило множество практических ошибок и способствовало как смертной распущенности, так и аскетической экстравагантности»²⁹².

Тертуллиан также выступает в качестве сторонника или одного из покровителей римско-католической доктрины о молитвах к мертвым. Это, как читатель несомненно хорошо знает, было просто крещеной формой языческого обычая делать богов из ушедших героев. Бингем в «Древностях христианской церкви», кн. 1, гл. 4 говорит: «Тертуллиан добавляет к ним [т. е. мученикам]

²⁹¹ Rose's Neander, sec. 5, edition of 1843, pp. 424, 425

²⁹² Church History, vol. 1, sec. 94

название “chari Dei”, любимцы Неба, потому что их молитвы и заступничество имели силу у Бога, чтобы получить помилование для других, которые должны были обращаться к Небу через них. Поэтому в своих наставлениях кающимся он велит им, “charis Dei adgeniculari”, припадать к ногам этих любимцев и передавать их прошение всем братьям, желая, чтобы они ходатайствовали за них перед Богом».

А Киллен, говоря о толковании Мф. 16:16-18 «Симон же Петр, отвечая, сказал: Ты – Христос, Сын Бога Живаго. Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах; и Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее», в котором Петр становится главой церкви, отмечает: «Тертуллиан и Киприан, в третьем веке два самых выдающихся Отца Запада, поддерживали это изложение; и хотя оба эти писателя были прискорбно лишены критической проницательности, люди низкого положения не спешили оспаривать вердикт таких поборников веры»²⁹³.

Так утвердилось папство. Определенные люди стали считаться авторитетами, и народ, оставив без внимания простые заявления Библии, слепо принял их изречения. Епископы, многие из которых были языческими философами, когда их избрали руководителями церквей, очень естественно заняли это положение, и таким образом был проложен путь к тому, чтобы самый могущественный епископ стал папой, осуществляя власть над совестью людей.

Но читателю, несомненно, не терпится познакомиться с некоторыми особенностями Тертуллиана, почерпнутыми из первоисточника, и теперь Отцу церкви будет позволено говорить за себя. В качестве наглядного примера его пламенной стремительности, которая могла заставить его радоваться в предвкушении свидетельства страданий погибших, мы приводим цитату из его трактата «Обличения». Рассказав о нечестивости зрелищ, которые многие исповедующие христианство очень любили посещать, он

²⁹³ Ancient Church, period 2, sec. 1, chap. 5, paragraph 19

сравнивает (глава 30) Судный день с огромным представлением, в котором актерами будут знаменитые люди земли, а он – восхищенным зрителем: «Какое огромное зрелище открывается взору! Что в нем вызывает мое восхищение, что – насмешку? Что меня радует, что приводит в ликование, – ведь я вижу столько прославленных монархов, о приеме которых на небеса было объявлено во всеуслышание, стонущих ныне во мраке вместе с самим великим Иовом, и тех, кто свидетельствует об их ликовании; правителей провинций, преследующих христианское имя в огне более яростном, чем тот, с которым в дни своей гордыни они обрушивались на последователей Христа. А какие мудрецы мира, те самые философы, которые учили своих последователей, что Богу нет дела до всего подлунного, и уверяли их, что либо у них нет душ, либо что они никогда не вернуться в тела, которые при смерти покинули, теперь покрыты стыдом перед бедными заблуждающимися, как один огонь, поглощающий их! И поэты, трепещущие не перед судилищем Радаманта или Миноса, а перед неожиданным Христом! Тогда у меня будет лучшая возможность услышать трагиков, громче говорящих о своем бедствии; посмотреть на актеров, гораздо более “распущенных” в растворяющемся пламени; взглянуть на возницу, всю сияющую в своей огненной колеснице; увидеть борцов не в их гимнастических залах, а бросающихся в огненные волны».

Это, конечно, не показывает Тертуллиана в очень приятном свете. Поскольку Тертуллиан – отец, на которого, возможно, в большей степени, чем на кого-либо другого, опираются как на авторитет в отстаивании соблюдения воскресного дня, мы с самого начала рассмотрим, что он говорит по этому вопросу. Однако не будет лишним еще раз напомнить читателю, что Тертуллиан – великий защитник римского католицизма, и вспомнить уже цитированные высказывания о том, что его «горячее, неуправляемое воображение» под влиянием «сильной страсти» «полностью подавляло его рассудок», и что «он так много преувеличивает, что во многих вопросах фактов мы не можем с уверенностью полагаться на его свидетельства». Учитывая это, мы вполне допускаем, что

сторонники воскресного дня должны в полной мере воспользоваться свидетельством Тертуллиана, всегда помня, что даже если бы удалось доказать, что во времена Тертуллиана воскресенье соблюдалось, это не связало бы этот день с Библией, а лишь с обычаем людей, которые в лучшем случае были христианами лишь наполовину.

В своей «Апологии» (гл. 16), обращенной к правителям и магистратам империи, он говорит: «Другие, опять же, конечно, с большей информацией и большей правдивостью считают, что солнце – наш бог. Возможно, нас причислят к персам, хотя мы и не поклоняемся дневному шару, нарисованному на куске льняной ткани, который повсюду находится на своем собственном диске. Эта идея, несомненно, возникла из-за того, что мы, как известно, обращаемся в молитве к востоку. Но и вы, многие из вас, иногда под предлогом поклонения небесным телам, шевелите губами в направлении восхода солнца. Точно так же, если мы посвящаем день Солнца ликованию по причине совсем иной, чем поклонение Солнцу, мы имеем некоторое сходство с теми из вас, кто посвящает день Сатурна (*ред.: суббота у язычников*) легкости и роскоши, хотя они тоже далеко уходят от иудейских путей, о которых, правда, не знают».

Здесь он признает, что обвинение в том, что он и подобные ему христиане поклонялись солнцу, имело под собой серьезные основания. Изучающий Библию, прочитав заявление Тертуллиана о том, что они поклонялись востоку и посвящали воскресенье ликованию, несомненно вспомнит отрывок из книги Иезекииля, где пророку, после того как ему показали женщин, «плачущих по Таммузу» – вавилонскому Адонису, – было сказано, что он увидит еще большие мерзости, которые он описывает так: «И ввел меня во внутренний двор дома Господня, и вот у дверей храма Господня, между притвором и жертвенником, около двадцати пяти мужей [стоят] спинами своими ко храму Господню, а лицами своими на восток, и кланяются на восток солнцу»²⁹⁴. Однако лучшим

²⁹⁴ Иез. 8:16

оправданием этого обычая у Тертуллиана является то, что он не хуже того, что делали сами язычники.

Очень похожа на последнюю цитату следующая из его обращения «Народам», то есть к широкой публике, язычникам. Он сказал: «Иные с большим вниманием к хорошим манерам, надо признать, полагают, что солнце – бог христиан, потому что хорошо известно, что мы молимся на восток, или потому что мы делаем воскресенье праздничным днем. Что же тогда? Разве вы делаете меньше, чем это? Разве не многие из вас, желая иногда поклониться и небесным телам, шевелят губами в направлении восхода солнца? Это вы, во всяком случае, даже ввели солнце в календарь недели; и вы выбрали его день, предпочтя его предыдущему дню, как наиболее подходящий на неделе либо для полного воздержания от купания, либо для его откладывания до вечера, либо для отдыха и пиршества»²⁹⁵.

Здесь он снова пытается оправдаться, но его защита по-детски проста. На обвинение в том, что христиане поклоняются солнцу – обвинение, сделанное потому, что они молятся на восток и соблюдают воскресный праздник, – он отвечает, что язычники делают то же самое. Это все равно, как если бы христианин, обвиненный мирским человеком в том, что он посещает цирк, сказал бы: «Ну, вы тоже посещаете цирк». Здесь же мы имеем свидетельство Тертуллиана о языческом происхождении празднования воскресенья. Он говорит им: «Это вы, во всяком случае, допустили солнце в календарь недели; и вы выбрали его день, предпочтя предыдущему дню, как наиболее подходящий на неделе для отдыха и пиршеств». Мы не полагаемся на Тертуллиана в качестве доказательства того, что воскресный праздник был заимствован исповедуемой христианской церковью у язычников; но внимательное прочтение этого свидетельства вполне можно рекомендовать тем, кто любит цитировать Тертуллиана в пользу соблюдения воскресного дня. Он утверждает, что, посвящая воскресенье праздникам (они не отдыхали в этот день),

²⁹⁵ Book 1, chap. 13

христиане просто следовали примеру, который подавали им язычники.

В следующем ответе иудеям мы находим убеждение Тертуллиана относительно соблюдения субботы: «Отсюда следует, что, поскольку в определенное время произошла отмена плотского обрезания и ветхого закона, то и соблюдение субботы было временным.

Ибо иудеи говорят, что Бог с самого начала освятил седьмой день, отдыхая в него от всех дел Своих, которые Он сотворил, и что поэтому Моисей сказал народу: “Помни день субботний, чтобы освятить его; всякой подневольной работы не делай в него, кроме той, которая относится к жизни”. Отсюда мы (христиане) понимаем, что нам еще более необходимо соблюдать субботу от всякой “подневольной работы” всегда, и не только каждый седьмой день, но и во все времена. Отсюда возникает вопрос, какую субботу завещал нам соблюдать Бог. Ведь Писание указывает на субботу вечную и субботу временную. Ибо пророк Исаия говорит: “Субботы ваши ненавидит душа моя”; а в другом месте он говорит: “Субботы Мои вы осквернили”. Отсюда мы видим, что временная суббота – человеческая, а вечная – Божественная, о которой Он предсказывает через Исаию: “И будет, – говорит он, – месяц за месяцем, и день за днем, и суббота за субботой, и всякая плоть придет поклониться в Иерусалим, говорит Господь”; что, как мы понимаем, исполнилось во времена Христа, когда “всякая плоть” – то есть все народы – “пришли поклониться в Иерусалим” Богу Отцу через Иисуса Христа, Сына Его, как было предсказано через пророка: “Вот, прозелиты через меня пойдут к тебе”. Таким образом, перед временной субботой была показана и предсказана вечная суббота так же, как перед плотским обрезанием было показано и предсказано духовное обрезание. Словом, пусть они учат нас, как мы уже предположили, что Адам соблюдал субботу; или что Авель, принося Богу святую жертву, угодил Ему религиозным почитанием субботы; или что Енох, когда был переселен, был хранителем субботы; или что Ной, строивший ковчег, из-за потопа соблюдал великую субботу; или что Авраам, соблюдая субботу, принес в жертву

Исаака, своего сына; или что Мелхиседек в своем священстве принял закон о субботе»²⁹⁶.

Эта цитата вместе с предыдущей показывает, что Тертуллиан не верил в соблюдение субботы. Он не верил в буквальный субботний день, но считал, что соблюдение субботы заключается в совершении любого действия, угодного Богу. Что касается воскресенья, то ни он, ни другие христиане его времени не соблюдали его как субботу и не думали, что соблюдение воскресенья согласуется с законом о субботе; но они соблюдали его как праздничный день, который, как уже было показано, и как они знали, имел свое происхождение у язычников.

Следующая цитата во многом совпадает с предыдущей, но приводится она для того, чтобы не упустить ничего из сказанного Тертуллианом о субботе: «Таким образом, Христос вовсе не отменял субботу. Он соблюдал ее и как в первом случае совершил дело, полезное для жизни Своих учеников, так и в нынешнем – побаловал их пищей, когда они были голодны, и исцелил засохшую руку. В каждом случае Он намекал фактами: “Я пришел не разрушить закон, но исполнить его”, хотя Маркион заткнул этим словом себе рот. Ибо даже в рассматриваемом нами случае Он исполнил закон, истолковав его условия; более того, Он ясно показывает различные виды работы, делая то, что закон исключает из святости субботы, и придавая самому субботнему дню, который с самого начала был освящен благословением Отца, дополнительную святость Своим благодетельным действием. Ибо Он обеспечил этот день божественными гарантиями, которых противник мог бы придерживаться и в другие дни, чтобы избежать почитания субботы Творца и восстановить в субботе дела, приличествующие ей. Поскольку в этот день пророк Елисей оживил умершего сына женщины-сонамитянки, ты видишь, о фарисей, и ты тоже, о Маркион, как издревле в субботы Творца надлежало делать добро, спасти жизнь, а не губить ее; как Христос не ввел ничего нового, что не было бы по примеру мягкости, милосердию и предсказанию Творца»²⁹⁷.

²⁹⁶ Answer to the Jews, chap. 4

²⁹⁷ Tertullian against Marcion, book 4, chap. 12

Свидетельство Тертуллиана по любому вопросу имеет столь малую ценность, что не стоит ограничиваться лишь ссылкой на его утверждение, что «Христос вовсе не отменял закон о субботе». Это утверждение верно, но это лишь то, что говорит нам Писание, а Писание ничего не приобретает от одобрения Тертуллиана. Мы верим Отцам, когда они соглашаются с Библией, но мы не формируем и не изменяем наше мнение о Библии на основе их высказываний. Именно эта цитата служит иллюстрацией того, как мы можем быть обмануты, если будем формировать свое мнение о Писании на основании высказываний Отцов. Тертуллиан говорит, что Елисей вернул к жизни сына Сонамитянки в день субботний, тогда как в библейском повествовании ясно сказано, что это было «не новомесячие и не суббота»²⁹⁸. Как правило, Отцы либо не знали Писания, либо сознательно фальсифицировали его в своих целях.

В трудах Тертуллиана есть еще только один отрывок, который можно рассматривать как помощь и утешение для сторонников соблюдения воскресного дня, и они, конечно, рады всему, что могут из него извлечь. В своем трактате «De Corona», в главе 3, он говорит следующее о некоторых церковных обычаях: «Чтобы вкратце разобраться с этим вопросом, я начну с крещения. Когда мы собираемся войти в воду, но немного раньше, в присутствии прихожан и под рукой священника, мы торжественно заявляем, что отрекаемся от дьявола, его пышности и ангелов. После этого мы трижды погружаемся в воду, давая несколько более весомое обещание, чем Господь установил в Евангелии. [То есть в три раза больше.] Затем, когда нас берут на руки (как новорожденных), мы прежде всего вкушаем смесь молока и меда и с этого дня воздерживаемся от ежедневного купания целую неделю. Мы также принимаем в общинах до рассвета и не из рук кого-либо, кроме священников, таинство Евхаристии, которую Господь как повелел вкушать во время трапезы, так и предписал принимать всем одинаково. Как только наступает годовщина, мы совершаем жертвоприношения за умерших, как в честь дня рождения. Мы

²⁹⁸ 4 Цар. 4:23

считаем незаконными пост или коленопреклонение в день Господень. Мы радуемся той же привилегии от Пасхи до Пятидесятницы. Нам больно, если вино или хлеб, пусть даже наши собственные, будут брошены на землю. При каждом шаге и движении вперед, при каждом входе и выходе, когда мы надеваем одежду и обувь, когда купаемся, когда садимся за стол, когда зажигаем лампы, на диване, на сиденье, во всех обычных действиях повседневной жизни мы начертываем на челе знак», а именно крест.

Вполне возможно, что какой-нибудь ревностный сторонник воскресного дня воспользуется вышесказанным как авторитетом для соблюдения воскресного дня или, по крайней мере, как доказательством того, что воскресенье соблюдалось в церкви в третьем веке. Но пусть этот человек задумается о том, что воскресный «день Господень» – не единственное, о чем упоминает Тертуллиан. Тот, кто соблюдает воскресенье на основании свидетельства Тертуллиана, должен также практиковать троичное погружение и принимать после крещения молоко и мед, чтобы отгонять дьявола. Он также должен праздновать жертвоприношение мессы, принося «жертвы за мертвых», и он ни при каких обстоятельствах не должен опускать крестное знамение. Одним словом, он должен быть «добрым (греческим) католиком». Тот, кто цитирует Тертуллиана в качестве авторитета для соблюдения воскресного дня и отвергает троичное погружение, молитвы за мертвых и крестное знамение, показывает, что он либо совершенно непоследователен, либо никогда не читал самостоятельно Тертуллиана.

Но Тертуллиан был достаточно хорошо осведомлен в Писании, чтобы знать, что оно не оправдывает никакой подобной практики. Он говорит, что при троичном погружении они давали «несколько больший зарок, чем назначил Господь»; и сразу после главы, в которой он говорит об этом, о приношениях за умерших, о соблюдении воскресенья и крестном знаменнии, он добавляет: «Если для этих и других подобных правил вы настаиваете на том, чтобы иметь подтверждение из Писания, то вы его не найдете».

Тогда что же делал Тертуллиан, как не ставил себя и церковь выше Библии? Другими словами, что он делал, как не помогал развитию католической церкви?

И теперь, когда «крестное знамение» было введено, будет хорошо проследить его дальнейшее развитие, чтобы отметить прогресс суеверия и увидеть, каким образом католический обычай подменять бессмысленные формы реальностью нашел свое место в церкви. В его обращении «Ad Nationes» (кн. 1, гл. 12) мы находим следующее: «Что касается человека, который утверждает, что мы “священство креста”, мы будем считать его своим единоверцем. Крест по своему материалу – это деревянный знак. Среди вас также объектом поклонения является деревянная фигура. Только если у вас это человеческая фигура, то у нас дерево – это собственная фигура. Неважно, какова форма, если материал один и тот же; форма тоже не имеет значения, если это действительно тело бога. Если, однако, возникает вопрос о различиях в этом вопросе, то какая, спрашивается, разница между афинской Палладой или фарийской Церерой и деревом, сформированным в крест, когда каждый из них представлен грубым материалом, лишенным формы, и самым скромным рудиментом статуи из неоформленного дерева? Каждый кусок дерева, который закреплен в земле в выпрямленном положении, является частью креста, причем большей частью его массы. Но нам приписывают целый крест с его поперечной балкой, конечно, и выступающим сиденьем. Теперь у вас меньше поводов для оправдания, ведь вы посвящаете религии лишь изуродованный, несовершенный кусок дерева, в то время как другие посвящают священной цели целое сооружение. Правда, однако, заключается в том, что ваша религия – это сплошной крест, как я сейчас покажу. Вы действительно не знаете, что ваши боги в своем происхождении исходили из этого ненавистного креста. Итак, каждое изображение, будь то вырезанное из дерева или камня, выплавленное из металла или изготовленное из любого другого более богатого материала, должно иметь пластичные руки, участвующие в его создании. Так вот, этот натурщик, прежде чем сделать что-либо еще, остановился на форме деревянного креста, потому что даже наше собственное

тело принимает в качестве естественного положения скрытые и завуалированные очертания креста. Поскольку голова поднимается вверх, спина принимает прямое положение, а плечи выступают вбок, если вы просто поставите человека с вытянутыми руками, то получите общее очертание креста. Начиная, таким образом, с этой зачаточной формы и опоры, он наносит покрытие из глины и так постепенно завершает конечности, формирует тело и покрывает крест внутри формой, которую он намеревался запечатлеть на глине; затем из этого проекта с помощью компаса и свинцовых форм он получил все готовое для своего изображения, которое должно быть перенесено на мрамор или глину, или любой другой материал, из которого он решил сделать своего бога. (Таков процесс: после крестообразной рамы – глина, после глины – бог). По хорошо известной схеме крест переходит в бога через глиняную среду. Затем крест освящается, и из него освящаемое (божество) начинает черпать свое происхождение. В качестве примера возьмем дерево, которое вырастает в систему ветвей и листья и является воспроизведением своего рода, независимо от того, происходит ли оно из косточки оливы или косточки персика, или зерна перца, которое было должным образом закалено под землей. Если же вы пересадите его или возьмете черенок от его ветвей для другого растения, к чему вы отнесете то, что получилось в результате размножения? Не будет ли это зерном или косточкой, или ядром? Потому что как третья стадия относится ко второй, а вторая – к первой, так и третья должна быть отнесена к первой через вторую как среднюю. Нам нет нужды задерживаться на обсуждении этого вопроса, поскольку по естественному закону каждый вид продукта в природе возвращает свой рост к первоисточнику; и так же как продукт состоит из своей первопричины, так и эта причина согласуется по характеру с произведенной вещью. Так как, изготавливая своих богов, вы поклоняетесь кресту, который их породил, то здесь будет первоначальное зерно и ядро, из которого произошли деревянные материалы ваших идолопоклоннических изображений. За примерами далеко ходить не надо. Свои победы вы празднуете с религиозной церемонией, как божеества; и они тем

более величественны, чем больше радости они вам приносят. Рамы, на которых вы вешаете свои трофеи, должны быть крестами: они, как бы, являются самой сердцевиной ваших празднеств. Таким образом, во время ваших побед религия вашего лагеря делает объектом поклонения даже кресты; ваши штандарты она обожает, ваши штандарты являются санкцией ее клятв; ваши штандарты она предпочитает самому Юпитеру. Но весь этот парад изображений и демонстрация чистого золота – это (как и многие другие) ожерелья из крестов. Точно так же и на знаменах, которые ваши воины охраняют с не менее священной тщательностью, вы имеете полосы (и) одеяния ваших крестов. Вы стыдитесь, я полагаю, поклоняться неукрашенным и простым крестам».

Главной целью Тертуллиана было убедить язычников в том, что у них у всех есть крест и что они используют его как в религиозных, так и в повседневных делах. Если учесть, что целые племена язычников, как в Африке и Китае, были «обращены» в католичество, просто приняв крестное знамение и склонившись перед изображением Богородицы, то становится понятно, как католическая церковь добилась такого замечательного роста в первые века. Ей нужно было только убедить язычников в том, что они уже почти христиане, и это было самое большее, что требовалось. С Климентом, который учил их, что их философия была просто подготовкой к Евангелию, с Тертуллианом, который показывал им, что они уже обладают «знаком» христианства, и с «церковью», готовой принять языческий воскресный праздник и обычай совершать возлияния за умерших, для «тайны беззакония» не было трудной задачей превратиться в «человека греха».

Приведенная ниже цитата не только показывает суеверие Тертуллиана относительно крестного знамения, но и является хорошим образцом патристического «изложения» Писания: «Иосиф, опять же, сам стал прообразом Христа только в одном этом пункте (больше ничего не назову, чтобы не задерживать мой собственный курс), что он претерпел гонения от рук своих братьев и был продан в Египет за благосклонность Бога; так же как Христос был продан Израилем (и поэтому) “по плоти” своими “братьями”,

когда его предал Иуда. Ибо Иосиф благословлен своим отцом в такой форме: “Слава его – слава быка; рога его – рога единорога; на них он повергнет народы одинаково до края земли”. Конечно, здесь не было ни однорогого носорога, ни двурогого минотавра. Но Христос был там обозначен: “бык” по причине двух Его характеров: для одних – свирепый, как Судья; для других – кроткий, как Спаситель; чьи “рога” должны были быть крайними частями креста. Ведь даже в корабельном яре, который является частью креста, так называются конечности, а центральный шест мачты – “единорог”. Этой силой, фактически крестом, и таким образом рогами, он, с одной стороны, “подбрасывает” все народы через веру, унося их с земли на небо; а с другой стороны, однажды “подбросит” их через суд, низвергая с неба на землю»²⁹⁹.

В той же главе мы видим еще несколько подобных примеров: «Но если перейти к Моисею, то почему, спрашивается, он в то время, когда Иисус Навин сражался с Амаликом, молился, сидя с распростертыми руками, когда в столь критических обстоятельствах ему следовало бы, конечно, молиться, согнув колени, бия себя руками в грудь и опустив лицо на землю? Разве что там, где имя Господа Иисуса было темой речи, где ему было суждено однажды вступить в единоборство с дьяволом, был необходим образ креста (этот образ), через который Иисус должен был одержать победу?»

Если кто-то все еще склонен думать, что жизнь рядом со временем апостолов обязательно делает человека лучшим толкователем Писания, пусть прочтет следующее: «Опять же, тайна этого “дерева”, как мы читаем, отмечается даже в Книгах царствований. Ибо когда сыновья пророков рубили топорами “дерево” на берегу реки Иордан, железо отлетело и утонуло в потоке; и вот, когда подошел пророк Елисей, сыновья пророков просят его извлечь из потока утонувшее железо. И вот Елисей, взяв “дерево” и бросив его в то место, где было погружено железо, тотчас же поднялся и поплыл на поверхность, а “дерево” утонуло, и сыновья пророка извлекли его. Отсюда они поняли, что дух Илии

²⁹⁹ Answer to the Jews, chap. 10

был вложен в него. Что может быть более явным, чем тайна этого “дерева”, – что упрямство этого мира было потоплено в глубине заблуждения и освобождено в крещении “деревом” Христа, то есть Его страстями; чтобы то, что ранее погибло через “дерево” в Адаме, было восстановлено через “дерево” во Христе? В то время как мы, конечно, преемники пророков и занимающие их место, в настоящее время поддерживаем в мире то обращение, которому пророки всегда подвергались из-за божественной религии. Некоторых они побивали камнями, некоторых изгоняли; больше, однако, они предавали на смертную казнь, – факт, который они не могут отрицать.

Это “дерево”, опять же, Исаак, сын Авраама, лично нес для своей жертвы, когда Бог повелел принести его в жертву Себе. Но поскольку это были тайны, которые хранились для совершенного исполнения во времена Христа, то, с одной стороны, Исаак со своим “деревом” был отложен, в жертву был принесен овен, попавший рогами в заросли; с другой стороны, Христос в Свои времена нес свое “дерево” на собственных плечах, держась за рога креста, с терновым венцом вокруг головы»³⁰⁰.

Безусловно, «безумие» не может породить больший бред, чем этот. Тем не менее протестантские священнослужители тратят драгоценное время на перевод и распространение подобной ерунды, а ее авторов почитают как Отцов христианской церкви. Кажется, что люди непременно оценили бы Отцов так, как они того заслуживают, если бы только прочли их грубые сочинения. Однако большинство тех, кто их изучает, стремятся найти в них что-то, что даст им видимость оправдания для продолжения какого-то обычая, для которого они не могут найти авторитета в Библии, и они намеренно слепы к тем грубым ошибкам, которые в них содержатся. У подавляющего большинства людей, однако, нет ни возможности когда-либо увидеть труды Отцов, ни времени, ни терпения, чтобы прочитать их; и поэтому, когда они слышат, как доктора богословия серьезно цитируют Отцов, у них возникает некое смутное представление о том, что эти «почтенные отцы» – соль земли.

³⁰⁰ Answer to the Jews, chap. 13

Ниже приводится предисловие епископа Кокса к «Трактату о душе» Тертуллиана. «В этом трактате мы имеем рассуждения Тертуллиана о происхождении, природе и судьбе человеческой души. В нем, несомненно, можно найти парадоксы, поражающие современного читателя, например, о телесности души, а также слабые и неубедительные аргументы. Но за всеми этими недостатками (а их не больше, чем у самых известных спекулятивных писателей древности) читатель найдет множество интересных доказательств оригинальности мысли, широты информации, твердого владения предметом и живого изложения, какие мы обнаружили в других частях его сочинений. Если его тема позволяет Тертуллиану меньше, чем обычно, обращаться к своему любимому Священному Писанию, он все же находит место для случайных иллюстраций из него, причем с характерным для него умением; если же в нем меньше этого священного знания, трактат изобилует любопытными сведениями, почерпнутыми из светской литературы той ранней эпохи».

И это все, что мы можем ожидать от трудов Отца Церкви? Должны ли мы довольствоваться тем, что он не приводит более слабых, неубедительных и вздорных аргументов, которые «постоянно встречаются у самых знаменитых спекулятивных писателей древности»? Достаточно ли того, что он демонстрирует оригинальность мысли, «горячее, неуправляемое воображение» и знакомство со светской литературой? Если это так, то зачем вообще притворяться, что держишься за такую прозаическую книгу, как Библия? Почему бы не обратиться непосредственно к трудам Платона? Но прочтите следующее и укрепитесь в убеждении, что Тертуллиан как исповедующий христианство писатель и учитель заслуживает всего того, что о нем было сказано, и даже больше: «Я должен также сказать кое-что о периоде рождения души, чтобы не упустить ничего случайного во всем этом процессе. Зрелые и обычные роды происходят, как правило, в начале десятого месяца. Те, кто теоретизирует относительно чисел, почитают число десять как родителя всех остальных и как придающее совершенство человеческому рождению. Со своей стороны, я предпочитаю

рассматривать эту меру времени применительно к Богу, как бы подразумевая, что десять месяцев скорее посвящают человека в десять заповедей; так что числовая оценка времени, необходимого для завершения нашего естественного рождения, должна соответствовать числовой классификации правил нашей возроденной жизни. Но поскольку рождение также завершается седьмым месяцем, я охотнее признаю за этим числом, чем за восьмым, честь численного согласия с субботным периодом; так что месяц, в котором образ Божий иногда производится в человеческом рождении, должен по своему числу соответствовать дню, в который творение Божие было завершено и освящено. Человеческое рождение иногда допускалось преждевременным, и все же оно происходило в полном соответствии с неделей или семикратным числом, как предвестие нашего воскресения, и отдыха, и царства»³⁰¹.

Подобные детские глупости редко можно увидеть под рубрикой «разум». Никто, кроме католического «теолога», не мог быть виновен в том, что излагает это на трезвую голову.

Тертуллиан прославился своими познаниями в «философии», но следующий отрывок показывает, что его познания в естественных науках полностью соответствовали его суеверной натуре и незнанию истинного учения Писания: «Поскольку все, что очень тонко и прозрачно, имеет сильное сходство с воздухом, то так будет и с душой, поскольку по своей материальной природе она – ветер и дыхание (или дух); отсюда и вера в ее телесность под угрозой, вследствие крайней непрочности и тонкости ее сущности. Точно так же, что касается фигуры человеческой души, исходя из вашего собственного представления, вы вполне можете представить себе, что она есть ничто иное, как человеческая форма; более того, ничто иное, как форма того тела, которое каждая отдельная душа оживляет и перемещает. Это мы можем сразу же признать, рассмотрев изначальное формирование человека. Ведь если только внимательно рассмотреть, что после того, как Бог вдохнул в лицо человека дыхание жизни и человек стал живой душой, конечно, это дыхание

³⁰¹ reatise on the Soul, chap. 37

должно было сразу же пройти через лицо во внутреннюю структуру и распространиться по всем пространствам тела; и как только по божественному вдохновению оно стало сгущаться, оно должно было наложить свой отпечаток на каждую внутреннюю черту, которую сгущение заполнило, и таким образом как бы сгустилось в форму (или стереотипно). Таким образом, в результате этого процесса уплотнения возникла фиксация телесности души, а в результате отпечатка ее фигура сформировалась и обрела форму. Это внутренний человек, отличный от внешнего, но единый в двойном состоянии. У него тоже есть свои глаза и уши, с помощью которых Павел должен был слышать и видеть Господа; кроме того, у него есть все остальные члены тела, с помощью которых он осуществляет все процессы мышления и всю деятельность во сне»³⁰².

В главе 50 он говорит, что хотя Енох и Илия были переселены, не испытав смерти, «они предназначены для смертных страданий, чтобы своей кровью угасить антихриста». Каждый читатель узнает в этом высказывании бред сумасшедшего.

Следующая цитата из его трактата «О крещении» (глава 1) даст хорошее представление о кабалистическом методе толкования, который был распространен как среди иудеев, так и среди язычников, и который заимствовали многие исповедующие христианство учителя: «Одна гадюка каинитской ереси, недавно появившаяся в этом квартале, увлекла множество людей своим самым ядовитым учением, сделав своей первой целью уничтожение крещения. Что вполне соответствует природе, ведь гадюки, осы и василиски обычно обитают в засушливых и безводных местах. Но мы, маленькие рыбки, по примеру нашего Ихтиса Иисуса Христа, рождаемся в воде и не имеем никакой другой безопасности, кроме постоянного пребывания в воде; так что это чудовищное создание, не имевшее права учить даже здравому учению, прекрасно знало, как убить маленьких рыбок, уведя их из воды!».

Тертуллиан, похоже, ничего не знал о замене полного погружения при крещении на что-то иное, и совершенно очевидно,

³⁰² reatise on the Soul, chap. 9

что в его времена не практиковалось ничего, кроме настоящего крещения – погружения в воду. Но уже тогда это таинство было грубо извращено, как мы уже видели, и как показывает следующее из главы 4 его трактата «О крещении»: «Но достаточно будет с самого начала назвать те пункты, в которых с самого начала признается тот первичный принцип крещения, который уже тогда предвосхищался самим отношением, принятым за тип крещения, что Дух Божий, который витал над (водами) с самого начала, будет продолжать витать над водами крещаемого. Но святое, конечно, витало над святым; или иначе от того, что витало над тем, над чем витало, заимствовалась святость, поскольку необходимо, чтобы в каждом случае лежащая в основе материальная субстанция улавливала качество того, что нависает над ней, прежде всего телесного из духовного, приспособленного (как и духовное) через тонкость своей субстанции как для проникновения, так и для проницания. Таким образом, природа вод, освященных Святым, сама по себе имеет силу освящения. Пусть никто не говорит: “Почему же, мол, мы крестимся теми самыми водами, которые тогда существовали в первом начале?” Конечно, не в тех водах, если не считать того, что род действительно один, а видов очень много. Но то, что является атрибутом рода, появляется и в видах. Поэтому нет разницы, омывается ли человек в море или в бассейне, в ручье или в фонтане, в озере или в котловине; нет различия между теми, кого Иоанн крестил в Иордане, и теми, кого Петр крестил в Тибре, если только евнух, которого Филипп крестил среди своих путешествий случайной водой, не получил (от этого) больше или меньше спасения, чем другие. Итак, все воды в силу первозданной привилегии своего происхождения после обращения к Богу обретают таинственную силу освящения; ибо Дух немедленно сходит с небес и почивает над водами, освящая их от Себя; и будучи освященными, они в то же время впитывают силу освящения».

Из этого следует, что Тертуллиан считал, что сила крещения заключается в качестве воды, и эта идея была увековечена в католической церкви, так что мы не находим ничего, кроме «святой воды», используемой во всех ее церемониях. Тертуллиан же

считал, что вся вода была освящена изначальным сошествием Духа Божьего на лицо вод, так что не было необходимости всегда специально освящать ее.

В главе 7 он свидетельствует о следующем извращении простого таинства крещения, которое практиковали апостолы: «После этого, когда мы вышли из купели, нас тщательно помазывают благословенным елеем, – (эта практика происходит) от старой традиции, когда при вступлении в священство мужчин принято было помазывать елеем из рога, с тех пор как Аарон был помазан Моисеем. Отсюда Аарон называется “Христос”, от “хризма”, что означает “помазание”; которое, став духовным, стало подходящим именем для Господа, поскольку Он был “помазан” Духом от Бога Отца, как написано в Деяниях: “Ибо истинно собрались они в городе сем против святого Сына Твоего, Которого Ты помазал”. Таким образом, и в нашем случае помазание действует плотски (то есть на тело), но приносит духовную пользу точно так же, как сам акт крещения тоже плотский, поскольку мы погружаемся в воду, но эффект духовный, поскольку мы освобождаемся от грехов».

Позже читатель будет иметь удовольствие прочитать ссылку Бингхэма на этот обычай, в которой он говорит, что и мужчины, и женщины часто крестились обнаженными, и тогда станет ясно, что первая ложная идея подготовила почву для второй, и для практики, которая, мягко говоря, была нецелесообразной.

Хотя Тертуллиан сохранил примитивную форму некоторых вещей, например, погружения в воду, очевидно потому, что не знал другого способа, все же его «горячее, неуправляемое воображение» заставляло его доводить все до крайности. Поэтому, как и в случае с крестом, он находил крещение во всем. Мы читаем: «Сколько, таким образом, удовольствий природы, сколько привилегий благодати, сколько торжественности порядка, образов, приготовлений, молитв, которые предписывают святость воды? Во-первых, когда народ, получив безусловную свободу, спасся от насилия египетского царя, перейдя через воду, именно вода уничтожила самого царя со всеми его силами. Что еще более ярко проявляется

в таинстве крещения? Народы освобождаются от мира посредством воды, а именно, дьявола, своего старого тирана, они оставляют совсем позади, побежденные водой. Опять же, вода возвращается от своего недостатка “горечи” к своей родной благодати “сладости” через дерево Моисея. Это дерево было Христом, который восстановил из Себя Самого жилы некогда ядовитой и горькой природы во всеисцеляющие воды крещения. Это та вода, которая непрерывно текла для народа из “сопровождающей скалы”, ибо если Христос – “скала”, то без сомнения мы видим, как крещение благословляется водой во Христе. Как могущественна благодать воды в глазах Бога и Его Христа для подтверждения крещения! Христос никогда не бывает без воды; если, конечно, Он Сам крестится в воде; открывает в воде первые зачаточные проявления Своей силы, когда приглашает на бракосочетание; приглашает жаждущих, когда Он произносит речь, к Своей собственной вечной воде; одобряет, когда учит о любви, среди дел милосердия чашу воды, предложенную бедному (ребенку); набирает силы у колодца; ходит по воде; охотно переходит море; подает воду Своим ученикам. До самых страстей длится свидетельство крещения. Когда Его предают на крест, вода вмешивается; свидетельствуют руки Пилата: когда Он ранен, из Его бока вытекает вода; свидетельствуют копья солдат!»³⁰³.

В качестве доказательства «католичности» Тертуллиана, а также детскости его метода рассуждения можно привести следующее место из его рассуждения «О молитве» (глава 29): «Ангелы также все молятся; всякая тварь молится; скот и дикие звери молятся и сгибают колени; и когда они выходят из своих жилищ и логовищ, они смотрят на небо не с неподвижными устами, их дыхание естественным образом производит вибрацию. Да и птицы, вылетая из гнезда, поднимают себя к небу и вместо рук расправляют крест крыльев и произносят нечто, похожее на молитву. Что же еще касается молитвенного служения?»

Следующая цитата из Тертуллиана, которая будет последней, довольно длинная, но ее будет интересно прочитать, поскольку она

³⁰³ treatise on the Soul, chap. 9

показывает, как рано в христианской эпохе в церкви появилось учение о чистилище и об избавлении от него по молитвам тех, кто еще во плоти. Это вторая глава «Страстей Перпетуи», которая объясняется так: «Через несколько дней, когда мы все молились, вдруг посреди молитвы мне пришло слово, и я назвал Динократа. Я был поражен, что это имя никогда не приходило мне в голову до тех пор, и опечалился, вспомнив его несчастье. И я сразу же счел себя достойным и призванным просить за него. И за него я стал усердно просить и со стоном взывать к Господу. Без промедления, в ту же ночь, мне было показано это в видении. Я увидел Динократа, выходящего из мрачного места, где было еще несколько человек, и он был иссохший и очень жаждущий, с грязным лицом и бледным цветом кожи, а на лице его была рана, которая была у него, когда он умер. Этот Динократ был моим братом по плоти, семи лет от роду, который умер от болезни. Его лицо было так изъедено язвой, что его смерть вызвала отвращение у всех людей. Я молился за него, но между ним и мной было большое расстояние, так что никто из нас не мог приблизиться к другому. Кроме того, в том месте, где находился Динократ, был бассейн, полный воды, край которого был выше роста тела; и Динократ поднял себя, как бы для того, чтобы напиться. И я был огорчен тем, что, хотя бассейн этот и содержит воду, но из-за высоты до его края он не может пить. И я воспрянул духом и понял, что брат мой страдает. Но я верил, что моя молитва поможет его страданиям; и я молился за него каждый день, пока мы не перешли в тюремный лагерь, ибо нам предстояло сражаться в лагерном представлении. Тогда был день рождения Геты Цезаря, и я день и ночь молился о брате, стонал и плакал, чтобы он был дарован мне.

В тот день, когда мы оставались в оковах, мне было показано следующее. Я увидел, что то место, которое я раньше считал мрачным, теперь стало светлым; и Динократ с чистым телом, хорошо одетый, находил себе пропитание. И там, где была рана, я увидел шрам; а тот бассейн, который я видел раньше, теперь опустился до пупка мальчика. И кто-то беспрестанно черпал воду из бассейна, а на краю его стоял кубок, наполненный водой;

и Динократ приблизился и стал пить из него, и вода в кубке не убывала. И когда он напился, он отошел от воды и стал радостно играть, как дети, а я проснулся. Тогда я понял, что он переселен из места наказания».

Тот, кто принимает воскресенье как субботу на основании авторитета ранней церкви, обязан по всем законам последовательности принять доктрину чистилища, и все, что она использует.

И теперь, когда у читателя появился шанс самому оценить характер Тертуллиана и его трудов, ему, несомненно, будет приятно выразить свои чувства в этих словах декана Милмана: «Для христианства, отступившего от своих подлинных записей в Новом Завете, было бы разумнее отказаться от этого свирепого африканца, чем отождествить себя с его яростными оскорблениями, принося неудовлетворительные извинения за свой нехристианский фанатизм»³⁰⁴.

Так скажем и мы. Давайте возьмем то, на что мы можем положиться. Тот, кто тратит столько времени, сколько должен, на изучение «подлинных записей Нового Завета», не будет тратить время на просеивание мякины Отцов ради возможного зерна истины.

³⁰⁴ Note to chap. 15, paragraph 24, of Gibbon's *Decline and Fall*

ГЛАВА XIII. Ориген

Нет никого из христианских Отцов, кто заслуживал бы более высокой оценки, чем Ориген. И можно с уверенностью сказать, что нет никого другого, чьи труды оказали бы столь пагубное влияние. Это не потому, что он был порочным человеком, ибо мало кто сомневается в том, что, хотя во многих вещах он заблуждался и был фанатичен, а также был приправлен языческой спекулятивной философией, лично он был честным человеком. Но он был отцом спиритуалистического изложения Писания, и этим, а также обучением платонической философии своих многочисленных последователей, он нанес вред церкви, масштабы которого невозможно оценить.

Ориген родился в Александрии около 185 или 186 года н.э. В этом вопросе существует общее согласие. Он был неутомимым тружеником и создал больше книг, чем любой другой из так называемых Отцов. Историк Киллен говорит «Ориген был очень плодовитым автором; и если бы все его труды сохранились, они были бы гораздо объемнее, чем у любого другого из Отцов. Но большинство его трудов утрачено, а те, что сохранились, дошли до нас либо в сильно изуродованном виде, либо в искаженном латинском варианте»³⁰⁵.

Для мира было бы счастьем, если бы все они были утеряны, или, что еще лучше, если бы они никогда не были написаны, потому что нет ни одной ереси, когда-либо существовавшей в церкви, ни одной ложной формы религии, которая не была бы преподана этим метафизическим мечтателем. Профессор Харнак в «Британской энциклопедии» пишет: «Провозглашая примирение науки с христианской верой, высочайшей культуры с Евангелием, Ориген сделал больше, чем кто-либо другой, чтобы завоевать Старый Свет для христианской религии».

Но это оказалось роковым для чистоты церкви. «Наука», которую он пытался примирить с христианской религией, была

³⁰⁵ Ancient Church, period 2, sec. 2, chap. 1, paragraph 22

языческой философией. Конечно, он мог показать гармонию, только исказив и извратив христианскую религию, сведя ее почти до уровня языческой философии. Это, конечно, облегчало приход в церковь огромного количества язычников, поскольку им не нужно было ни отказываться от многого, ни сильно менять свою веру; а это, в свою очередь, в огромной степени способствовало разложению церкви. И вот вместо того, чтобы завоевать Старый Свет для христианской религии, он низвел христианскую религию до стандартов Старого Света. Этот вывод подтверждается следующими высказываниями историка Мосхайма: «Постепенно друзья философии и литературы приобрели превосходство. В этом вопросе Ориген внес большой вклад; ибо, рано усвоив принципы нового платонизма, он неумело применил их к богословию и искренне рекомендовал их многочисленной молодежи, которая слушала его наставления. И чем больше росло влияние этого человека, быстро охватившее весь христианский мир, тем охотнее распространялся его метод объяснения священных доктрин»³⁰⁶.

Вот как оценивает учение Оригена преподобный Хоуг, доктор философии: «Он возвел метафизическую теологию выше сверхъестественного откровения, а затем взял на себя роль квалифицированного толкователя этого откровения; таким образом, своим диким стилем аллегоризации он запутал самые ясные учения и оставил читателя в полном недоумении»³⁰⁷.

У читателя будет возможность проверить каждое слово. Однако для того чтобы лучше понять пагубное влияние учения Оригена, необходимо знать кое-что о «новом платонизме», которому он был так горячо предан. Приведенное ниже высказывание историка Мосхайма, вероятно, является настолько кратким описанием этой смеси языческой философии и христианского богословия, насколько мы можем найти: «Ближе к концу этого века [второго] внезапно возникла новая философская секта, которая за короткое время одержала верх над значительной частью Римской империи

³⁰⁶ Ecclesiastical History, book 1, cent. 3, part 2, chap. 1, sec. 5

³⁰⁷ Журнале «The Watchman» от 16 декабря 1886 года (Бостон)

и не только почти поглотила другие секты, но и нанесла огромный вред христианству. Местом ее зарождения стал Египет, в особенности Александрия, которая долгое время была центром литературы и всех наук. Ее последователи решили называться платониками. Однако они не следовали Платону безоговорочно, а собирали из всех систем все, что казалось им совпадающим с их собственными взглядами. А основанием для их предпочтения называться платониками было то, что, по их мнению, Платон правильнее всех других объяснил ту важнейшую отрасль философии, которая касается Бога и сверхчувственных вещей.

Мудрые люди не одобряли тот дух противоречий в философии, который обязывает каждого клясться в верности догмам своего учителя. Поэтому среди любителей истины и людей умеренности в Египте вырос новый класс философов, которые избегали споров и сектантского духа и исповедовали простое следование истине, собирая все, что соответствовало ей во всех философских школах. Поэтому они получили название эклектиков. Но хотя эти философы на самом деле не были приверженцами никакой секты, из множества свидетельств следует, что они отдавали предпочтение Платону и принимали большинство его догм о Боге, человеческой душе и вселенной.

Эта философия была принята теми учеными в Александрии, которые хотели считаться христианами и при этом сохранить имя, одеяние и звание философов. В частности, все те, кто в этом веке руководил школами христиан в Александрии (Афинагор, Пантен и Климент Александрийский), как говорят, одобряли ее. Эти люди были убеждены, что истинная философия, великий и самый полезный дар Божий, лежит в разрозненных фрагментах среди всех философских сект, и поэтому долг каждого мудрого человека, а особенно христианского учителя, собрать эти фрагменты со всех сторон и использовать их для защиты религии и опровержения нечестия. Однако такой отбор мнений не помешал им считать Платона мудрее всех остальных и выдвигать идеи о Боге, душе и сверхчувственных вещах, более согласующиеся с принципами христианства, чем любые другие.

Этот эклектический способ философствования изменился ближе к концу века, когда Аммоний Саккас³⁰⁸ под громкие аплодисменты открыл школу в Александрии и положил начало той секте, которую называют Неоплатонизмом. Этот человек был рожден и воспитан христианином и, возможно, всю жизнь претендовал на христианство. Обладая огромной плодовитостью гения, а также красноречием, он взялся привести все системы философии и религии в гармонию; или, другими словами, научить философии, с помощью которой все философы и люди всех религий, не ожидаемые христианами, могли бы объединиться и иметь общение. И здесь, в частности, кроется разница между этой новой сектой и эклектической философией, которая до этого процветала в Египте.

Эклектики считали, что во всех системах есть смесь хорошего и плохого, истинного и ложного; поэтому они выбирали из всех то, что казалось им согласным с разумом, а остальное отвергали. Аммоний же считал, что все секты исповедуют одну и ту же систему истины, различаясь лишь способом ее изложения и незначительными отличиями в своих концепциях, так что с помощью подходящих объяснений их можно без особого труда привести к единому целому.

Великая цель Аммония – привести все секты и религии в гармонию – требовала от него много насилия над чувствами и мнениями всех партий, философов, священников и христиан; и особенно с помощью аллегорических толкований устранить очень много препятствий на своем пути. О том, как он преследовал свою цель, свидетельствуют труды его учеников и приверженцев, дошедшие до нас в большом количестве. Чтобы сделать трудную работу более легкой, он предположил, что философия была впервые создана и возвращена среди людей Востока; что она была привита

³⁰⁸ Аммоний Саккас – древнегреческий философ, живший в Римском Египте. Достоверных сведений о жизни Аммония не сохранилось. Подтверждается только факт, что Аммоний был учителем основателя неоплатонизма в 232–242/243.

египтянам Гермесом, а затем перешла к грекам; что она была немного затемнена и деформирована спорящими греками; но все же Платон, лучший толкователь принципов Гермеса и древних восточных мудрецов, сохранил ее по большей части целой и незапятнанной; что религии, принятые различными народами мира, не противоречили этой древнейшей философии.

К этим предположениям он добавил общие доктрины египтян (среди которых он родился и получил образование), касающиеся вселенной и божества как составляющих одно великое целое (пантеизм); о вечности мира, природе души, провидении, управлении этим миром демонами и другие принятые доктрины, все из которых он считал истинными и не подлежащими сомнению... Далее, с этими египетскими представлениями он объединил философию Платона, чего добился без особого труда, искажив некоторые принципы Платона и наложив ложную конструкцию на его язык. Наконец, догмы других сект он истолковал, насколько это было возможно, с помощью искусства, изобретательности и аллегорий, до очевидного совпадения с этими египетскими и платоновскими принципами.

К этой египетско-платонической философии изобретательный и фанатичный человек присоединил систему моральной дисциплины, очевидно, отличающуюся высокой святостью и строгостью. Он разрешал простым людям жить по законам своей страны и велениям природы, но мудрых, которые являются потомством Бога, наставлял возвышаться созерцанием свои души над всем земным, ...чтобы они могли в настоящей жизни достичь общения с высшим Существом, а после смерти, активные и свободные, – вознестись к вселенскому родителю и навсегда соединиться с ним. Родившись и получив образование среди христиан, Аммоний привык придавать изящество и достоинство этим наставлениям, используя формы выражения, заимствованные из Священного Писания; поэтому эти формы выражения в изобилии встречаются в трудах его последователей. К этой строгой дисциплине он добавил искусство так очищать и совершенствовать способность вообра-

жения, чтобы сделать его способным видеть демонов и совершать множество чудесных вещей с их помощью. Его последователи назвали это искусство теургией³⁰⁹.

Чтобы господствующие религии, особенно христианская, не казались непримиримыми с его системой, Аммоний сначала превратил всю историю языческих богов в аллегорию и утверждал, что те, кого народ и жрецы почитали богами, были лишь служителями Бога, которым можно и нужно оказывать определенное почтение, но такое, которое не умаляло бы высшего почтения, причитающегося верховному Богу; а в следующем месте он признал, что Христос был необычным человеком, другом Бога и восхитительным теургом. Он отрицал, что Христос стремился полностью пресечь поклонение демонам, этим служителям божественного провидения; напротив, он хотел лишь стереть пятна, нанесенные древними религиями, и что его ученики извратили и испортили систему своего учителя»³¹⁰.

Эта мешанина легла в основу теологии Оригена. Сразу видно, что неоплатонизм был ничем иным, как спиритизмом в самом широком смысле этого слова. Он и не мог быть ничем иным, поскольку древние языческие философы были спиритуалистами, если уж на то пошло. Это факт, что принципы древнего язычества и современного спиритуализма идентичны. Жрецы и жрицы древних оракулов были спиритуалистическими медиумами, ясновидящими, как бы они назывались в наши дни. Неоплатонизм был утонченным спиритизмом. Оригену принадлежит неблагоприятная репутация того, кто привнес спиритуализм в церковь. Когда «истинная поднаготная» неоплатонизма будет полностью осознана, тогда станет понятно, что он составлял религию Оригена. И читатель удивится, как Ориген вообще мог считаться

³⁰⁹ Теургия – магическая практика, появившаяся в рамках неоплатонизма; в античности, в языческих культах, направленная на практическое воздействие на богов, ангелов, архангелов и демонов с целью получения от них помощи, знаний или материальных благ

³¹⁰ Ecclesiastical History, book 1, cent. 2, part 2, chap. 1, sec. 4-11

христианином. Но дело все в том, что он жил в то время, когда почти все, что угодно, можно было выдать за христианство, лишь бы это «привлекло» массы.

Рассказывая о неоплатонизме, историк Мосхайм заявляет: «Этот новый вид философии, неосмотрительно принятый Оригеном и другими христианами, нанес огромный вред христианству. Ибо оно побудило его учителей вовлечь в философскую неясность многие части нашей религии, которые сами по себе были просты и понятны, и добавить к наставлениям Спасителя несколько вещей, о которых ни слова нельзя найти в Священном Писании. Она также породила мрачную группу людей, называемых мистиками, чья система, если лишить ее платоновских представлений о происхождении и природе души, превратится в безжизненный и бессмысленный труп. Она также заложила основу для того праздного образа жизни, который впоследствии был принят многими, особенно многочисленными племенами монахов; она рекомендовала христианам различные глупые и бесполезные обряды, пригодные только для того, чтобы питать суеверия, немалую часть которых мы видим религиозно соблюдаемой многими даже до сегодняшнего дня. И, наконец, в последующие века она отвратила умы многих людей от самого христианства и породила разнородную религию, состоящую из христианских и платонических принципов»³¹¹.

Как те, кто знает эти вещи, вообще могут с одобрением цитировать труды Оригена или считать его защиту даже хорошего дела хоть каким-то оправданием для него, – это одна из тайн греховной человеческой природы, которую мы не будем даже пытаться объяснить.

Следующее свидетельство мы приведем не для того, чтобы показать языческие наклонности Оригена, но для того, чтобы читатель увидел, что оно проливает свет на состояние церкви во втором и третьем веках и помогает показать, как было совершено великое отступничество: «Дух философствования, не испытывая никакого упадка или ослабления, продолжал усиливаться и распро-

³¹¹ Ecclesiastical History, book 1, cent. 2, part 2, chap. 1, sec. 12

страняться все больше и больше, особенно к концу этого века, когда в Александрии возникла новая секта под названием “Современные платоники” (ред.: *Неоплатонизм*). Основателем секты был Аммоний Саккас, человек тонкого, пронизательного гения, но склонный во многих вещах отступать от здравого смысла и предаваться нелепым полетам воображения. Помимо множества других людей, стекавшихся к этому человеку за наставлениями, его лекции постоянно посещало большое количество христиан, воспламененных жадой знаний, и двое из них, а именно Ориген и Иракл³¹², стали впоследствии весьма выдающимися личностями. Первый занял пост главы школы, второй – Александрийской церкви. Едва ли заслуживающие доверия христианские ученики Аммония, и особенно Ориген, который в следующем столетии достиг степени известности, усердно внедряли доктрины, полученные от своего учителя, в умы молодежи, чье образование было им доверено, и благодаря усилиям этих учеников, которые впоследствии в большинстве своем были призваны к служению, любовь к философии распространилась в значительной части церкви»³¹³.

В следующем разделе историк Мосхайм говорит об этой новой философии, большим энтузиастом и учеником которой был Ориген: «Этот великий замысел объединения всех сект и религий, порождение ума, конечно, не лишено гения, но отвлеченного фанатизмом и едва ли находящегося под властью разума, требовал для своего осуществления не только самых натянутых и беспринципных толкований древних сентенций, максим, документов и повествований, но и помощи мошенников и заблуждений. Поэтому мы видим, что труды, которые оставили после себя ученики Аммония, изобилуют подобными вещами настолько, что их невозможно рассматривать иначе, чем как плачевные памятники безумной мудрости».

³¹² Епископ Александрийский (231–248), богослов. Первый епископ Александрийский, которого письменные источники называли Папой

³¹³ Ecclesiastical Commentaries, cent. 2, sec. 27

В «Британской энциклопедии» профессор Харнак говорит о Плотине³¹⁴, выдающемся учителе новой философии: «Жесткий монотеизм казался Плотину жалкой концепцией. Он придал смысл мифам народных религий, и ему было что сказать даже о магии, прорицаниях и молитвах. В поддержку поклонения изображениям он выдвинул аргументы, которые впоследствии были приняты христианскими иконопочитателями».

Архидиакон Фаррар, который говорит об Оригене, что «невозможно говорить о нем иначе, как с глубочайшим восхищением и уважением», приводит следующее свидетельство о нем: «Во многих отрывках он пренебрежительно отзывается о буквальной истинности повествований Писания. В этом заключается его регрессивная и пагубная оригинальность. Он постоянно использует аллегорию там, где его собственные принципы не дают ему никакого оправдания. Он настолько омертвил в своем сознании чувство исторической истины, что аллегоризирует не только такие повествования, как о сотворении мира, но даже Закон, истории и пророков. Принятие простого повествования становится для него слишком обиденным; он сравнивает его с проступком, состоящим в том, чтобы съесть сырого пасхального агнца»³¹⁵.

А на странице 201 той же книги он говорит, что фундамент его экзегетической системы основан на песке. Это буквально так в свете слов нашего Спасителя в Евангелии от Мф. 7:26, 27. Поэтому мы говорим об Оригене следующее. Если его называют «отцом», то это должно означать, что он был отцом ложной доктрины в христианской церкви.

Говоря о возникновении монашества, историк Ф. Шафф в некоторой степени показывает, что католицизм обязан Оригену за

³¹⁴ Плотин – (270 г.) античный философ-идеалист, пропандирующий неоплатонизм. Систематизировал учение Платона о воплощении триады в природе и космосе. Определил Божество как неизъяснимую первосущность, стоящую выше всякого постижения и порождающую собой все многообразие вещей путём эманации

³¹⁵ History of Interpretation, pp. 197, 198

эту мерзость. Он сказал: «Александрийские отцы впервые заложили теоретическую основу для этого аскетизма в различии, предложенном еще пастырем Ерма, низшей и высшей морали; различие, которое, как и введенное в тот же период Тертуллианом различие смертных и простительных грехов, породило множество практических ошибок и благоприятствовало как моральной распущенности, так и аскетической экстравагантности... Ориген идет еще дальше и совершенно отчетливо излагает католическую доктрину о сверхнеобходимых делах, делах, не предписанных в Евангелии, но рекомендуемых, которые, как предполагалось, устанавливают особые заслуги и обеспечивают более высокую степень блаженства»³¹⁶.

В подтверждение утверждения о том, что Ориген был отцом ложных и пагубных доктрин в церкви, мы снова приводим цитату из историка Мосхайма: «Тот же Ориген, несомненно, стоит во главе толкователей Библии в этом веке. Но с болью следует добавить, что он был первым среди тех, кто нашел в Писании надежное убежище для всех заблуждений и праздных фантазий. Так как этот изобретательный человек не видел никакого возможного способа оправдать все, что сказано в Писании, против еретиков и врагов христианства, если бы он толковал язык Библии буквально, он пришел к выводу, что должен излагать Священное Писание так, как платоники привыкли объяснять историю своих богов. Поэтому он учил, что во многих местах Библии слова вообще не имеют никакого смысла; а в некоторых местах, где он признавал наличие некоторого смысла в словах, он утверждал, что под выраженными там вещами скрыт и завуалирован смысл, который гораздо предпочтительнее буквального значения слов. И именно этот скрытый смысл он ищет в своих комментариях, изобретательно, но извращенно, и, как правило, полностью пренебрегая и презируя буквальный смысл»³¹⁷.

В примечании 7 к вышеупомянутому параграфу историк Мосхайм заявляет: «Ориген превратил значительную часть

³¹⁶ History of Church, period 2, sec. 94

³¹⁷ Ecclesiastical History, book 1, cent. 3, part 2, chap. 3, sec. 5

библейской истории в моральные басни, а многие законы – в аллегории... Но мы не должны забывать о его привязанности к той системе философии, которую он принял. Эта философия не могла быть согласована с Писанием иначе, как с помощью аллегорий; поэтому Писание должно было толковаться аллегорически, чтобы оно не противоречило его философии».

Пусть читатель немного поразмыслит над двумя последними абзацами, а затем решит, имеет ли Ориген хоть малейшее право называться «христианским отцом». Он «нашел в Писании надежное убежище для всех заблуждений и праздных фантазий». Он «превратил большую часть библейской истории в моральные басни» и не знал иного способа борьбы с ересью, кроме как отрицать Писание и тем самым вводить еще худшие ереси. И «он стоит во главе толкователей» в третьем веке. Читатель может легко судить по этому о стандарте толкования в те дни и о состоянии церкви, которая «наслаждалась» такими трудами.

Бингем упоминает следующие ложные доктрины, которые Ориген передал Католической церкви: «Ориген насчитывает семь способов, с помощью которых христиане могут получить отпущение грехов, из которых пять, очевидно, являются частными действиями отдельных людей. Первый – это крещение, когда люди крестятся для прощения грехов. Второе – мученические страдания. Третье – милостыня, ибо Спаситель наш говорит: “Подайте милостыню, и вот, все чисто для вас”. Четвертое – прощение грехов братьям нашим, ибо Господь и Спаситель наш говорит: “Если вы от сердца вашего будете прощать братьям вашим согрешения их, то и Отец ваш простит вам согрешения ваши”. Пятое – когда человек обращает грешника от ошибки его пути. Шестое – изобилие милосердия, как говорит наш Господь: “Многочисленные грехи ее прощены, потому что она много любила”. Седьмое – тяжелый и кропотливый путь покаяния, когда человек орошает постель своими слезами, и слезы его – хлеб его днем и ночью, и он не стыдится объявить о своем грехе священнику Господню и искать исцеления»³¹⁸.

³¹⁸ Antiquities, book 19, chap. 3

Невозможно понять, как перед лицом всех этих свидетельств, прекрасно известных каждому ученому, профессор Ворман может сказать, как он это делает в энциклопедии Макклинтока и Стронга: «Ориген вполне может быть назван одним из самых способных и достойных Отцов Церкви – более того, одним из величайших нравственных подвижников человеческой расы». Трудно сохранять какое-либо уважение к суждениям человека, который может предаваться таким восторгам по поводу Оригена. И дело тем хуже, что в той же статье, где встречается вышеприведенная формулировка, профессор Ворман выдвигает против Оригена те же обвинения, что мы обнаруживаем и в цитатах Мосхайма, Фаррара и Шаффа. Столь пышные и незаслуженные похвалы свидетельствуют о том, что влияние Оригена отнюдь не умерло, а возрождающийся интерес к его трудам и к патристической литературе в целом предвещает недоброе для будущего состояния христианской церкви. Труды Оригена во многом способствовали великой апостасии (*ред.: отступлению*), которая привела к установлению папства; и если ими руководствоваться в теологии сегодня, то они обязательно приведут к другой подобной апостасии. Реформация была протестом против умозрительных догм церковников и движением в сторону опоры на Библию как единственное руководство в вопросах веры и практики; и в той мере, в какой почитаются Отцы, Библией будут пренебрегать, а работа Реформации будет сведена на нет.

Как и все так называемые христианские отцы, Ориген был настолько сильно «либерален», что мог без колебаний отстаивать совершенно противоположные взгляды на один и тот же вопрос; но эта особенность не так заметна в его сочинениях в том виде, в каком они существуют сейчас, поскольку Руфин Аквилейский³¹⁹, друг

³¹⁹ Руфин Аквилейский, (около 345–410) – римский церковный писатель. Приняв монашество, долго жил в египетской пустыне, затем был пресвитером в Аквилее, где и умер в 410 году н.э. В зрелом возрасте находился с Иеронимом в сильной вражде, главным образом, вследствие давнего их спора об учении Оригена

Оригена, утверждает в прологе к трактату «О началах»³²⁰, что он согласился перевести этот труд только при условии: «Следуйте, насколько возможно, правилу, соблюденному моими предшественниками, и особенно тем выдающимся человеком, о котором я упоминал выше, который, переведя на латынь более семидесяти трактатов Оригена, называемых гомилиями³²¹, а также значительное число его сочинений об апостолах, в которых немало камней преткновения в греческом оригинале, так сгладил и исправил их в своем переводе, что латинский читатель не встретит ничего, что могло бы показаться несогласным с нашей верой. Поэтому мы следуем его примеру, насколько это возможно, если не с такой же силой красноречия, то, по крайней мере, с такой же строгостью правил, стараясь не воспроизводить те выражения, встречающиеся в работах Оригена, которые не согласуются друг с другом и противоречат друг другу. Причину этих разночтений мы более свободно объяснили в “Апологетике”, которую Памфил написал в защиту трудов Оригена, куда мы добавили краткий трактат, в котором, как мне кажется, с помощью неопровержимых доказательств показали, что его книги во многих местах были испорчены еретиками и злонамеренными лицами... Ибо там он рассуждает о тех предметах, в отношении которых философы, потратив на них всю свою жизнь, так ничего и не смогли открыть».

Последнее предложение выражено очень наивно. Читатель трудов Оригена, скорее всего, придет к выводу, что Ориген также не добился большего успеха, чем философы, рассуждая о вещах, по которым никто ничего не смог открыть.

Приведя еще одно свидетельство о ересь Оригена, мы перейдем к их более подробному рассмотрению. Киллен говорит: «Этому ученому писателю нельзя доверять как толкователю вдохновенных слов. Подобно иудейским кабалистам, замечатель-

³²⁰ «Origen de Principiis»

³²¹ Гомилия – аналитико-экзегетическая форма проповеди, содержащая истолкование прочитанных мест Священного Писания. Является наиболее древней формой проповеди, введена в употребление Оригеном

ным образцом которых является Филон³²², чьи труды он тщательно изучал, он пренебрегает буквальным смыслом слова и предается мистическим толкованиям. Таким образом, божественная запись может быть подкреплена любыми измышлениями, которые придутся по вкусу комментатору. Ориген, по сути, может считаться отцом христианского мистицизма; и в последующие века для определенного класса провидцев, особенно среди монахов, его труды долгое время продолжали представлять особую привлекательность.

В вопросах доктрины его высказывания не всегда последовательны, так что крайне трудно составить хоть какое-то представление о его богословских настроениях... В своих попытках примирить Евангелие и свою философию, он позорно скомпрометировал некоторые из самых важных истин Писания. Грехопадение человека, похоже, нередко отрицалось в его религиозной системе; и все же иногда оно отчетливо признавалось. Он утверждал предсуществование человеческих душ; он считал, что звезды – одушевленные существа; он учил, что все люди в конце концов достигнут счастья; и он верил, что сами дьяволы в конце концов будут спасены»³²³.

Мы не ожидали бы, что этим заявлениям поверят, если бы они были сделаны предвзятыми людьми. Но все они исходят от тех, кто часто цитирует Отцов в поддержку той или иной теории или обычая. Но то, что в отношении Оригена ничего не преувеличено, теперь станет ясно, поскольку сейчас мы позволим ему свидетельствовать самому.

Первое, что должно привлечь наше внимание, – это взгляды Оригена на субботу, которые вкратце сводятся к следующему: «Есть бесчисленное множество верующих, которые, хотя и не могут методично и ясно изложить результаты своего духовного понимания, тем не менее твердо убеждены, что ни обрезание не

³²² Филон Александрийский или Филон Иудей; Он представитель еврейского эллинизма

³²³ Ancient Church, period 2, sec. 2, chap. 1, paragraphs 23, 24

следует понимать буквально, ни покой субботы, ни выливание крови животного, ни то, что ответы по этим вопросам были даны Богом Моисею»³²⁴.

Это показывает, что Ориген был настолько далек от того, чтобы учить соблюдать воскресенье, что не верил ни в какую буквальную субботу. Это соответствовало его методу все аллегоризировать.

В письме к языческому философу Цельсу³²⁵, касающемся языческих праздников, Ориген говорит «Если нам возразят по этому поводу, что мы сами привыкли отмечать определенные дни, как, например, день Господень, Приготовление, Пасху или Пятидесятницу, то я должен ответить, что для совершенного христианина, который всегда в мыслях, словах и делах служит естественно своему Господу, Богу-Слову, все его дни – Господни, и он всегда соблюдает день Господень. Кто постоянно готовится к истинной жизни и воздерживается от удовольствий этой жизни, которые многих сбивают с пути, кто не потакает похотям плоти, но “держит тело свое и подчиняет его”, тот всегда соблюдает день приготовления»³²⁶.

Этот отрывок обычно цитируется в качестве доказательства в пользу соблюдения воскресного дня. Вряд ли стоит напоминать читателю, что для нас не имеет большого значения, что делала церковь в третьем веке, поскольку тогда она была уже достаточно сильно языческой. Но в приведенной выдержке нет ничего в пользу воскресенья. Он говорит о дне Господнем, не указывая, какой день он имеет в виду – первый или седьмой; но из связи совершенно очевидно, что он имеет в виду седьмой день недели, истинный день Господень. Шестой день недели был повсеместно известен как «приготовление», более того, этот термин встречается в связи с Пасхой и Пятидесятницей. Но независимо от того, к какому дню

³²⁴ De Principiis, book 2, chap. 7

³²⁵ Цельс – римский философ-платоник второй половины II века; один из самых известных античных критиков христианства. Друг императора Марка Аврелия. Известен, прежде всего, своим трудом «Правдивое слово», написанным ок. 177–179 гг. и направленным против раннего христианства

³²⁶ Against Celsus, book 8, chap. 22

он относит этот термин, к седьмому или первому, он ясно дает понять, что не верит в буквальное соблюдение этого дня. Таким образом, его свидетельство о воскресном дне – это отрицательный пример.

В связи с этим будет полезно послушать, что он говорит о Писании в целом. В своем рассуждении об основополагающих принципах он говорит: «Даже закон и заповеди не передают в полной мере того, что согласуется с разумом. Ибо кто, имеющий разум, допустит, что первый и второй, и третий день, и вечер, и утро, существовали без солнца, и луны, и звезд? И первый день был, как бы, также без неба? И кто настолько глуп, чтобы предположить, что Бог, подобно земледельцу, насадил в Эдеме, на востоке, рай и поместил в нем древо жизни, видимое и осязаемое, так что вкушающий плод телесными зубами обретал жизнь? И еще, что человек становился причастником добра и зла, вкушая то, что брал с древа? И если сказано, что Бог ходит вечером по раю, а Адам прячется под деревом, то я не думаю, что кто-то сомневается, что эти вещи образно указывают на некие тайны, причем история разворачивалась в яви, а не буквально... И что еще нужно сказать, ведь те, кто не совсем слеп, могут собрать бесчисленное множество подобных примеров, записанных как имевшие место, но не происходившие буквально. Да и сами Евангелия наполнены подобными рассказами. Например, дьявол ведет Иисуса на высокую гору, чтобы показать ему оттуда царства всего мира и славу их. Ибо кто есть среди тех, кто не читает такие рассказы небрежно, кто не осудил бы тех, кто думает, что глазом тела – который требует большой высоты, чтобы можно было видеть части, лежащие (непосредственно) под ним и прилегающие к нему, – были видны царства персов, скифов, индийцев и парфян и то, как их князья прославляются среди людей? И внимательный читатель может заметить в Евангелиях бесчисленное множество других подобных отрывков, так что он убедится, что в истории, записанные буквально, вставлены обстоятельства, которых не было»³²⁷.

³²⁷ De Principiis, book 4, chap. 1, sec. 16

Давид и апостолы говорили, потому что верили, «Я веровал, и потому говорю: я сильно сокрушен»³²⁸, «я веровал и потому говорю, и мы веруем, потому и говорим»³²⁹.

Претензии Оригена на звание библейского толкователя, похоже, основаны на том, что он не верил. Конечно, нельзя было ожидать, что он сделает из своих последователей библейских христиан, когда он начал с утверждения, что большая часть исторических записей в Библии – выдумка, а сам закон Божий противоречит разуму. Каждый неверующий признает, что в Библии есть некоторые правдивые вещи. Поэтому, если мы примем высказывания самого Оригена, если мы поставим его как толкователя Писания в один ряд с известными современными неверующими людьми, мы отдадим ему все должное, которого он заслуживает. Когда вы слышите, как исповедующие Евангелие служители высмеивают запись в первых главах Бытия и устраивают парад «нового света», осенившего наш век, помните, что они просто перенимают взгляды полуязычника Оригена. Он отрицает истинность не только ветхозаветных записей, но и евангельских повествований. В разделе, предшествующем только что процитированному, он говорит: «Но поскольку, если бы польза закона, последовательность и красота истории были очевидны сами по себе, мы не должны были бы верить, что в Писании можно понять что-либо иное, кроме очевидного. Слово Божье устроило так, что некоторые камни преткновения, как бы, и преступления, и невозможности, чтобы мы, будучи увлечены во все стороны привлекательной природой языка, не отпали от (истинных) доктрин, как не познавшие ничего достойного Бога, или, не отступая от буквы, не пришли к познанию ничего более, кроме божественного. И это мы также должны знать, что главная цель – объявить о “духовной” связи в тех вещах, которые делаются и которые должны делаться, и там, где Слово находило, что вещи, сделанные в соответствии с историей, могут быть приспособлены к этим мистическим смыслам, оно использовало их, скрывая от

³²⁸ Пс. 115:1

³²⁹ 2 Кор. 4:13

народа более глубокий смысл. Но там, где в повествовании о развитии сверхчувственных вещей не следовало совершения тех определенных событий, на которые уже указывал мистический смысл, Писание вплетало в историю (рассказ о) какое-то событие, которое не произошло, иногда то, что не могло произойти; иногда то, что могло, но не произошло. И иногда интерполируется несколько слов, которые не соответствуют истине в их буквальном понимании, а иногда большее количество. Подобную практику можно заметить и в отношении закона, в котором часто можно найти то, что полезно само по себе и соответствует времени действия закона, а иногда и то, что не представляется полезным; в другое время невозможности записываются ради более искусных и любознательных, чтобы они могли посвятить себя труду исследования написанного и таким образом достичь убежденности в том, что в таких предметах следует искать смысл, достойный Бога».

То есть невозможности и неправды записаны в Библии для того, чтобы стимулировать ученика к более глубокому исследованию. Но если ученик однажды убедится, что это так, он перестанет быть учеником, по крайней мере, Библии, и отвернется от нее с отвращением. Вся суть учения Оригена направлена в сторону неверности. И его неверность худшего типа, потому что она прикрывается именем христианства.

Следующий абзац демонстрирует не только его неверие в простые утверждения Писания, но и его причудливый метод толкования: «Но поскольку есть некоторые отрывки Писания, которые вовсе не содержат “телесного” смысла, как мы покажем в следующих (параграфах), есть также места, где мы должны искать только “душу”, так сказать, “дух” Писания. И, возможно, по этой причине сосуды с водой, содержащие по две или три меры елея, как сказано, лежат для очищения иудеев, как мы читаем в Евангелии от Иоанна. Выражение скрытым образом намекает на тех, кого апостол тайно называет “иудеями”, что они очищаются словом Писания, получая иногда две меры елея, то есть..., так сказать, “психический” и “духовный” смысл; а иногда и три меры елея, поскольку некоторые имеют, помимо уже упомянутых, еще

и “телесный” смысл, способный (производить) назидание. И шесть сосудов с водой разумно (подходят) тем, кто очищается в мире, который был сотворен за шесть дней – совершенное число»³³⁰.

Комментарии к вышесказанному излишни. Многие другое подобного рода можно было бы дать непосредственно по теме Писания в целом, но тот же дух будет замечен в том, что последует в отношении особых мест Писания.

Ориген приводит следующее богословско-философское изложение: «Прежде всего, посмотрим, что сам разум может открыть относительно солнца, луны и звезд, – верно ли мнение некоторых об их неизменности, – и пусть сначала будут приведены, насколько это возможно, утверждения Священного Писания. Ибо Иов, похоже, заявляет, что звезды не только могут быть подвержены греху, но и что они на самом деле нечисты от его заражения. Он говорит следующее: “И звезды нечисты в очах твоих”. Здесь не имеется в виду великолепие их физической субстанции, как, например, если бы кто-то сказал об одежде, что она нечиста; ведь если бы это имелось в виду, то обвинение в недостатке чистоты в великолепии их телесной субстанции означало бы недоброжелательное отношение к их Создателю. Ибо если они способны своими усердными усилиями либо приобрести для себя тело большей яркости, либо по своей лености сделать менее чистым то, которое у них есть, то как они должны подвергаться порицанию за то, что являются звездами, которые нечисты, если они не получают похвалы за то, что они таковыми являются?»

Но чтобы прийти к более ясному пониманию этих вопросов, мы должны сначала выяснить, допустимо ли предполагать, что они являются живыми и разумными существами; затем, в следующем месте, появились ли их души одновременно с телами или, по видимому, раньше их; а также должны ли мы понимать, что после конца света они будут освобождены от своих тел, и не перестанут ли они освещать мир, как мы перестаем жить. Хотя этот вопрос может показаться несколько дерзким, однако, поскольку нас

³³⁰ Там же, sec. 12

побуждает желание выяснить истину, насколько это возможно, нет ничего абсурдного в том, чтобы попытаться исследовать этот предмет в соответствии с благодатью Святого Духа.

Мы думаем, что их можно назвать живыми существами по той причине, что они, как говорят, получают заповеди от Бога, а это обычно бывает только с разумными существами. “Я дал заповедь всем звездам”, – говорит Господь. Что же это за заповеди? В том, чтобы каждая звезда, следуя своему порядку и курсу, одаривала мир тем великолепием, которое ей было доверено. Ибо те, что называются “планетами”, движутся по орбитам одного вида, а те, что называются “апланеиз”, – другого. Отсюда явственно следует, что ни движение тела не может происходить без души, ни живые существа не могут находиться без движения. И если учесть, что звезды движутся с таким порядком и регулярностью, что их движения никогда не подвержены нарушениям, то не будет ли верхом глупости сказать, что столь упорядоченное соблюдение метода и плана может быть осуществлено или достигнуто неразумными существами?»³³¹.

Нельзя сказать, что в этом есть что-то нечестивое, за исключением того, что в нем не учитывается сила Божья. Однако не так много можно сказать о том, что следует далее: «Но обратятся ли в будущем мире к праведности те, кто действует под властью дьявола и подчиняется его нечестивым повелениям, благодаря тому, что они обладают способностью свободы воли, или же упорное и закоренелое нечестие может быть изменено силой привычки на природу? Это результат, который вы сами, читатель, можете одобрить, если ни в нынешнем видимом и временном мире, ни в невидимом и вечном эта часть не будет полностью отличаться от окончательного единства и соответствия вещей. Но, между тем, как в тех временных мирах, которые видимы, так и в тех вечных мирах, которые невидимы, все эти существа расположены согласно регулярному плану в порядке и степени их достоинств, так что одни из них в первые, другие во вторые, третьи даже в последние времена,

³³¹ «De Principiis», book 1, chap. 7, sec. 2, 3

претерпев более тяжкие и суровые наказания, выдержав длительный период и многие века, так сказать, усовершенствованные этим суровым методом обучения и восстановленные сначала наставлениями ангелов, а затем силами более высокого ранга, и таким образом продвигаясь через каждую ступень к лучшему состоянию, доходят даже до того, что невидимо и вечно, пройдя путем своего рода обучения через все должности небесных сил. Из этого, я думаю, следует вывод, что каждая разумная природа может, переходя от одного порядка к другому, проходить от каждого к каждому и продвигаться от каждого к каждому, будучи при этом предметом различных степеней мастерства и неудач в соответствии со своими собственными действиями и стараниями, прилагаемыми при пользовании своей силой свободы воли»³³².

Апостол Иуда говорит, что «ангелов, не сохранивших своего достоинства, но оставивших свое жилище», Бог «соблюдает в вечных узах, под мраком, на суд великого дня»³³³; но Ориген учит, что в конце концов они будут восстановлены в благосклонности Бога. Библия учит, что души очищаются верой во Христа и послушанием истине через Дух; но Ориген учит, что души будут очищены от греха через наказание. В приведенном выше отрывке римско-католическое чистилище изложено настолько ясно, насколько это вообще возможно. Единственное различие между Оригеном и другими католиками заключается в том, что они предусматривают вечный ад для некоторых неисправимых, в то время как Ориген учит о конечном восстановлении не только всех людей, но и демонов.

Далее читатель найдет сочетание универсализма, римского католицизма и спиритуализма: «Я думаю поэтому, что все святые, которые уйдут из этой жизни, останутся в некоем месте, расположенном на земле, которое Священное Писание называет раем, как в некоем месте обучения и, так сказать, классе или школе душ, в котором они должны быть наставлены относительно всех

³³² «De Principiis», book 1, chap. 6, sec. 3

³³³ Иуд. 6

вещей, которые они видели на земле, а также получить некоторые сведения о том, что должно произойти в будущем, как и тогда, когда в этой жизни они в некоторой степени получали указания на будущие события, хотя и “через тусклое стекло”, но все это открывается святым более ясно и отчетливо в свое время и в своем месте. Если кто действительно чист сердцем, свят умом и более упражнен в восприятии, тот, делая более быстрый прогресс, быстро взойдет на место в воздухе и достигнет Царства Небесного через те, так сказать, хоромы в различных местах, которые греки называли сферами, то есть шары, но которые Священное Писание называет небесами. В каждом из них он, во-первых, ясно увидит, что там делается, а во-вторых, обнаружит причину, по которой все так делается; и таким образом он по порядку пройдет все градации, следуя за Тем, Кто перешел на небеса, Иисусом, Сыном Божиим, Который сказал: “Я хочу, чтобы там, где Я, были и эти”³³⁴.

А следующее учение как нельзя лучше подходит для того, чтобы удовлетворить каждого закоренелого грешника: «У пророка Исаии мы находим, что огонь, которым каждый наказывается, описывается как его собственный; ибо он говорит: “Ходи во свете собственного огня и пламени, которое ты разжег”. Эти слова, по-видимому, указывают на то, что каждый грешник разжигает для себя пламя своего собственного огня, а не погружается в какой-то огонь, который уже был разожжен другим или существовал до него. Топливом и пищей для этого огня служат наши грехи, которые апостол Павел называет “деревом, и сеном, и жнивьем”. ... Когда душа соберет в себе множество злых дел и обилие грехов против себя, в подходящее время все это собрание зла вскипает для наказания и поджигается для наказаний. Когда сам ум или совесть, получая божественной силой в память все те вещи, которые наложили на нее печать определенных знаков и форм в момент греха, увидит как бы выставленную перед ее глазами историю всех грязных и позорных, и нечестивых дел, которые она совершила, тогда совесть сама терзается и, пронзенная своими собственными

³³⁴ Там же, book 2, chap. 11, sec. 6

кознями, становится обвинителем и свидетелем против самой себя»³³⁵.

Здесь действительно есть чистилище, но чистилище духовное. Грешник должен быть очищен огнем, но огнем должны быть только его собственные грехи. Если отбросить многословие, то учение Оригена сводится к тому, что все наказание, которое люди когда-либо получают за свои грехи, будет заключаться в осознании этих грехов, а сами угрызения совести составляют огонь, и эти угрызения со временем очистят их от греха. Одним словом, его учение заключается в том, что люди освобождаются от своих грехов, просто думая о них. Это, конечно, не оставляет места для спасения через веру во Христа; это полностью отстраняет Христа от вопроса, и поэтому Ориген не был христианским учителем.

Страницу за страницей можно было бы заполнить материалами того же рода, что уже приводились, но какая от этого польза? Если кто-то очарован стилем Оригена, он может приобрести его труды и насыщаться. Но того, что было процитировано о нем и из его же трудов, должно быть достаточно, чтобы убедить любого искреннего человека в том, что мечтательные, причудливые, мистические, скептические и спиритуалистические разглагольствования Оригена никогда не могли оказать иного влияния на церковь, кроме как пагубного.

³³⁵ Там же, chap. 10, sec. 4

ГЛАВА XIV. Великое отступничество

Во втором Послании к фессалоникийцам апостол Павел предупредил братьев об «отпадении» (греч. *apostasia*) от истины, которое приведет к проявлению фазы нечестия, названной им «беззаконником», «человеком греха», «сыном погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею»³³⁶. Он добавил: «Ибо тайна беззакония уже в действии, только [не совершится] до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь. И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего»³³⁷. То есть великое отступничество развивалось еще во времена Павла. Он мог проследить его коварные действия даже во многих церквях, которые он насаждал. Однако существовало препятствие, которое до поры до времени мешало его полному развитию. Беззаконие не могло принять такие размеры в христианской церкви, чтобы возвыситься «выше всего, называемого Богом или святынею», пока язычество было господствующей религией и поддерживалось властью, управлявшей миром. Гонения, которым подвергалась церковь от язычников, сохраняли ее в относительной чистоте. Но когда Константин возвел христианство на мировой престол, все заблуждения, которые на протяжении почти трех столетий проникали в церковь, получили широкое поле для деятельности.

В наши задачи не входит изложение полной истории развития отступления в церкви. Мы хотим лишь вкратце отметить развитие отступничества до времен Константина, поскольку именно в этот период зародились почти все мерзости католической церкви. В качестве предисловия к этому исследованию пусть читатель посмотрит цитаты, которые мы привели из трудов апостолов в главе «Апостольская церковь». Они показывают, какие пороки существовали в церкви даже в их время. Если такие вещи имели

³³⁶ 2 Фес. 2:3, 4, 8

³³⁷ Стихи 7, 8

место, когда церкви получали наставления от людей, уполномоченных Небом и облеченных Божественной властью, то чего же можем ожидать в годы, последовавшие за смертью апостолов? Того, что мы уже процитировали об Отцах и из их писаний, достаточно, чтобы показать, что в ранней Церкви было множество лжеучителей. Теперь посмотрим, каков был справедливый результат их учения.

Мы не можем лучше представить эту часть темы, чем следующая цитата доктора Киллена, касающаяся ересей в течение ста лет после апостолов: «Но хотя вероучение Церкви все еще оставалось в некоторой степени изначальным, следует признать, что оно уже начало сильно страдать от фальсификации. Через сто лет после смерти апостола Иоанна на христианскую общину быстро опускалась духовная тьма, и Отцы, процветавшие в начале третьего века, часто употребляют выражения, за которые их бы сурово осудили, живи они во времена апостолов и евангелистов. Так, мы видим, что они говорят о “грехах, очищенных покаянием”, и о покаянии как о “цене, за которую Господь решил даровать прощение”. Мы читаем о “грехах, очищенных милостыней и верой”, и о мученике, который своими страданиями “смывает свои собственные беззакония”. Нам говорят, что крещением “мы очищаемся от всех наших грехов” и “вновь обретаем Дух Божий, который Адам получил при сотворении и потерял в результате своего преступления”. “Упорная злоба дьявола, – говорит Киприан, – имеет силу вплоть до спасительной воды, но в крещении он теряет весь яд своей злобы”. Тот же автор настаивает на необходимости покаяния, вида дисциплины, неизвестного апостольской церкви, и с ужасающей суровостью обличает тех, кто препятствует его совершению. “Коварством своей лжи, – говорит он, – они мешают, чтобы не было удовлетворения Богу в Его гнев... Все стараются, чтобы грехи не были искуплены должным удовлетворением и сетованиями, чтобы раны не были омыты слезами”. Можно сказать, что некоторые из этих выражений являются риторическими, и что те, кто их использовал, не хотели отрицать вседостаточность великой жертвы; но если бы эти Отцы

ясно понимали доктрину оправдания верой во Христа, они бы отказались от использования языка, вызывающего столь серьезные возражения»³³⁸.

В предисловии к книге «Древняя церковь» доктор Киллен пишет: «В промежутке между днями апостолов и обращением Константина христианское сообщество изменило свой облик. Епископ Рима, личность, неизвестная авторам Нового Завета, за это время занял видное место и в конце концов стал главенствовать над всеми остальными церковниками. Обряды и церемонии, о которых ни Павел, ни Петр никогда не слышали, незаметно вошли в обиход, а затем стали претендовать на звание божественных установлений. Должностные лица, для которых первые ученики не могли найти места, и титулы, которые для них были бы совершенно непонятны, стали требовать внимания и называться апостольскими».

Об этом же свидетельствует и ученый церковный историк Мосхайм, который также рассказывает, как произошло, что в церкви появились неписанные практики. Он сказал: «Несомненно, что к религиозному поклонению, как общественному, так и частному, было добавлено множество обрядов, без необходимости и к большому оскорблению думающих и добрых людей. Главную причину этого я с готовностью ищу в испорченности человечества, которое больше радуется пышности и великолепию внешних форм и зрелищ, чем истинной преданности сердца, и презирает все, что не радует его глаз и слух. Но можно назвать и другие, дополнительные причины, которые, хотя и не предполагают злого умысла, все же явно выдают это неблагоразумие.

Во-первых, есть все основания полагать, что христианские епископы намеренно умножали священные обряды, чтобы сделать иудеев и язычников более дружелюбными по отношению к ним. Ведь оба эти сословия с младенчества были приучены к многочисленным и пышным обрядам и не сомневались, что они составляют неотъемлемую часть религии. Поэтому, когда они увидели, что новая религия лишена таких церемоний, они сочли ее

³³⁸ Ancient Church, period 2, sec. 2, chap. 5, paragraph 17

слишком простой, а потому презрели ее. Чтобы устранить это возражение, руководители христианских церквей сочли нужным сделать их общественное богослужение более формальным и пышным.

Во-вторых, простота поклонения, которое христиане возносили Божеству, давала повод для клеветы, которую поддерживали как иудеи, так и языческие жрецы. Христиан называли атеистами, потому что у них не было храмов, алтарей, жертв, жрецов и всей той пышности, в которой, по мнению людей, состоит суть религии. Ведь непросвещенные люди склонны оценивать религию по тому, что попадаетея им на глаза. Чтобы заглушить это обвинение, христианские служители решили, что они должны ввести некоторые внешние обряды, которые поражали бы чувства людей; таким образом, они могли бы утверждать, что у них действительно есть все те вещи, хотя и под разными формами, в недостатке которых христиане и обвинялись.

В-третьих, среди греков и жителей Востока не было ничего более священного, чем то, что называлось “мистериями”. Это обстоятельство, чтобы придать достоинство своей религии, заставило христиан говорить, что у них тоже есть подобные таинства или определенные священные обряды, скрытые от грубых людей. И они не только применяли используемые в языческих таинствах термины к христианским институтам, особенно к крещению и Вечере Господней, но и постепенно ввели обряды, обозначаемые этими терминами. Эта практика зародилась в восточных провинциях. Затем, после времен Адриана³³⁹ (который впервые ввел греческие мистерии среди латинян), она распространилась среди христиан Запада. Поэтому значительная часть христианских обрядов и учреждений даже в этом веке имела аспект языческих мистерий»³⁴⁰.

³³⁹ Публий Элий Траян Адриан, более известный как Адриан – римский император в 117–138 годах. Трибунскую власть получал 22 раза. Императором был провозглашён два раза: 11 августа 117 года, а второй раз в 135 году

³⁴⁰ Ecclesiastical History, book 1, cent. 2, part 2, chap. 4, sec. 1-5

Учитывая вышеприведенные свидетельства, мы считаем, что никого не нужно вводить в заблуждение любой практикой, которую он может обнаружить в церкви. Пусть сначала он внимательно и откровенно изучит Писание, чтобы понять, одобряет ли оно эту практику. Если нет, то, конечно, он не должен иметь с ней ничего общего. Если же он желает узнать, как эта практика стала одним из обычаев церкви, то приведенные нами цитаты просветят его. Любая церковная церемония, если она не соответствует Писанию, как выяснится, была перенята у язычников или же придумана епископами ранней церкви, чтобы привлечь внимание язычников. Заставив язычников поверить, что христианская религия мало чем отличается от язычества, епископы смогли получить множество «новообращенных». Для доказательства этого читателю достаточно просмотреть выдержки из трудов Отцов, которые были сделаны в предыдущих главах.

В примечании к цитируемым абзацам историк Мосхайм пишет: «не будет лишним привести здесь очень подходящий отрывок, который я случайно встретил в книге Григория Ниссена “Жизнь Григория Тауматурга³⁴¹”, в “Сочинениях Тауматурга”, опубликованных Воссиеусом, стр. 312, который приводит только латинский текст: “Когда Григорий увидел, что невежественный и простой народ упорствует в своем идолопоклонстве из-за чувственных удовольствий и наслаждений, которые оно доставляет, он позволил им, празднуя память святых мучеников, предаваться удовольствиям (т. е, поскольку сама вещь, и то, что предшествует ей, и то, что за ней следует, не подлежит никакому сомнению, он позволил им у гробниц мучеников в дни их праздников танцевать, заниматься спортом, предаваться веселью и делать все то, что привыкли делать в своих храмах в дни праздников поклоняющиеся идолам), надеясь, что со временем они сами собой перейдут к более правильному и более совершенному образу жизни”».

Внимательно прочтите вышесказанное. Историк Мосхайм говорит, что Григорий Тауматург, один из наиболее почитаемых

³⁴¹ Григорий Чудотворец (ок. 213, Неокесария – ок. 270–275, там же) – 1-й епископ Неокесарийский, богослов

Отцов Церкви, разрешал своему народу на праздниках в честь мучеников не только «танцевать, заниматься спортом, предаваться веселью», но и «делать все то, что идолопоклонники привыкли делать в своих храмах в дни праздников». Чтобы понять, что подразумевает это последнее выражение, достаточно прочитать следующее высказывание того же автора: «О молитвах языческих поклонников, независимо от того, рассматриваем ли мы их суть или способ выражения, невозможно говорить положительно. Они не только были лишены всего, что связано с духом подлинного благочестия, но иногда были составлены специально для того, чтобы получить благосклонность Небес к самым отвратительным и вопиющим начинаниям. На самом деле, большая часть их религиозных обрядов носила абсурдный и нелепый характер, а во многих случаях была сильно окрашена самым отвратительным варварством и непристойностью. Их праздники и другие торжественные дни были осквернены разнузданным потворством всем видам развратных излишеств³⁴²; по этим случаям им не возбранялось даже превращать священные обители своих богов в сцены мерзких и звериных удовлетворений»³⁴³.

«Абсурдные и нелепые» практики, «позорное варварство и непристойность», «разнузданное потворство всем видам развратных излишеств», «сцены мерзкого и звериного удовлетворения» – вот в чем один из самых известных Отцов церкви потакал своим прихожанам, чтобы они не испытывали желания сбросить свои «христианские узы» и вернуться к язычеству. Несомненно, это было совершением зла во имя добра. Но какой бы прозорливой ни была политика Григория, и мы легко можем поверить, что она была эффективной для удержания его «новообращенных», мы не можем отдать ему должное за глубокое знание человеческой природы, если он думал, что люди с помощью таких средств «со временем перейдут к более правильному и более совершенному образу жизни».

³⁴² Половая распущенность

³⁴³ Mosheim's Ecclesiastical Commentaries (introduction), chap. 1, sec. 2

Возможно, читатель получит еще более ясное представление о том, насколько ранняя церковь была языческой, прочитав следующие выдержки о «Римско-католических миссиях в Свободном государстве Конго», показывающие, как в семнадцатом веке иезуиты «обратили» туземцев: «Они ввели, насколько смогли, все обряды и церемонии Римской церкви. Месса совершалась с должной пышностью. Исповедальня была возведена почти в каждой деревне. Налагались покаяния всех степеней и видов. Дети и взрослые должны были читать молитвы на четках, и люди в своей массе вскоре научились совершать крестное знамение, и с большой готовностью они вошли в привычку носить распятия, ордена и реликвии. Однако были некоторые языческие обычаи, от которых Отцам-миссионерам было очень трудно заставить людей отказаться, и они никогда не добивались полного успеха, пока не заменили их другими, похожими по характеру, которые местные жители рассматривали как своего рода эквивалент тех, от которых им пришлось отказаться»³⁴⁴.

Затем автор рассказывает о некоторых суеверных обрядах, которые иезуиты заменили теми, которые раньше практиковали язычники, и продолжает: «Другим обычаем этой страны, на корень которого был положен топор, было охранять свои фруктовые деревья и участки с зерном с помощью фетишей³⁴⁵, которые, как предполагалось, обладали силой наказывать всех нарушителей. Эта практика была запрещена, но в то же время людям было рекомендовано “использовать освященные пальмовые ветви, а также на своих участках кукурузы то тут, то там возлагать крестное знамение”. При необходимости эти детали могли быть расширены

³⁴⁴ Статьи из «Bibliotheca Sacra», январь, 1852

³⁴⁵ Фетишизм – это преданность материальным объектам, которые называются фетишами. Фетишизм – это форма религиозных убеждений или практики, в которых определенные предметы считаются обладающими магическими или сверхъестественными способностями и защищающими владельца или людей от природных сил. Амулеты также считаются фетишами

почти до любого предела. Проницательный римский католик, возможно, увидит существенную разницу между этими языческими обычаями, которые были отменены, и теми, которые были поставлены на их место. Но мы сильно сомневаемся, что простодушные жители Конго когда-либо осознавали какие-либо существенные изменения в своем своде суеверных обрядов или получали какие-либо существенные преимущества от замены».

Того же курса придерживаются и сегодня римско-католические миссионеры в языческих странах. И это «очень правильно», ведь именно таким путем возникла Римско-католическая церковь. Очень сомнительно также, что многие простодушные люди в первые века осознавали какие-либо существенные изменения в своде суеверных обрядов или извлекали из этих изменений какую-либо существенную пользу. Принято говорить о «руинах язычества», на которых была построена «церковь», но строительство на этих руинах было гибелью христианства, насколько это касалось «церкви». Церковь, построенная на руинах, будет руинами с самого начала.

Языческие и Католические мистерии (таинства)

Мы уже приводили высказывание историка Мосхайма о том, что значительная часть христианских обрядов и установлений даже во втором веке имела аспект языческих мистерий. Теперь давайте прочтем еще кое-что о тех же мистериях. Это очень хорошо согласуется с тем, что было сказано о Григории Тауматурге. Мосхайм говорит: «В дополнение к публичному служению богам, на котором разрешалось присутствовать всем, египтяне, персы, греки, индийцы и некоторые другие народы прибегали к разновидности темного и заурадного поклонения под названием мистерий... Никто не допускался к созерцанию или участию в праздновании этих мистерий, кроме тех, кто утвердил себя достойным такого отличия своей верностью и упорством в практике долгого и сурового курса посвятительных форм... Во время празднования некоторых из них, совершенно очевидно, что многие

вещи были сделаны в высшей степени в противоречии с добротелью, скромностью и всем тонким чувствам... Несомненно, что люди всех стран испытывали глубочайшее почтение к тому, что называлось таинствами; и христиане, понимая это, способствовали тому, чтобы их религия во многих отношениях соответствовала этой части языческой модели, надеясь, что таким образом она сможет более легко получить благоприятное принятие у тех, кого они хотели и надеялись обратить»³⁴⁶.

В примечании к этой статье мы находим следующее: «Они, например, приняли, как и языческие народы, план разделения своих священных должностей на два класса: один публичный, в который свободно допускался каждый человек; другой тайный или таинственный, из которого исключались все непосвященные. К посвященным относились те, кто принял крещение; к непосвященным – катехумены³⁴⁷. Способ подготовительного экзамена также во многом напоминал посвящение, которое проходили языческие народы в свои мистериях. Одним словом, многие формы и церемонии, чтобы передать другие моменты христианского богослужения, были явно скопированы с этих священных обрядов язычества; и нам остается только сожалеть, что то, что было сделано с несомненно лучшими намерениями, в некоторых отношениях привело к дурному результату».

Мы просто удивляемся, как кто-то, прочитав подобные свидетельства, может спокойно следовать любой практике на том основании, что она была обычаем церкви на протяжении веков. Хорошо сказал Иеремия: «Ибо уставы народов – пустота»³⁴⁸. Утверждать, что какая-то практика должна быть правильной, потому что она взята из церковной традиции, так же логично, как утверждать, что некоторые продукты должны быть полезными, потому что они были вытасканы из сточной канавы. Правда, мы можем найти полезный продукт питания в грязи на улицах, но мы не

³⁴⁶ Ecclesiastical Commentaries (introduction), chap. 1, sec. 13

³⁴⁷ Оглашенные, катехумены в христианстве – люди, проходящие катехизацию, готовые принять таинство крещения и стать членом Церкви

³⁴⁸ Иер. 10:3

должны рассматривать факт того, что он был найден в таком месте, как доказательство того, что он хорош; так и традиция может принести нам некоторые вещи, которые хороши; но тот факт, что они пришли к нам по традиции, не должен рекомендовать их нам, а, наоборот, должен заставить нас относиться к ним с подозрением. Доктор Арчибальд Боуэр в своей «Истории пап» говорит: «Чтобы не быть обманутыми, мы должны относиться к традиции как к известной и заведомой лжи, которой мы не доверяем, если только то, что она говорит, не подтверждено нам каким-нибудь человеком, обладающим несомненной достоверностью. Если же это утверждается только ею [то есть традицией], мы можем лишь приостановить нашу веру, не отвергая ее как ложную, потому что ложь иногда может говорить правду; но мы не можем, опираясь на ее авторитет, признать ее истинной»³⁴⁹.

Поэтому всякий раз, когда мы находим «обычай», опирающийся на церковную традицию, «лицо, обладающее известной достоверностью», к которому мы обратимся, – это Библия, «к закону и откровению. Если они не говорят, как это слово, то нет в них света»³⁵⁰.

Доктор Карсон в своей великой работе о крещении говорит следующее: «Что касается религиозных доктрин и институтов, то нет никакой вероятности, что те из них, которые существовали в какое-либо время, действительно содержатся в Писании. Подавляющее большинство религиозных обрядов, используемых под христианским названием, являются простым изобретением людей; и ни один институт Господа Иисуса, как он записан в Новом Завете, не остался неизменным. И не будет несправедливостью подвергнуть каждый из них проверке, потому что, если они находятся в Писании, доказательство всегда будет доступным»³⁵¹.

Учитывая это, совершенно справедливо заключить, что, когда люди апеллируют к «обычаям церкви» в поддержку какой-либо практики, они осознают, что Библия не поддержит их позицию.

³⁴⁹ Vol. 1, p. 1

³⁵⁰ Ис. 8:20

³⁵¹ Page 6

Никто, кто может поддержать свое дело Писанием, никогда не будет апеллировать к Отцам или к традиции и обычаю.

Но у нас есть и другие прямые свидетельства об извращении христианских таинств. Мы видели, как один выдающийся отец позволил народу сохранять языческие обычаи в дни праздников. Уже во втором веке, менее чем через сто лет после смерти последнего апостола, христианская церковь начала принимать окраску язычества. А поскольку языческие «мистерии», сопровождавшиеся столькими приятными для плотского сердца событиями, должны были быть тем, от чего язычники с наименьшей охотой отказались бы, Отцы церкви в избытке своего извращенного рвения утверждали, что и у них также есть «мистерии», связанные с их религией. Мосхейм говорит об этом так: «Религия, таким образом, в обеих своих ветвях, как умозрительной, так и практической, приняла двойкий характер, один публичный или общий, другой частный или таинственный. Не прошло много времени, как подобное различие появилось и в христианской практике и форме божественного поклонения. Ибо, наблюдая, что в Египте, как и в других странах, язычники, помимо публичных религиозных церемоний, к которым допускались все без исключения, имели некоторые тайные и наиболее священные обряды, которым они давали название “мистерии”, и на праздновании которых не разрешалось присутствовать никому, кроме лиц самой высокой веры и благоразумия, сначала александрийские христиане, а за ними и другие были введены в заблуждение, что они не могут сделать ничего лучшего, чем заставить христианскую практику приспособиться к этой модели. Поэтому множество людей, исповедующих христианство, было разделено ими на “светских”, или тех, кто еще не был допущен к таинствам, и “посвященных”, или верных и совершенных. К первым относились “катехумены”, или те, кто действительно записался под христианское знамя, но так и не был на постоянной основе принят в общение с паствой Христовой через таинство крещения; а также те, кто за какой-то проступок или оскорбление был изгнан из общения с верующими. Последние, которых правильно называли

“церковью”, состояли из всех тех, кто был принят членом христианской общины через крещение и никогда не лишался своих привилегий, а также из тех, кто, понеся за какой-то проступок наказание в виде отлучения, после покаяния был вновь принят в лоно церкви. Кроме того, даже в этом веке, особенно в Египте и соседних провинциях, стало принято, чтобы лица, желающие быть членами одного из этих классов, предварительно подвергались исследованию и испытаниям, можно даже сказать, мучениям, в течение длительного времени, с различными церемониями, в большинстве своем почти аналогичными тем, которые соблюдались при подготовке людей к созерцанию языческих таинств. По тому же принципу божественное поклонение имело двоякую форму, одна из которых была общей и открытой для всего народа, а другая – особой и скрытой от всех, кроме верных или посвященных. К последним относились общие молитвы, крещение, агапы, или праздники любви, и Вечера Господня; и поскольку никому не разрешалось присутствовать на этих “таинствах”, как их называли, кроме тех, чье принятие в сообщество Церкви было совершенным и полным, также ожидалось, что, как вопрос долга, должна соблюдаться самая священная тайна в отношении всего, что связано с их празднованием, и ничто, относящееся к ним, не должно было доноситься до ушей светских. Из этого положения вещей вытекало, что не только многие термины и выражения, использовавшиеся в языческих мистериях, были перенесены и применены к различным частям христианского богослужения, особенно к таинствам крещения и Вечери Господней, но и в некоторых случаях священные обряды церкви были загрязнены введением различных языческих форм и церемоний»³⁵².

Комментарии к вышесказанному излишни, поэтому мы оставим их, чтобы привести высказывание доктора Киллена об извращении причастия: «В третьем веке суеверие уже признавало тайну в смешении [т. е. в чаше]. “Мы видим, – говорит Киприан, – что в воде представлен народ, а в вине – кровь Христа. Когда же в чаше

³⁵² Ecclesiastical Commentaries, cent. 2, sec. 36

вода смешивается с вином, народ соединяется со Христом, а множество верующих соединяется с Тем, в Кого они верят”. Хлеб вкладывал в рот причащающемуся не служитель, а дьякон; говорят, что для демонстрации единства церкви все брали одну буханку, достаточную для того, чтобы накормить всю общину. Вино подавалось отдельно и пилось из чаши или потира. Уже в третьем веке возникла идея, что евхаристия необходима для спасения, и, как следствие, ее стали давать младенцам. Теперь никому не разрешалось присутствовать на ее праздновании, кроме причащающихся; даже катехумены или кандидаты на крещение должны были удалиться до освящения элементов»³⁵³.

Римско-католическая месса была полностью разработана в течение чуть более ста лет после смерти апостолов. В некоторых вопросах, однако, мы должны признать, что древние были более последовательны, чем те, кто жил в более поздние времена. Так называемое крещение младенце в настоящее время практикуется большей частью христианства. Сейчас нет ничего более наглядного, чем то, что крещение – это дверь в Церковь. «Одним Духом все мы крестились в одно тело». Это признают и те, кто совершает над младенцами то, что они называют «крещением», ибо педобаптисты³⁵⁴ никогда не крестят тех, кто был окроплен в младенчестве. Но участие в праздновании Вечери Господней – это не только привилегия, но и обязанность каждого члена церкви. Поэтому, если крещение младенцев является правильным и нужным, то, конечно, столь же необходимым является и их причащение. Лишение любого члена церкви благословений причастия – это тяжкое зло. В этом отношении древние, безусловно, были последовательны в своих заблуждениях.

Извращение таинства Крещения

Только в более поздний период, чем тот, о котором мы сейчас пишем, кропление заменило крещение. В доказательство этого мы

³⁵³ Ancient Church, period 2, sec. 3, chap. 3, paragraph 5

³⁵⁴ От греч. pais ребенок и baptizein крестить – практика крещения детей, или детское крещение. Это практика католицизма, православия

приводим следующую цитату из «Циклопедии Макклинтока и Стронга», касающуюся Новациана³⁵⁵, жившего в середине третьего века: «Было совершенно неправильно и противоречило церковным правилам допускать к священническому служению человека, который был крещен в постели, то есть был просто окроплен, а не полностью погружен в воду по древнему методу. Ибо многие, особенно римские христиане, считали крещение в клиниках (так они называли тех, кто, чтобы не умереть вне церкви, крестился на больничной койке) менее совершенным, менее действительным и недостаточным для достижения спасения».

Таким образом, мы видим, что только в третьем веке крещение было заменено кроплением. Как оно в конце концов заняло место крещения, очень легко увидеть. Поскольку христиане считали, что если кто-то умрет без крещения, то не сможет попасть на небеса, они ввели «клиническое крещение», то есть окропление тех, кто был обращен в христианство, находясь на смертном одре, и не мог покинуть постель, чтобы быть погруженным в воду. Но вскоре пришла мысль, что если окропление было действительным крещением в одном случае, то оно должно быть действительным и во всех других случаях, и поэтому, будучи гораздо более простым в применении и принятии, оно вскоре полностью вытеснило истинное крещение.

Но хотя в период, о котором мы сейчас пишем (второй век), погружение все еще практиковалось, мы не должны полагать, что таинство крещения полностью избежало преобладающего разложения. Рассказывая о крещении, Бингхэм говорит: «И здесь мы встречаемся с практикой, немного более древней, но не менее суеверной, чем первая; это обычай, который начал преобладать среди некоторых слабовольных людей в Африке, давать крещение

³⁵⁵ Новациан – римский антипапа в 251–258 годах, богослов и писатель. Создал учение, названное новацианством, согласно которому Церковь есть общество святых, а все падшие и соделавшие смертные грехи после крещения должны быть извергаемы из неё и ни в каком случае не могут быть принимаемы обратно

мертвым. Третий Карфагенский собор [252 г. н.э.] говорит об этом как о том, чем немного увлекались невежественные христиане, и поэтому дает своевременное предостережение против этого, чтобы отбить охоту к такой практике»³⁵⁶.

Киллен приводит следующее дополнительное свидетельство того, как крещение было извращено и утратило свою первоначальную простоту: «Уже в третьем веке перед крещением кандидат подвергался процедуре изгнания нечистой силы с целью изгнания злых духов; а в некоторых местах, после окропления водой, когда ему давался поцелуй мира, ему давали смесь молока и меда. Затем его помазывали и изображали на лбу крестное знамение.

Крещение, совершаемое в апостольской простоте, является самым значительным таинством; но первоначальный обряд вскоре был почти скрыт за мусором человеческих изобретений. Молоко и мед, елей, перекрещивание, поцелуй мира и возложение рук – все это было сделано для того, чтобы сделать обряд более внушительным; и, чтобы еще больше усилить впечатление, его проводили уже в присутствии только тех, кто сам был посвящен. Но “не мудрость” Божья мудрее мудрости человеческой. Ничто не заслуживает большего осуждения, чем попытка усовершенствовать установления Христа. Крещение, утвержденное Божественным основателем нашей религии, является видимым проявлением Евангелия; но в том виде, в каком оно было известно в третьем веке, оно имело характер языческой мистерии. Оно было призвано укреплять веру, но теперь способствовало распространению суеверия. Как скоро золото потускнело, а самое чистое золото изменилось!»³⁵⁷

О другом суеверии, связанным с крещением, Бингем говорит следующее: «Сразу после елеосвящения священник приступал к освящению воды, или епископ, если он присутствовал, освящал ее, пока священники заканчивали елеосвящение. Так описывает это

³⁵⁶ Antiquities of the Christian Church, book 11, chap. 4

³⁵⁷ Ancient Church, period 2, sec. 3, chap. 2, paragraphs 10, 12

автор под именем Дионисий. Пока священники, говорит он, заканчивают освящение, епископ подходит к Матери усыновления, так он называет купель, и освящает воду в ней, трижды вливая в нее немного святого хризма, изображая крестное знамение. Об этом призыве или освящении воды молитвой упоминает Тертуллиан. Он говорит: “Воды становятся таинством освящения через призыв Бога”. Дух сразу же сходит с небес и, опираясь на них, освящает их Собой, а они, будучи освященными, впитывают силу освящения. И Киприан заявляет, что вода должна быть сначала очищена и освящена священником, чтобы иметь силу при крещении смывать грехи человека. И так весь Карфагенский собор во времена Киприана говорит: “Вода освящается молитвой священника, чтобы смыть грех”³⁵⁸.

Здесь снова присутствует «святая вода», которая играет столь важную роль во всех католических церемониях. Все эти церемонии, связанные с крещением, совершались для того, чтобы новообращенные язычники могли проникнуться мыслью, что новая религия имеет столько же пышности, сколько и старое язычество. Именно Тертуллиану, как мы уже изучали ранее (*ред.: глава XII*), католическая церковь обязана суеверием, что сила крещения заключена в воде и что вследствие этого она должна быть освящена.

В другом месте Бингем говорит о суевериях, связанных с крещением: «У некоторых древних ритуалистов, но не у всех, мы находим упоминание о помазании, предшествующем крещению и используемом в качестве подготовки к нему... Но писатели последующих веков ясно говорят о двух помазаниях, одном до, другом после крещения. Эти помазания они описывают разными именами и разными церемониями, чтобы отличить одно от другого... Доктор Кейв и некоторые другие ученые люди придерживаются мнения, что вместе с этим крещением на лбу частично крещеных совершалось крестное знамение... Чтобы точно понять этот вопрос, мы должны выделить, по крайней мере, четыре случая, когда крестное знамение использовалось во время подготовки или

³⁵⁸ Antiquities, book 11, chap. 10

завершения обрядов крещения. 1. При принятии катехуменов в состояние катехумената и общее название христиан. 2. Во время экзорцизма и наложения рук, когда они проходили через несколько стадий катехумената. 3. Во время елеосвящения перед крещением. 4. И, наконец, при крещении, которое обычно завершало крещение как взрослых, так и младенцев; и многие отрывки, в которых говорится о крестном знамении при крещении, явно относятся к этому, как к дополнению крещения, и тесно связаны с ним, как с последней церемонией и его завершением... Третье его применение – в помазании перед крещением. Ибо автор под именем Дионисий, описывая церемонию помазания причастника перед освящением воды, говорит: “Епископ начинает помазание, трижды осеняя его крестным знамением, и затем передает его священникам для помазания всего тела, в то время как сам идет и освящает воду в купели”»³⁵⁹.

То, что так поступали уже во втором веке, следует из цитаты Тертуллиана (*ред.: глава XII*).

Читатель может несколько удивиться, как кандидат на крещение может быть «помазан по всему телу»; но его удивление по этому поводу можно унять, а изумление по поводу деградирующего суеверия, в которое рано впали люди, можно усилить, прочитав, что Бингем говорит по этому поводу дальше: «Древние считали, что погружение или погребение под водой более живо представляет смерть, погребение и воскресение Христа, а также нашу собственную смерть для греха и воскресение для праведности. А раздевание или снятие одежды с крещаемого также представляет отложение тела греха, чтобы можно было облечься в нового человека, который создан в праведности и истинной святости. По этой причине они соблюдали способ крещения всех людей нагими и раздетыми путем полного погружения в воду, за исключением некоторых особых случаев большой необходимости, когда они допускали окропление, как в случае крещения в клинике, или когда не хватало воды»³⁶⁰.

³⁵⁹ Antiquities, book 11, chap. 9

³⁶⁰ Там же, chap. 11

Воистину здесь осуществлялись «мистерии», которые должны были вознаградить обращенного из язычества за все, что он оставил. Ибо тот, кто может сказать, что таинство крещения, совершаемое таким образом для всех слоев населения и втайне от всех, не повлечет за собой никаких скандальных практик, должен лишиться рассудка. Но Бингем в этой же связи продолжает излагать причину, по которой они крестили людей нагими: «Святой Златоуст, говоря о крещении, говорит: “Люди были так же наги, как Адам в раю, но со следующей разницей. Адам был наг, потому что согрешил, а в крещении человек обнажается, чтобы освободиться от греха. Один лишается славы, которую имел когда-то, а другой сбрасывает с себя ветхого человека, что он делает так же легко, как и одежду. Святой Амвросий говорит, что люди приходят в купель нагими, как и в мир. И затем он приводит аргумент, ссылаясь на богатых людей, говоря им, как нелепо, что человек, который родился нагим от матери и был принят нагим церковью, должен думать о том, чтобы попасть богатым на небеса. Кирилл Иерусалимский обращает внимание на это обстоятельство и его причины, когда обращается к новокрещенным: “Как только вы вошли во внутреннюю часть крещальни, вы сняли с себя одежды, что символизирует снятие ветхого человека с его делами. И, раздевшись, вы стояли нагими, подражая Христу, обнаженному на кресте, который Своей наготой погубил княжества и силы, публично победив их на кресте. О дивная вещь! Вы были наги перед людьми и не стыдились, в этом истинно подражая первому человеку Адаму, который был наг в раю и не стыдился...” А Зенон Веронский, напоминая людям об их крещении, советует им радоваться, ибо они спустились в купель нагими, а поднялись вновь одетыми в белую и небесную одежду, в которой, если они не осквернятся, смогут получить Царство Небесное. Афанасий в своих ругательствах на ариан, помимо прочего, ставит им в вину и то, что по их уговорам иудеи и язычники врываются в крещальню и там совершали над катехуменами, когда те стояли с обнаженными телами, такие надругательства, о которых стыдно и мерзко рассказывать. И на Константинопольском соборе при Меннасе на Петра, епископа Апамейского, была подана подобная

жалоба, что он изгонял неопитов, или новокрещеных, из крещальни, когда они были без одежды и обуви. Все это является явным доказательством того, что люди крестились нагими, либо подражая Адаму в раю или нашему Спасителю на кресте, либо в знак того, что они отложили тело греха и ветхого человека с его делами.

Бенджамин Франклин в своей «Автобиографии» рассказывает о том, как он нарушил свое решение не есть ничего, что имело жизнь, и вывод, который он делает, кажется здесь очень уместным. Он сказал: «Раньше я был большим любителем рыбы, и, когда она доставлялась из сковороды, она пахла восхитительно. Некоторое время я балансировал между принципом и склонностью, пока, вспомнив, что, когда рыбу вскрывали, я видел, как из ее желудка вынимали рыбу поменьше, я подумал: “Если вы едите друг друга, то не вижу причин, по которым мы не можем есть вас”. Так что я очень сытно поужинал треской и с тех пор продолжал питаться, как другие люди, лишь время от времени возвращаясь к растительной диете. Так удобно быть разумным существом, поскольку это позволяет находить или обосновывать все, что хочется».

Вывод Франклина очень верен. Когда люди выбирают определенный курс, у них никогда не бывает недостатка в «причинах» для этого. Эти ранние христиане решили как можно точнее скопировать языческие «мистерии», и, следовательно, они не были в затруднении, чтобы найти «священное» обоснование для своего курса. Но мы слышали не все свидетельства Бингема. Хотя он не обвиняет этих христиан в каких-то развратных действиях, он приводит свидетельства, которые, принимая во внимание человеческую природу, особенно ту, какой она была в то время, не оставляют места для догадок относительно последствий. Он продолжает: «И эта практика была тогда настолько общей, что мы не находим исключений ни в отношении к нежности младенцев, ни в отношении стыдливости женского пола, за исключением случаев, когда болезнь или немощ заставляли отступать от привычного обычая». Святой Златоуст – неоспоримое свидетельство в этом вопросе. Ибо, рассказывая о варварских действиях своих врагов против него в великую субботу, или субботу перед Пасхой, среди

прочих трагических событий, которые они совершили, он сообщает следующее: «Они пришли в церковь вооруженными и с насилием изгнали духовенство, убив многих в крещальне, причем женщины, которые в то время разделись, чтобы креститься, были приведены в такой ужас, что убежали нагими и были в таком испуге, что не могли надеть одежду, как того требовала скромность их пола»³⁶¹.

Мы не будем сейчас больше вызывать у читателя отвращение к этому. Мы не приводим эти сведения для того, чтобы доставить ему удовольствие, и не потому, что нам нравится разглагольствовать о слабостях других людей. Мы делаем это для того, чтобы показать, что то или иное явление не обязательно является правильным и верным лишь только потому, что оно практиковалось в церкви в очень ранний период. Довольно часто люди утверждают, что, хотя у нас нет прямых оснований для соблюдения воскресенья в Писании, оно должно быть правильным, потому что многие ранние христиане соблюдали его, и они, должно быть, переняли эту практику от апостолов. Но мы думаем, что никто не станет утверждать, что ранние христиане получили от апостолов обычай крестить людей нагими. Поэтому аргумент «церковного обычая» в пользу соблюдения воскресного дня разбивается о землю. Мы не верим, что все носящие имя христиан потворствовали таким постыдным извращениям священного таинства. То, что были те, кто придерживался Евангелия, переданного в простоте и чистоте нашим Спасителем, не подлежит сомнению. Но тот факт, что отвратительные и языческие вещи совершались под именем христианства, должен заставить нас безоговорочно отвергнуть все, что нас призывают принять на том лишь основании, что это практиковалось ранней церковью.

Здесь уместно добавить, что людей, из трудов которых мы привели цитаты, нельзя обвинить в предубеждении против ранней церкви, поскольку, несмотря на приводимые ими доказательства ее испорченности, они слепо следуют «обычаю» церкви во многих вопросах, особенно в вопросе соблюдения воскресного дня, и,

³⁶¹ Antiquities, book 11, chap. 11

похоже, воображают, что «обычай церкви» может освятить любое действие, к которому они склонны. «Так удобно быть разумным существом».

Крестное знамение и его начертание

В нашем кратком исследовании извращения таинства крещения мы часто встречали упоминание о «крестном знамении». Это суеверие, которое до сих пор сохраняется в католической церкви (*ред.: как и в православии*), не ограничивалось церковными церемониями и было связано почти с каждым жизненным актом. Историк Гиббон отмечает: «Во всех случаях опасности и бедствия первые христиане укрепляли свои умы и тела крестным знамением, которое они использовали как безошибочное средство против всех видов духовного или мирского зла во всех церковных обрядах, во всех повседневных событиях жизни»³⁶².

То, что это не предвзятое утверждение, следует из следующих слов историка Мосхайма, христианство которого никто не ставит под сомнение: «Они полагали, что крестное знамение обладает большой эффективностью против всех видов зла и особенно против козней злых духов, поэтому никто не предпринимал ничего важного, не перекрестившись»³⁶³.

Тертуллиан говорит, что так было принято в его время, и как он, так и Юстин Мученик учили, что крестное знамение имело большую силу и было абсолютно необходимым. Читатель помнит выдержку из Тертуллиана, в которой он утверждает, что израильтяне победили амаликитян не потому, что Моисей молился, а потому, что он показывал руками форму креста.

Для этого обычая, как и для всех других, конечно же, было нетрудно найти вескую «причину». Но мы обнаруживаем, что, как и все другие суеверия или отвратительные обычаи, которые были навязаны христианской церкви, этот обычай берет свое начало в язычестве. Доктор Киллен отмечает: «Любопытно, что фигура

³⁶² Decline and Fall, chap. 20, paragraph 13

³⁶³ Ecclesiastical History, book 1, cent. 3, part 2, chap. 4, sec. 5

орудия пытки, на котором был предан смерти наш Господь, занимала видное место среди символов древнего языческого культа. С самой отдаленной древности крест почитался в Египте и Сирии. Он был в равном почете у буддистов Востока; и, что еще более необычно, когда испанцы впервые посетили Америку, известный знак был найден среди предметов поклонения в храмах идолов Анауака. Примечательно и то, что примерно в начале нашей эры язычники во время празднования некоторых священных мистерий делали на лбу знак креста. Сейчас вряд ли можно ожидать удовлетворительного объяснения происхождению таких особенностей в ритуале идолопоклонства; но, конечно, не стоит удивляться, если на первых христиан они произвели впечатление, и если они рассматривали их как множество непреднамеренных свидетельств истинности своей религии. Ученики проявили недюжинную изобретательность, пытаясь обнаружить фигуру креста почти на каждом предмете вокруг. Они узнавали его в деревьях и цветах, в рыбах и птицах, в парусах корабля и строении человеческого тела. И если они заимствовали у своих языческих соседей обычай накладывать крест на лоб, то, конечно, были готовы утверждать, что таким образом они лишь искупили осквернение святого знака. Некоторые из них, возможно, были готовы, исходя из соображений благоразумия, выступить за его введение. Язычество в значительной степени было религией поклонов и преклонений. Его приверженцы то и дело соблюдали какой-нибудь маленький обряд или форму, и из-за множества этих незначительных актов внешней преданности его церемониал был одновременно легкомысленным и обременительным. Когда язычник переходил в церковь, он, несомненно, на какое-то время ощущал неловкость перемены и часто был вынужден повторять, как бы автоматически, жесты своего старого суеверия. Поэтому, возможно, было сочтено целесообразным заменить более неприятные формы чем-то христианским. И использование крестного знамения здесь, вероятно, представлялось как соблюдение в равной степени привычное и удобное. Но ученики поступили бы более мудро, если бы смело отбросили все пакости язычества, ведь легковерие вскоре начало

приписывать сверхъестественную силу этому пережитку отвергнутого культа. Уже в начале третьего века считалось, что он действует как талисман, и, соответственно, многие христиане использовали его почти во всех случаях»³⁶⁴.

То, что говорит доктор Киллен по этому поводу, оставляет очень мало места для комментариев. Конечно, необходимо понимать, что когда доктор Киллен говорит об «учениках», стремящихся найти знак креста во всем, что есть в природе, он имеет в виду не тех, кого в Новом Завете называют учениками, а исповедующих христианство более позднего времени.

Об использовании изображений в связи с крестным знаменем у историка Неандера сказано следующее: «Использование религиозных изображений среди христиан проистекало не из их церковной, а из бытовой жизни. В повседневной жизни христиане повсюду видели себя окруженными предметами языческой мифологии или такими вещами, которые потрясали их нравственные и христианские чувства. Подобные предметы украшали стены покоев, сосуды для питья, перстни (на которых язычники постоянно помещали идолопоклоннические изображения), к которым, когда им заблагорассудится, они могли обращать свое поклонение; и христиане, естественно, чувствовали себя обязанными заменить эти предметы, ранившие их нравственные и религиозные чувства, другими, более подходящими этим чувствам. Поэтому они с удовольствием помещали на свои чаши изображение пастуха, несущего на плечах ягненка, как символ Искупителя, спасающего грешников, которые возвращаются к Нему согласно евангельской притче. А Климент Александрийский говорит по поводу перстней христиан: “Пусть наши перстни состоят из голубя (эмблема Святого Духа); или рыбы, или корабля, плывущего к небу (эмблема христианской церкви или отдельных христианских душ); или лиры (эмблема христианской радости); или якоря (эмблема христианской надежды). А кто рыбак, пусть вспомнит апостола и детей, которых вытаскивают из воды. Ибо не должны гравировать идольские формы те люди, которым запрещено

³⁶⁴ Ancient Church, period 2, sec. 1, chap. 3, paragraph 5

ими пользоваться. Не могут гравировать меч и лук те, кто ищет мира. Друзья воздержания не могут гравировать чаши для питья”. И все же, возможно, религиозные изображения попали из домашней жизни в церкви уже в конце третьего века, а стены церквей были расписаны тем же способом... Вполне вероятно, что видимое изображение креста очень рано вошло в домашнюю и церковную жизнь. Этот знак был необычайно распространен среди христиан. Им освящали подъем и отход ко сну, выход и вход, все действия повседневной жизни. Это был знак, который христиане непроизвольно делали всякий раз, когда их удивляло что-либо страшное. Это был способ выразить с помощью осязаемых чувств чисто христианскую идею, что все действия христиан, как и весь ход их жизни, должны быть освящены верой в распятого Иисуса и зависимостью от Него, и что эта вера – самое мощное средство победить все зло и сохранить себя от него. Но и здесь люди были склонны путать идею и знак, который ее олицетворял, и связывали последствия веры в распятого Искупителя с внешним знаком, которому они приписывали сверхъестественную, освящающую и сохраняющую силу. Ошибка, следы которой мы находим уже в третьем веке»³⁶⁵.

И это самое раннее свидетельство того, что воскресный праздник стал почитаться все больше и больше. Поклонение изображениям и соблюдение воскресного праздника появились в церкви примерно в одно и то же время; но к изображениям относились с благоговением задолго до того, как воскресенье стало считаться священным днем.

С крестным знаменем как средством защиты от всякого зла тесно связано использование чар и гаданий. Этим также занимались очень многие ранние христиане. Упомянув о различных формах предсказаний у древних, Бингем говорит: «Древние римляне были сильно подвержены этим суевериям, так что у них были свои коллегии авгуров³⁶⁶, и они не воевали, не заключали войну или мир,

³⁶⁵ Rose's Neander, pp. 183, 184

³⁶⁶ Авгур – член почётной римской жреческой коллегии, выполнявший официальные государственные гадания для предсказания исхода тех или иных мероприятий по ряду природных признаков, поведению, полёту и крикам птиц. Понятие *augurium* обозначало мероприятие гадания

и не делали ничего важного, не посоветовавшись с ними. Писк крысы иногда служил поводом для роспуска сената или заставлял консула или диктатора сложить с себя полномочия, как начавшего с дурного предзнаменования. И хотя христианство исповедовалось как враг всех подобных суев, остатки этого суеверия сохранялись в сердцах многих после их обращения.

Но был один вид чародейства, которое у многих невежественных и суеверных христиан осталось от языческих заблуждений и которым они сильно увлекались. Это было использование чар, амулетов и заклинаний для лечения болезней или предотвращения опасностей и бед, которые могли приходиться к ним или вредить урожаю их земель. Ведь Константин в начале своего реформаторства разрешил язычникам некоторое время не только публично советоваться со своими авгурами, но и использовать чары для лечения телесных недугов, а также для того, чтобы бури с дождем и градом не повредили созревшие плоды, как следует из того самого закона, где он осуждает другой вид магии, направленный на причинение вреда, наказывая за это смертью. И, вероятно, из-за этой поправки, предоставленной язычникам, многие христиане, привнесшие в свою религию оттенок язычества, могли подумать, что в таких чарах и заклинаниях нет большого вреда, если они направлены только на добро, а не на зло»³⁶⁷.

Этот обычай преобладает в католической церкви и по сей день. Правда, Бингем относит его введение в церковь ко времени Константина. Но из того, что мы уже узнали о суеверном почитании креста, и из того, что мы еще узнаем о преданности реликвиям, для всех будет очевидно, что использование чар и гаданий вошло в церковь, как только язычники стали приходить в нее в очень большом количестве. Читатель заметит, что все извращения евангельских таинств и все дополнения, которые были сделаны к числу церемоний, имели целью привлечение язычников. В этом случае мы, естественно, ожидаем, что языческой философии будет оказано значительное почтение, что, как мы видим, и произошло.

Историк Мосхайм говорит: «Христианские учителя прекрасно понимали, какую существенную пользу для продвижения их дела не

³⁶⁷ Book 16, chap. 5

только в народе, но и среди людей высших сословий принесло бы принятие христианства философами, чей авторитет и оценка в мире были беспредельны. Поэтому для достижения этой желанной цели они не только сами принялись за изучение философии, но и стали громко рекомендовать ее другим, заявляя, что разница между христианством и философией ничтожна и состоит лишь в том, что первое имеет природу несколько более совершенную, чем вторая. И можно с уверенностью сказать, что такое поведение привело к желаемому результату, заставив немногих философов встать под христианское знамя. Те, кто ознакомился с различными работами, написанными теми из древних философов, которые были побуждены принять христианство, не могут не отметить, что христианская практика рассматривалась всеми ими не иначе как определенный способ философствования»³⁶⁸.

Об этом свидетельствуют труды Иустина Мученика, Климента, Тертуллиана и Оригена.

Профессор Дж. Х. Петтингелл пишет: «Христианская церковь рано после времени апостолов попала под влияние не только греческого языка, но и философии греков. Тенденция в этом направлении была очевидна еще во времена апостолов. Именно против этого влияния Павел так часто и убедительно предостерегал первых христиан: “Берегитесь, чтобы кто не испортил вас философиейю и суетным обольщением, по преданию человеческому, а не по Христу”. “Избегайте бессвязных и суетных разговоров и противных наук, ложно так называемых, которые некоторые исповедуют, заблуждаясь относительно веры”. “Боюсь, чтобы каким-либо образом, как змей прельстил Еву хитростью своею, так и ваши умы не совратились от простоты, которая во Христе”. ..Вскоре греческая философия стала господствующей и контролирующей. Их литературные и особенно богословские школы были греческими. Греческие философы стали их учителями и лидерами»³⁶⁹.

³⁶⁸ Ecclesiastical Commentaries, cent. 2, sec. 26, note 2

³⁶⁹ «Евангелие жизни в сирийском Новом Завете», стр. 9

Профессор Джордж Данбар в своем приложении к книге Поттера «Древности Греции» говорит о Платоне следующее: «Его мнения были охотно приняты многими первыми христианскими философами и помогли им сформировать те смелые и причудливые теории об устройстве будущего мира, которые повредили простоте и чистоте христианской веры».

Если читатель обратится к тому, что было написано о греческой философии и ее деморализующей тенденции, ее высшем представлении о благе – развращенной человеческой природе, он быстро придет к выводу, что в той мере, в какой изучение философии – «науки, ложно называемой так», – поощрялось в церкви, в такой же степени в церкви существовали бы языческие суеверия и безнравственность, даже если бы эти вещи не поощрялись никакими другими способами.

Одно из заблуждений, которое было привнесено в церковь как прямой результат изучения греческой философии, – это учение о чистилище и молитвы за умерших.

Учение о чистилище и молитвы за умерших

Киллен сказал: «Платоновская философия учила необходимости очищения после смерти, и модификация этой доктрины составляла часть, по крайней мере, некоторых систем гностицизма³⁷⁰. Ее проповедует Тертуллиан, великий защитник монтанизма; и мы видели, как, согласно Мани³⁷¹, отлетевшие души должны отправиться сначала на луну, а затем на солнце, чтобы таким образом пройти двойное очищение. И здесь догмат, первоначально провозглашенный еретиками, в конце концов стал

³⁷⁰ Гностицизм (от др.-греч. γνῶσις, «обладающий знанием») – собрание религиозных идей и систем, возникших в конце I века нашей эры среди иудейских и раннехристианских сект. Гностицизм – не только учение о вере в бытие Бога, но и о пути, посредством которого достигается непосредственное познание («гносис») Бога, или личное общение верующего с Ним

³⁷¹ Мани – духовный учитель, основатель манихейства, древнеперсидский художник и поэт

частью вероучения церкви. Манихеи, как и гностики, отвергли доктрину искупления, и по мере того как вера в совершенство очищающей силы крови Христа ослабевала, вера в чистилище становилась популярной»³⁷².

Разумеется, принятие философии Платона означало принятие языческой догмы о присутствии души бессмертия, а из нее закономерно вытекала доктрина чистилища. В трудах самих Отцов мы уже находим все эти ошибки и суеверия в явном виде (См. особенно Ерма и Тертуллиана).

Снова цитируем Бингема: «Далее после молитвы за царей следовала молитва за мертвых, то есть за всех, кто отпал от истинной веры во Христа..... Мы уже слышали, как Арнобий говорил, что они молились за живых и мертвых в целом. А задолго до него Тертуллиан говорит о пожертвованиях за умерших, о днях их рождения, то есть о дне их смерти или нового рождения к счастью, в их ежегодных памятниках. Он говорит, что каждая женщина молилась за душу своего умершего мужа, желая, чтобы он обрел покой и отдых в настоящее время и участие в первом воскресении, и ежегодно принося за него жертву в день его смерти. Подобным образом, говорит он, муж молился о душе своей жены и приносил за нее ежегодные жертвы... Кирилл Иерусалимский [A. D. 315-386], описывая молитву после освящения, говорит: “Мы приносим эту жертву в память всех уснувших прежде нас, первых патриархов, пророков, апостолов и мучеников, чтобы Бог по их молитвам и ходатайствам принял наши мольбы. Затем мы молимся за наших святых отцов и епископов, и всех, кто уснул до нас, полагая, что для их душ будет немалым преимуществом, если за них будут молиться, пока святая и великая жертва лежит на алтаре”»³⁷³.

Когда Павел предостерегал колоссян от порчи «философиейю и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу»³⁷⁴, он упоминал связанное с этим «само-

³⁷² Ancient Church, period 2, sec. 2, chap. 4, paragraph 1

³⁷³ Antiquities, book 15, chap. 3

³⁷⁴ Кол. 2:8

вольное смиренномудрие и служение Ангелов» (бесам под именем умерших людей), введенное людьми, «безрассудно надмевающихся» своим «плотским умом»³⁷⁵. Тот, кто задумывался над этим вопросом, знает, что языческая религия была спиритизмом, и поэтому, когда церковь стала языческой, она приняла форму спиритизма. Ведь чистилище, молитвы к мертвым и за них, а также поклонение мученикам – является ничем иным как спиритизмом. Эта доктрина сохраняется в католической церкви (*ред.: как и в православии*) и по сей день, но протестантские конфессии в целом от нее отказались. Почему этот древний догмат «церкви» должен быть отвергнут, в то время как другие, не менее древние и опирающиеся не на лучший авторитет, принимаются, мы не можем определить. Есть вещи, для которых даже «разумное существо» не может найти причину. Но из нижеследующего яствует, что в вопросе о чистилище часть, по крайней мере, древней церкви была даже более католической, чем сам католицизм: «Многие из древних верили, что будет испытательный огонь, через который все должны пройти в последний день, даже пророки и апостолы, и даже сама Дева Мария не исключение. Это утверждают не только Ориген, Ириней и Лактанций³⁷⁶, но и святой Амвросий³⁷⁷, который говорит после Оригена, что все должны пройти через пламя, хоть евангелист Иоанн, хоть Петр»³⁷⁸.

Снова обратившись к процитированному нами свидетельству о морали, привитой греческой философией, читатель обнаружит, что ложь считалась добродетелью и часто предпочиталась правде. Когда первые христиане приняли греческую философию, они не

³⁷⁵ Кол. 2:18

³⁷⁶ Луций Цецилий Фирмиан Лактанций – ритор из Африки, ученик Арнобия, принявший в 303 году христианскую веру. За образованность и красноречие Лактанций заслужил впоследствии от гуманистов эпохи Ренессанса почетное звание «христианского Цицерона»

³⁷⁷ Амвросий Медиоланский, или Аврелий Амвросий – миланский епископ, проповедник, богослов и поэт. Один из четырех великих латинских Учителей Церкви, он обратил в христианство и крестил Августина Аврелия

³⁷⁸ Bingham's Antiquities, book 15, chap. 3

сразу переняли языческую максиму о том, что «ложь лучше, чем обидная правда». Это подтверждается следующим свидетельством: «Кодекс языческой морали давал готовое оправдание лжи, и его покладистые принципы вскоре нашли слишком большое поощрение в лоне церкви. Отсюда и благочестивые мошенничества, которые теперь совершались. Появились различные труды с именем какого-то апостольского человека, и их составители таким образом надеялись придать значимость мнениям или практике, которые в противном случае могли бы встретить серьезное сопротивление. В то же время многие проявляли склонность дополнять молчание письменного слова с помощью традиции... В этот период неопределенность любого другого руководства, кроме вдохновенных записей, была неоднократно продемонстрирована. Ибо, хотя христиане были удалены на столь короткое расстояние от апостольских времен, традиции одной церкви иногда диаметрально противоречили традициям другой»³⁷⁹.

Здесь будет уместно процитировать уже приводившуюся выдержку из книги историка Мосхайма. Она заключается в следующем: «Некоторые из слабых братьев, стремясь всеми силами помочь Богу [в распространении христианской веры], иногда прибегали к таким нечестным приемам, которые ни при каких обстоятельствах не могли быть оправданы и были совершенно недостойны того священного дела, которое они, несомненно, должны были поддерживать. Так, например, понимая, каким огромным авторитетом пользовались у греков и римлян поэтические излияния древних пророчиц, называемых Сивиллами, некий христианин, а может быть, и объединение христиан, в царствование Антонина Пия составил восемь книг Сивиллиных стихов, состоящих из пророчеств о Христе и его Царстве. Известно, что в этом и последующих веках практиковалось множество других обманов подобного рода, которым обычай неправомерно присвоил название благочестивых мошенничеств. Авторы их, по всей вероятности, не имели злого умысла, но это все, что можно сказать

³⁷⁹ Killen's Ancient Church, period 2, sec. 2, chap. 5, параграф 7

в их пользу, так как их поведение в этом отношении было, конечно, крайне непродуманным и неоправданным. Хотя большая часть тех, кто участвовал в этих подлогах, несомненно, принадлежала к той или иной еретической секте, и особенно к тому классу, который присвоил себе помпезное название гностиков, я все же не могу взять на себя труд оправдать даже самых строгих ортодоксов в причастности к этому виду преступлений. Ибо из доказательств, превосходящих все исключения, следует, что пагубная сентенция, бытовавшая в школах не только египтян, платоников и пифагорейцев, но и иудеев, была очень рано признана христианами и вскоре нашла среди них многочисленных покровителей. По их мнению те, кто занимается обманом с целью продвижения дела истины, заслуживают скорее похвалы, чем порицания»³⁸⁰.

Он также говорит, что споры Отцов «имели своей целью скорее победу, чем истину». Если так поступали учителя церкви, то легко представить, что было преобладающим стандартом. И не забывайте, что это происходило менее чем через пятьдесят лет после смерти последнего апостола. Так быстро действовала «тайна беззакония». Теперь есть столько же причин следовать обычаю «ранней церкви» в вопросе «благочестивых» мошенничеств, сколько и в вопросе замены воскресенья на субботу. И то, и другое было нарушением Декалога, но «благочестивое» мошенничество имеет преимущество перед другим в плане древности, поскольку оно было распространено задолго до того, как воскресенье стало занимать место субботы. Люди должны быть последовательны. Если они собираются принять одну практику ранней церкви, они не должны отвергать другую, которая стоит на том же авторитете и является более древней.

Безнравственность в Церкви

Мы уже узнали, как некоторые, по крайней мере, епископы позволяли членам своей паствы подражать в своих праздниках всему распутству язычников. Теперь мы готовы поверить, что

³⁸⁰ Commentaries, cent. 2, sec. 7

разврату, который тогда захлестнул церковь, не было границ. Мы начинаем свидетельство со следующего мягкого изложения дела Килленом: «Среди двенадцати был предатель, и из Нового Завета видно, что в апостольской церкви было немало недостойных членов. “Ибо многие, – говорит Павел, – о которых я часто говорил вам, а теперь даже со слезами говорю, поступают как враги креста Христова. Их конец – погибель, их бог – чрево, и слава их – в сраме, они мыслят о земном”³⁸¹. Во втором и третьем веках число таких лжебратьев не уменьшалось. Для тех, кто не осознает его убедительной силы, христианство по внешним признакам может казаться откровением Божиим, и многие, кто не готов подчиниться его авторитету, могут стремиться получить доступ к его привилегиям. Поверхностный характер большей части нынешнего благовестия проявился во времена гонений. Ведь при первом же появлении опасности многие отрекались от Евангелия и возвращались к языческим суевериям. Кроме того, нельзя оспорить тот факт, что в третьем веке более ревностные поборники веры считали необходимым обличать светскость многих служителей церкви. До Декийского гонения [250 г. н.э.] немало епископов были просто мирскими людьми, и их рвение к зарабатыванию денег было настолько велико, что они оставляли свои приходы без внимания и отправлялись в отдаленные районы, где в определенное время года они могли заниматься прибыльным бизнесом. Если верить свидетельствам самых выдающихся церковных деятелей того времени, тогда совершались преступления, которым трудно найти параллели на самых мрачных страницах истории современного христианства. Главный пастор крупнейшей церкви в проконсульской Африке рассказывает, например, об одном из своих пресвитеров, который грабил сирот и обманывал вдов, позволил своему отцу умереть от голода и обращался с беременной женой с ужасающей жестокостью³⁸². Другой церковник, занимающий еще более высокое положение, рассказывает о трех епископах в своем

³⁸¹ Фил.3:18, 19

³⁸² Киприан, *Ad Cornelium, epis.* 49

районе, которые в состоянии алкогольного опьянения участвовали в торжественном обряде рукоположения. Подобные эксцессы были с негодованием осуждены всеми правоверными учениками, но тот факт, что те, кому они вменялись в вину, не были лишены приверженцев, служит ясным, но печальным доказательством того, что ни христианский народ, ни христианское служение даже в третьем веке не обладали незапятнанной репутацией»³⁸³.

Этому не стоит удивляться. Если считается правильным лгать, отстаивая «истину», то чего можно ожидать от людей в обычной жизни? Робинсон в своих «Церковных исследованиях»³⁸⁴ использует следующий язык в отношении этого епископа³⁸⁵ и церкви его времени: «Он с огромной болью видел невыносимую испорченность церкви. В течение нескольких лет христиан ласкал один император и преследовал другой. В периоды процветания многие люди врывались в церковь с низменными целями. Во времена бедствий они отрекались от веры и снова возвращались к идолопоклонству. Когда шквал стихал, они снова приходили в церковь со всеми своими пороками, чтобы своим примером развращать других. Епископы, любящие прозелитов, поощряли все это и переводили внимание христиан на тщеславные представления, на Пасху и другие иудейские обряды, смешавшиеся с язычеством».

Новациан умер около 255 года н.э. Таким образом, церковь достигла описанного здесь состояния менее чем через сто пятьдесят лет после смерти апостола Иоанна. Конечно, деградация была достаточно быстрой.

Бингем рассказывает: «Под именем папы Евтихия вышел декрет, согласно которому привычка к пьянству становится

³⁸³ Ancient Church, period 2, sec. 1, chap. 3, paragraph 2

³⁸⁴ Стр. 126, цитируемых в «McClintock and Strong's Cyclopaedia», art. «Novatian»

³⁸⁵ Новациан – римский антипапа (III век), богослов и писатель. Создал учение, названное новацианством, согласно которому Церковь есть общество святых, а все падшие и соделавшие смертные грехи после крещения должны быть извергаемы из неё и ни в каком случае не могут быть принимаемы обратно

причиной отлучения также и для мирянина, пока он не откажется от этого обычая путем реформации и исправления. Но надо признать, что этот порок иногда был настолько всеобщим и эпидемическим, что количество нарушителей делало строгость дисциплины невыполнимой. Святой Остин жалуется и сетует, что так было в Африке в его время. Хотя апостол осудил в одном месте три великих и отвратительных порока: буйство и пьянство, разврат и распутство, раздоры и зависть; однако дела у людей дошли до того, что два из них, пьянство и раздоры, считались терпимыми, а только распутство считалось достойным отлучения; и существовала некоторая опасность, что через некоторое время два других порока вообще перестанут считаться пороками. Ибо разгул и пьянство в представлении людей были настолько безобидными и допустимыми, что христиане не только ежедневно занимались ими в своих домах, но и на поминках святых мучеников в торжественные праздники, и это также к мнимой чести мучеников»³⁸⁶.

Прочитав слова Киприана (жившего в начале третьего века) о состоянии церкви, Бингем добавляет: «Он был вынужден терпеть этих своих коллег, которые были жадными, алчными, вымогателями, ростовщиками, дезертирами, мошенниками и жестокими людьми. Невозможно было с пользой применять церковное порицание, когда было такое множество священников и людей, готовых противостоять им и ввергнуть церковь в тысячу расколов, вместо того чтобы позволить обуздать или реформировать себя таким образом»³⁸⁷.

В другом месте он приводит следующую цитату, которая показывает не только развращенность церкви в третьем веке, но и то, как легко Писание могло быть извращено для решения чрезвычайных ситуаций: «Если епископ, пресвитер или диакон, – гласит один из апостольских канонов, – будет уличен в блуде, лжесвидетельстве или воровстве, он должен быть низложен, но не отлучен, ибо Писание говорит: “Ты не должен наказывать дважды

³⁸⁶ Antiquities of the Christian Church, book 16, chap. 11

³⁸⁷ Там же, chap. 3

за одно и то же преступление” (*ред.: мы не знаем где такое есть в Писании*). И подобное правило предписано в канонах Петра, епископа Александрийского, и в канонах святого Василия»³⁸⁸.

Если чего-то еще не хватало, чтобы показать, как быстро церковь в целом становилась языческой даже в третьем веке, то следующее высказывание доктора Киллена, безусловно, восполняет этот недостаток: «Тем временем введение ложного стандарта благочестия принесло много бед. Среди некоторых философов уже давно было принято считать, что телесное воздержание необходимо тем, кто хочет достичь более возвышенной мудрости; и языческая теология, особенно в Египте и на Востоке, одобряла этот принцип. Он не остался без сторонников и среди иудеев, что видно из практики ессеев и терапевтов. Уже в ранний период его влияние ощущалось в пределах церкви, и до конца второго века то тут, то там можно было встретить отдельных членов, которые воздерживались от определенных видов пищи и брака. Языческие литераторы, которые теперь в значительном количестве присоединились к ученикам, немало способствовали укреплению авторитета этого прелюбодейного христианства. Приверженцы этой идеи, которых называли аскетами и философами, не уходили из мира, но, придерживаясь собственного режима, не забывали о своих общественных обязанностях. Их самоистязание вскоре нашло поклонников, и постепенно утвердилось мнение, что эти воздержанные ученики культивируют высшую форму благочестия. Число приверженцев новой практики неуклонно росло, и к середине третьего века класс женщин, ведущих одинокую жизнь и называемых в качестве отличия девственницами, в некоторых местах особенно почитался другими членами церкви. Среди духовенства безбрачие также считалось признаком высшей святости. Однако в разных местах пиетизм³⁸⁹ в это время принял

³⁸⁸ Antiquities of the Christian Church, book 17, chap. 1

³⁸⁹ Пиетизм – изначально движение внутри лютеранской церкви, характеризующееся приданием особой значимости личному благочестию, религиозным переживаниям верующих, ощущению живого общения с Богом.

форму, которая вызывала отвращение у всех трезвомыслящих и здравомыслящих людей. Неженатые священнослужители и девственники считали правильным культивировать общение со святыми по новой моде, утверждая, что в обществе друг друга они получают особые преимущества для духовного совершенствования. Поэтому нередко можно было увидеть, как один церковник и одна из сестер-девственниц живут в одном доме и делят одну постель! Все это время стороны отвергали обвинения в каких-либо неподобающих связях, но в некоторых случаях доказательства распутства были слишком очевидны, чтобы их можно было скрыть, и здравый смысл отказывался верить притязаниям такого абсурдного и подозрительного спиритизма. Церковные власти сочли необходимым вмешаться и заставить называющих себя девственницами и холостыми священниками воздерживаться от близости, которая, несомненно, не была свободна от видимости зла»³⁹⁰.

Если читатель вернется к главе VI, то обнаружит, что «Пастырь Ерма», который считался вдохновенным произведением, был ответственен за эту мерзкую практику. Язычники-христиане первых столетий были склонны учиться у этого «плохого мастера нравов».

Порок – ближайший сосед фанатизма. Чрезмерное рвение к добродетели, которое заставляет людей презирать и отвергать то, что Господь установил и объявил почетным, с такой же уверенностью заканчивается безнравственностью, как и открытое презрение ко всем нравственным законам. Генри Чарльз Ли в своей «Истории инквизиции в Средние века» говорит, что практика противоестественных похотей «была распространенным пороком Средневековья, которому особенно подвержены были монашеские общины»³⁹¹, и он приводит следующую цитату из Николаса де Клемангиса, католического писателя XIV века и секретаря папы Бенедикта XIII³⁹²: «Что касается монахов, то они специально

³⁹⁰ Ancient Church, period 2, sec. 1, chap. 3, paragraph 3

³⁹¹ Том 3, с. 255

³⁹² Бенедикт XIII – Папа Римский с 29 мая 1724 года по 21 февраля 1730 года

избегают всего, к чему обязывают их обеты – целомудрия, бедности и послушания – и являются развратными и недисциплинированными бродягами. Мендиканты³⁹³, претендующие на то, чтобы возместить пренебрежение долгом со стороны светского духовенства, – фарисеи и волки в овечьей шкуре. С невероятным рвением и безграничным лукавством они повсюду ищут мирской выгоды. Они больше всех других людей предаются удовольствиям плоти, пируют и пьют, загрязняя все своими жгучими похотями. Что же касается монахинь, то скромность запрещает описывать женские монастыри, которые являются настоящими борделями; так что принять постриг равносильно тому, чтобы стать публичной проституткой»³⁹⁴.

И такое положение вещей существовало всегда в той же степени, в какой существовал аскетический фанатизм.

Доктора Шаффа, конечно, нельзя обвинить в отсутствии уважения к ранним традициям церкви, однако он делает следующее общее заявление относительно первых трех веков существования церкви: «Христианская жизнь до времен Константина, конечно, часто необоснованно идеализируется. В человеческой природе, по сути, той же самой, мы могли ожидать всевозможных недостатков и отклонений, которые мы находили даже в апостольских церквях. Послания Киприана служат неопровержимым доказательством того, что, особенно в периоды затишья, вскоре проявлялось ослабление рвения, а при возобновлении гонений имя христиан позорилось целыми сонмами отступников. И нередко самые выдающиеся добродетели, мужество в смерти и строгость нравов, вырождались в болезненный фанатизм и неестественную строгость»³⁹⁵.

Рост аскетизма можно проследить по трудам Отцов. Следующее высказывание историка Мосхайма, касающееся этого вопроса, дает краткий обзор всего, что мы отметили в истории церкви,

³⁹³ Нищенствующие ордена – католические монашеские ордена, члены которых дают обет бедности. Большая часть их образована в XIII веке

³⁹⁴ History of the Inquisition, vol. 3, pp. 630, 631

³⁹⁵ History of the Christian Church, vol. 1, sec. 87

и подготавливает почву для последней особенности, которую мы намереемся рассмотреть: «Те пустые вымыслы, которые уважение к платоновской философии и преобладающим мнениям того времени побуждало большинство теологов принимать их еще до времен Константина, теперь были различными способами подтверждены, расширены и приукрашены. Поэтому со всех сторон мы видим явные следы чрезмерного почитания усопших святых, очистительного огня для душ, разлученных с телом, безбрачия духовенства, поклонения образам и реликвиям и многих других мнений, которые с течением времени почти изгнали истинную религию или, по крайней мере, очень сильно затемнили и испортили ее.

Подлинное благочестие было вытеснено длинным рядом суеверных обрядов, которые возникли отчасти из неосмотрительно принятых мнений, отчасти из нелепой склонности принимать профанные обряды и сочетать их с христианским поклонением, а отчасти из естественной склонности человечества в целом к пышной и показной религии. Сначала были предприняты частые паломничества в Палестину и к гробницам мучеников, как будто оттуда люди могли вынести радикальные принципы святости и определенные надежды на спасение. Далее, из Палестины и из мест, почитаемых за святость, привозили частички пыли или земли, как будто они были самой мощной защитой от нападения злых духов. Их покупали и продавали повсюду по высоким ценам. Кроме того, публичные мольбы, которыми язычники привыкли умиротворять своих богов, были заимствованы у них и праздновались во многих местах с большой пышностью. Храмам, воде, освященной в надлежащей форме, и изображениям святых людей приписывалась та же сила и те же привилегии, что и языческим храмам, статуям и люстрациям до прихода Христа. Изображения, правда, были еще очень редки, а статуй не существовало. И как бы постыдно это ни выглядело, не подлежит сомнению, что поклонение мученикам – без всяких дурных намерений, но к большому ущербу для христианского дела – было постепенно приведено в соответствие с поклонением, которое язычники в прежние времена воздавали своим богам. Из этих примеров умный читатель сможет понять,

какой вред нанес христианству мир и покой, обеспеченный Константином, и неосторожное стремление склонить язычников к принятию этой религии.

Благочестие непросвещенного простого народа открыло широкую дверь для бесконечных мошенничеств людей, которые были достаточно низки и пользовались невежеством и ошибками других, изворотливо продвигая свои собственные интересы. Искусно распространялись слухи о чудесах, которые можно было увидеть в определенных зданиях и местах (этот трюк до этого времени практиковали языческие жрецы), и таким образом привлекались и обольщались люди, а глупость и невежество, которые позволяли смотреть на все новое и необычное как на чудо, часто жестоко прививались. Могилы святых и мучеников оказывались там, где их на самом деле не было. Список святых пополнялся вымышленными именами, и даже разбойники превращались в мучеников. Некоторые закапывали окровавленные кости в укромных местах, а потом выдавали, что им было сообщено во сне, что там покоится труп какого-то друга Божьего. Многие, особенно монахи, путешествовали по разным провинциям и не только бесстыдно торговали вымышленными реликвиями, но и обманывали народ сценами смехотворных схваток со злыми духами. Потребовался бы целый том, чтобы подробно описать различные наваждения, которые по большей части успешно практиковались хитрыми мошенниками, после того как подлинное благочестие и истинная религия были вынуждены в значительной степени уступить свое господство суеверию»³⁹⁶.

Пусть читатель не думает, что это было христианство, хотя оно и носило такое название. В обвинениях неверующих, которые они выдвигают против христианства из-за поведения отступнической церкви, нет никаких оснований. Все признают истинность поговорки о том, что «не все то золото, что блестит». Но в те времена, о которых мы пишем, не было даже блеска золота христианства. Вместо него была лишь мишура язычества. Однако не

³⁹⁶ Ecclesiastical History, book 2, cent. 4, part 2, chap. 3, sec. 1-3

следует думать, что в то время не было христиан. Истинные христиане были, но их история сейчас недоступна. Они были малоизвестны, так как принадлежали к тому классу, «которого мир не достоин», и поэтому их история сохранилась только в записях «Церкви Первенцев» на небесах.

Почитание мощей и мучеников

Последняя особенность, на которую мы хотим обратить внимание в процессе падения церкви, – это введение различных языческих праздничных дней. Но поскольку ни одно заблуждение никогда не стоит особняком, в связи с ним мы обязательно упомянем поклонение мученикам и мощам. Небезынтересно проследить ход развития заблуждения. Первые христиане приняли платоновскую философию. Это привело к возвеличиванию человеческого и соответствующему обесцениванию божественного. И как логическое следствие было принято языческое представление о естественном бессмертии души. Отсюда всего один шаг до учения о чистилище. Языческая философия обожествляла ушедших героев, и вполне естественно, что исповедующие эту философию христиане должны были в какой-то мере обожествлять тех, кто при жизни пользовался репутацией возвышенного благочестия. Единственное различие между языческим и христианским обожествлением людей заключалось в том, что язычники называли своих ушедших героев богами, а христиане, признающие только одного Бога, называли своих ушедших героев «святыми». Вместо того чтобы признать, что все праведники являются святыми, они наделили титулом святых лишь немногих из тех, кто, по их мнению, был спасен.

Это различие между «святыми» и обычными праведниками подготовило почву для поклонения «святым», подобно тому как язычники поклонялись своим полубогам. Ибо, рассуждали они, раз все добрые люди спасены, то, должно быть, «святые» были бы спасены, если бы и не были такими хорошими, какими они были; то есть они на самом деле были лучше, чем Господь хотел, чтобы они были, и, следовательно, они должны были накопить много добрых

дел, которые им не нужны и которые они могут передать людям во плоти. Таким образом, честь, принадлежащая только Христу, была отдана людям. Учение о сверхдолжных делах встречается у нескольких Отцов.

Но никто не думал, что «святые» могут накопить эту сокровищницу дополнительных добрых дел просто за счет обычной доброты. Скромный крестьянин, добросовестно исполняющий свои жизненные обязанности, не замечаемый никем, кроме Бога, чьего одобрения он жаждал, никогда не мог достичь звания «святого». Такой жизни едва ли хватило бы, чтобы попасть на Небеса. Тот, кто хотел стать «святым», должен был выдерживать долгие посты. Он был должен бичевать себя. Ему надлежало умерщвлять тело, чтобы очистить душу. Он был обязан совершать долгие паломничества и выполнять какую-то великую работу. «Пренебрежение телом» было неотъемлемой характеристикой католического «святого». Аскет, который вынужден был принять ванну, возможно, и попадет на небеса, но он терял все права на святость. Чем грязнее он был в своих привычках, тем больше возрастала его святость.

Сократ³⁹⁷, церковный историк, рассказывает об одном обстоятельстве, которое показывает не только характер так называемых «святых», но и бессмысленное суеверие их поклонников, а также то, насколько сильно было доверие к мощам. Рассказывая о Феодосии II³⁹⁸, он говорит «Его благочестие было таково, что он с благоговением относился ко всем, кто был посвящен служению Богу, и особенно почитал тех, кто, как он знал, был выдающимся за святость жизни. Епископ Хебронский умер в Константинополе,

³⁹⁷ Сократ Схоластик (ок. 380, Константинополь – после 439) – византийский христианский историк греческого происхождения, автор «*Ἐκκλησιαστικῆ Ἱστορίας*» – «Церковной Истории» в 7 книгах

³⁹⁸ Флавий Феодосий II (10 апреля 401 – 28 июля 450), также известный как Феодосий Младший или Феодосий Каллиграф – император Восточной Римской империи на протяжении 48 лет, с 402 года, когда он стал соправителем своего отца Аркадия. После его смерти в 408 году занял престол единолично. За красивый почерк получил прозвище «Каллиграф»

и император, как сообщается, выразил желание получить его рясу из волосяной ткани, которую, хотя она была чрезмерно грязной, он носил как плащ, надеясь таким образом стать в какой-то степени причастным святости покойного»³⁹⁹.

Независимо от того, причастился ли император святости святого или нет, можно не сомневаться, что, надев рясу, он приобрел, по крайней мере, «запах святости». Это обстоятельство, приводимое историком как свидетельство высшего благочестия императора, показывает, что в пятом веке (когда процветал Сократ) суеверие вполне справедливо заняло место религии в церкви. Но задолго до этого времени поклонение мученикам нашло свое место в церкви, о чем свидетельствуют следующие выдержки: «Мы не можем, однако, отрицать, что во времена Киприана [около 250 г. н.э.] и даже раньше проявились семена преувеличенного почитания мучеников, что имело последствия, пагубные для чистоты христианства»⁴⁰⁰.

Доктор Шафф говорит: «День смерти мученика назывался его небесным днем рождения и ежегодно отмечался на его могиле (чаще всего в пещере или в катакомбах) молитвой, чтением истории его страданий и победы, подношениями и совершением Святой Вечери.

Но ранняя церковь на этом не остановилась. После конца второго века мученичество стало восприниматься не только как высшая степень христианской добродетели, но и как крещение огнем и кровью, достойная замена водному крещению, очищающая от греха и обеспечивающая вход на Небеса.

Почитание, проявленное таким образом к личностям мучеников, было перенесено в меньшей степени на их останки. Церковь Смирны считала кости Поликарпа более ценными, чем золото или бриллианты. Останки Игнатия были столь же почитаемы христианами Антиохии. Друзья Киприана собрали его кровь в платки и построили часовню над его могилой»⁴⁰¹.

³⁹⁹ Ecclesiastical History, book 7, chap. 22

⁴⁰⁰ Neander's Church History (Rose's translation) p. 214

⁴⁰¹ History of the Christian Church, sec. 59

Церковный историк Гизелер⁴⁰² пишет о новых объектах поклонения в четвертом веке: «Мученичество, представляющее столь сильный контраст с легкомыслием нынешнего времени, было тем более высоко почитаемо, чем более оно было отдалено. Обращенные язычники вполне естественно переносили на мучеников те почести, которые они привыкли воздавать своим героям. Это происходило тем охотнее, что после победы над язычеством в церкви угасло скрупулезное отвращение к чрезмерному почитанию творения, а деспотическая форма правления приучила к рабскому уважению сильных мира сего. Так, старый обычай проводить собрания для общественного поклонения на могилах мучеников теперь дал повод возводить над ними алтари и церкви. В Египте христиане, следуя старому народному обычаю, стали хранить трупы людей, причисленных к лику святых, в своих домах. И хотя идея общения с мучениками все больше ассоциировалась с присутствием их бранных останков, последние извлекались из могил и помещались в церквях, особенно под алтарями. Таким образом, уважение к мученикам получило чувственный источник, на котором можно было сосредоточиться, и стало, как следствие, более экстравагантным и суеверным. К старому представлению о действительности заступничества мучеников добавилась вера в то, что им можно напрямую передавать свои желания. Это мнение отчасти основывалось на популярном представлении о том, что души усопших все еще витают вокруг тел, в которых они когда-то обитали. Все это в какой-то мере основывалось на высоких представлениях о прославленном состоянии мучеников, которые пребывают только с Господом. Как Ориген первым заложил основу этого нового вида уважения к мученикам, так и оригенисты были первыми, кто обращался к ним в своих проповедях, как если бы они присутствовали, и просил их

⁴⁰² Иоганн Карл Людвиг Гизелер (3 марта 1792, Петерсхаген, Северный Рейн-Вестфалия – 8 июля 1854, Гёттинген, Королевство Ганновер) – германский протестантский богослов и церковный историк, преподаватель, духовный и научный писатель

заступничества. Но, хотя ораторы были несколько экстравагантны в этом отношении, поэты, которые вскоре после этого взялись за ту же тему, не нашли красок, которые можно считать слишком яркими, чтобы описать силу и славу мучеников. Даже мощи вскоре начали творить чудеса и становиться ценными предметами торговли, подобно старым языческим орудиям магии.

Мученики, прежде неизвестные, также объявляли о себе в видениях. Другие открывали места, где были погребены их тела. До пятого века молитвы возносились даже за умерших святых, но в то время эта практика была прекращена как неподобающая. Правда, более просвещенные Отцы церкви настаивали на практическом подражании святым в вопросах нравственности как на самом важном в новом поклонении святым; не обошлось и без увещеваний обращаться с молитвой непосредственно к Богу. Но все же люди придавали огромное значение заступничеству святых, чья действенность так высоко ценилась. Многие языческие обычаи были объединены с поклонением святым. Церкви, под алтарями которых покоились их тела, были посвящены поклонению этим людям. Как раньше в качестве покровителей выбирали богов и героев, так теперь выбирали святых-покровителей»⁴⁰³.

По этому же поводу Мосхейм заявляет: «И мученики, и исповедники рассматривались как исполненные Святого Духа и действующие под непосредственным божественным вдохновением... Каковы бы ни были грехи и преступления мучеников, считалось, что все они были искуплены и смыты их собственной кровью, а не кровью Христа. Восстановленные таким образом в состоянии абсолютной чистоты и невинности, они, как считалось, были взяты прямо на небеса и допущены к участию в божественных советах и управлении. Они сидели как судьи у Бога, наслаждаясь высшими знаками Его благосклонности и обладая достаточным влиянием, чтобы получить от Него все, что они могли сделать объектом своих молитв... Те, кто получил титул исповедников, содержались за государственный счет, и к ним во всех случаях

⁴⁰³ Ecclesiastical History, period 2, division 1, chap. 5, sec. 99

относились с величайшим почтением. Интересы и заботы различных религиозных собраний, к которым они принадлежали, по большей части передавались под их опеку и управление настолько, что их можно было почти назвать душами соответствующих церквей. Всякий раз, когда должность епископа или пресвитера становилась вакантной, их призывали на нее по праву, в предпочтение всем остальным, хотя могли быть и другие, превосходящие их по талантам и способностям. Из чрезвычайно высокого мнения о святости и возвышенном характере мучеников в конце концов возникло представление о том, что их мощи обладают божественной добродетелью, способной противостоять или устранять любые недуги, которым подвержены наши души или тела. Из того же источника возникла практика обращения к ним за помощью и заступничеством в случаях сомнений или бедствий, а также возведение статуй в их память и воздаяние этим изображениям божественного поклонения. В общем, это почитание мучеников дошло до такой степени порочной чрезмерности, что христиане в конце концов стали проявлять свое почитание этих поборников веры почестями, почти аналогичными тем, которые язычники издревле привыкли воздавать своим полубогам и героям»⁴⁰⁴.

Есть еще одно обвинение, которое мы должны выдвинуть против ранней церкви, и мы представим его, повторив цитату из предисловия к книге Киллена «Древняя церковь». «В промежутке между днями апостолов и обращением Константина христианское сообщество изменило свой облик. Епископ Рима – личность, неизвестная авторам Нового Завета, – за это время занял видное место и в конце концов стал главенствовать над всеми остальными церковниками. Обряды и церемонии, о которых ни Павел, ни Петр никогда не слышали, незаметно вошли в обиход, а затем стали претендовать на звание божественных установлений».

Воскресенье и Рождество

Уже было отмечено немало обычаев, которые «тихо прокрались в обиход и затем претендовали на звание божественных

⁴⁰⁴ Ecclesiastical Commentaries, cent. 1, sec. 32, note 2

установлений», и есть еще другие. Но один из них, который закрепился прочнее всего и чьи ложные притязания на звание божественного установления наиболее общеприняты, – это воскресенье. В ходе нашего исследования мы воспользуемся лучшими доказательствами, которые может предложить история в его пользу, и поэтому начнем со следующего часто цитируемого свидетельства историка Мосхайма: «Христиане этого века [первого] собирались для поклонения Богу и для продвижения в благочестии в первый день недели, в день, когда Христос вновь обрел свою жизнь. О том, что этот день был выделен для религиозного поклонения самими апостолами и что по примеру Иерусалимской церкви он обычно соблюдался, мы имеем неоспоримое свидетельство»⁴⁰⁵.

Несомненно, тысячи людей успокоили свои сомнения в правильности соблюдения воскресного дня этим кратким заявлением историка Мосхайма; и многие сочтут самонадеянным относить воскресенье к числу институтов, введенных без Божественной власти. Но исследование его утверждений не принесет нам вреда. Мы обнаружим, что когда Мосхайм писал только что процитированные слова, он писал как церковный деятель, а не как историк. Когда он пишет о чисто исторических вопросах, мы, как и все протестанты, принимаем его свидетельства как достоверные. Он черпал свои сведения из источников, доступных сравнительно немногим, и мы принимаем его как верного расшифровщика того, что он нашел. Но когда он говорит о воскресном дне, что он был выделен для религиозного поклонения «самими апостолами», он оказывается на той почве, где даже не ученые люди могут смело его оспорить. Новый Завет – единственный источник информации о том, что делали апостолы, и в нем нет ни слова о выделении воскресенья апостолами или кем-либо еще.

Если бы это было правдой, как говорит Мосхайм, что соблюдение воскресенья санкционировано Божественной властью,

⁴⁰⁵ Ecclesiastical History, book 1, cent. 1, part 2, chap. 4, sec. 4

то ребенок четырнадцати лет мог бы прочитать эти свидетельства из Нового Завета так же легко, как и доктор богословия. И в этом случае соблюдающие воскресенье без колебаний ссылались бы на Писание, чтобы получить авторитет для своей практики. В таком случае мы не нашли бы свидетельств, подобных следующим: «Некоторые возводят соблюдение субботы [воскресенья] прямо к четвертой заповеди, в которой содержится четкое предписание соблюдать субботу, и никакой другой день, как “святой день Господу”. Поэтому некоторые пытаются построить соблюдение воскресенья на апостольском повелении, в то время как апостолы вообще не давали никаких указаний по этому вопросу... Истина заключается в том, что как только мы обращаемся к “*litera scripta*” [открытому тексту] Библии, у соблюдающих субботу появляется больше аргументов»⁴⁰⁶.

В том же духе выдержана статья доктора Чарльза С. Робинсона в «*Sunday School Times*» от 14 января 1882 года: «Неразумно основывать весь аргумент о субботе [воскресенье] на четвертой заповеди Декалога... Мы окажемся в недоумении, если попытаемся опереться на простое юридическое постановление. Наша безопасность в таких дискуссиях заключается в том, что мы обращаем внимание на милостивый и благосклонный характер Божественного установления».

Иными словами, нет никаких следов Божественного повеления о соблюдении воскресенья, и поэтому, когда люди просят что-то определенное, что-то, на что они могут положиться, их разум должен быть отвлечен приятной фикцией, чтобы они не узнали правду. Не есть ли в этом что-то сродни «благочестивому» мошенничеству?

И, наконец, мы снова приводим цитату: «Мы меньше, чем раньше, слышим об апостольском происхождении нынешнего соблюдения воскресенья, и по той причине, что, хотя суббота и субботний покой вплетены в основу Писания, теперь видно, как и признается, для установления соблюдения воскресенья мы

⁴⁰⁶ Christian at Work, April 19, 1883

должны обратиться к более поздним временам, чем апостольские»⁴⁰⁷.

Тот факт, что спустя почти полтора столетия после того, как Мосхайм написал свою историю, редакторы религиозных журналов, посвященных воскресенью и субботе, вынуждены делать такие признания, как только что процитированные нами, должен быть принят как доказательство того, что Библия не дает никаких оснований для соблюдения воскресенья. Мы не стремимся показать, что воскресенье не соблюдалось в той или иной степени в самом начале христианской эры. Мы готовы поставить его в один ряд с «благочестивыми» мошенничествами, чистилищем, поклонением мощам и «святым» и т. д.; наша единственная мысль заключается в том, что, как и только что упомянутые вещи, оно не имеет Божественной санкции. Когда однажды признано, что назначение воскресенья субботой опирается исключительно на авторитет «церкви» (а на этом все споры о воскресеньях заканчиваются), перед человеком соблюдающим субботу стоит простая задача – показать, насколько ценен «обычай церкви». На основании уже приведенных свидетельств такому человеку будет нетрудно показать, что этот «обычай церкви» ничего не стоит. Свидетельства, которые еще предстоит привести, сделают это еще более очевидным.

Теперь, когда мы доказали сторонникам соблюдения воскресного дня, что эта практика не находит поддержки ни в наставлениях, ни в практике апостолов, но что «для установления соблюдения воскресенья мы должны обратиться к более поздним временам, чем апостольские», мы можем считать себя оправданными, причисляя воскресенье к тем институтам, которые «тихо вкрались в обиход». Свидетельство преподобного доктора Скотта, выдающегося комментатора, похоже, предназначалось специально для того, чтобы подтвердить этот тезис. Он сказал: «Изменение с седьмого дня на первый, по-видимому, вводилось постепенно и тихо, скорее примером, чем явным предписанием»⁴⁰⁸.

⁴⁰⁷ Christian at Work, 1884

⁴⁰⁸ Comment on Acts 20:7

Также полезно иметь в виду следующую статью из журнала *Christian at Work* от 8 января 1885 года: «Мы полагаем, что выделение воскресенья [в качестве священного дня] обусловлено тем, что церковь “установила его своей собственной властью”. Отдых в седьмой день был заповедан в четвертой заповеди... Выбор воскресенья, таким образом изменив конкретный день, обозначенный в четвертой заповеди, произошел благодаря постепенному согласию раннехристианской церкви, и на этом основании, и ни на каком другом, христианская суббота как первый день недели по праву покоится».

Выделение воскресенья церковью «по собственной власти» заключалось в том, что она «постепенно и безмолвно» впала в языческий обычай. Но почему этот обычай должен сохраняться, в то время как другие, основанные на том же авторитете, отвергаются, – это одна из тех вещей, для которых невозможно найти даже оправдание.

Хотя высказывание Мосхайма о соблюдении воскресенья очень широко цитируется, в непосредственной связи с ним есть кое-что, что мы никогда не видели, чтобы цитировалось писателями, защищающими первый день (*ред.: воскресенье*). Это следующее: «Более того, те общины, которые либо жили вперемешку с евреями, либо состояли в значительной степени из евреев, привыкли также соблюдать седьмой день недели как священный день, за что другие христиане не вменяли им ничего плохого. Что касается ежегодных религиозных дней, то они, по-видимому, соблюдали два: один – в память о воскресении Христа, другой – в память о сошествии Святого Духа на апостолов. К ним можно добавить дни, в которые святые мужи встречали смерть за Христа. Эти дни, по всей вероятности, были священными и торжественными с самого начала христианской церкви»⁴⁰⁹.

Эта цитата взята из того же раздела, что и другая, и следует сразу за ней. Здесь мы видим, что дни памяти мучеников имеют для нас такое же право на существование, как и воскресенье, поскольку

⁴⁰⁹ Ecclesiastical History, book 1, cent. 1, part 2, chap 4, sec. 4

они занимают равное место в обычаях Церкви. Но то, что они имели апостольское происхождение, думаем, мало кто допустит. В примечании 4 к приведенной выше цитате из Мосхайма говорится: «Возможно, также (Страстная пятница), пятница, в которую умер наш Спаситель, с древнейших времен считалась более уважаемой, чем другие дни недели».

Как сказано в «Наставлениях католическому христианину», «воскресные и святые дни стоят на одном фундаменте, а именно на авторитете церкви».

В согласии со словами Мосхайма о том, что седьмой день недели также отмечался как священный, Бингем говорит «Суббота, или шаббат, в каждую неделю отмечалась как религиозный праздник во многих церквях. И поэтому в этот день также обычно принимали причастие... Я уже приводил несколько свидетельств этих авторов по другому поводу, и поэтому здесь достаточно сделать краткую ссылку на них. Из всего этого неопровержимо следует, что во многих церквях они причащались четыре раза в неделю, по средам, пятницам, субботам и воскресеньям, помимо случайных праздников, которые были очень частыми, ибо, как говорит нам Златоуст, в году почти не было недели, чтобы они не отмечали одну или две памяти мучеников»⁴¹⁰.

О седьмом дне недели он снова говорит следующее: «Рядом с днем Господним древние христиане очень тщательно соблюдали субботу, или седьмой день, который был древней еврейской субботой. Одни соблюдали ее как пост, другие – как праздник; но все единодушно соглашались в том, что она является более торжественным днем религиозного поклонения и богослужения.

Другие авторы более подробно описывают религиозную службу этого дня. Что касается общественного богослужения, то оно во всем соответствует богослужению дня Господня, что еще раз свидетельствует о том, что это праздник»⁴¹¹.

Мы приводим это свидетельство о субботе в ранней церкви не для того, чтобы таким образом укрепить аргументы в пользу

⁴¹⁰ Antiquities, book 15, chap. 9

⁴¹¹ Там же, book 20, chap. 3

субботы. Библия, и только Библия, – вот весь авторитет, необходимый для соблюдения седьмого дня. Если бы весь мир соблюдал этот день, этот день не стал бы ни на йоту более священным, и если бы человечество повсеместно нарушало его, его святость была бы столь же велика, как и тогда, когда в Эдеме Господь благословил и освятил его. Но доказательство в отношении воскресенья будет неполным, если мы не упомянем о субботе. Как сказал доктор Скотт, соблюдение воскресенья пришло «постепенно и тихо», и это указывает на то, что суббота была так же постепенно и тихо лишена церковью своей законной чести. Только после того, как Константин сделал воскресенье законным праздником (321 г. н.э.), а Лаодикийский собор (343-381 гг. н.э.) запретил христианам соблюдать «иудейскую субботу», можно сказать, что воскресенье по праву заняло место, которое суббота ранее занимала в церкви. Но даже на этом соборе верность воскресенью не пошла дальше постановления о том, что христиане «должны, по возможности, не делать никакой работы в этот день»⁴¹². Однако никогда не было времени, когда бы не было христиан, соблюдающих субботу Господню, но они, конечно же, после вышеупомянутого собора, рассматривались «церковью» как еретики.

Чтобы некоторые не испытывали особого восторга от того факта, что во время Лаодикийского собора церковь в целом соблюдала воскресенье, не лишним будет заметить, что двадцать девятый канон, правило собора, запрещал соблюдать субботу, а тридцатый канон запрещал мужчинам-христианам, особенно духовенству, смешанные купания с женщинами! Несомненно, такой запрет был необходим, иначе собор не стал бы его вводить; но тот факт, что воскресенье, как правило, соблюдалось в церкви, где такой запрет был необходим, вряд ли повысит ее престиж.

Что касается общественного богослужения, то историк Мосхайм, пишущий о третьем веке, заявляет: «Все памятники этого века, дошедшие до нас, свидетельствуют о большом увеличении

⁴¹² См. Hefele's History of the Church Councils, vol. 2, p. 316; также McClintock and Strong's Cyclopaedia, art. Sunday

количества церемоний. К вышеупомянутым причинам можно добавить увлечение платоновской философией или, скорее, популярным суеверием восточных народов о демонах, которое было перенято платониками, а от них – христианскими врачами. Ибо из этих мнений о природе и склонностях злых духов, очевидно, возникли многие из этих обрядов.

То, что христиане в большинстве провинций имели определенные здания, в которых они собирались для религиозного поклонения, не станет отрицать ни один честный и беспристрастный человек. Я также не стану решительно возражать тем, кто считает, что эти здания часто украшались изображениями и другими украшениями. Что касается форм общественного богослужения и времени, отведенного для него, то здесь нет необходимости говорить об этом особо, поскольку в этом столетии было внесено мало изменений. Однако две вещи заслуживают внимания. Во-первых, изменились публичные выступления перед народом. Ибо, не говоря уже об Оригене, который, насколько нам известно, был первым, кто произносил длинные публичные речи и в своих выступлениях излагал священную книгу, были некоторые епископы, которые, получив образование в школах риториков, строили свои обращения и увещевания по правилам греческого красноречия, и их пример встречал самое горячее одобрение. Во-вторых, использование фимиама было введено, по крайней мере, во многих церквях. Очень ученые люди отрицают этот факт, но они делают это перед лицом свидетельств, которые совершенно не вызывают сомнений»⁴¹³.

В примечании к вышесказанному фон Эйнем отмечает: «Регулярным временем для общественного богослужения были все воскресенья, Страстная пятница, Пасха и Троица. Также отмечались годовщины местных мученических жертв».

Шлегель, в другом примечании к вышеупомянутому, говорит: «Христиане изначально отвергали использование ладана в общественном богослужении как часть поклонения идолам. Однако они

⁴¹³ Ecclesiastical History, book 1, cent. 3, part 2, chap. 4, sec. 1, 2

разрешали использовать его на похоронах, чтобы избежать неприятного запаха. Затем его стали использовать при посвящении судей и епископов, а также в общественном богослужении, чтобы смягчить плохой воздух многолюдных собраний в жарких странах, и в конце концов эта практика превратилась в суеверный обряд».

Если после всего, что было сказано об обычаях ранней церкви, читатель считает, что авторитет церкви является достаточным основанием для того, чтобы продолжать соблюдать воскресенье, остается еще один «святой день», который он ни в коем случае не должен игнорировать, и это – Рождество.

О происхождении Рождества в «Циклопедии Макклинтока и Стронга» сказано следующее: «Празднование Рождества не имеет ни божественного назначения, ни новозаветного происхождения. День рождения Христа не может быть установлен из Нового Завета, да и вообще из любого другого источника. Отцы первых трех веков не говорят о каком-либо особом праздновании Рождества Христова... Это учреждение может быть объяснено тем обстоятельством, что в ту эпоху было принято умножать праздники, и что аналогия с другими событиями в истории нашего Спасителя, которые уже были отмечены отдельным праздником, могла естественным образом указать на уместность отмечать Его рождество с тем же почетным отличием. Его праздновали со всеми знаками уважения, обычно имевшими место на главных праздниках, а также отличали обычаем, заимствованным, вероятно, из языческой древности, обмениваться подарками и устраивать увеселения. В то же время языческие зимние праздники (Сатурналии⁴¹⁴, Ювеналии⁴¹⁵,

⁴¹⁴ Сатурналии – у древних римлян декабрьский праздник в честь Сатурна, с именем которого жители Лация связывали введение земледелия и первые успехи культуры. Отмечался первоначально 17 декабря, а позднее торжества были продлены до 23 декабря

⁴¹⁵ Ювеналии – сценические игры, учрежденные римским императором Нероном в 60 году по случаю достижения им зрелого возраста. Это были своего рода любительские спектакли, устраивавшиеся не в общественном цирке, а в частных домах или садах и происходившие перед немногочисленной публикой

Врумалии⁴¹⁶) были, несомненно, преобразованы и, так сказать, освящены установлением рождественского цикла праздников; а языческие обычаи, насколько они были безобидны (например, дарение подарков, зажигание светильников и т. д.), были перенесены в христианский обиход».

В «Энциклопедии Чемберса»⁴¹⁷ приводится следующий рассказ о происхождении Рождества: «Однако не похоже, чтобы среди ранних церквей существовало какое-либо единообразие в отношении периода празднования Рождества Христова. Одни отмечали этот праздник в мае или апреле, другие – в январе. Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что 25 декабря не может быть Рождеством Спасителя, поскольку в это время в Иудее начинается сезон дождей, и пастухи вряд ли могли ночью сторожить свои стада на равнинах.

Праздник Рождества Христова не случайно и специально отмечался 25 декабря. Среди причин, которые способствовали закреплению этого периода в качестве надлежащего, наиболее веской, пожалуй, была та, что почти все языческие народы рассматривали зимнее солнцестояние как важнейший момент года, как начало новой жизни и деятельности сил природы и богов, которые изначально были лишь символическими олицетворениями этих сил. В более северных странах этот факт должен был стать особенно ощутимым, поэтому кельты и германцы с древнейших времен отмечали это время года с величайшими празднествами. В день зимнего солнцестояния германцы устраивали великий праздник Йоль в честь возвращения огненного солнечного колеса

⁴¹⁶ Врумалия, Брумалия – древнеримский зимний праздничный период в честь Кроноса, Деметры и Вакха, оканчивающийся в день зимнего солнцестояния. В византийскую эпоху торжества начались 24 ноября и продолжались в течение месяца. Празднования проходили в ночное время и сопровождались пиршествами, питьём и весельем

⁴¹⁷ Энциклопедическое издание, выпускавшееся Робертом и Уильямом Чемберсами и предназначенное для широких народных масс. Первое издание энциклопедии в 10 томах было опубликовано в 1859–1868 гг., второе, дополненное, также в 10 томах – в 1888–1892 гг.

и верили, что в течение двенадцати ночей с 25 декабря по 6 января они могут проследить личные перемещения и вмешательства на земле своих великих божеств – Одина, Берхта и т. д. Многие верования и обычаи древних германцев, а также римлян, связанные с этим вопросом, перешли из язычества в христианство и частично сохранились до наших дней».

Профессор Я. Г. Мюллер, автор статьи о поклонении солнцу в «Энциклопедии Шафф-Герцога», упомянув, что персы поклонялись солнцу в форме Митры, который в конце концов стал «Sol Deus Invictus» (*ред.: непобедимым солнцем*) римлян, говорит «Поклонение Митре даже оказало свое влияние на установление христианского праздника Рождества в декабре. Как новое рождение бога-солнца праздновалось в конце декабря, так и во Христе обожествлялось новое солнце в области духовной жизни».

А «Британская энциклопедия», упомянув о неясности, в которой пребывает происхождение праздника Рождества, продолжает: «К пятому веку, однако, то ли под влиянием какой-то традиции, то ли из желания вытеснить языческие праздники этого периода года, такие как Сатурналии, 25 декабря было общепринято».

Бингем приводит следующий рассказ о «христианском» способе проведения этого языческого праздника: «Что касается способа проведения этого праздника, мы можем заметить, что они делали это с величайшим почтением. Ибо они всегда говорят о нем в самых высоких выражениях, как о главном празднике христиан, от которого берут начало все остальные. Златоуст⁴¹⁸ называет его самым почтенным и величественным из всех праздников, а также метрополией или матерью всех праздников... И мы можем заметить, что этот день соблюдался с тем же почтением и религиозной торжественностью, что и день Господень... И никогда не позволяли этому дню проходить без торжественного причастия».

Наконец, чтобы оказать этому дню все возможные почести, церковь обязала всех людей посещать религиозные собрания

⁴¹⁸ Иоанн Златоуст – архиепископ Константинопольский, богослов, почитается как один из трёх Вселенских святителей и учителей вместе со святителями Василием Великим и Григорием Богословом

в городских церквях и не ходить ни в одну из меньших церквей в стране, за исключением случаев, когда их вынуждала к этому болезнь или немощь. Законы государства запрещали в этот день все публичные игры и представления, как и в день Господень»⁴¹⁹.

Мы редко встречаем подобные высказывания у писателей, соблюдающих первый день недели (*ред.: воскресенье*); но люди, которые «полагаются на то, что церковь установила воскресенье своим авторитетом», несомненно, должны соблюдать Рождество более строго, чем воскресенье, ибо так поступала «церковь».

Тот же автор говорит о праздниках, принятых в христианской церкви от язычников: «Что касается тех праздников, которые были чисто гражданскими, мы должны заметить, что некоторые из них уже давно существовали в Римской империи и не были новым учреждением для христиан, а только были реформированы и регулировались ими в некоторых частях, чтобы отсечь идолопоклоннические обряды и другие развращения, которые иногда сопутствовали им»⁴²⁰.

То, что воскресенье было одним из таких праздников, издавна существовавших у всех древних язычников, и что его принятие христианской церковью было принятием язычества, будет ясно показано в следующей главе.

Поклонение солнцу и воскресенье

Мы уже видели, что, приняв праздник Рождества, древняя церковь вступила в союз с языческим поклонением солнцу. Теперь мы покажем, как с принятием воскресного праздника церковь как единое целое стала языческой и достигла самой глубины отступничества. Для этого необходимо вкратце проследить поклонение солнцу с древних времен.

То, что поклонение солнцу было самой отвратительной формой язычества, явствует из слов Господа, обращенных к пророку Иезекиилю. Когда пророк находился с пленниками в Вавилоне, он

⁴¹⁹ Book 20, chap. 4

⁴²⁰ Antiquities, book 20, chap. 1

был в видении перенесен в Иерусалим, и ему были показаны отвратительные поступки иудеев, которые все еще оставались в этом городе. Сначала ему был показан «идол ревности» у дверей внутреннего двора храма, и Господь сказал ему: «видишь ли ты, что они делают? великие мерзости, какие делает дом Израилев здесь, чтобы Я удалился от святилища Моего? но обратись, и ты увидишь еще большие мерзости»⁴²¹.

Затем ему показали «всякие изображения пресмыкающихся и нечистых животных и всякие идола дома Израилева, написанные по стенам кругом»⁴²² храма, и семьдесят старейшин, воскуряющих фимиам, и снова ему было сказано, что он увидит еще большие мерзости.

Затем его привели к дверям храма, и там он увидел женщин, «плачущих по Фаммузу»⁴²³, вавилонскому Адонису, поклонение которому совершалось с самыми развратными обрядами, но пророку сказали, что ему будут показаны еще большие мерзости. Эти последние и величайшие мерзости описаны следующим образом: «И ввел меня во внутренний двор дома Господня, и вот у дверей храма Господня, между притвором и жертвенником, около двадцати пяти мужей [стоят] спинами своими ко храму Господню, а лицами своими на восток, и кланяются на восток солнцу»⁴²⁴.

Из этого следует сделать вывод, что поклонение солнцу рассматривалось Господом как самая отвратительная форма идолопоклонства. Мы увидим причину этого, когда проследим природу и масштабы поклонения солнцу. В журнале «Old Testament Student» за январь 1886 года появилась ценная статья Талбота В. Чемберса, доктора философии, под названием «Солнечные образы и солнце праведности», на которую мы будем часто ссылаться в этом исследовании. Доктор Чемберс утверждает, что поклонение солнцу – «самая древняя, самая распространенная

⁴²¹ Иез. 8:6

⁴²² Стих 10

⁴²³ Стих 14

⁴²⁴ Стих 16

и самая стойкая из всех форм идолопоклонства, известных человеку». Он продолжает: «Универсальность этой формы идолопоклонства поразительна. Кажется, что она преобладала повсюду. Главным объектом поклонения у сирийцев был Ваал – солнце, считавшееся дарителем света и жизни, самым активным агентом во всех действиях природы. Но поскольку иногда он проявлял себя как разрушитель, иссушая землю летним зноем и превращая сады в пустыни, к нему относились с ужасом и умиротворяли человеческими жертвоприношениями... В Египте солнце было ядром государственной религии. В различных формах оно стояло во главе каждой иерархии. В Мемфисе ему поклонялись как Птаху, в Гелиополе – как Туму, в Фивах – как Амун-Ра. Персонифицированный Осирисом, он стал основой египетского метемпсихоза⁴²⁵.

В Вавилоне наблюдалось то же самое, что и в Египте. Людей привлекали различные этапы суточного и годового хода солнца, в которых они видели самое впечатляющее проявление Божества. Но вскоре они стали путать творение с Творцом, и небесное воинство стало объектом поклонения, а солнце – вождем... Известно, что в Персии поклонение Митре, или солнцу, было распространено с самого раннего периода. Идолов не делали, но в надписях встречаются постоянно повторяющиеся символические изображения, обычно диск или сфера с распростертыми крыльями, иногда с добавлением человеческой фигуры. Главной особенностью магических обрядов, заимствованных из древней Мидии, было поклонение огню, совершавшееся на алтарях, воздвигнутых на высоких горах, где постоянно наблюдалось вечное пламя, предположительно изначально зажженное с небес, и где ежедневно совершались торжественные службы. Остаток древних персов,

⁴²⁵ Реинкарнация, то есть перевоплощение; также переселение душ, метемпсихоз, – группа религиозно-философских представлений и верований, согласно которым бессмертная сущность живого существа перевоплощается снова и снова из одного тела в другое

избежавших порабощения исламом, ныне известный как парсы⁴²⁶, объединяет со своим почитанием священного огня такое же почитание солнца как эмблемы Ормузда⁴²⁷».

В «Британской энциклопедии»⁴²⁸ о поклонении солнцу в древней Ассирии сказано следующее: «Ваал сирийцев, финикийцев и язычников-евреев – это гораздо менее возвышенная концепция, чем вавилонский Бел. Он, собственно, бог солнца Баал-Шамем, Баал (владыка) небес, высшее из небесных тел, но все же просто сила природы, рожденная, как и другие светила, из первобытного хаоса. Как бог солнца он задуман как мужской принцип жизни и воспроизводства в природе, и поэтому в некоторых формах своего поклонения является покровителем самой грубой чувственности и даже систематической проституции. Пример тому – поклонение Ваал-Фегору (Числа 25) и вообще ханаанским капищам, где Ваалу, мужскому принципу, поклонялись в союзе с нецеломудренной богиней Ашерой (*ред.: Астартой*), женским принципом природы. Частые упоминания об этой форме религии в Ветхом Завете затемнены в английской версии Библии переводом “рощи” для слова Ашера, которое иногда обозначает богиню, иногда дерево или столб, который был ее символом. Сам Ваал был представлен на высоких местах не изображением, а обелисками или столбами (Masseboth E. V. ошибочно “изображениями”), иногда называемыми “chammanim” (*ред.: хамманим*) или солнечными столбами, название, которое следует сравнить с титулом Баал-Хаммон, часто даваемым богу в финикийских надписях».

Что касается Ашторет, или Астарты, женского аналога Ваала, то профессор Джордж Роулинсон говорит следующее: «Особым

⁴²⁶ Парсы – этноконфессиональная группа последователей зороастризма в Южной Азии, имеющая иранское происхождение. Численность – свыше 100 тыс. человек. Традиционная область расселения – индийский Гуджарат, сегодня большая часть парсов проживает в Мумбаи

⁴²⁷ Авестийское имя божества, которого пророк Заратуштра – основатель зороастризма – провозгласил единым богом.

⁴²⁸ Статья «Ваал»

местом ее поклонения в Финикии был Сидон. В одном из своих аспектов она представляла луну и носила голову телицы с рогами, изогнутыми в форме полумесяца, поэтому ее иногда называли Ашторет Карнаим, или “Астарта с двумя рогами”. Но чаще всего она была богиней природы, “великой матерью”, олицетворением женского начала в природе и, следовательно, предводительницей сексуальных отношений, связанных в большей или меньшей степени с любовью и сладострастием. Греки считали свою Афродиту, а римляне – свою Венеру ее эквивалентом. Один из ее титулов – “Царица Небесная”, и под этим именем ей часто поклонялись израильтяне»⁴²⁹.

Уже достаточно сказано о том, почему поклонение солнцу было столь великой мерзостью. Это было просто поклонением репродуктивной функции. Все изображения солнца имели непристойный смысл. Если Ваал у ассирийцев был олицетворением порождающей силы солнца, и ему поклонялись, совершая развратные обряды, то Молох был олицетворением разрушительного жара солнца, и поэтому ему приносились человеческие жертвы. Запреты, наложенные на израильтян, чтобы их дети не проходили через огонь, были просто запретами против этой жестокой формы поклонения солнцу.

Профессор Роулинсон пишет следующее о поклонении солнцу в Египте: «Ра был египетским богом солнца, и ему особенно поклонялись в Гелиополисе⁴³⁰ [Город солнца]. Обелиски, по мнению некоторых, представляли его лучи и всегда или как правило воздвигались в его честь. ... Цари в большинстве своем считали Ра своим особым покровителем и защитником; более того, они заходили так далеко, что отождествляли себя с ним, использовали его титулы как свои собственные и принимали его имя в качестве обычной приставки к своим собственным именам и титулам.

⁴²⁹ Religions of the Ancient World (John B. Alden), pp. 106, 107

⁴³⁰ Гелиополь, Гелиополис, Илиополь – один из древнейших и важнейших городов в Древнем Египте, расположенный к северо-востоку от современного Каира

Многие считают, что именно от этого произошло слово “фараон”, которое, как полагают, является древнееврейским переводом Ph' Ra – “солнце”»⁴³¹.

Тем, кто видел обелиск в Центральном парке Нью-Йорка⁴³², привезенный из Египта несколько лет назад, посчастливилось увидеть одно из древних изображений солнца. Что означали эти солнечные изображения, мы оставим читателю возможность догадаться из того, что уже было сказано о природе поклонения солнцу.

На странице 21 Роулинсон говорит: «Ни одна часть египетской религии не была так сильно развита и так многогранна, как поклонение египтян солнцу. Кроме Ра и Осириса, было еще как минимум шесть божеств, которые имели ярко выраженный солнечный характер». Что касается Осириса, то в «Британской энциклопедии» (статья «Египет») говорится: «Абидос был великим местом поклонения Осирису, которое распространилось по всему Египту, утвердившись особым образом в Мемфисе. Все мистерии египтян и вся их доктрина о будущем состоянии связаны с этим поклонением. Осирис отождествлялся с солнцем... Поклонение солнцу было примитивной формой египетской религии, возможно, даже доегипетской».

⁴³¹ Гелиополь, Гелиополис, Илиополь – один из древнейших и важнейших городов в Древнем Египте, расположенный к северо-востоку от современного Каира, с. 20

⁴³² Игла Клеопатры в Нью-Йорке – один из пары обелисков, вместе называемых «Иглы Клеопатры», которые были перенесены из руин Кесария Александрийского в Египте в 19 веке. Этот обелиск, посвященный фараону Тутмосу III (1479–1425 гг. до н.э.), является одним из двух некогда стоявших в Гелиополе. Обелиск, оказавшийся в Центральном парке, был привезен из Гелиополя в Александрию в 12 году до н.э. во время правления Августа Цезаря для украшения входа в Кесариум – храм, расположенный у большой восточной гавани напротив Фаросского маяка на северной стороне залива. Спустя 1800 лет он в конце концов попал оттуда в Нью-Йорк. 9 октября 1880 года процессия из 9000 масонов прошла по Пятой авеню под звуки оркестра для торжественной церемонии закладки краеугольного камня

Бык Апис, которому поклонялись египтяне, был просто формой Осириса. На этот счет мы имеем следующее свидетельство из «Британской энциклопедии»: «Согласно греческим писателям, Апис был образом Осириса, и ему поклонялись, потому что предполагалось, что Осирис превратился в быка и вскоре после этого проявился в чередѣ этих животных. Иероглифические надписи отождествляют Аписа с Осирисом, украшенным рогами или головой быка, и объединяют эти два имени как Хапи-Осор, или Апис-Осирис. Согласно этой точке зрения, Апис был воплощением Осириса, проявившимся в форме быка»⁴³³.

Всякий раз, когда обнаруживался священный бык и по каким-то четко определенным признакам его узнавали, его торжественно проводили в храм, и в течение сорока дней ему уделяли внимание обнаженные женщины. Когда читатель вспомнит, что это животное было представителем солнца, а солнце – великой порождающей силой в природе, он легко поймет, что египетское поклонение солнцу должно было быть религией разврата.

Следующая цитата из «Классического словаря Энтонa»⁴³⁴ в краткой форме дает представление о характере и масштабах поклонения солнцу, какое только можно найти: «Мифология Геракла в том виде, в котором она дошла до нас, имеет очень смешанный характер. В ней есть отождествление одного или нескольких греческих героев с Мелькартом, богом солнца финикийцев. Поэтому Геракл так часто представляется как бог солнца, а его двенадцать подвигов рассматриваются как прохождение солнца через двенадцать знаков зодиака. Он – могущественная планета, которая оживляет и придает плодородие вселенной, чья божественность почиталась во всех уголках мира храмами и алтарями и освящалась в религиозном служении всех народов. От Мероэ в Эфиопии и Фив в Верхнем Египте до Британии и ледяных районов Скифии; от древней Тапробаны и Палиботры в Индии до Кадиса и берегов Атлантики; от лесов Германии до

⁴³³ Статья «Apis»

⁴³⁴ Статья «Геракл»

горящих песков Африки; словом, везде, где ощущается благотворное влияние дневного светила, мы находим имя и поклонение Гераклу. За много веков до того времени, когда, как говорят, жила Алкмена и совершал свои чудесные подвиги предполагаемый тиринфский герой, Египет и Финикия, которые, конечно, не заимствовали своих божеств из Греции, воздвигли храмы солнцу под именем, аналогичным имени Геракла, и перенесли его поклонение в Тасус и Гадес. Здесь был освящен храм году и месяцам, которые делили его на двенадцать частей, то есть двенадцати подвигам или победам, которые привели Геракла к бессмертию. Именно под именем Геракла Астрохитона, или бога, облаченного в мантию из звезд, поэт Ноннус обозначает солнце, обожаемое тирийцами. “Это один и тот же бог, – замечает поэт, – которого разные народы почитают под множеством разных имен: Белус на берегах Евфрата, Аммон в Ливии, Апис в Мемфисе, Сатурн в Аравии, Юпитер в Ассирии, Серапис в Египте, Гелиос у вавилонян, Аполлон в Дельфах, Эскулап во всей Греции”».

Тот же авторитетный автор говорит, что «невозможно отрицать идентичность Вакха (*ред.*: *Бахус*) и Осириса», и добавляет, что «оба они имеют в качестве символа голову быка». Из всего этого мы узнаем, что поклонение солнцу было примитивной формой идолопоклонства, и что независимо от того, какие имена давались богам любой страны, они были просто различными представителями солнца или воинства небесного, а все их поклонение было ничем иным, как обожествлением похоти. Следующее, также взятое из «Классического словаря Энтона», непосредственно касается последнего пункта: «В Эритрее, на побережье Ионии, можно было увидеть статую Геракла, имеющую совершенно египетский облик. Поклонение богу здесь совершали некие фракийские женщины, потому что, как говорят, женщины этой страны отказались принести богу в жертву свои локоны по его прибытии в Эритрею. Женщины Библа приносили в жертву Адонису свои локоны и свое целомудрие одновременно, и вполне вероятно, что поклонение Гераклу в разных частях древнего мира не было более свободным от таких же распутных приношений. В Лидии, в частности, оно, по-видимому,

отличалось почти иступленной чувственностью. Замужние и незамужние женщины занимались проституцией на празднике бога. Представители обоих полов меняли свои образы. По преданию, сам Геракл подал пример этого, когда, приняв одеяние и род занятий женщины, он отдал себя в услужение сладострастной Омфале».

В свете этого легко понять, почему Господь сказал израильтянам: «На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок пред Господом Богом твоим всякий делающий сие»⁴³⁵.

Еще одна цитата должна быть достаточной для свидетельства о древнейшем поклонении солнцу. Она взята из «Энциклопедии Шафф-Герцога»⁴³⁶: «Поклонение солнцу как наиболее яркому и могущественному представителю в царстве природы было широко распространено в странах, прилегающих к Палестине. Это поклонение было либо прямым, без вмешательства каких-либо статуй или символов, либо опосредованным. Среди египтян поклонялись солнцу под именем Ра.... Среди финикийцев поклонялись солнцу под именем Ваала. В Тире, Газе и Карфагене ему приносились человеческие жертвы. Среди халдеев поклонялись солнцу под именем Таммуз; а о том, что арабийцы поклонялись солнцу, мы знаем от Теофраста⁴³⁷. Еще более распространенным было поклонение солнцу среди сирийцев (арамеев). Знаменитые храмы находились в Гелиополе, Эмесе, Пальмире, Иераполе. Поклонение солнцу там было очень древним и прямым с самого начала. И даже в более поздние времена в Иераполе солнцу и луне поклонялись без вмешательства какого-либо изображения. Среди чистых семитов, или арийцев, прямое поклонение солнцу было

⁴³⁵ Втор. 22:5

⁴³⁶ Статья «Солнце»

⁴³⁷ Теофраст, или Феофраст – древнегреческий философ, естествоиспытатель, теоретик музыки. Разносторонний учёный; является наряду с Аристотелем основателем ботаники и географии растений. Благодаря исторической части своего учения о природе выступает как родоначальник истории философии

с самого начала, и даже позже. Так, среди ассирийцев, а затем и среди персов, чье поклонение солнцу является одним и тем же... В более поздние времена солнце почиталось у персов в форме Митры, который в конце концов стал Sol Deus Invictus [непобедимым богом солнца] на Западе, особенно у римлян.

Это приводит нас к временам римлян, но прежде чем мы рассмотрим поклонение солнцу в Римской империи, мы должны остановиться, чтобы отметить тот факт, что когда древний Божий народ отступал, поклонение солнцу с его мерзостями всегда было той формой идолопоклонства, в которую они впадали. Это было вполне естественно, ведь они были окружены им.

Того, что было сказано о быке Аписе как представителе Осириса, египетского бога солнца, достаточно, чтобы доказать, что, когда израильтяне сделали золотого тельца и поклонялись ему, пока Моисей был на горе, они просто переняли египетское поклонение солнцу и его развратные оргии, с которыми они, должно быть, были так хорошо знакомы.

В более поздние времена Иеровоам сделал двух золотых тельцов, поставив одного в Вефиле, а другого – в Дане, чтобы удержать народ от поклонения Богу в Иерусалиме. Зная природу поклонения солнцу, мы можем легко понять, почему он «поставил из народа священников» и как он «ввел Израиля в грех»⁴³⁸.

Мы узнали, что такое поклонение Ваалу. И когда мы читаем, что во времена Ахава Илия был единственным пророком Божьим, в то время как у Ваала было четыреста пятьдесят пророков, и что народ пошел за Ваалом настолько, что Илия считал себя единственным человеком в народе, верным Богу, мы знаем, что поклонение солнцу в то время почти полностью вытеснило поклонение Иегове.

Позже мы видим, что Манассия «поставил жертвенники Ваалу, и сделал дубраву [солнечное изображение]» и «поклонялся всему воинству небесному», а солнечные образы и жертвенники поместил в доме Господнем⁴³⁹. Мы также видим, что частью добрых дел

⁴³⁸ См. 3 Цар. 12:26-31; 4 Цар. 10:29

⁴³⁹ 4 Цар. 21:1-7

Иосии было очищение храма от непристойных изображений солнца и изъятие из него коней, «которых ставили цари Иудейские солнцу» в священном здании, превратив тем самым дом Господень в храм языческого разврата⁴⁴⁰.

Можно было бы привести много других мест Писания, но и этих достаточно, чтобы показать, с какой формой идолопоклонства приходилось бороться истинной религии в древнейшие времена. Теперь мы можем вкратце рассмотреть поклонение солнцу у римлян и то, как оно повлияло на христианскую церковь. Если мы и умножаем доказательства по какому-либо вопросу, то только для того, чтобы они не были односторонними.

Д-р Т. В. Чемберс в статье, на которую мы уже ссылались⁴⁴¹, говорит, что в Баальбеке⁴⁴², в древней Коэль-Сирии, «самым внушительным из огромных сооружений, возведенных на обширной площадке, равной которой нет нигде на земле по размеру камней, некоторые из которых были шестидесяти футов⁴⁴³ в длину и двенадцати футов⁴⁴⁴ в обоих диаметрах, является большой храм солнца, двести девяносто футов⁴⁴⁵ на сто шестьдесят⁴⁴⁶, который был построен Антонином Пием». Этот император правил с 138 по 160 год н.э.

Поклонение солнцу в Риме, однако, достигло своей высшей точки во время правления Элагабала⁴⁴⁷, 218–222 гг. н.э. О нем и его временах историк Милман говорит следующее: «Понтифик одной из

⁴⁴⁰ См. 4 Цар. 23:4-14

⁴⁴¹ «Old Testament Student», январь, 1886

⁴⁴² Баальбек – древний город в Ливане

⁴⁴³ 30 метров

⁴⁴⁴ 6 метров

⁴⁴⁵ 145 метров

⁴⁴⁶ 80 метров

⁴⁴⁷ Элагабал также Аелагабал, Гелиогабал – в западносемитской и римской мифологии бог солнца и плодородия. В Римской империи в период правления императора Элагабала, бывшего жрецом этого бога, почитался как верховное божество римского пантеона

диких форм поклонения природе Востока появился в Риме в качестве императора. Древние обряды Ваала-Фегора, мало изменившиеся с течением веков, вторглись в святилище капитолийского бога и оскорбили одновременно и религиозное величие, и более серьезные приличия римских нравов. Элагабал получил свое имя от сирийского названия солнца. Он был воспитан в стенах храма, и император Рима потерялся, будучи поглощен жрецом женоподобного суеверия. Новая религия не ворвалась в Рим под скромным видом чужака, претендующего на общие права гостеприимства, как национальная вера подвластного народа. Она вошла с публичной помпезностью, как бы вытесняя и затмевая исконные божества Рима. Бог Элагабал был пронесен в торжественной процессии через изумленные провинции. Его символы были приняты со всеми почестями верховного божества.

Открыто утверждалось, что поклонение солнцу под именем Элагабала должно было вытеснить все другие культы. Если верить жизнеописаниям в истории Августа, в голове императора зародилась еще более амбициозная схема универсальной религии. Иудейская, самаритянская и даже христианская религии должны были быть объединены и переработаны в одну великую систему, центральным объектом поклонения которой должно было стать солнце»⁴⁴⁸.

Преемники Элагабала не были, как он, воспитаны в храме Солнца, и поэтому после его смерти поклонению Солнцу уделялось меньше внимания, но оно всегда оставалось преобладающим видом идолопоклонства в Риме. Однако император Аврелиан⁴⁴⁹ (270–274 гг. н.э.) придал ему новый импульс. Возвращаясь после победы

⁴⁴⁸ History of Christianity, book 2, chap. 8. Смотри также, Gibbon, Decline and Fall, chap. 6, paragraphs 20–25

⁴⁴⁹ Аврелиан, полное имя Луций Домиций Аврелиан – римский император. Аврелиан был выходцем из незнатной семьи. После длительной службы в римской армии Аврелиан при Клавдии II стал начальником конницы, а после смерти Клавдия II придунайские части в Сирмии провозгласили Аврелиана императором

над Зенобией, царицей Востока, он сделал великолепные подарки храму Солнца, который начал строить в первый год своего правления. Историк Гиббон отмечает: «Значительная часть его восточных трофеев была посвящена богам Рима. Капитолий и все остальные храмы сверкали подношениями его показного благочестия. Один только храм Солнца получил более пятнадцати тысяч фунтов золота⁴⁵⁰. Последний представлял собой великолепное сооружение, возведенное императором на Квиринальском холме и посвященное вскоре после триумфа божеству, которое Аврелиан почитал как родителя своей жизни и судьбы. Его мать была низшей жрицей в часовне Солнца. Особая преданность богу света была чувством, которое удачливый крестьянин впитал в младенчестве; и каждый шаг его возвышения, каждая победа его правления укрепляли суеверие благодарностью»⁴⁵¹.

К Аврелиану обращались епископы Сирии в их споре с Павлом Самосатским⁴⁵², о котором рассказывает историк Мильман в «Истории христианства»⁴⁵³. В этом обращении виден первый открытый шаг к тому, чтобы поставить христианство под покровительство солнцепоклонника. Это был шаг к тому, чего желал Элагабал, – к слиянию христианства и язычества.

Далее мы переходим ко времени Диоклетиана⁴⁵⁴, который взшел на престол в 284 году н.э., и при котором Константин был назначен цезарем. Первый акт его правления показал его преданность богу солнца и стал свидетельством того, что солнце было признано римским народом высшим божеством. Считалось,

⁴⁵⁰ 6,75 тонн

⁴⁵¹ Decline and Fall, chap. 11, параграф 43

⁴⁵² Епископ Антиохийский в 260–268; был осужден как еретик на Антиохийском соборе (269)

⁴⁵³ book 2, chap. 8

⁴⁵⁴ Гай Аврелий Валерий Диоклетиан – римский император с 20 ноября 284 года по 1 мая 305 года. Приход к власти Диоклетиана завершил так называемый кризис третьего века в Римской империи

что император Нумериан⁴⁵⁵ был убит, и Диоклетиан почувствовал, что подозрения могут пасть и на него, поскольку он извлек выгоду из образовавшейся вакансии. Поэтому он «взошел на трибунал и, подняв глаза к солнцу, торжественно заявил о своей невинности в присутствии этого всевидящего божества»⁴⁵⁶.

В этой связи Милман приводит очень интересный отрывок. Он сказал: «От христианства новое язычество приняло единство Божества и не побрезговало низвести всех богов древнего мира до подчиненных демонов или служителей... Но Юпитер Оптимус Максимус не был великим верховным божеством новой системы. Универсальное божество Востока, солнце, для философа было эмблемой или представителем; для простолюдина – божеством. Сам Диоклетиан, хотя и оказал такое почтение старой вере, что принял титул Иовия, как принадлежащий Владыке мира, тем не менее, при своем восшествии на престол, когда он хотел оправдать себя от всякого участия в убийстве своего предшественника Нумериана, обратился перед лицом армии к всевидящему божеству солнца. Именно оракул Аполлона Милетского, к которому обратился колеблющийся император, должен был решить судьбу христианства. Метафорический язык христианства неосознанно придал силы этому новому противнику; и, поклоняясь видимой сфере, некоторые, несомненно, полагали, что они не отходят далеко от поклонения “Солнцу праведности”»⁴⁵⁷.

Этот отрывок не просто наводит на размышления. Он совершенно однозначен и показывает, что до начала четвертого века христианство объединилось с язычеством в вопросе поклонения солнцу. После такого свидетельства столь ученого прелата, как

⁴⁵⁵ Марк Аврелий Нумерий Нумериан, более известный в римской историографии как Нумериан, – римский император, правивший в 283–284 годах. Нумериан был младшим сыном префекта претория Кара. После того, как Кар был провозглашён императором, он назначил Нумериана своим соправителем с титулом цезаря

⁴⁵⁶ Gibbon, chap. 12, paragraph 41

⁴⁵⁷ History of Christianity, book 2, chap. 9

Милман, нам нет нужды развивать эту тему дальше, хотя она и полна интереса. Но мы не должны упускать из списка Константина. Мы цитируем Гиббона: «Какие бы симптомы христианского благочестия ни проявлялись в речах или поступках Константина, он до сорока лет упорно исповедовал установленную религию; и то же поведение, которое при дворе Никомидии можно было бы приписать его страху, теперь можно было приписать только склонности или политике галльского государя. Его либеральность восстановила и обогатила храмы богов. Ордена, выпущенные из его императорских рудников, были украшены фигурами и атрибутами Юпитера и Аполлона, Марса и Геркулеса. Его сыновья почтительность увеличила совет Олимпа торжественным апофеозом⁴⁵⁸ его отца Констанция. Но преданность Константина была направлена на гения солнца, Аполлона греческой и римской мифологии, и Константин был рад представляться с символами бога света и поэзии. Безошибочные стрелы этого божества, блеск его глаз, лавровый венок, бессмертная красота и изящные достижения, казалось, указывали на него как на покровителя юного героя. Алтари Аполлона были увенчаны обетными приношениями Константина, а доверчивую толпу учили верить, что императору было позволено созерцать смертными глазами видимое величие их божества-покровителя, и что, бодрствуя или в видении, он был благословлен благоприятными предзнаменованиями долгого и победоносного царствования. Солнце повсеместно прославлялось как непобедимый проводник и защитник Константина»⁴⁵⁹.

Доктор Галбот Чемберс делает краткое заявление, которое охватывает ту же тему, что и выше, и добавляет звено, связывающее христианство римского мира с языческим поклонением солнцу. Он свидетельствует следующее: «Император Константин до своего обращения почитал всех богов как таинственные силы, особенно Аполлона, бога солнца, которому в 308 году он преподнес щедрые дары; а когда он стал монотеистом, бог, которому он поклонялся,

⁴⁵⁸ Апофеоз - обожествлением, причислением к лику богов

⁴⁵⁹ Decline and Fall, chap. 20, paragraph 3

был, как говорит Ульхорн, скорее “Непокоренным солнцем”, чем Отцом Господа нашего Иисуса Христа. И действительно, когда он предписывал соблюдать день Господень, он называл его не *Sabbatum*⁴⁶⁰ или *Dies Domini*⁴⁶¹, а старым астрономическим и языческим названием *Dies Solis*⁴⁶², так что закон был применим как к поклоняющимся Аполлону и Митре, так и к христианам»⁴⁶³.

То, что Константин в этом случае действовал не как ученик Христа, а как поклонник солнца, мы сейчас увидим. В качестве доказательства того, что воскресенье было языческим праздничным днем, мы приводим цитату из «Словаря Вебстера без сокращений». В этой книге говорится, что воскресенье «называется так потому, что этот день в древности был посвящен солнцу или его поклонению». И еще: «диким солнечным праздником всех языческих времен»⁴⁶⁴. А Гиббон в примечании к параграфу 2 главы 20 говорит, что «Константин называет день Господень *Dies Solis* [день солнца], название, которое не могло оскорбить слух его языческих подданных». Доктор Чемберс в цитированном выше отрывке также говорит, что воскресный закон Константина «был применим как к поклонникам Аполлона и Митры, так и к христианам». А в «Энциклопедии Шафф-Герцога» по поводу «воскресенья» сказано следующее: «Воскресенье (*Dies Solis*, по римскому календарю; “день солнца”, потому что посвящен солнцу), первый день недели, было принято ранними христианами как день поклонения. “Солнце” латинского поклонения они интерпретировали как “Солнце праведности”. ...В Новом Завете не изложено никаких правил его соблюдения, и, по сути, его соблюдение даже не предписывается».

Разумеется, в Новом Завете нет никаких предписаний по его соблюдению, ибо, как правдиво говорит «Энциклопедия Чемберса»:

⁴⁶⁰ Лат. «Суббота»

⁴⁶¹ Лат. «День Господний»

⁴⁶² Букв. «День Солнца»

⁴⁶³ Old Testament Student, January, 1886

⁴⁶⁴ The North British Review, vol. 18, p. 409

«Несомненно, первым законом, церковным или гражданским, в котором, как известно, было предписано соблюдение субботы в этот день [воскресенье], является эдикт Константина, 321 г. н.э.».

Приведенные выше цитаты наиболее четко соотносят праздник воскресенья с языческим поклонением солнцу. То, что он никак не связан с новозаветным христианством, очевидно из полного молчания Нового Завета относительно этого дня, за исключением нескольких мимолетных упоминаний о «первом дне недели» как светском дне, и из того факта, что суббота творения и четвертой заповеди – седьмой день недели – единственная суббота, признанная Христом или кем-либо из авторов Ветхого или Нового Завета. Поэтому нам остается только показать, что, когда Константин издал свой указ, да и впоследствии, он был язычником, поклонялся солнцу и самому себе.

Евсевий, который был другом и восхвалителем Константина, рассказывает о церкви, которую он воздвиг в память об апостолах: «Все эти сооружения император освятил с желанием увековечить память апостолов нашего Спасителя. Однако при возведении этого здания он преследовал и другую цель; цель, сначала неизвестную, но впоследствии ставшую очевидной для всех. На самом деле он выбрал это место в преддверии собственной смерти, предвидя с необычайным пылом веры, что его тело разделит титул с самими апостолами и что таким образом он даже после смерти станет вместе с ними объектом почитания, которое будет совершаться в их честь в этом месте. В соответствии с этим он приказал установить в этой церкви двенадцать гробов, как священные столбы в честь и память апостольского числа, в центре которых был поставлен его собственный, а по обе стороны от него – шесть их гробов. Таким образом, как я уже сказал, он предусмотрительно позаботился о почетном месте упокоения для своего тела после смерти, и, задолго до этого втайне приняв это решение, он теперь посвятил эту церковь апостолам, полагая, что эта дань их памяти принесет немалую пользу его собственной душе»⁴⁶⁵.

⁴⁶⁵ Life of Constantine, book 4, chap. 60

Это, напомним, произошло уже после воскресного эдикта Константина и после того, как он, как принято считать, принял христианство. Каким «необыкновенным пылом веры» обладал этот «христианнейший император» – в себя самого, если уж говорить точно. Этот поступок ставит его на место среди языческих правителей. Александр (*ред.: Македонский*), называвший себя Геркулесом и желавший, чтобы ему поклонялись как богу, был не большим язычником, чем Константин, который ожидал, что после его смерти и язычники, и христиане будут воздавать ему божественные почести. Константин был человеком совершенно неспособным думать о чем-либо за пределами себя и своих собственных эгоистических интересов. В доказательство того, что это не предвзятое заключение, прочтите следующее высказывание одного из почитателей первого дня (*ред.: воскресенье*): «Религиозных убеждений у Константина не было. Но он обладал интеллектом, способным проникать в состояние мира. В логике событий он видел завершение великого силлогизма⁴⁶⁶. Он видел, что Судьба вот-вот напишет “Финиш” на последней странице язычества. Он стремился воспользоваться силами нового и старого, которые, играя на умах и совести людей, должны были преобразить мир. Пока христиане были в меньшинстве, но у них были рвение и энтузиазм. Энтузиазм язычества, напротив, уступил место холодному и формальному согласию, совершенно не похожему на тот первозданный пыл, который разгорался в человеческих действиях в то время, “Когда мир был новым, а боги – молодыми”.

Поэтому, проводя политику, император стал благоволить к христианам. Теперь существовала еkkлeсия, церковь, компактная, хорошо организованная, имеющая определенные цели, готовая к всеобщему убеждению и почти готовая к всеобщей битве. Против нее выступали враждующие философские секты язычества. Пока он тянул время, наблюдая за поворотами императорского колеса и ожидая возможности, которая должна была сделать его верховным правителем, он старался завладеть чувствами и симпатиями

⁴⁶⁶ Силлогизм в широком смысле – любое дедуктивное умозаключение

зарождающегося христианства, отдавая предпочтение секте в Галлии.

В тот же год своего триумфа император издал из Милана свой знаменитый указ в пользу христианской религии. Это провозглашение носило характер разрешения для тех, кто исповедует новую веру, поклоняться так, как они хотят, под императорской санкцией и благосклонностью. Вскоре после этого он объявил всему миру, что причиной его признания христианства стало видение, которое он увидел во время похода из Галлии против Галерия. Взглянув на небо, он узрел огромный и сияющий крест с надписью: “In Hoc Signo Vinces”, “Под этим знаком побеждай”. Выдумка служила той цели, ради которой была придумана. На самом деле двойственная моральная натура Константина была неспособна к высокой преданности вере, ни старой, ни новой.

Его неискренность сразу же проявилась в его поведении по отношению к римскому сенату. Этот орган был оплотом язычества. Любая твердая цель уничтожить язычество привела бы Константина к непримиримому антагонизму с тем, что еще оставалось от сенатской власти. Однако вместо вражды он начал восстанавливать влияние древнего органа в государстве настолько, насколько это было возможно при неограниченном осуществлении его собственной власти. Чтобы еще больше успокоить взбудораженные духи язычества, он сам принял на себя должность Pontifex Maximus; и когда в честь его победы воздвигли триумфальную арку, он позаботился о том, чтобы установить на ней статуи старых богов, а также эмблемы новой веры»⁴⁶⁷.

Если это правда, а никто не может этого отрицать, то Константин никогда не был христианским императором. Даже такой строгий церковник, как епископ Артур Кливленд Кокс, вынужден сказать о Константине: «Он допускал язычество, и пока он это делал, как можно было принимать его как христианина? Христианская церковь никогда не становилась ответственной за его жизнь

⁴⁶⁷ History of the World, by John Clark Ridpath, LL.D., Prof. of History in De Pauw University, vol. 1, chap. 63, pp. 881-883

и характер, но старалась исправить его и подготовить к истинному исповеданию Христа в “удобное время”. В этом, по-видимому, была большая ошибка, которую можно поставить в вину Евсевию или другому христианскому советнику; но когда кто-нибудь мог сказать: “Император искренен, смиренен и раскаялся, и теперь его следует принять в церковь”. Это было политическое обращение, и как таковое оно было принято, а Константин оставался язычником до самой смерти. Что касается его окончательного покаяния и принятия – “Воздержитесь от суждения”»⁴⁶⁸.

Тогда пусть мы больше никогда не услышим о Константине как о первом христианском императоре. Но мы хотим добавить еще одно свидетельство о его язычестве. В «Британской энциклопедии» о нем говорится следующее: «Язычество, должно быть, все еще оставалось действующей верой у человека, который почти до конца своей жизни сохранял так много языческих суеверий. В лучшем случае он был наполовину язычником, наполовину христианином, который мог пытаться сочетать поклонение Христу с поклонением Аполлону, изображая имя одного и фигуру другого на своих монетах и предписывая праздновать воскресенье под именем *Dies Solis* в своем знаменитом указе от марта 321 года, хотя такое сочетание было далеко не редкостью в первые христианские века». Возможно, самой значительной иллюстрацией двусмысленности его религиозной позиции является тот факт, что в том же году, когда он издал воскресный указ, он отдал приказ, чтобы, если молния ударит в императорский дворец или любое другое общественное здание, «следует, согласно древнему обычаю, спросить гаруспиков⁴⁶⁹ о том, что это может означать, и составить для него подробный отчет об ответе».

Воскресный эдикт гласит следующее: «Пусть все судьи и горожане, и все ремесленники отдыхают в этот достопамятный

⁴⁶⁸ «Elucidation» 2 of Tertullian against Marcion, book 4

⁴⁶⁹ Гаруспик – жрец в Древней Этрурии, позже – в Древнем Риме, гадавший по внутренностям жертвенных животных, особенно часто – печени. Лучшими гаруспиками в Риме считались этруски, от которых и был заимствован этот вид гадания – гаруспиции

день солнца. А те, кто живет за городом, пусть свободно и в полной мере занимаются возделыванием своих полей. Ведь часто случается, что ни один другой день не подходит для посева кукурузы или посадки винограда. Чтобы, пренебрегая подходящим случаем, они не лишились благ, дарованных божественной щедростью»⁴⁷⁰.

Не может быть никаких сомнений в том, что христианская церковь в целом тяготела к язычеству и поклонению солнцу еще до времен Константина, иначе этот хитрый политик не издал бы свой воскресный эдикт. Много страниц ранее мы приводили отрывок, в котором историк Мосхайм говорит, что христианские епископы намеренно умножали обряды для того, чтобы сделать язычников более дружелюбными к ним. Это, а также утверждение о том, что большая часть христианских обрядов и установлений даже во втором веке имела аспект языческих мистерий, является доказательством того, что епископы с готовностью приняли бы самый популярный языческий праздничный день, чтобы завоевать расположение язычников. Мы также узнали, что Элагабал стремился объединить христианскую и языческую религии вокруг одного общего божества – солнца. Во времена Диоклетиана языческий бог солнца и Христос, Солнце Праведности, были смешаны как язычниками, так и христианами.

Это смешение язычества и христианства, как мы уже видели, было продолжено языческими философами, которые номинально приняли христианство, и которые, как следствие, почитаются как Отцы христианской церкви. Мы уже приводили слова историка Мосхайма об Аммонии Саккасе, но здесь внимание читателя должно быть вновь обращено на утверждение, что «обладая огромной плодовитостью гения, а также красноречием, он взялся привести все системы философии и религии в гармонию; или, другими словами, научить философии, с помощью которой все философы и люди всех религий, не исключая христианской, могли бы объединиться и иметь общение». Ориген был восторженным учеником Аммония,

⁴⁷⁰ Dat. Nonis Mart. Crispo. 2 & Constantio 2. Coss. 321. Corpus Juris Civilis Codicis lib. iii tit. 12. 3

а труды Иустина Мученика и Тертуллиана показывают, что они также старались показать, что между язычеством и христианством нет принципиальной разницы. Несомненно, они вполне заслуживают звания Отцов Католической Церкви.

Одна цитата из Мильмана и одна из Евсевия должны поставить точку в вопросе о язычестве христианства. Рассказав о языческих церемониях, связанных с посвящением Константину города Константинополя, Мильман говорит «Сохраняющаяся привязанность Константина к любимому суевию его ранних дней может быть прослежена на еще более надежном основании. Греческое поклонение Аполлону было возвышено до восточного почитания солнца как видимого представителя божества. И из всех статуй, которые были привезены из разных мест, ни одна не была принята с большим почетом, чем статуя Аполлона. В одной части города стояло пифийское, в другой – сминтское божество. Дельфийский треножник, на котором, по словам Зосима, находилось изображение бога, стоял на колонне с тремя извивающимися змеями, которые, как предполагалось, изображали мифического Пифона⁴⁷¹. Но на еще более высокой, знаменитой порфировой колонне, стояло изображение, в котором Константин осмелился соединить атрибуты солнца, Христа и самого себя. По одной из традиций, этот столп был основан как бы на другом суевии. Под ним был погребен сам досточтимый Палладий, тайно перевезенный из Рима, и таким образом вечная судьба старой столицы была перенесена в новую. Колонна, сложенная из мрамора и порфира, возвышалась на сто двадцать футов⁴⁷². Колоссальное изображение на вершине было изображением Аполлона, либо из Фригии, либо из Афин. Но голова Константина была заменена головой бога. Скипетр возвещал о владычестве над миром, а в руке он держал земной шар,

⁴⁷¹ Пифон, или Питон – в древнегреческой мифологии змей, охранявший вход в Дельфийское прорицалище до занятия его Аполлоном и считавшийся сыном Геи. Либо сам Пифон до Аполлона давал прорицания. По его имени была названа Пифия

⁴⁷² 60 метров

олицетворяющий вселенскую империю. Вокруг головы, вместо лучей, были закреплены гвозди истинного креста. Является ли это язычеством, приближающимся к христианству, или христианством, вырождающимся в язычество?»⁴⁷³

Воистину, ученого прелата можно простить за то, что он задал этот вопрос. Однако очевидно, что ответ должен быть таким: это было христианство, вырождающееся в язычество, над чем так усердно трудились Отцы.

И теперь в свете всех этих свидетельств может ли кто-нибудь сомневаться в том, какую форму язычества приняло выродившееся христианство? Когда истинная религия вырождается, она всегда принимает ту форму заблуждения, которой она окружена. История иудеев показывает, что их отступничество всегда принимало форму поклонения солнцу. А язычество Рима было предано солнцу. Как же тогда отступническое христианство могло принять какую-либо иную форму, кроме солнцепоклонничества? А раз так, то что еще, кроме воскресенья, «дикого солнечного праздника всех языческих времен», могло стать великим связующим звеном между двумя религиями? Дело было бы ясным и очевидным, даже если бы не было приведено положительных свидетельств.

Помогая епископам в их попытках оязычить христианство, Константин постарался искоренить последние остатки религии Иеговы, умерив дикий солнечный праздник так, чтобы он полностью занял место истинной субботы. Евсевий говорит: «Он повелел всем подданным Римской империи соблюдать день Господень как день отдыха, а также почитать день, который предшествует субботе, в память, я полагаю, о том, что Спаситель человечества, как записано, совершил в этот день. И поскольку его желанием было научить все свое войско ревностно чтить день Спасителя (который получил свое название от света и солнца), он свободно предоставил тем из них, кто был причастен к божественной вере, досуг для посещения служб церкви Божьей, чтобы они могли без помех совершать свое религиозное богослужение.

⁴⁷³ History of Christianity, book 3, chap. 3

Что касается тех, кто еще не знал божественной истины, то вторым уставом он предписал им являться в каждый день Господень на открытую равнину вблизи города и там по сигналу единодушно возносить к Богу молитву, которую они уже выучили. Он наставлял их, чтобы они не полагались на свои копыя, доспехи или телесную силу, но признавали верховного Бога как подателя всех благ и самой победы. Ему они должны были возносить молитвы с должной регулярностью, воздевая руки к небу и вознося мысленный взор к Царю Небесному, которого они должны призывать как автора победы, своего хранителя, покровителя и помощника. Император сам предписал молитву для всех своих войск, повелев им произносить следующие слова на латинском языке: “Мы признаем Тебя единственным Богом. Мы считаем Тебя своим царем и молим Тебя о помощи. Твоей милостью мы одержали победу. Благодаря Тебе мы могущественнее наших врагов. Мы благодарим Тебя за прошлые блага и уповаем на будущие благословения. Все вместе мы молим Тебя и просим, чтобы Ты надолго сохранил для нас в безопасности и победе нашего императора и его благочестивых сыновей”.

Такова была обязанность, которую должны были исполнять в воскресенье его войска, и такова была молитва, которую им предписывалось возносить Богу⁴⁷⁴.

Это свидетельство очень ценно тем, что показывает, как воскресенье было возведено из языческого праздника в ранг «христианской субботы», а также то, каким образом язычники были превращены в «христиан». Одним богом больше или меньше, не имело значения для язычников, которые привыкли следовать примеру императора в вопросах религии, поэтому Константин не встретил сопротивления в своем плане сделать религию Рима достаточно христианской, чтобы угодить и привязать к себе своих многочисленных и могущественных христианских подданных, и достаточно языческой, чтобы не вызвать недовольства своих языческих подданных. Как говорит епископ Кокс, это был

⁴⁷⁴ Life of Constantine, book 4, chap. 18-20

продуманный политический ход, направленный на сохранение единства империи.

Итак, мы показали, (1) что тот факт, что воскресенье в определенной степени соблюдалось многими исповедующими христианство христианами в самом начале христианской эры, сам по себе не является доказательством того, что это было сделано с божественной санкции, поскольку те же самые люди практиковали множество языческих мерзостей; и (2) что соблюдение воскресенья было языческим обычаем, который был принесен в церковь «обращенными» из язычества; и он поощрялся вместе с другими языческими обычаями, чтобы язычники охотнее присоединялись к церкви. Поклонение, которое раньше оказывалось Аполлону, богу солнца, было перенесено вместе с солнечным праздником на Солнце Праведности, и таким образом христиане порадовали язычников, приняв их главный праздничный день, и в то же время удовлетворили свою собственную совесть, сделав языческий праздник «христианским». Таким образом, когда папство полностью утвердилось, о нем можно было с уверенностью сказать, что оно лишь «крестило язычество», и даже само «крещение» оказалось притворным.

Рост папского представительства

Когда делается утверждение, что папство изменило субботу с седьмого на первый день недели, возникает возражение, что это изменение было произведено до того, как появилось папство. Если бы это возражение было обоснованным, то оно доказывало бы, что папство никогда не вводило никаких порочных практик, поскольку, как мы видели, все мерзости папства были в церкви до времен Константина. Но те, кто выдвигает это возражение, забывают, что «тайна беззакония», кульминацией которой стало папство, действовала еще во времена апостола Павла, и что она ждала только устранения язычества (которое, как правящая сила, препятствовало ее полному развитию), чтобы быть явленной как «то нечестие».

Возможно, некоторым людям будет легче понять суть дела, если мы станем использовать термин «католическая церковь» вместо

«папство». Католическая церковь способствовала росту заблуждения. Правда, эта церковь приняла термин «католическая», что означает «всеобщая» или «вся», чтобы показать, что она единственная и изначальная церковь. Но католической она стала только благодаря тому, что снизила стандарты веры и морали, чтобы принять язычников. Истинная церковь Божья никогда не была «католической», потому что ее принципы настолько чисты, что лишь немногие в любую эпоху были готовы принять их. Поэтому рост заблуждений знаменует собой подъем католической церкви. Хотя большинство людей на земле не принадлежит к ее сообществу, она все же может с полным правом сохранять свое название, потому что ее принципы – это принципы мира, и нет ни одной ложной системы религии, которая не была бы построена на том же самом фундаменте, на котором построена она сама. Этим фундаментом являются человеческие мнения, противоречащие всему или части прямого, буквального учения Библии. В самозваной католической церкви это не индивидуальное мнение, а мнение одного человека.

Как мы уже показывали в предыдущих главах, путь к принятию папы, в индивидуальности которого должна утонуть вся масса человечества, был подготовлен чрезмерным почитанием трудов не вдохновленных людей, которых часто даже нельзя считать христианами. Когда люди принимают утверждения Отцов, ничто не мешает им признать Римского папу, ибо он просто отражает мнения Отцов. Вот почему он может противоречить сам себе и при этом считаться непогрешимым. Нет двух Отцов, которые бы полностью соглашались друг с другом, и нет ни одного из них, который бы полностью соглашался с самим собой. Отцы – настоящий глава Римско-католической церкви, а папа – всего лишь их глашатай, ибо народу удобнее, чтобы один человек объявлял ему учение Отцов, чем чтобы народ выяснял его сам. Конечно, противоречия многих непогрешимых Отцов выглядят несколько более несочетаемыми, когда они представлены в лице одного непогрешимого папы, но к этому скоро привыкаешь.

Чтобы показать, что даже во втором и третьем веках этот существенный элемент папства не отсутствовал, приведем

несколько свидетельств о епископальном и ромейском высокомерии. Следующее свидетельство доктора Киллена показывает власть епископа еще до того, как христианство было официально признано империей: «Уже в середине второго века епископу, по крайней мере в некоторых местах, было доверено главное управление средствами церкви. И, вероятно, около пятидесяти лет после этого большая часть ее доходов была выделена на его личное содержание. Его огромное богатство вскоре значительно усилило его влияние. Таким образом, он смог занять более высокое положение в обществе, чем любой из его собратьев; и в конце концов его стали рассматривать как великий источник покровительства и преференций. Задолго до того, как христианство получило признание государства, главные пасторы великих городов стали привлекать к себе внимание показной демонстрацией светского великолепия... В третьем веке главный пастор западной метрополии наверняка был известен крупным чиновникам, а возможно, и самому императору. Деций⁴⁷⁵, должно быть, рассматривал римского епископа как несколько грозную личность, когда заявил, что скорее потерпит соперника на трон, и когда провозгласил о своей решимости упразднить саму должность»⁴⁷⁶.

Это показывает, что не просто епископальное высокомерие в целом, а в частности римское высокомерие, начало проявляться так рано. Милман говорит, что «когда император Аврелиан передал церковный суд над Павлом Самосатским, мятежником против империи и церкви, от епископов Сирии к епископам Рима и Италии», «Дионисий, как епископ Рима, вынес приговор в этом важном споре»⁴⁷⁷. Это было в 270 году н.э.

Бингем следующим образом свидетельствует о том, как епископ властвовал над наследием Божьим: «То, что вся дисциплинарная

⁴⁷⁵ Гай Мессий Квинт Траян Деций, более известный в римской историографии как Деций Траян или Деций – римский император в 249–251 годах. Деций происходил из Паннонии

⁴⁷⁶ Ancient Church, period 2, sec. 3, chap. 10, paragraph 3

⁴⁷⁷ History of Latin Christianity, book 1, chap. 1

власть, как и все другие должности в церкви, находилась в руках епископа, не вызывает сомнений и явствует из всей предшествующей истории и изложения практики церкви. Ибо каноны всегда говорят о епископе, по крайней мере, в сочетании с его церковным сенатом, его пресвитерией, как об отлучающем преступников от церкви и налагающем на них епитимьи; а затем снова проверяющем их усердие и либо продлевающим их покаяние, либо смягчающем его своей снисходительностью; и, наконец, допускающем их к общению с церковью через отпущение грехов»⁴⁷⁸.

И снова Милман заявляет: «С установлением христианства как религии если не самой империи, то императора, епископ Рима сразу же возвышается до ранга великого уполномоченного лица; епископы постепенно, хотя и медленно, обретают индивидуальный характер. Епископ – главный христианин в главном городе мира, и этот город юридически является христианским. Верховный понтификат язычества мог еще сохраниться от древнего обычая среди многочисленных титулов императора; но пока Константин находился в Риме, епископ Рима, глава императорской религии, стал в общественной оценке равным, [а] по власти и влиянию неизмеримо превосходящим всех священнослужителей. Расколы и фракции христианства теперь стали государственными делами. Пока Рим является императорской резиденцией, обращение к императору – это обращение к епископу Рима. Епископ Рима по решению императорской власти возглавляет синод итальянских прелатов, чтобы судить споры с африканскими донатистами»⁴⁷⁹.

Конечно, если так было, пока император находился в Риме, то тем более так будет, когда епископ Рима станет единственным правителем в этом городе. В приведенном выше утверждении о том, что епископы постепенно обретали индивидуальный характер, прослеживается параллель с возникновением воскресенья как соперника субботы. Иногда говорят, что если суббота была изменена католической церковью, то мы должны быть в состоянии указать тот самый год, в котором это изменение было сделано. Но

⁴⁷⁸ Antiquities, book 19, chap. 3

⁴⁷⁹ History of Latin Christianity, book 1, chap. 2

изменения от истины к заблуждению, от добра к злу не происходят таким образом. Как ни один человек не бросается сразу из добродетели в порок, так и ни одна церковь не меняется от истины к заблуждению за один день. Заблуждение – это рост. Воскресенье, как и все языческие обычаи, принятые католической церковью, появилось постепенно и беззвучно, и было довольно прочно установлено до того, как были приняты какие-либо законы от его имени. Постановления соборов в целом не были произвольными законами, указывающими, что должно быть, а лишь формулировали мнения и обычаи, в значительной степени преобладавшие в то время. Они просто отмечали рост заблуждений, а не создавали их. Так, папство было вполне сформировано до того, как епископ Рима был объявлен верховным главой. Непогрешимость приписывалась папе за сотни лет до того, как она стала догматом церкви.

Говоря о синоде, который Евсевий, епископ Кесарии, созвал в Антиохии в 342 году н.э., церковный историк Сократ отмечает: «Там не было Юлия, епископа древнего Рима, и он не посылал туда своего представителя, хотя церковный канон прямо повелевает, чтобы церкви не принимали никаких постановлений без одобрения епископа Рима»⁴⁸⁰.

В примечании к вышесказанному переводчик отмечает: «Ни один из канонов, о которых говорит Сократ, не существует в виде письменного документа; следовательно, наш автор должен понимать, что он ссылается здесь на принцип или неписанный закон, существующий и общепризнанный как существующий, до всех принятых постановлений по этому вопросу».

В главе 15 той же книги можно найти и следующее: «Испытав значительные трудности, Афанасий наконец достиг Италии. Вся западная часть империи находилась тогда под властью Константа»⁴⁸¹,

⁴⁸⁰ Ecclesiastical History, book 2, chap. 8

⁴⁸¹ Флавий Юлий Констант, более известный в римской историографии как Констант, – римский император как цезарь в 333–337 годах, как август в 337–350 годах. Констант был младшим сыном императора Константина I Великого. В 333 году он получил титул цезаря. После смерти отца Констант получил в удел Италию, Иллирию и Африку

младшего из сыновей Константина. Его брат Константин был убит солдатами, как уже говорилось. В это же время Павел, епископ Константинополя, Асклепий из Газы, Маркелл из Анциры, города в Малой Галатии, и Луций из Адрианополя, изгнанные из своих церквей по разным обвинениям, прибыли в императорский город. Там каждый представил свое дело Юлию, епископу Рима, который отослал их обратно на Восток, восстановив их в их соответствующих церквях на основании своих писем в рамках особой привилегии Римской церкви и в то же время в рамках свободы этой прерогативы резко обличив тех, кем они были низложены».

Юджин Лоуренс дает следующее краткое и меткое описание того, как «человек греха» начал возвышаться, как только Константин снял покров, скрывавший его: «Во время последнего великого гонения при Диоклетиане [303–306 гг. н.э.] епископы Рима, вероятно, снова скрылись в катакомбах. Их церкви были снесены, имущество конфисковано, священные писания уничтожены, и были предприняты энергичные усилия по искоренению могущественной секты. Но усилия оказались тщетными. Вскоре Константин стал императором, и епископ Рима вышел из катакомб, чтобы стать одной из правящих сил мира. За этой внезапной переменой последовала почти полная утрата простоты и чистоты времен гонений. Император возвел в Риме великолепные церкви, украшенные образами и картинами, где епископ восседал на возвышенном троне, окруженный низшими по чину священниками, и совершал обряды, заимствованные из пышного церемониала языческого храма. Епископ Рима стал князем империи и жил в стиле роскоши и пышности, вызывавшем зависть или справедливое негодование языческого писателя Марцеллина⁴⁸². Церковь теперь обогащалась за счет даров и завещаний благочестивых и робких людей. Епископ получал большие доходы от своих ферм в Кампанье и богатых плантаций на Сицилии. Он разъезжал по улицам Рима на величественной колеснице и был одет в роскошные наряды. На его столе было изобилие, превосходящее

⁴⁸² Аммиан Марцеллин – древнеримский историк

императорское. Самые высокомерные женщины Рима осыпали его щедрыми пожертвованиями и следовали за ним со своей лестью и вниманием. Его надменная осанка и роскошь были отмечены как язычниками, так и христианами как странно несовместимые со смирением и простотой, предписываемыми верой, которую он исповедовал. Епископство Рима теперь стало великолепным трофеем, за который амбициозные и беспринципные люди боролись силой или обманом»⁴⁸³.

Но то, что все это высокомерие существовало в зародыше до того, как Константин сорвал скорлупу, следует из утверждения Милмана, что «христианская иерархия была полностью организована и утверждена в умах людей до великих революций, которые при Константине узаконили христианство, а при Феодосии и его преемниках отождествили церковь и государство»⁴⁸⁴. Если бы это было не так, союз церкви и государства не мог бы возникнуть.

Следующее описание того, как избирались епископы, показывает, что епископская должность, вероятно, считалась очень высокой, раз к ней так стремились. В то же время оно показывает, как порочность, царившая в церкви, нашла широкое поле для своей деятельности, как только церковь стала связанной с империей: «Как только епископ закрывал глаза, митрополит давал поручение одному из своих суфраганов⁴⁸⁵ управлять вакантной кафедрой и в течение ограниченного времени подготовить будущие выборы. Право голоса принадлежало низшему духовенству, которое лучше всех могло судить о достоинствах кандидатов; сенаторам или городским дворянам, всем тем, кто отличался своим званием или имуществом; и, наконец, всему народу, который в назначенный день стекался толпами из самых отдаленных уголков епархии и порой своими бурными восклицаниями заглушал голос разума и законы дисциплины. Эти восклицания могли случайно обрушиться на голову самого достойного конкурента, какого-нибудь древнего

⁴⁸³ Historical Studies, pp. 17, 18

⁴⁸⁴ History of Christianity, book 4, chap. 1

⁴⁸⁵ Викарный епископ западной церкви.

пресвитера, святого монаха или мирянина, отличающегося своим рвением и благочестием. Но на епископскую кафедру претендовали, особенно в больших и богатых городах империи, как на мирское, а не духовное достоинство. Заинтересованные взгляды, корыстные и злобные страсти, искусство коварства и обмана, тайная коррупция, открытое и даже кровавое насилие, которые в прошлом позорили свободу выборов в содружествах Греции и Рима, слишком часто влияли на выбор преемников апостолов. Пока один из кандидатов хвастался почестями своей семьи, второй завлекал судей яствами обильного стола, а третий, более отъявленный соперник, предлагал разделить разграбление церкви между соучастниками своих святотатственных надежд»⁴⁸⁶.

В приведенных ранее цитатах мы увидели, как «тайна беззакония» уже в первые века имела все развращенные черты «человека греха». В нескольких последующих цитатах мы увидим, как в то же самое время эта тайна готовилась выступить в качестве того, «кто противится и превозносится выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божиим сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога»⁴⁸⁷. Историк говорит: «Епископ был вечным цензором нравов своего народа. Процедура покаяния была переработана в систему церковного правосудия, которая точно определяла обязанность частной или публичной исповеди, правила правила предъявления свидетельств, степени вины и меру наказания. Невозможно было исполнить это духовное порицание, если христианский понтифик, карающий неясные грехи народа, уважал явные пороки и разрушительные преступления магистрата. Но невозможно было осудить поведение магистрата, не контролируя управление гражданским правительством. Некоторые соображения религии, верности или страха защищали священные персоны императоров от ревности или негодования епископов, но они смело порицали и отлучали от церкви подчиненных тиранов, не облеченных величием пурпура. Святой Афанасий отлучил от церкви

⁴⁸⁶ Gibbon, chap. 20, paragraph 22

⁴⁸⁷ 2 Фес. 2:4

одного из египетских священнослужителей, а произнесенный им интердикт⁴⁸⁸ об огне и воде был торжественно передан церквям Каппадокии. В правление младшего Феодосия вежливый и красноречивый Синезий, один из потомков Геркулеса, занял епископский престол в Птолемаисе, близ развалин древней Кириanei, и этот философский епископ с достоинством поддерживал тот облик, который он принял с неохотой. Он победил монстра Ливии, президента Андроника, который злоупотреблял властью, занимая продажный пост, изобретал новые способы насилий и пыток и усугублял вину угнетения святотатством. После бесплодных попыток вернуть надменного магистрата мягкими и религиозными наставлениями Синезий выносит последний приговор церковного правосудия, которым предаёт Андроника с его соратниками и их семьями отвращению земли и неба. Нечестивые грешники, более жестокие, чем Фаларис или Сеннахериб, более разрушительные, чем война, мор или тучи саранчи, лишаются имени и привилегий христиан, участия в таинствах и надежды на рай. Епископ увещевает духовенство, судей и народ отказаться от всякого общения с врагами Христа, изгнать их из своих домов и отлучить от столов, отказать им в общих жизненных услугах и достойных обрядах погребения. Церковь Птолемаиды, как бы ни была она скромна и презренна, обращается с этим заявлением ко всем своим церквям-сестрам в мире. И люди, отвергающие ее постановления, станут причастниками вины и наказания Андроника и его нечестивых последователей. Эти духовные ужасы были приведены в исполнение ловким обращением к византийскому суду. Трепещущий президент умолял церковь о милосердии, и потомок Геркулеса получил удовольствие от того, что поднял с земли поверженного тирана. Такие принципы и такие примеры неощутимо

⁴⁸⁸ Интердикт – в римско-католической церкви временное запрещение всех церковных действий и треб, налагаемое папой или епископом. Часто интердикт налагался на население целой страны или города, гораздо реже – на отдельных лиц. Интердикт в отношении определённого лица обычно называют отлучением от церкви.

подготовили триумф римских понтификов, которые попирали шеи королей»⁴⁸⁹.

Пусть никто не думает, что это изложение дела хоть в малейшей степени окрашено в ущерб церкви. Мы привели цитату из Гиббона, потому что он излагает суть дела в наиболее сжатой форме. Если читатель изучит «Библейскую, богословскую и церковную циклопедию» Макклинтока и Стронга или «Энциклопедию религиозных знаний Шаффа-Герцога», он найдет все вышесказанное и многое другое в деталях.

Приведенная цитата показывает, до какой степени дошло церковное высокомерие в начале пятого века. Однако необходимо привести еще несколько фактов, чтобы более полно подчеркнуть плачевное состояние церкви в то время, которое могло сделать возможным такое высокомерие. Синезий, о котором говорит Гиббон, был уроженцем Кириены, родился около 375 года н.э. Он изучал философию и риторику в Александрии под руководством Гипатии, знаменитой языческой женщины-философа. Он вернулся в свое поместье, где посвятил себя изучению философии, написанию стихов и охоте, играя роль эlegantного, богатого джентльмена на досуге. В 410 году н.э., еще будучи язычником, он был избран епископом Птолемаиса, где возвеличил свою должность так, как уже было описано выше. Ф. Шафф говорит: «В 409 или 410 году жители Птолемаиса избрали его, языческого философа, женатого человека, своим епископом, и после некоторых колебаний он согласился».

Но он так и не отказался от своего язычества. В «Циклопедии Макклинтока и Стронга» после слов о совершенстве его стиля как писателя говорится следующее: «Его философия лишена оригинальности. Однако даже его философия заслуживает внимания, поскольку иллюстрирует тонкие градации, с помощью которых языческая спекуляция переплавлялась в подобие христианства, не избавляясь от языческих фраз и духа».

Историк Мосхайм называет его «полухристианином». Это пример тех, кто был избран управлять церковью. Когда люди, никогда

⁴⁸⁹ Decline and Fall, chap. 20, paragraph 26

не отказывавшиеся от языческого образа мыслей и языческих практик, были не только допущены к причастию в так называемых христианских церквях, но и фактически поставлены во главе церкви, будет ли ошибкой назвать папство, которое они сформировали, «крещеным язычеством»? Кто, зная эти факты, возьмет на себя смелость привести «обычай ранней церкви» в качестве причины для соблюдения воскресенья или любой другой практики?

Случай с Синезием не был единичным. Среди древних церковников Амвросий Миланский⁴⁹⁰ стоит во главе угла. Обстоятельства его возведения в сан епископа историк излагает кратко и точно: «Пальма первенства в епископской деятельности по праву принадлежала неустрашимому Амвросию. Он происходил из знатной семьи римлян; его отец занимал важный пост префекта Галлии, а сын, пройдя через обучение в рамках либерального образования, достиг в обычной градации гражданских почестей должности консула Лигурии, провинции, включавшей императорскую резиденцию Милан. В возрасте тридцати четырех лет, еще не приняв таинство крещения, Амвросий, к своему собственному удивлению и удивлению всего мира, внезапно превратился из правителя в архиепископа. Без малейшей примеси, как говорят, искусства или интриг, весь народ единогласно приветствовал его епископским титулом. Единодушие и настойчивость их восклицаний приписывали сверхъестественному порыву, и с неохотой магистрат был вынужден принять духовный сан, к которому он не был подготовлен привычками и занятиями своей прежней жизни. Но благодаря живой силе собственного таланта он вскоре научился исполнять обязанности своей церковной службы, причем с усердием и благоразумием. И хотя он с радостью отказался от тщеславных и пышных атрибутов мирского величия, он снизошел, ради блага церкви, направлять совесть императоров и контролировать управление империей»⁴⁹¹.

⁴⁹⁰ Амвросий Медиоланский, или Аврелий Амвросий – миланский епископ, проповедник, богослов и поэт. Один из четырех великих латинских Учителей Церкви, он обратил в христианство и крестил Августина Аврелия

⁴⁹¹ Decline and Fall, chap. 27, paragraph 12

Эти вещи не вызовут удивления у тех, кто читал главы этой книги, посвященные Отцам. Если писания «полухристианских» (то есть полуязыческих) людей могли быть приняты Церковью как вдохновенные, то естественным следствием было то, что такие же люди были поставлены на главные посты. Не следует забывать, что «полухристианином» был тот, кто исповедовал христианство, но практиковал язычество или переплавлял языческие спекуляции «в подобие христианства».

Говоря о Григории, епископе Константинопольском, и о том, как был назначен его преемник, Гиббон отмечает: «Его лишение сана было принято синодом и императором с большей готовностью, чем он, по-видимому, ожидал. В то время, когда он мог надеяться насладиться плодами своей победы, его епископский престол занял сенатор Нектарий. И новый архиепископ, случайно рекомендованный своим легким нравом и почтенным видом, был вынужден отложить церемонию своего посвящения, пока он предварительно не отправил обряд своего крещения»⁴⁹².

Это те люди, к которым мы обращаемся за советом в вопросах христианской веры и практики. Мы предпочитаем обращаться к более высокому источнику. Что можно ожидать от церкви, которая полагается в своем наставлении на людей, которые до своего посвящения в епископы, да и вообще всю свою жизнь, были языческими философами и политиками? «Может ли слепой водить слепого? не оба ли упадут в яму?»⁴⁹³

Конечно, гонения были естественным результатом столь большой власти в руках таких людей. Человеческая природа не терпит сдерживания и противодействия, и когда во главе церкви стояли необращенные люди, они, естественно, использовали в борьбе с ересью методы светских тиранов. А «ересь», как следует понимать, было все, что отличалось от идей этих языческо-христианских епископов. Мы не выполним свой долг, если не укажем на тот факт, что союз церкви и государства был ответственен

⁴⁹² Decline and Fall, chap. 27, paragraph 9

⁴⁹³ Лк. 6:39

за такое положение вещей. В качестве подтверждения вывода, впервые изложенного в этом параграфе, мы приводим следующее: «Предполагалось, что заблуждения еретиков могли проистекать только из упрямого нрава их умов, и что такой нрав был подходящим объектом для порицания и наказания. Анафемы⁴⁹⁴ церкви были подкреплены своего рода гражданским отлучением, которое отделяло их от сограждан особым клеймом позора. И это заявление верховного судьи имело тенденцию оправдывать или, по крайней мере, смягчать оскорбления фанатичного населения. Сектанты постепенно лишались права занимать почетные или прибыльные должности, и Феодосий был доволен собственной справедливостью, когда постановил, что, поскольку евномиане⁴⁹⁵ отличают природу Сына от природы Отца, они не могут составлять завещания или получать какую-либо выгоду от завещательных даров. Вина за манихейскую ересь считалась столь значительной, что могла быть искуплена только смертью преступника. Такому же смертному наказанию подвергались аудиане или квартодециманы⁴⁹⁶, которые осмеливались совершить жестокое преступление – праздновать в неположенный день праздник Пасхи. Каждый римлянин мог воспользоваться правом публичного обвинения, но должность инквизиторов веры, столь заслуженно ненавидимая, была впервые учреждена в правление Феодосия»⁴⁹⁷.

В качестве заключения по вопросу церкви и государства приводится следующая цитата: «Благодарные рукоплескания духовенства освятили память принца, который потакал их страстям и способствовал их интересам. Константин дал им безопасность,

⁴⁹⁴ Анафема – изначально – жертва Богу по данному обету, посвящение Богу; позже – отделение, изгнание, проклятие

⁴⁹⁵ Еще как аномеи – последователи Евномия, епископа Кизика, ученика радикального арианского теолога Аэция.

⁴⁹⁶ Квартодециманы или протопасхиты – в древней христианской церкви приверженцы иудейской Пасхи в Малой Азии и Сирии, отлученные от церкви соборами Никейским (325) и Антиохийским (341) и объявленные еретиками.

⁴⁹⁷ Decline and Fall, chap. 27, paragraph 10

богатство, почести и месть, а поддержка ортодоксальной веры считалась самой священной и важной обязанностью гражданского магистрата. Миланский эдикт⁴⁹⁸, великая хартия веротерпимости, закрепил за каждым жителем римского мира привилегию выбирать и исповедовать собственную религию. Но эта неоценимая привилегия вскоре была нарушена. Познав истину, император проникся принципами гонений, и секты, не согласные с католической церковью, пострадали и были угнетены торжеством христианства. Константин легко верил, что еретики, которые осмеливались оспаривать его мнение или противиться его приказам, были виновны в самом отвратительном и преступном упрямстве, и что своевременное применение умеренной строгости может спасти этих несчастных людей от опасности вечного осуждения. Не было упущено ни минуты, чтобы лишить служителей и учителей отделившихся общин какой-либо доли вознаграждений и неприкосновенности, которыми император так щедро одаривал ортодоксальное духовенство. Но поскольку сектанты все еще могли существовать под облаком царской немилости, после завоевания Востока сразу же последовал эдикт, объявивший об их полном уничтожении. После преамбулы, наполненной страстями и упреками, Константин категорически запрещает собрания еретиков и конфискует их общественное имущество в пользу либо казны, либо католической церкви... Замысел искоренить имя или хотя бы сдержать распространение этих одиозных еретиков осуществлялся энергично и эффективно. Некоторые из уголовных постановлений были скопированы с эдиктов Диоклетиана. И этот метод обращения был одобрен теми же епископами, которые чувствовали руку угнетения и ратовали за права человечества»⁴⁹⁹.

⁴⁹⁸ Миланский эдикт – соглашение, достигнутое в июне 313 года римскими императорами Константином и Лицинием при встрече в Медиолане. Провозглашало религиозную терпимость на территории Римской империи. Считается переломным моментом на пути превращения христианства в официальную религию империи

⁴⁹⁹ Там же, chap. 21, paragraph 1

Чтобы показать, что это простой исторический факт, а не суровое суждение человека, который был предвзят в своих взглядах, мы процитируем указ Константина, касающийся доктрин Ария⁵⁰⁰ и тех, кто их придерживался. Читаем: «Виктор Константин Максим Август, епископам и народу. Поскольку Арий подражал нечестивым и порочным людям, справедливо, чтобы он подвергся такому же бесчестию. Поэтому, как Порфирий, этот враг благочестия, за сочинение развратных трактатов против религии нашел подходящее воздаяние, и те, кто впредь клеймил его позором, осыпали его заслуженными поношениями, его нечестивые сочинения также были уничтожены, так и теперь кажется целесообразным, чтобы Арий и те, кто придерживается его взглядов, были названы порфирианами, чтобы они получили свое прозвище от того, чьему поведению они подражали. И в дополнение к этому, если будет обнаружен какой-либо трактат, составленный Арием, пусть он будет предан огню, чтобы не только пресечь его развращенное учение, но и чтобы ни в коем случае не осталось никакого воспоминания о нем. Поэтому я постановляю, что если кто-либо будет уличен в сокрытии книги, составленной Арием, и не принесет ее немедленно и не сожжет, то наказанием за это преступление будет смерть, ибо сразу после осуждения преступник должен понести высшую меру наказания. Да хранит вас Господь!»⁵⁰¹

Мы показали, в каком состоянии находилась церковь в тот период, когда среди христиан появилось соблюдение воскресного дня. Мы ни в коем случае не хотим, чтобы у читателя сложилось впечатление, что то, что было описано в приведенных цитатах, было христианством в любом смысле этого слова. По сути, это было язычество под маской христианства – маской, которая ни в малейшей степени не может скрыть чудовище, таящееся под ней, от глаз того, кто не ослеплен необоснованными предрассудками.

⁵⁰⁰ Арий – ливийский пресвитер и аскет, священник в Баукалесе в Александрии, Египет. Один из ранних ересиархов, основоположник и эпоним арианства.

⁵⁰¹ Ecclesiastical History of Socrates, book 1, chap. 9

Истинное христианство существовало в то же время, но оно не поднимало голову так высоко. Верное своей природе, оно занимало скромное положение. Его приверженцы, вместо того чтобы быть «народом» Римской империи, составляли лишь незначительное меньшинство подданных этой великой державы. «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их»⁵⁰². Истинное христианство не прибегало к помощи мирской власти, но побеждало исключительно с помощью Духа и своего меча, которым является Слово Божье. Поэтому те, кто хочет идти прямым и узким путем, указанным великим Основателем христианства, будут руководствоваться не обычаями того огромного собрания языческих христиан, которое называется «церковью», а Словом Божьим, «которое живет и пребывает вовек».

⁵⁰² Мф. 7:13, 14

ГЛАВА XV. Дополнение

Истинный и неизменный субботний день

В основной части книги читателю было указано на фундамент, на котором покоится воскресная суббота. Теперь его внимание обращено на очень краткое исследовательское основание, на котором покоится истинная суббота, чтобы он мог противопоставить беспочвенную ткань язычества тому, что не может быть поколеблено.

«Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих; ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его»⁵⁰³.

Четвертая заповедь – это прочное основание, на котором зиждется соблюдение субботы. Те, кто трепещет перед Словом Божьим, не могут желать иного. Если мы проанализируем заповедь, то обнаружим, что она состоит из простого повеления свято соблюдать день субботний, а затем такого четкого определения субботы, которое отличает ее от всех остальных дней, так что ни один внимательный человек не может не знать, какой день является субботним.

«День седьмой – суббота». Какой седьмой день? Самый естественный вывод – седьмой день недели; ведь тот факт, что ему предшествуют шесть дней труда, показывает, что он последний в периоде семи дней, а единственный период из семи дней – это неделя. Кроме того, заповедь уточняет, что имеется в виду, говоря: «ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его». «Неделя творения» – это очень распространенный термин, выражающий время Божьего творения

⁵⁰³ Исх. 20:8-11

и отдыха. День, в который Бог отдыхал, был седьмым днем недели творения. День, в который нам заповедано отдыхать, – это седьмой день недели, который берет свое начало от первой недели времени, в которую Бог сотворил небо и землю и отдыхал.

То, что седьмой день недели – суббота и что именно это предписывает заповедь, явствует из одного места в Новом Завете. Авторы четырех Евангелий с большей или меньшей подробностью описывают события распятия и воскресения Христа. Все они утверждают, что распятие произошло в день приготовления, то есть за день до субботы. Кроме того, все они упоминают о том, что некие женщины пришли к гробу очень рано в первый день недели и нашли его пустым. Лука говорит (24:1), что они пришли «в первый же день недели, очень рано», а Марк говорит (16:1), что это было «по прошествии субботы». Теперь прочитайте в последовательном порядке, что говорит Лука сразу после своего рассказа о погребении Иисуса: «День тот был пятница, и наступала суббота. Последовали также и женщины, пришедшие с Иисусом из Галилеи, и смотрели гроб, и как полагалось тело Его; возвратившись же, приготовили благовония и масти; и в субботу остались в покое по заповеди. В первый же день недели, очень рано, неся приготовленные ароматы, пришли они ко гробу, и вместе с ними некоторые другие»⁵⁰⁴.

Из этого текста мы узнаем, что день приготовления непосредственно предшествовал дню субботнему. Мы также узнаем, что первый день недели непосредственно следовал за субботой. Значит, поскольку в неделе всего семь дней, то день субботний должен был быть седьмым днем недели. «Ну, – скажет кто-то, – никто не ставит это под сомнение; зачем же так прямо заявлять об этом?» Просто потому, что этот субботний день, который, как доказано, невозможно отрицать, был седьмым днем недели, соблюдался женщинами «по заповеди». Таким образом, вдохновенный автор самым положительным образом доказал, что день субботний, который, согласно четвертой заповеди, мы должны помнить и свято хранить, – это седьмой день недели.

⁵⁰⁴ Лк. 23:54-56; 24:1

«Помни день субботний, чтобы святить его», а не для того, чтобы сделать его святым. Человек не может сделать что-либо святым. Эта власть принадлежит только Богу. Это необоснованное, почти кощунственное предположение, что люди могут освятить как субботу любой день, в который они захотят отдохнуть. Господь сделал день субботний святым, и Он требует, чтобы человек хранил его в святости и не осквернял нечестивыми словами и делами.

Но суббота возникла не с дарованием заповеди с Синая. В то время Бог лишь провозгласил уже существовавший закон. Священность субботы, которую охраняет четвертая заповедь, началась не тогда, точно так же как и священность человеческой жизни, которую охраняет шестая заповедь, не началась в то время. Сама заповедь отсылает нас к творению. Почему нам заповедано святить день субботний? «Ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его».

Утверждение, что Бог благословил и освятил день субботний, равносильно утверждению, что Он благословил и освятил седьмой день, ибо «день седьмой – суббота». Этот день стал субботой с того момента, когда Бог почил в нем. Суббота – это название седьмого дня недели, который Бог освятил. О том, что Бог благословил и освятил, или сделал святым, седьмой день в частности, а не только институт субботы в целом, ясно говорится в записи, к которой относится эта заповедь: «Так совершены небо и земля и все воинство их. И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал. И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал»⁵⁰⁵.

Это утверждение, что Бог освятил седьмой день, потому что в этот день Он отдыхал, разрушает теорию о том, что Божья суббота длится безмерно долго, что суббота, которую Он начал, когда закончил работу по сотворению мира, еще не завершена. Такая теория делает бессмыслицей четвертую заповедь, предписывающую

⁵⁰⁵ Быт. 2:1-3

нам день, в который Бог почил. Но если бы было верно, что Божья суббота продолжается с момента сотворения и даже сейчас, то повеление соблюдать субботу Господню было бы равносильно повелению никогда не делать никакой работы! Однако факт ясно говорит о том, что, когда Бог благословил и освятил седьмой день, Его покой в нем был уже в прошлом. Он благословил и освятил его не потому, что отдыхал в нем, а потому, что отдохнул в нем.

Обратите внимание на то, как создавалась суббота. Во-первых, Бог сотворил небо и землю за шесть дней – шесть дней, таких, как мы знаем, состоящих из темной и светлой частей, вызванных вращением земли вокруг своей оси, и каждый из них был завершен за двадцать четыре часа. Во-вторых, на седьмой день Бог отдыхал. В-третьих, он благословил седьмой день и освятил его, потому что в этот день Он отдыхал (*пред.: по факту уже прошлого*). Тогда он стал святым Божьим субботным днем.

Когда Бог завершил отдых в седьмой день, Он освятил его. Освятить – значит назначить, выделить особыми указаниями и предписаниями. Так Господь говорит: «Освятите пост, созовите торжественное собрание»⁵⁰⁶. Сыны Израилевы назначили (освятили) шесть городов в качестве мест убежища. (Они освятили их, выделив их для этой цели, и поставили всех в известность). Еще более ясным является свидетельство в девятнадцатой главе книги Исход. Когда Господь сошел на гору Синай, Он сказал Моисею: «и проведи для народа черту со всех сторон и скажи: берегитесь восходить на гору и прикасаться к подошве ее»⁵⁰⁷. После этого Моисей сказал Господу: «не может народ взойти на гору Синай, потому что Ты предостерег нас, сказав: проведи черту вокруг горы и освяти ее»⁵⁰⁸. Так Бог освятил субботу, установив вокруг нее границы Своего Слова и повелев жившим тогда людям – Адаму и Еве, а через них и их потомкам – не переступать эти границы.

На этих трех фактах покоится суббота. Бог сотворил небо и землю за шесть дней. Он отдыхал на седьмой день. Он благословил

⁵⁰⁶ Иоиль 1:14, перевод с английского

⁵⁰⁷ Исх. 19:12

⁵⁰⁸ Стих 23

и освятил, или назначил священным, седьмой день. Прежде чем изменить субботу, необходимо изменить факты творения. Но факт – это то, что уже свершилось, а факт изменить нельзя. Даже если бы небеса и земля были разрушены, все равно останется факт, что Бог сотворил их, и что Он отдыхал в седьмой день, благословил и освятил его в память о Своем творении. На этих фактах покоится суббота. Чтобы отменить субботу или перенести ее на другой день, кроме седьмого, необходимо уничтожить небо и землю, и не только это, но и уничтожить сам факт их сотворения, чтобы сделать истиной, что они никогда не существовали. Но это не под силу даже всемогуществу.

Какая стабильность в делах Божьих! «Дела рук Его – истина и суд; все заповеди Его верны, тверды на веки и веки, основаны на истине и правоте»⁵⁰⁹. Поэтому «скорее небо и земля прейдут, нежели одна черта из закона пропадет»⁵¹⁰.

Апостолы и первый день недели

В главе «Поклонение солнцу и воскресенье» было показано, что воскресенье с древнейших времен было языческим праздничным днем, посвященным развратному поклонению солнцу, и что принятие его ранней церковью стало звеном, соединившим церковь с язычеством. Его существование в церкви и сегодня, хотя оно и облеклось в подобие субботы, чье место оно узурпировало, является постоянным напоминанием о великом отступничестве и доказательством того, что Реформация не полностью очистила церковь от языческого разврата. В таком случае очевидно, что в Библии не может быть никаких оснований для этого, и это было прямо указано. Однако не лишним будет обратить внимание на те отрывки, в которых упоминается первый день недели, поскольку если бы с этим днем была связана какая-то святость, она бы там, по крайней мере, подразумевалась.

Наша задача не очень большая, ведь первый день недели упоминается в Новом Завете всего восемь раз, и шесть из этих

⁵⁰⁹ Пс. 110:7, 8

⁵¹⁰ Лк. 16:17

случаев относятся к одному первому дню – дню, когда Христос восстал из гроба. Эти шесть текстов: Мф. 28:1; Мк. 16:2, 9; Лк. 24:1; Ин. 20:1, 19. Они гласят по порядку следующее:

– «По прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели, пришла Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб»⁵¹¹.

– «По прошествии субботы Мария Магдалина и Мария Иаковлева и Саломия купили ароматы, чтобы идти помазать Его. И весьма рано, в первый [день] недели, приходят ко гробу, при восходе солнца»⁵¹².

– «Воскреснув рано в первый [день] недели, [Иисус] явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов»⁵¹³.

– «В первый же день недели, очень рано, неся приготовленные ароматы, пришли они ко гробу, и вместе с ними некоторые другие»⁵¹⁴.

– «В первый же [день] недели Мария Магдалина приходит ко гробу рано, когда было еще темно, и видит, что камень отвален от гроба»⁵¹⁵.

– «В тот же первый день недели вечером, когда двери [дома], где собирались ученики Его, были заперты из опасения от Иудеев, пришел Иисус, и стал посреди, и говорит им: мир вам!»⁵¹⁶

Ни в одном из этих текстов нет ни малейшего намека на то, что этот день был священным или впредь должен был считаться таковым. В них просто говорится о том, что Иисус встретился с некоторыми из своих учеников в день своего воскресения. Эти случаи упоминаются для того, чтобы показать, что Христос действительно воскрес из мертвых на третий день, как Он и говорил. То, что Он сразу же явился Своим ученикам, было самым естественным в мире, чтобы облегчить их скорбь. Встреча,

⁵¹¹ Мф. 28:1

⁵¹² Мк. 16:1, 2

⁵¹³ Мк. 16:9

⁵¹⁴ Лук. 24:1

⁵¹⁵ Ин. 20:1

⁵¹⁶ Ин. 20:19

о которой говорится в Иоанна 20:19, была не религиозным собранием, не собранием для молитвы или празднования воскресения, а просто такой встречей, какая была у Иисуса с Марией, с другими женщинами и с Петром, – одним из «многих непогрешимых доказательств» Его воскресения. Что это так, видно из того, что у одиннадцати было одно общее жилище (Деян. 1:13), и что незадолго до того, как Иисус вошел в комнату, где они находились, двое учеников, которым Иисус явился, «когда они шли в селение», вернулись и сказали одиннадцати, что Иисус воскрес, но их рассказу не поверили (Мк. 16:12, 13). Более того, когда Иисус Сам явился им, они сидели за трапезой, и Он «упрекал их за неверие и жестокосердие, что видевшим Его воскресшего не поверили» (Мк. 16:14). Они не могли праздновать Его воскресение, если не верили, что Он воскрес. Сравнение Деян. 1:13 с Мк. 16:14 и Лк. 24:36-43 достаточно, чтобы показать, что когда Иисус встретился со своими учениками вечером в день Своего воскресения, они просто ужинали дома и не верили, что Он воскрес.

Когда Иисус встретился с ними, Он не сказал им, что отныне они должны отмечать первый день недели в честь Его воскресения, и не произнес никакого благословения на этот день. Одним словом, Он не сделал никакого упоминания об этом дне. Ученикам он дал приветствие мира, сказав: «Мир вам», и дыхнул на них, сказав: «Примите Духа Святого». Но это касалось учеников, а не дня. Таким образом, мы видим, что в связи с воскресением Иисуса нет ни малейшего намека на святость воскресенья (*ред.: первого дня недели*).

Следующее упоминание о первом дне недели содержится в Деяниях 20:7, и там мы видим, что в этот день было проведено собрание: «В первый же день недели, когда ученики собрались для преломления хлеба, Павел, намереваясь отправиться в следующий день, беседовал с ними и продолжил слово до полуночи». И здесь можно отметить одну вещь, а именно то, что это единственное прямое упоминание в Новом Завете о религиозном собрании в первый день недели. Однако если бы было записано о пятидесяти

собраниях в этот день, это ничуть не повлияло бы на его авторитет, ведь собрания проводились каждый день в течение недели. В Новом Завете есть сведения о многих собраниях, проведенных в субботу, но это не причина, по которой следует соблюдать субботу. Суббота стоит на ином основании, чем это, на неизменном Слове Божьем.

Но что же это за собрание в первый день недели? Прежде всего отметим, что это было ночью, потому что «В горнице, где мы собрались, было довольно светильников»⁵¹⁷. Павел проповедовал до полуночи⁵¹⁸, а затем, после небольшого перерыва, до рассвета, когда он ушел⁵¹⁹. Но каждый день, согласно библейскому методу исчисления времени, заканчивается с заходом солнца. (См. Быт. 1:5, 8, 13, 19, 23, 31; Лев. 23:32; Мк. 1:32). Поэтому, поскольку встреча в Трояде произошла в темное время первого дня недели, она не могла быть в конце этого дня, но должна была быть в начале, что соответствует тому, что в народе называют «субботним вечером».

Обратите внимание на то, что последовало за субботней встречей. Как только рассвело, в воскресенье утром, спутники Павла отправились на корабль и продолжили свой путь в Иерусалим, а сам Павел решил пройти пешком через всю страну и присоединиться к корабельной компании в Ассе. Расстояние от Трояды до Ассы составляло около шестидесяти миль по воде, но только девятнадцать по суше, так что Павел мог легко добраться до этого места раньше корабля. То, что это путешествие было совершено в первый день недели, настолько очевидно, что мало кто, если вообще кто-либо, из комментаторов предлагает иное мнение. Писание не нуждается в одобрении со стороны людей, но, возможно, некоторым умам будет полезно знать, что такой взгляд на текст не является чем-то особенным. В «Жизни Павла» Конибира и Хаусона говорится об этой поездке Павла: «Силу и мир, несомненно, искал и получал апостол от Искупителя, когда шел по своей одинокой дороге в тот воскресный день весной среди дубрав и ручьев Иды»⁵²⁰.

⁵¹⁷ Стих 8

⁵¹⁸ Стих 7

⁵¹⁹ Стих 11

⁵²⁰ Chapter 20, paragraph 11

Таким образом, по примеру апостолов, воскресенье должно использоваться в мирской работе.

Еще один текст завершает список упоминаний о первом дне. Это 1-е Кор. 16:2, которое, вместе с предыдущим стихом, гласит следующее: «При сборе же для святых поступайте так, как я установил в церквах Галатийских. В первый день недели каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает, сколько позволит ему состояние, чтобы не делать сборов, когда я приду»⁵²¹.

Буквально это можно перевести так: «Пусть каждый из вас откладывает у себя дома, накапливая, как Бог благоволит ему», и то, что предписание Павла относится к частным, а не к общественным хранилищам, видно из самого текста, а также из того, что апостол написал во втором Послании, где он говорит: «Посему я почел за нужное упросить братьев, чтобы они наперед пошли к вам и предварительно озаботились, дабы возвещенное уже благословение ваше было готово, как благословение, а не как побор»⁵²². Но если бы их приношения бросали в ящик для сбора пожертвований и хранили все вместе в сокровищнице церкви, то не было бы нужды посылать братьев вперед, чтобы они заранее приготовили свои щедроты.

Это все тексты, в которых говорится о первом дне недели, и ни один из них не намекает на то, что этот день был в каком-либо смысле священным. Действительно, в то время, когда был написан Новый Завет, никто в мире не слышал о том, чтобы «день солнца» считался священным днем, ибо язычники отмечали его только как день дикого праздника.

Но во всем Новом Завете седьмой день недели называется субботой – тем же именем, которое дано ему в заповеди. Это не потому, что авторы Нового Завета были иудеями, ведь они писали не как иудеи, а как люди, вдохновленные Святым Духом. Они были христианами и писали под руководством Духа Божьего для утешения, ободрения и наставления христиан до конца времен. Если бы седьмой день не был субботой для христиан и для всех людей, то

⁵²¹ 1 Кор. 16:1, 2

⁵²² 2 Кор. 9:5

Святой Дух не дал бы ему такого названия. Но истина заключается в том, как было показано ранее, что седьмой день – это суббота, установленная неизменным действием Творца, и никакой другой день никогда не может быть субботой. Таким образом, мы видим, что доктор Скотт и «Христианин на работе» сказали точную правду, когда заявили, что мы должны обратиться к более поздним, чем апостольские времена, чтобы найти практику соблюдения воскресенья, и что оно появилось постепенно и тихо. Но все, что появилось в церкви после дней Христа, обязано язычеству.

Крещение в ранней церкви

Ссылки на крещение, приведенные в этой книге, показывают, что в первые века этот обряд был менее извращен, чем любой другой. Конечно, при общем религиозном упадке эпохи подлинный дух этого таинства, как и любого другого, был в значительной степени утрачен. Когда вера уступила место форме, как это случилось, когда язычники, для которых религия была лишь формой, пришли в церковь толпами, церковь в целом потеряла из виду тот факт, что спасает именно вера, и приписала спасительную силу воде крещения. Об этом свидетельствуют труды Тертуллиана. В обряд вносились различные дополнения, но сам акт крещения оставался неизменным. Некоторые свидетельства на этот счет уже приводились. Но с тех пор, как были напечатаны предыдущие страницы, вышла книга, в которой так ясно излагается суть дела, что мы помещаем ее здесь для пользы наших читателей. Книга называется «Христианская археология», автор – Чез. В. Беннетт⁵²³. И автор, и редакторы полностью привержены обычаю окропления

⁵²³ Доктор философии, профессор исторического богословия в Библейском институте Гаррета, Эванстон, штат Иллинойс, со вступительной рецензией доктора Фердинанда Пайпера из Берлинского университета. Это четвертый том «Библейской и богословской библиотеки» под редакцией Джорджа Р. Крукса, доктора философии, и епископа Джона Ф. Херста, доктора философии, Методистской епископальной церкви, и он очень высоко рекомендован религиозной прессой

и проведения этого обряда над младенцами, и поэтому их свидетельство имеет тем большую ценность, так как оно прямо противоречит их практике и аргументам, приведенным в самой книге. На странице 392 «Христианской археологии» мы находим следующее: «Хотя ни в Писании, ни в трудах Отцов, более ранних, чем Иреней и Тертуллиан, не встречается положительного утверждения относительно крещения младенцев, к концу второго века упоминается о крещении детей, а в третьем – младенцев. Но даже в четвертом веке практика крещения младенцев не является общей, поскольку выдающиеся Отцы, чьи родители были христианами, не принимали крещения до совершеннолетия... С четвертого века правильность крещения младенцев не подвергалась сомнению, и эта практика не была необычной; тем не менее, крещение взрослых было более распространенной практикой в течение первых шести веков».

На странице 396, под заголовком «Способ крещения», мы находим следующее утверждение: «Нет ни малейшего свидетельства о том, что в апостольский период сам способ крещения претерпел какие-либо изменения. При крещении первых новообращенных апостолы использовали обычный способ. Они были знакомы с крещением учеников Иоанна и иудейских прозелитов. Обычно это было погружение или окунание. На это указывают не только слова, используемые при описании обряда, но и самые ранние свидетельства сохранившихся документов отдают предпочтение этому способу».

Наконец, на странице 407 мы находим следующее: «Мы вынуждены верить, что, хотя погружение было обычным способом совершения крещения с первого по двенадцатый век, в церкви очень рано появилась большая степень христианской свободы, благодаря которой способ крещения мог быть легко приспособлен к особым обстоятельствам».

Наши читатели знают, как дорого стоит «христианская свобода», имевшая место в первые века существования церкви и заключавшаяся в нехристианской практике извращения самых простых предписаний Библии в соответствии с представлениями

толкователя. Это вовсе не свобода, а разрешение на грех, причем самое неоправданное. Христианская свобода лежит только в одном направлении – свобода поступать правильно, а правильно – это не что иное, как то, что предписывает Библия. Когда люди берут на себя смелость отступить от правил, изложенных в Библии, они перестают быть христианами, и их поступкам нельзя подражать. Поэтому то, что в предыдущем абзаце названо «христианской свободой», было ничем иным, как языческой вольностью.

Еще одна часть книги очень интересна как подтверждение некоторых свидетельств, приведенных выше. На страницах 399-406 есть десять вырезок, скопированных с древних фресок, изображающих (или, скорее, карикатурно изображающих) сцены крещения, некоторые из них, очевидно, предназначены для изображения крещения Христа. Автор вставил эти изображения, чтобы максимально опровергнуть свидетельство, которое истина заставила его дать относительно крещения. Ведь ни на одной из них крещаемый не представлен погруженным в воду. На некоторых из них он только выходит из воды, так что невозможно определить, был ли обряд, который, очевидно, только что был совершен, погружением или обливанием. В других, однако, служитель представлен как возлагающий руку на голову крещаемого или, например, льющий на нее воду из сосуда. В этих отрывках автор находит достаточный авторитет для того, чтобы заменить погружение кроплением или обливанием. Это то, что можно назвать изобразительным богословием.

Но именно в таких картинках наиболее ярко проявляется несостоятельность тех, кто апеллирует к обычаям, а не к Библии. Приведем собственное описание автора первого изображения: «Христос стоит в Иордане, воды которого доходят примерно до середины тела, а Иоанн, стоящий на суше и держащий в левой руке украшенный крест, льет воду из кувшина, который держит в правой руке Креститель. Символический голубь, спускающийся прямо на голову Иисуса, завершает изображение крещения. Иордан,

символизируемый речным богом, несущим тростник, вносит в сцену языческий элемент»⁵²⁴.

Удивительно, что христианский автор может выдвигать в качестве авторитета для практики христиан картину, в которой он признает наличие языческих элементов, и это при том, что ранее он признавал, что крещение по Писанию и апостольскому уставу – это только полное погружение.

Однако это еще не все. На всех этих древних по сути карикатурах (за двумя исключениями) крещаемый, которого окропляют или обливают, совершенно обнажен. В двух исключениях на нем одна одежда. Поэтому, согласно свидетельству этих картинок, кропление вместо погружения имеет такое же основание, как и лишение кандидата одежды. Фактически, как свидетельствует Бингем в процитированных нами отрывках из его трудов, люди крестились нагими до того, как крещение было заменено окроплением.

Подведем итог. Погружение – единственное крещение, известное авторам Библии. Окропление, как и проведение обряда над младенцами, не было известно в церкви до третьего века и стало общепринятым не ранее шестого века. Поэтому оно является установлением католической церкви. Весь авторитет, на который могут претендовать протестанты, – это обычай этой церкви. Однако было найдено несколько изображений, на которых кандидат в члены церкви изображен окропленным; и чтобы максимально приблизить окропление к апостольским временам, некоторые археологи предполагают, что эти изображения были сделаны во втором веке, несмотря на утверждение автора, что окропление не было известно так рано в церкви. Но как бы то ни было, изображения представляют крещаемого обнаженным и вносят в них явно языческий элемент. Так что тот, кто ссылается на них как на основание для практики христиан, сам себя обманывает. К таким презренным подменам обычай заставляет прибегать своих почитателей. Куда лучше

⁵²⁴ Ст. 404

признать истину Писания, что «обычаи народа суетны», и следовать Библии и только ей.

Биографические заметки

Иоганн Август Вильгельм Неандер родился в Геттингене, Германия, 15 января 1789 года, а умер 14 июля 1850 года. По рождению он был евреем, но в 1806 году отказался от иудаизма. Первоначально его звали Мендель, но после крещения он принял имя Неандер, от двух греческих слов, означающих «новый человек». В разное время он был профессором Гейдельбергского и Берлинского университетов. Он был автором многочисленных работ, самой большой из которых является «Церковная история». По всеобщему признанию, он является величайшим из церковных историков, и его обычно называют «отцом современной церковной истории».

Арчибальд Боуэр родился в Данди, Шотландия, 17 января 1686 года, а умер в Лондоне 3 сентября 1766 года. В раннем детстве он был католиком и стал иезуитом. В 1726 г. он стал членом Англиканской церкви, а в 1747 г. был назначен библиотекарем королевы. Его «История пап» (Лондон, 1750) содержит самый подробный рассказ о папах, который когда-либо появлялся на английском языке.

Евсевий Кесарийский, которого называют «отцом церковной истории», родился в 270 году н.э. Он первым собрал разрозненные летописи первых трех веков христианской церкви в своей «Церковной истории», которая охватывает период от рождения Христа до поражения Лициния в 324 г. н.э. Он был очень заметен в спорах о Троице, хотя на чьей стороне он был на Никейском соборе, решить трудно, поскольку его жизненная политика была направлена на то, чтобы быть на стороне победителей. Это привело к тому, что он стал восхвалителем Константина, чьим близким другом он и стал, и о чьей жизни он написал, завершив работу незадолго до своей смерти, которая произошла в 340 г. н.э.

Джон Карл Людвиг Гизелер родился в Петерсхагене близ Миндена, Пруссия, 3 марта 1793 года; умер в Геттингене 8 июля

1854 года. В 1818 году он был назначен директором гимназии в Клеве, а в 1819 году – профессором теологии в Боннском университете. В 1831 году он принял вызов в Геттингенский университет, где и провел остаток своей жизни. Его репутация основывается главным образом на его «Церковной истории». В «Энциклопедии Шаффа-Герцога» говорится, что эта работа является в своем роде «одним из самых замечательных произведений немецкой образованности, отличающимся огромной эрудицией, точностью и тщательным подбором отрывков». А «Энциклопедия Макклинтока и Стронга» заявляет, что это «вне всякого сомнения, самый ученый, верный и беспристрастный компендиум по истории церкви, который когда-либо появлялся».

Филипп Шафф, доктор философии, доктор права. Родился в Койре, Швейцария, 1 января 1819 года. Он учился в Койре, в гимназии в Штутгарте, а также в университетах Тюбингена, Галле и Берлина. После путешествия по Европе в качестве воспитателя прусского дворянина он стал преподавателем экзегетики и церковной истории в Берлинском университете. С 1843 по 1863 год он был профессором Немецкой реформатской богословской семинарии в Мерсерсбурге, штат Пенсильвания. После этого он читал лекции по истории церкви в богословских семинариях Андовера, Хартфорда и Нью-Йорка, а с 1869 года был профессором Богословской семинарии Союза в Нью-Йорке. Он является одним из основателей американского отделения Евангелического альянса и принимал активное участие в советах этой организации как в нашей (*ред.: США*), так и в зарубежных странах. Он был президентом Американского комитета по пересмотру Библии и присутствовал на нескольких заседаниях Британского комитета в Иерусалимской палате в Лондоне. Он является автором многих работ на немецком и английском языках, а некоторые из его трудов переведены на французский, голландский, греческий, русский, китайский, японский, сирийский и арабский языки.

Фредерик Уильям Фаррар, доктор философии, родился в Бомбее, Индия, 7 августа 1831 года. Он получил образование

в Колледже короля Уильяма на острове Мэн, Королевском колледже Лондона, Лондонском университете и Тринити-колледже в Кембридже. В 1854 году он был рукоположен в диаконы Англиканской церкви, а в 1857 году – в священники; в 1876 году стал каноником, а в 1883 году – архидиаконом Вестминстерского собора. Он весьма известен как педагог и сторонник воздержания и является автором многих работ.

Томас де Куинси родился в Манчестере, Англия, 15 августа 1785 года, а умер 8 декабря 1859 года. Он был известен своей дискуссионной силой, а также редким и разнообразным запасом информации. В раннем возрасте он настолько овладел греческим языком, что, по словам его учителя, мог бы перекричать афинскую толпу. Его опубликованные работы многочисленны и наполнены информацией, которая передается в интереснейшей манере.

Уильям Д. Киллен, доктор философии (пресвитерианин), родился в Баллимене, графство Антрим, Ирландия, 5 апреля 1806 года. Он получил образование в Королевском академическом институте в Белфасте, а в 1829 году стал священником Рафо, графство Донегал, Ирландия. В 1841 году он был призван в Белфаст, стал профессором церковной истории и пастырского богословия при Генеральной ассамблее пресвитерианской церкви Ирландии, а в 1869 году – президентом факультета.

Джон Лоренс фон Мосхайм, или Иоганн Лоренц, был выдающимся немецким богословом, кафедральным оратором и историком. Он родился в Любеке в 1694 году, а умер в 1755 году. Он получил образование в Киле, а в возрасте тридцати одного года стал профессором теологии в Хельмштедте, где приобрел широкую известность как преподаватель. В 1747 году он был призван на кафедру теологии в Геттингенском университете с титулом канцлера. Хотя он не был плодовитым автором, он был способным писателем, и его великий труд «Институты церковной истории», первоначально написанный на латыни, был переведен на немецкий, французский и английский языки. Помимо уже упомянутого труда, Мосхайм написал «Комментарии к христианству до времен

Константина Великого» (в этой работе они называются «Экклезиастические комментарии»), «Мораль Священного Писания», труд в девяти томах, а также другие работы, имеющие второстепенное значение. Он также перевел на латынь «Интеллектуальную систему» Кадворта.

Александр Карсон, доктор права, выдающийся ученый и писатель, родился в Ирландии в 1776 году, а умер на родине в 1844 году. Он получил образование в Шотландии, в университете Глазго, и некоторое время был пресвитерианским священником, но верность простому чтению Библии заставила его стать баптистом. Он был плодовитым писателем и автором многочисленных религиозных и богословских работ, среди которых выделяется его исчерпывающий труд под названием «Крещение, его способ и предметы».

Джозеф Бингем был одним из самых ученых богословов, когда-либо воспитанных Англиканской церковью. Он родился в Уэйкфилде, Англия, в 1668 году и получил образование в Оксфорде. Впоследствии он стал стипендиатом Университетского колледжа, но, будучи призванным проповедовать в университете, он высказал некоторые мнения о Троице, которые, будучи расценены как еретические, вызвали большую бурю, что заставило его покинуть университет. Однако его взгляды не попали под запрет церкви, и впоследствии он получил приход в Гаванте, в Хэмпшире, где и оставался до самой смерти в 1723 году. Главным трудом его жизни стали «Древности христианской церкви», состоящие из восьми томов, последний из которых вышел в 1722 году. В «Библейской, богословской и церковной энциклопедии» Макклитока и Стронга об этом труде сказано: «Эта великая работа является совершенным репертуаром фактов в церковной археологии и не была заменена или даже приближена в своем роде ни одной книгой, созданной с тех пор». Она была переведена и напечатана на немецком языке католиками.

Генри Харт Милман, доктор философии, выдающийся церковный деятель Англиканской церкви, родился в Лондоне в 1791

году и умер в том же городе в 1868 году. Он получил образование в Итоне и Оксфорде, где получил степени бакалавра и магистра. Мистер Милман был автором множества работ, но именно историческим трудам он в основном обязан своей славой ученого. Его «История евреев» была впервые опубликована в 1829 году, а еще позже – «История христианства от рождения Христа до отмены язычества в Римской империи». Однако наибольшую известность ему принесла работа «История латинского христианства, включая пап до понтификата Николая V». Эта работа состоит из восьми томов и была опубликована в Лондоне и Нью-Йорке в 1854 году. Хотя сама по себе она является полной, на самом деле она является продолжением книги автора «История христианства». Среди других работ Милмана – «Жизнь Кита» и «Еврейские пророчества». В 1849 году Милман был назначен деканом собора Святого Павла, эту должность он занимал до самой смерти. До этого он был настоятелем церкви Святой Маргариты, а также настоятелем и каноником Вестминстера.

Сократ Схоластик, церковный историк, родился в Константинополе около конца пятого века. Он получил образование в Александрии, где некоторое время занимался юридической практикой и преподавал философию. В конце концов, однако, он, по-видимому, полностью посвятил себя изучению церковной истории и во второй половине своей жизни взялся написать историю церкви с 309 г. н.э., на котором заканчивается история Евсевия, до своего собственного времени; работа, состоящая из семи книг, была завершена, однако, только до 440 г. н.э. О Сократе сказано, что «он считается самым точным и рассудительным из трех продолжателей истории Евсевия, менее витиеватым в своем стиле и более осторожным в своих утверждениях, чем Созомен, и менее доверчивым, чем Феодорит». Как и все ранние церковные историки, он был католиком, но «его беспристрастность проявляется так ярко, – говорит Ваддингтон, – что его ортодоксальность вызывает сомнения у Барония, знаменитого римско-католического историка; но Валесий в своей жизни показал, что для таких подозрений нет

никаких оснований», и теперь он пользуется большим уважением у романистов в целом.

Адольф Харнак, доктор философии, родился в Дерпте (Россия) 7 мая 1854 года. В 1869-1872 гг. он учился в знаменитом университете своего родного города, в 1874 г. стал репетитором в Лейпциге, а в 1876 г. – профессором. В 1879 году он стал профессором церковной истории в Гиссене, а в 1886 году – в Марбурге. Его репутация как ученого и автора была очень высока в богословском мире.

Э. Дж. Ваггонер

ЯЗЫЧЕСТВО В «ХРИСТИАНСТВЕ»

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 19,24. Тираж 150 экз.

Контактные данные и информация:
Адрес эл. почты: an.bokertov@gmail.com
Сайт: <https://zhazhda-cerkov.com>

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК